

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования

«Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Трынкина Дарья Александровна

**Эвгемеристическая теория о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии
Британских островов в трудах викторианских ученых**

Специальность – 07.00.07 этнография, этнология и антропология

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., проф., чл.-корр РАН Арутюнов Сергей Александрович

Москва – 2015

Содержание:

Введение.....	3
Обзор историографии.....	9
Обзор источников.....	18
Глава I. Предпосылки утверждения эвгемеристической теории о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии к началу XIX в.....	26
Глава II. Введение и утверждение в Британии эвгемеристической теории о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии в первой половине XIX в.....	92
Глава III. Дальнейшее развитие и закат эвгемеристической теории о саамах как персонажах низшей мифологии во второй половине XIX в.....	152
Заключение.....	220
Список источников.....	236
Список литературы.....	246

Введение

Эвгемеризм – эллинистическая концепция интерпретации религии, связанная с именем Эвгемера Мессенского (340-260 до н.э.), согласно которой некоторые боги были некогда людьми, впоследствии получившими божественный статус. Эвгемеристический подход, пройдя античность, продолжил свое существование в трудах отцов церкви, через них он проник в средневековые хроники, и к Новому времени стал наравне с аллегоризмом одним из ведущих методов анализа мифов в среде европейских ученых. Большинство эвгемеристическому анализу подвергались фигуры персонажей высшей мифологии, языческие боги.

В британской традиции эвгемеристическая традиция была тесно связана с развитием этого метода в скандинавских странах. Пролог к «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона заложил основы применения этого метода по отношению к Одину и асам. В Новое время это толкование было расширено до ассоциации асов с неким азиатским народом, предками всех германцев. В средневековой скандинавской традиции были совершены первые попытки применить эвгемеристический метод к такому классу мифологических персонажей как карлики. Тем не менее, хотя мифологические карлики и ассоциировались с людьми, к определенному народу они не приравнивались. Впервые идея о том, что прообразом мифологических карликов был вполне реальный народ, саамы, была высказана в работе швейцарского профессора Поля Анри Малле в середине XVIII века. Нас будет интересовать существование этой концепции в трудах британских ученых, так как за достаточно короткий период она была привязана к местным реалиям, и её развитие происходило именно в рамках викторианской науки. Таким образом, **предметом** исследования служит эвгемеристическая теория о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии в контексте восприятия её британскими учеными XIX века.

Объектом исследования является викторианская наука в таких её ипостасях как формирующаяся этнология и фольклористика, которые в то время были тесно связаны друг с другом. Анализируя труды британских ученых XIX века, мы можем выявить как законы развития этих двух научных дисциплин, так и критерии принятия и отсева различного рода теорий, формировавшиеся в зависимости от ряда факторов, которые влияли на развитие науки на протяжении XIX века.

Актуальность темы исследования. Эвгемеристическая теория о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии, имевшая определенное влияние в британской науке XIX столетия, привлекла внимание исследователей достаточно недавно. В книге 1999 года её выделяет профессор Кэрол Сильвер в рамках более широкого эвгемеристического подхода к анализу фольклорного материала в обозначенный период.

В дальнейшем эта идея была отмечена в книге историков Лизанн Хендерсон и Эдварда Дж. Коуэна (2001), в статьях фольклориста Адама Грайдеходжа (2013), и, наконец, в книге специалиста по новой истории Криса Маниаса (2013), получив признание в качестве одной из влиятельных концепций викторианской эпохи. Таким образом, изучение эвгемеристической теории о саамах проходило лишь в начале XXI века, а количество исследователей, непосредственно занимавшихся этой темой, достаточно невелико. Более того, трудов, полностью посвященных этой проблеме, до сих пор нет. Всё это позволяет говорить о том, что в настоящее время существует определенная потребность в написании работы, которая бы не только подытожила выводы предыдущих исследователей, но также включала бы в себя анализ всех основных источников по данной теме. Нужно также отметить, что ни один из вышеперечисленных авторов не поднимал в своем труде проблему предпосылок утверждения эвгемеристической теории о саамах в британской науке, что и послужило причиной того, что в данном исследовании предпосылкам была посвящена отдельная глава.

Хронологические рамки нашего исследования можно в общих чертах обозначить понятием «викторианская эпоха». Профессор Сюзанн Л. Стейнбах указывает, что в настоящий момент большинство ученых отказались от стандартных рамок измерения этого периода временем царствования королевы Виктории (1837-1901), обосновывая это ссылкой на известную проблему о роли личности в истории: если сопоставлять исторические периоды с правлением отдельных лиц, то мерилom истории становятся жизни сравнительно небольшого числа людей. С.Л. Стейнбах пишет, что в нынешнее время начало викторианской эпохи относят то к 1815 году, когда была одержана победа над Наполеоном, то к середине восемнадцатого века, началу индустриализации, то к 1800 году, дабы название эпохи совпадало с началом века, к которому она относилась¹. Последний вариант начала викторианской эпохи мы и использовали в данном исследовании, так как первый труд британского исследователя, в котором появляется эвгемеристическая теория о саамах, датируется 1802 годом.

Верхняя хронологическая граница нашего исследования также входит в рамки викторианской эпохи и относится к 1901 году. Некоторые труды, к примеру, книга Джона Бакена (1902), работа ирландской фольклористки Элизабет Эндрюс (1913) и шотландской писательницы Джесси М. Саксби (1932), выбиваются из этих рамок. Однако во всех трех случаях речь идет о поздней публикации трудов, например, Дж. Саксби писала свою книгу на материале, собранном в молодости (к моменту публикации книги ей исполнилось 90 лет). Все

¹ *Steinbach S.L. Understanding the Victorians. Politics, Culture and Society in Nineteenth-Century Britain. L., N.Y., 2012. P. 3.*

эти труды относятся к викторианской эпохе по своему внутреннему содержанию и были созданы в соответствии с её критериями и стандартами.

Нужно также обратить внимание на то, что наша работа включает в себя анализ источников, формирующих предпосылки и последствия эвгемеристической теории о саамах. В таком случае, самым ранним источником у нас оказывается «История» Геродота (440 г. до н.э.), самым поздним – книга сэра Терри Пратчетта «Маленький свободный народ» (2008). Однако викторианская эпоха остается тем периодом, когда эвгемеристическая теория о саамах была общепризнанным научным подходом. Теория являлась порождением своего времени и полноценно существовала лишь в его границах.

Цель данной работы – проследить эволюцию эвгемеристической теории о саамах в викторианской науке. В связи с этим были поставлены следующие **задачи**: выделить предпосылки, обусловившие интерес к теории П. Малле в британской научной среде в начале XIX века; проследить развитие этой теории в британской этнологии, антропологии, фольклористике и сопряженной с ней скандинавистике; указать причины дискредитации этой теории в конце XIX века и её последствия. Материал работы был организован в соответствии с хронологическим принципом: первая глава посвящена анализу предпосылок утверждения эвгемеристической теории о саамах в среде британских ученых, и её хронологические рамки охватывают IV в. до н.э. – конец XVIII века. Вторая и третья главы посвящены уже анализу развития эвгемеристической теории о саамах в викторианскую эпоху, и каждая из них охватывает по половине XIX столетия. В случае второй и третьей глав мы можем говорить и о проблемном методе, так как различие между ними заключается также в вариантах толкования учеными XIX века интересующей нас теории. На рубеже середины века в способе познания бесписьменного прошлого Европы произошла революция: с открытием Андерсом Ретциусом черепного указателя методы сравнительно-исторического языкознания уступили место методам физической антропологии, прежде всего – измерению найденных в археологических раскопках черепов и сличению их показателей с данными измерений современных народов. Таким образом, изначально существующая в рамках филологических построений эвгемеристическая теория ко второй половине века получает доказательную базу на основе археологического материала. Кроме того, в главах меняется и состав анализируемых научных дисциплин: если в первой половине столетия важную роль в развитии эвгемеристической теории о саамах играла скандинавистика, то в 1850-1860 годах она постепенно сливается с антропологией, и уже невозможно говорить об отдельном изучении этой теории в ее рамках.

В методологии данного исследования мы отталкивались от принципов, заложенных в анализе викторианской антропологии Дж. Стокингом, как писал А.А. Никишенков, «лидером в изучении данной темы»². Дж. Стокинг утверждал, что существует два основных метода изучения прошлого собственной науки. Первый из них – презентизм – это познание прошлого ради настоящего. Более ранние концепции, таким образом, анализируются ради выявления ценности для современных исследований. Второй же, историцизм, являет собой познание прошлого ради самого прошлого. Дж. Стокинг указывал, что второй подход в антропологии был незаслуженно забыт, так как этнологи и антропологи подходили к материалу прошлого с единственной целью: дабы он служил современной науке. В своем монументальном труде «Викторианская антропология» Дж. Стокинг развивает эти идеи. Он утверждает, что изучение антропологии как науки должно сочетать эти два подхода:

«само решение изучать их [викторианских антропологов – Д.Т.] образ мысли в первую очередь отражает наши собственные интересы, будь то «презентистская» или же «историцистская» мотивация. В дополнение к ответам на вопросы, которые задавали они, их образ мысли может дать ответы на вопросы, которые задаем мы, связаны ли они, в первую очередь, с тем, что занимало их умы, или с тем, как мы сегодня оцениваем те же проблемы, или же, возможно, с тем, почему они поднимали определенные вопросы и не обращали внимания на те, которые интересовали антропологов позднее»³.

Таким образом, признавая вслед за Дж. Стокингом самоценность викторианской науки, мы также не оставили без внимания и влияние рассматриваемой нами теории в настоящее время.

Представляется важным также дать определения **терминам**, обозначающим различные классы персонажей низшей мифологии, которые были использованы в данном исследовании. Словосочетанием «мифологические карлики» или же просто словом «карлики» мы будем переводить древнескандинавский термин *dvergr*, производный от него исландский *dvergar*, а также родственные им английский *dwarf* и немецкий *Zwerg*. Название же основного класса персонажей низшей мифологии Британских островов – *fairy*, *faery* или *faerie* будет обозначаться нами как «фэйри». Мы осознанно отвергли перевод этого термина как «феи», так как в отечественной традиции за этим названием закрепилось обозначение сказочных персонажей – безобидных маленьких существ, исполняющих желания. В британской традиции за этим термином закрепилась подобная коннотация лишь в конце XIX века – после того как легенды

² Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб., 2008. С. 33.

³ Stocking G.W. Victorian Anthropology. N.Y., L., 1987. P. 285.

об этих персонажах были обработаны составителями сборников детских сказок, дабы те не пугали маленьких читателей.

Схожими с британскими фэйри являются скандинавские альвы (др.-сканд. *alfar*). В «Старшей Эдде» альвы противопоставляются высшим богам - асам (часто повторяется формула «асы и альвы»), иногда смешиваются с одной стороны с карликами, а с другой - с ванами (группа богов чуть ниже по своему статусу, чем асы). В «Младшей Эдде» Снорри Стурлусон говорит о делении альвов на тёмных (живущих в земле) и светлых (белых). Помимо асов следует также указать йотунов (др.-сканд. *jǫtnar*) и турсов (др.-сканд. *pursar*) – великанов в германо-скандинавской мифологии, противников асов, потомков Имира – первого живого существа, из тела которого был создан мир.

К скандинавской мифологии также относятся селки (*selkie, silkie, sealchie*) – одни из самых популярных персонажей народной демонологии оркнейцев и шетландцев, обладавшие способностью попеременно принимать облик то человека, то тюленя, однако лишались последней возможности с утратой волшебной тюленьей шкуры. Основной же класс сверхъестественных существ в пантеоне низшей мифологии оркнейцев и шетландцев назывался троу (*trow, trowe, trowis, drow*).

Из классов народной демонологии основной части Шотландии нужно выделить неоднократно упомянутых нами брауни, урисков или гругашей (*brùnaidh, ùruisg, gruagach*) – домашних духов, помогающих по хозяйству и присматривающих за скотом. Самым распространенным типом легенд о них является та, в которой вместо молока добросердечные хозяева оставляют им одежду, что приводит к немедленному покиданию дома опечаленным духом.

Кроме того, мы будем оперировать названиями ирландских персонажей, изначально принадлежащих к высшей мифологии, а затем вошедших в народные верования. Это племена богини Дану (*Tuatha Dé Danann*) – основные персонажи низшей мифологии Ирландии, «люди холмов», и фоморы (*Fomoir, Fomoiri*) – мифические существа, олицетворявшие темные, подземные силы.

Напоследок коснемся также того факта, что викторианцы достаточно свободно оперировали понятиями «народ», «раса» и «нация», и зачастую эти термины в их рассуждениях выступали как синонимы и были взаимозаменяемы. Более того, временами в них вкладывали значение, совершенно отличное от нынешнего. О любопытном толковании слова «раса» в викторианскую эпоху профессор Эдвард Бисли пишет следующее:

«Они [викторианцы – *Д.Т.*] по собственной прихоти применяли слово «раса» к любым группам, вне зависимости от того, были ли их участники объединены идеей общего происхождения или нет. Используя сейчас это слово в его тогдашнем значении, можно было бы без преувеличения говорить о расе лондонских таксистов или расе калифорнийских профессоров (...) Генри Мэйхью в своем тщательно изученном многотомном описании социальных групп Лондона в 1850 и 1860 годах, как известно, писал об отвратительных условиях жизни лондонских детей различных профессий, но также останавливался на их умственном развитии, при этом не преминув упомянуть форму черепов «расы» трубочистов, «расы» сборщиков мусора, и т.д.»⁴.

Все использованные нами работы цитировались с сохранением авторской терминологии, однако комментируя их, мы применяли понятия, соответствующие современным научным критериям.

⁴ *Beasley E.* The Victorian Reinvention of Race: New Racisms and the Problem of Grouping in the Human Sciences. N.Y., L., 2012. P. 2.

Обзор историографии

Викторианская антропология как отдельное направление начинает привлекать внимание ученых в шестидесятые-семидесятые годы XX века, когда сотрудничество структурных функционалистов с колониальными властями выявило недостатки их подхода и позволило пересмотреть критику науки XIX в., столь беспощадно обрушенную на неё первой волной функционалистов. В это время была написана классическая монография Дж.М. Барроу «Эволюция и общество: изучение викторианской социальной теории»⁵, а также вышел сборник очерков американского специалиста в области истории науки Дж. Стокинга⁶, в которых он утверждал ценность познания викторианской антропологии с позиции использования как презентистского, так и историцистского методов. С точкой зрения Дж. Стокинга соглашается Джеймс Урри, полагая, что различные антропологические теории нужно изучать в рамках их исторического контекста⁷, а позднее также Хенрика Куклик, которая во введении к сборнику «Новая история антропологии»⁸ (она также выступает в нем главным редактором) отдает дань подобному смешанному подходу в анализе истории науки. Из сравнительно недавних работ в том же ключе можно назвать книгу Э. Сера-Шриара «Создание британской антропологии, 1813-1871»⁹, автор которой выступает в поддержку своего рода «реабилитации» раннего этапа развития британской антропологии, доказывая, что обвинения викторианских ученых в отсутствии критики источников и общей «кабинетной» направленности науки, не всегда справедливы.

Несколько иная ситуация царил в изучении викторианской фольклористики. Монументальный труд Р.М. Дорсона, написанный в 1968 году, «Британские фольклористы: история» до сих пор является непревзойденным исследованием истории фольклористики вплоть до событий Первой Мировой войны. Парадоксально, что сам Р.М. Дорсон полагал, что после этой трагедии изучение фольклора угасает, так как раннее поколение фольклористов-любителей ушло со сцены, а сама фольклористика как наука, в отличие от антропологии, не завоевала академического признания. Тем не менее, изучение фольклора продолжалось, хотя с развитием индустриализации и переселением большинства населения в города традиционные формы фольклора начинают исчезать, что сказалось и на темпах развития фольклористики.

Историография викторианской фольклористики также не оставалась без внимания исследователей. В семидесятые годы была выпущена серия фольклорных сборников различных

⁵ *Burrow J.W.* Evolution and the Society: A Study in Victorian Social theory. Cambridge, 1966.

⁶ *Stocking G.W.* Race, Culture and Evolution: Essays in the History of Anthropology. N.Y., 1968.

⁷ *Urry J.* Before Social Anthropology: Essays on the History of British Anthropology. Chur, 1993.

⁸ *Kuklick H.* Introduction // A New History of Anthropology. Edit. H. Kuklick. Oxford, 2008. P. 1-17.

⁹ *Sera-Shriar E.* The Making of British Anthropology. L., 2013.

регионов Великобритании, где историографическая составляющая обязательно включала в себя перечень фольклористов XIX века. Однако лишь в девяностые – начало двухтысячных годов были изданы работы, расширившие идеи Р.М. Дорсона за счет анализа методологии викторианской фольклористики, а также включающие в себя непосредственно анализ интересующей нас концепции.

Викторианская теория о том, что аборигенным населением Британских островов были саамы, была замечена исследователями достаточно недавно. Впервые на неё обратила внимание литературовед и историк викторианского периода, профессор Кэрол Сильвер. Теория была описана в её блестящем труде «Странный и таинственный народ: фэйри и викторианское сознание»¹⁰, где К. Сильвер рассматривает различные аспекты восприятия викторианцами низшей мифологии Британии: в повседневной жизни, в искусстве и в науке. Кроме того, она прослеживает эволюцию этих персонажей через весь XIX век: от прекрасных и опасных созданий, в которых верили даже образованные люди, до персонажей детских сказок, безобидных существ, исполняющих желания. Как указывает сама К. Сильвер, в её монографию в виде отдельных глав были включены переработанные версии её статей, написанных в течение двадцати лет работы над этой темой¹¹.

В первой главе «О происхождении фэйри» К. Сильвер излагает три возможных подхода толкования феномена низшей мифологии среди викторианских ученых. В первую очередь она называет религиозный подход, в рамках которого фэйри считались действительно существующими духовными сущностями. С ним был также сопряжен подход спиритуалистов и теософов, полагавших, что фэйри – это некая иная форма жизни, пока ещё толком не исследованная. Нас будет интересовать третий, научный подход, который объяснял существование персонажей низшей мифологии через привязку их к реальным объектам, которые неким образом якобы трансформировались в народном сознании. К. Сильвер в рамках этого подхода упоминает идеи Ф.М. Мюллера о мифах как «болезни языка», сравнительно-эволюционный метод, а также впервые выделяет в качестве отдельной школы викторианской фольклористики эвгемеристическое толкование феномена низшей мифологии. В рамках последней, в первую очередь, она перечисляет общие работы, авторы которых, как, например, Дж.Л. Гомм, относили появление низшей мифологии к конфликту народов, обладающих разного типа хозяйства и культуры. Следующими она упоминает работы, в которых прообразами персонажей низшей мифологии Британии представлены друиды или ранние

¹⁰ Silver C. *Strange and Secret Peoples: Fairies and Victorian Consciousness*. Oxford, 1999.

¹¹ Silver C. *On the Origin of Fairies: Victorians, Romantics, and Folk Belief // Browning Institute Studies. The Victorian Threshold*. 1986. Vol. 14. P. 141-156; *Ibid.* "East of the Sun and West of the Moon": Victorians and Fairy Brides // *Tulsa Studies in Women's Literature. Woman and Nation*. Autumn, 1987. Vol. 6. No. 2. P. 283-298.

ирландские переселенцы, однако К. Сильвер, хотя и называет имена авторов, занимавшихся разработкой этой теории, ссылается на них через пересказ в работах Р. Саути и У. Сайкса. Указывая, что этот вариант эвгемеристического толкования не получил большого распространения, К. Сильвер затем останавливается на идее о том, что именно саамы в качестве аборигенов Британских островов пришли на смену друидам и ирландцам. К. Сильвер указывает, что источником этой идеи была работа П. Малле «Северные древности», откуда затем её почерпнул сэр В. Скотт. Далее она приводит ряд работ, в которых разрабатывалась эта идея: труды Я. Гримма, скандинавистов Б. Торпа и Дж. Дасента, фольклористов Дж.Ф. Кэмпбелла, Ф. Холла, С. Баринг-Гоулда и К. Блинда. Основываясь именно на работах всех вышеперечисленных авторов, как пишет К. Сильвер, и создал свою «теорию о пигмеях» Д. МакРитчи, который в своей книге соотнес филологические, топографические, фольклорные и археологические данные. К. Сильвер указывает в числе противников теории Д. МакРитчи Э. Лэнга, А. Натта и Э.С. Хартланда, в качестве сторонников – Дж. Джакобса, полковника Р.Г. Халибёртона и Э. Эндрюс, а также указывает, что умеренную поддержку его идеям оказал Дж. Рис. Каждого из вышеперечисленных авторов К. Сильвер дополняет кратким изложением их воззрений.

Подведя, таким образом, историографию данного направления, К. Сильвер вписывает её в контекст одного из своих очерков «Маленький народ гоблинов: о карликах и пигмеях, расовых мифах и мифических расах». К. Сильвер указывает, что обнаружение в 1870 году Г. Швейнфуртом африканских пигмеев было, своего рода, культурным шоком для европейцев, так как большей частью уже к XVII веку их существование вызывало сомнения. Попытки классифицировать пигмеев привели к тому, что последователи теории Ч. Дарвина считали их тем самым «недостающим звеном» между человеком и обезьяной, а полицентристы полагали их доказательством своей концепции. Уже Г. Швейнфурт предположил, что пигмеи могли быть аборигенным населением Африки, а позже эту концепцию развил в своих трудах Д. МакРитчи, расширив толкование Г. Швейнфурта на весь земной шар. К. Сильвер специально указывает, что британские путешественники и исследователи, столкнувшись с пигмеями, неосознанно сравнивали их с персонажами низшей мифологии: лепреконами, гоблинами, брауни, имевшими низкий рост. Именно на основе этой идеи, как она замечает, и была построена концепция Д. МакРитчи, полагавшего, что за рассказами о персонажах народной демонологии стоит воспоминание о некой низкорослой аборигенной расе, до сравнительно недавнего времени заселявшей весь мир. В её основе лежала, как пишет К. Сильвер, дискредитированная ныне «теория о туранцах», основывающаяся на том, что в скандинавской мифологии в образе карликов были описаны некие представители расы более древней, чем Homo Sapiens. Нужно

отметить, что в этом утверждении заключено некое преувеличение: наше исследование не выявило случаев, когда бы викторианские авторы не включали в вид *Homo Sapiens* народы, принадлежащие к т.н. «туранской расе».

Концепция Д. МакРитчи вскоре, как указывает К. Сильвер, была развита в трудах Р.Г. Халибёртона, который якобы открыл неких пигмеев в Испании, а в 1893 году швейцарский ученый Ю. Колльманн обнаружил захоронение близ города Шаффхаузен, в котором, по его мнению, находились останки пигмеев. Всё это, как заключает К. Сильвер, породило своего рода массовую истерию в викторианском обществе. Сама идея о том, что подобного рода пигмеи, «ошибки эволюции», могут сосуществовать вместе с основным населением до сих пор, поражала воображение широкой публики и вдохновляла писателей и художников того времени. Подобным воображаемым европейским пигмеям приписывали звериные черты, их считали тем самым «недостающим звеном» и изображали как недалеко ушедших в своем развитии от приматов. В конечном итоге, как заключает К. Сильвер, подобного рода восприятие пигмеев в сочетании с изначально предвзятым представлением о карликах, которым приписывались сверхъестественные черты, послужило опорой многочисленных расистских предрассудков и укрепило риторику и практику империализма.

В вышедшей двумя годами позже монографии о низшей мифологии Шотландии¹² за авторством историка, преподавателя университета Глазго Лизанн Хендерсон и почетного профессора того же университета Э.Дж. Коуэна также упомянуто эвгемеристическое направление в качестве одного из методов анализа народной демонологии в викторианскую эпоху. Среди прочих методов того времени Л. Хендерсон выделяет идеи эволюционистов о том, что прообразом персонажей низшей мифологии на самом деле являются духи мертвых, называя в числе сторонников этой концепции Э. Лэнга и американского антрополога У. Эванс-Уэнца. Кроме того, она упоминает и широко бытовавшие религиозные представления о том, что фэйри – это падшие ангелы. Однако Л. Хендерсон уделяет отдельное внимание эвгемеристическому методу, останавливаясь на доктрине Д. МакРитчи о том, что фэйри якобы были действительно существовавшей низкорослой расой, аборигенным пиктским населением Шотландии. Л. Хендерсон отмечает, что за тридцать лет до Д. МакРитчи идею об ассоциации фэйри и пиктов уже высказывал шотландский фольклорист Дж.Ф. Кэмпбелл. В качестве последователя концепции Д. МакРитчи она называет У.Т. Деннисона, оркнейского фольклориста XIX в. Л. Хендерсон указывает, что огромную роль в развитии эвгемеристического подхода сыграла ассоциация пиктов с персонажами низшей мифологии, которая была основана на идее о том, что брохи и другие постройки железного века Шотландии, сооружение которых приписывалось

¹² *Henderson L., Cowan E.J. Scottish Fairy Belief: A History. Edinburgh, 2001.*

пиктам, имели очень низкие входы и узкие лесенки. Более того, многие из хозяйственных построек, возведенных со времен римского завоевания и до VII в., изначально находились под землей и имели крыши с низкими скатами. Таким образом, по её мнению, пиктам был приписан низкий рост, за счет чего они со временем и были приравнены к персонажам низшей мифологии. В заключение, Л. Хендерсон указывает, что эвгемеристическая идея, ассоциирующая пиктов и персонажей низшей мифологии, которая была основана на археологическом материале, противопоставляется теории, соотносившей фэйри и друидов, которая ранее была упомянута К. Сильвер и базировалась на материале книжной традиции.

Работы К. Сильвер, Л. Хендерсон и Э.Дж. Коузена упоминает в своей кандидатской диссертации американский исследователь А. Грайдходж, указывая, что их авторы впервые обратили внимание на существование эвгемеристической теории о низшей мифологии в викторианскую эпоху. Его диссертация, посвященная исследованию влияния низшей мифологии Шетландских островов на современное экономическое развитие архипелага¹³, нашла свое воплощение в двух статьях¹⁴, однако материал в них подан достаточно кратко, а некоторые выводы отсутствуют и вовсе, поэтому мы работали с текстом самой диссертационной работы

А. Грайдходж указывает, что имя Д. МакРитчи сегодня редко упоминается в научной среде, так как его идеи не выдержали проверку временем. Тем не менее, А. Грайдходж считает, что с забвением этих идей канет в Лету и сам рациональный принцип, содержащийся в методике анализа низшей мифологии в викторианской науке.

А. Грайдходж полагает, что концепция Д. МакРитчи являлась следствием интереса к бытовавшим в то время различным методам познания происхождения европейских народов, к которым он относит как сравнительно-историческое языкознание, так и различные теории в физической антропологии. Он перечисляет предшественников Д. МакРитчи, исходя при этом, как представляется, из историографии, составленной самим Д. МакРитчи и помещенной им в книгу «Фианы, фэйри и пикты». А. Грайдходж последовательно упоминает сэра В. Скотта, С. Нильссона и Дж.Ф. Кэмпбелла, в книге же Д. МакРитчи эти три ключевых автора также выделены и появляются в обратном порядке. А. Грайдходж критикует В. Скотта за то, что тот, приписывая народной памяти способность хранить воспоминания о переселении европейских

¹³ *Grydehøj A. Historiography of Picts, Vikings, Scots, and Fairies and Its Influence on Shetland's Twenty-First Century Economic Development. A thesis presented for the degree of PhD in Ethnology and Folklore at the University of Aberdeen, 2009.*

¹⁴ *Grydehøj A. Ethnicity and the origins of local identity in Shetland, UK—Part I: Picts, Vikings, Fairies, Finns, and Aryans // Journal of Marine and Island Cultures. June 2013. Volume 2. Issue 1. P. 39–48; Ibid. Ethnicity and the origins of local identity in Shetland, UK – Part II: Picts, Vikings, Fairies, Finns, and Aryans // Journal of Marine and Island Cultures. December 2013. Volume 2. Issue 2. P. 107–114.*

народов на нынешние места обитания, не объясняет, почему эта память трансформировала воспоминания о встреченных аборигенах в персонажей низшей мифологии. Однако если смотреть на ситуацию в историческом контексте, то становится ясно, почему В. Скотту не было нужды объяснять подобный феномен. Готицистическая традиция, бытовавшая в Англии и Шотландии в XVIII в. в качестве варианта толкования далекого прошлого, по сути своей основывалась на идее, согласно которой Один признавался реально существовавшим историческим персонажем, который привел переселенцев из Азии в Скандинавию (в основе это идеи лежал эвгемеристический пролог из Младшей Эдды Снорри Стурлусона). Один становится богом в народной памяти, обретя сверхъестественные черты, точно так же, как и саамы становятся мифологическими карликами.

Аргументация же Дж.Ф. Кэмпбелла и вовсе представляется А. Грайдходжу цикличной: как он пишет, Дж.Ф. Кэмпбелл исходит из того, что его наблюдения за саамами наводят его на мысли о европейских персонажах низшей мифологии, затем он ищет свидетельства того, что вся Европа когда-то была населена народом, в высшей степени похожим на саамов, а свидетельством этого для него является современное существование басков и саамов. Тем не менее, мы не можем разделить подобное толкование. Дж.Ф. Кэмпбелл лишь дополнил собственным материалом, собранным им в поездке по Лапландии, уже существовавшую к тому времени эвгемеристическую теорию о том, что персонажи низшей мифологии могут иметь своим прообразом древнейшее население Британских островов, присовокупив к ней данные скандинавских антропологов, считавших, что аборигенами Британии могут быть саамы.

А. Грайдходж достаточно подробно анализирует идеи Д. МакРитчи, указывая, что они находятся в русле тайлоровской антропологии. Отличительными признаками созданной Д. МакРитчи аборигенной расы, как пишет А. Грайдходж, являются каяки, оленеводство, лыжи, низкорослость, повышенный третичный волосяной покров и удивительная сила. В конечном итоге, заключает А. Грайдходж, в рамках своей работы Д. МакРитчи устанавливает родство между саамами, финнами, скридефиннами, скрэлингами, чудью, эскимосами, русалками, селки, пиратами с Гебридских островов, троу, великанами, карликами, фэйри, брауни, ведьмами, друидами, племенами богини Дану, круитни, финнами, пиктами, айнами, чукчами, онкилон и Санта Клаусом.

В числе критиков теории Д. МакРитчи А. Грайдходж упоминает А. Натта и Э.С. Хартланда. Последний, как полагает А. Грайдходж, разбил наголову Д. МакРитчи на его собственном поле: в то время как остальные критиковали части его теории, исторические или этимологические построения, Э.С. Хартланда обратился к критике именно фольклорного

материала, так как сам занимался сравнительной фольклористикой. В числе же сторонников Д. МакРитчи А. Грайдходж называет Дж. Джакобса, диффузиониста, полагая, что идеи Д. МакРитчи могли служить для него подспорьем для доказательства собственных построений: А. Грайдходж указывает, что если исходить из концепции Д. МакРитчи, не только легенды и сказки могли перемещаться в пространстве, но и, собственно, стимул, благодаря которым они сочинялись. Помимо Дж. Джакобса, А. Грайдходж указывает, что идеи Д. МакРитчи разделяли также Дж. Рис, Э. Эндрюс и Р.Г. Халибёртон. Последний, по мнению А. Грайдходжа, является сторонником «расистского эволюционизма», в то время как сам Д. МакРитчи, как он полагает, напротив, симпатизировал описанной им низкорослой расе, и считал, что ее представители не достигли тех же высот развития, что и индоевропейцы, только потому, что последние завоевали их земли и изгнали их с них, из-за чего те были вынуждены существовать в суровых климатических условиях.

А. Грайдходж также обращает внимание на то, какое влияние оказала концепция Д. МакРитчи на развитие метода анализа низшей мифологии в научной традиции Шетландских островов (впервые эта идея была высказана шотландским фольклористом Аланом Бруфордом в очерке о персонажах низшей мифологии Оркнейских и Шетландских островов и их эвгемеризации¹⁵). А. Грайдходж развивает собственную концепцию о некоем элементе «макритчиизма», подразумевая под этим эвгемеристическую теорию в её толковании Д. МакРитчи, которая с конца девятнадцатого и до конца двадцатого века, по его мнению, была преобладающим методом анализа народной демонологии у шетландских фольклористов. Нужно отметить, что, хотя влияние Д. МакРитчи безусловно просматривается у многих шетландских филологов, все же называть этот метод «макритчиизмом», на наш взгляд, не совсем корректно, так как идеи Д. МакРитчи были лишь одним из элементов в общем эвгемеристическом толковании низшей мифологии, которое, действительно, преобладало в шетландской, а также оркнейской историографии. Помимо концепции Д. МакРитчи, ученые северных островов Шотландии также использовали идеи Дж.Ф. Кэмпбелла, К. Блинда и Дж. Риса.

В антропологии же представление о рассматриваемой теории появилось позже и благодаря работам фольклористов, что определенным образом повторяет развитие самой эвгемеристической теории о саамах в викторианской науке. Специалист по новой истории, преподаватель университета Манчестера Крис Маниас в своем труде «Раса, наука и нация:

¹⁵ *Bruford A. Trolls, Hillfolk, Finns, and Picts: The Identity of the Good Neighbors in Orkney and Shetland // The Good People: New Fairylore Essays. NY, 1991. Lexington, 1997. P. 116-141.*

реконструируя далекое прошлое в Британии, Франции и Германии»¹⁶ среди прочих гипотез также уделяет достаточно внимания и теории о саамском происхождении аборигенов Британии. Главной задачей его книги является выявление общих тенденций в понимании бесписьменного периода собственного народа у британских, французских и немецких ученых. Главы в его книге сформированы в хронологическом порядке, в каждой рассматривается некий аспект этой темы в рамках той или иной науки: филологии, археологии, этнологии и антропологии.

Прежде всего, К. Маниас обращает внимание на толкование присутствия в Европе неиндоевропейских народов в рамках сравнительно-исторического языкознания первой половины XIX века. Он указывает, что миграция на нынешние места проживания басков, саамов и финнов не отражалась в исторических источниках, и поэтому они считались доиндоевропейским населением Европы. По его словам, эта концепция нашла свое воплощение в трудах Дж.К. Причада и Ф.М. Мюллера

К. Маниас пишет о внедрении к середине XIX века концепции А. Ретциуса в трехвековую схему истории, предложенную К. Томпсеном, благодаря чему население Европы каменного века стало считаться брахицефальным по черепному указателю и родственным современным саамам, баскам и эскимосам. Он указывает, что выводы шотландского археолога Д. Уилсона о едином для Британии и Сканинавии доиндоевропейском населении были вдохновлены достижениями шведской и датской краниологии, а также этнологическими построениями Дж. Причарда.

Однако, как пишет далее К. Маниас, в шестидесятые годы П. Брока, также полагававший, что саамы и финны обладают брахицефальной формой черепа, изменил свои взгляды о басках: он высказала идею, что они обладают долихоцефальной формой черепа, и стал считать басков отдельным от финно-угров неиндоевропейским народом. К. Маниас замечает, что Дж. Турнам, британский антрополог, в то же время проводивший измерения черепов басков, соглашается с выводами П. Брока, и, более того, после анализа черепов из древнейших захоронений Британии, Дж. Турнам также приходит к выводу, что древнейшее население Британии могло бы баскским по своему происхождению. В этом, по мнению К. Маниаса, можно видеть влияние французских ученых на британскую науку.

Однако «теория о саамах» является для К. Маниаса лишь второстепенным вопросом. Ранее им была выпущена статья, посвященная исследованию вопроса викторианской концепции об иберах как древнейшем населении Британских островов, она же вошла в его

¹⁶ *Manias C. Race, Science, and the Nation: Reconstructing the Ancient Past in Britain, France and Germany. N.Y., 2013.*

книгу как одна из глав¹⁷. Он даже не включает саамский компонент в качестве одной из составляющих в свою схему изменения представлений об аборигенах Британии «кельты-иберы», вероятно, не придавая ему слишком большого значения.

Таким образом, оценивая историографию данного вопроса на настоящий момент, можно отметить, что со времени обозначения К. Сильвер этой проблемы исследования других авторов лишь дополняли её анализ подобранным ими материалом. Л. Хендерсон снабдила её данными по археологии Шотландии, А. Грайдходж привел сведения о фольклористике Шетландских островов, а К. Маниас наметил её роль в викторианской антропологии. Тем не менее, у всех рассмотренных нами трудов есть общая черта – они не касались разработки этой проблемы напрямую. Во всех четырех работах эта теория занимает второстепенное место, служа своего рода дополнением к основным идеям авторов, поэтому написание работы, посвященной именно ей, представляется достаточно перспективным направлением.

¹⁷ *Manias C.* “Our Iberian Forefathers”: The Deep Past and Racial Stratification of British Civilization // *The Journal of British Studies*. October 2012. Vol. 5. Issue 04. P. 910-935.

Обзор источников

Тематика данного исследования позволила нам объединить в рамках этой работы источники разного рода. Изначально речь пойдет о тех из них, которые создали необходимую базу для написания раздела о предпосылках утверждения эвгемеристической теории о саамах в среде викторианских ученых.

В первую очередь, это **исторические источники раннего средневековья**: произведение Корнелия Тацита «О происхождении, расположении, нравах и населении Германии», «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» Прокопия Кесарийского, «Церковная история народа англвов» Беды Достопочтенного, работа Иордана «О происхождении и деяниях гетов», труд Павла Диакона «История лангобардов», рассказ норманна Оттара из перевода короля Альфреда «Истории против язычников» Павла Орозия, «История бриттов» валлийского историка Ненния, труд Ассера, епископа Шерборна, «Жизнь короля Альфреда» и «Латинская хроника» Этельварда, эрла Уэссекса. Кроме того, мы задействовали ряд работ, хронологически относящихся уже к началу **высокого средневековья**: «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского, «Анналы Тигернаха», названные так по имени аббата монастыря Клонмакнойс (ум. в 1088 г.), «История народа Альбы» (X в., создана в сер. VII в.) – генеалогии королей Дал Риады в Шотландии и «Песнь скоттов» (самый ранний манускрипт, в котором она сохранилась, датируется XV в., создана в XI в.) – гэльской поэтической версии «Истории бриттов» Ненния с обширными вкраплениями шотландской истории¹⁸.

Хронологически далее мы можем выделить группу **исторических сочинений британских авторов эпохи Возрождения**: труд Джона Бейла, очерки Уильяма Харрисона в «Хрониках Холиншеда», произведение Джона Мэера, работа Гектора Боэция, фундаментальный труд Джорджа Бьюкенена, работы Джона Стоу, монументальный труд Уильяма Кемдена, произведение Джона Твайна, работа Томаса Крейга, книга Уолтера Рэли, так

¹⁸ *Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. Т. I. Ленинград, 1969. С. 353-373; *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М., 1950; *Бедя Достопочтенный*. Церковная история народа англвов. СПб., 2001; *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб, 2001; *Paulus Diakonus*. Geschichte der Langobarden. Hamburg, 1838; Орозий короля Альфреда (конец IX в.) // *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 13–35; *Ненний*. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 171-194; *Asser*. Asser's Life of Alfred // *Old English chronicles: including Ethelwerd's chronicle, Asser's Life of Alfred, Geoffrey of Monmouth's British history, Gildas, Nennius, together with the spurious Chronicle of Richard of Cirencester*. L., 1906. P. 41-86; *Æthelwerd*. Ethelwerd's chronicle // *Old English chronicles: including Ethelwerd's chronicle, Asser's Life of Alfred, Geoffrey of Monmouth's British history, Gildas, Nennius, together with the spurious Chronicle of Richard of Cirencester*. P. 1-40; Из «Деяний архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского (пер. Рыбакова В.В.) // Из ранней истории шведского государства: первые описания и законы (отв. ред. Сванидзе А.А.). М., 1999. С. 57-111; *The Annals of Tigernach* (edit. by Stokes W.). P., 1895; *Senchus fer n-Alban* // *Early sources of Scottish history, A.D. 500 to 1286* (trans. by Anderson A.O.). Vol. I. Edinburgh, 1922. P. cl-cliii; *The Duan Albanach* // *Chronicles of the Picts, chronicles of the Scots* (edit. by Skene W.F.) Edinburgh, 1867. P. 57-65.

и оставшаяся незаконченной, труд Александра Росса и комментарии Джона Селдена к поэме «Полиольбион» Майкла Дрейтона¹⁹. К этой же группе примыкают **произведения эпохи Просвещения**: труды И. Джонса, У. Чарльтона и Дж. Уэбба, Роберта Сиббальда, Ричарда Верстегана, Джона Хэйра, Эдуарда Стиллингфлита, Роберта Шерингама, Айлетта Саммса, сэра Уильяма Темпла, Джона Джексона, Дж. Тиррелла, Фрэнсиса Вайса, Генри Хоума (лорда Кеймса), Джорджа МакКензи, Томаса Иннеса, Джона Далримпла, Джона Пинкертона, Джона Джеймисона, Джеймса Макферсона, а также лорда Монбоддо, Джеймса Бёрнетта²⁰.

Кроме того, для раскрытия этой темы были задействованы **картографические данные**: «География» Клавдия Птолемея и дополнения к ним Клавдия Клавуса, «Космография» географа из Равенны, собрание карт Якоба Циглера, «Carta Marina» Олафа Магнуса, «Английский атлас» Мозеса Питта²¹, а также **литература путешествий**: книга австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московитских делах», «Путешествие в северные страны» Пьера Мартина де-Ламартиньера, описание поездки по Лапландии Обри де Ла Моттре, изданное во втором томе «Путешествий по Европе, Азии и части Африки» (1723),

¹⁹ *Bale J.* The actes of Englysh Votaryes. Antwerp, 1546; *Holinshed R.* Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. I. L., 1807; *Major J.* A History of Greater Britain. Edinburgh, 1892 (1st edition 1521); *Boece H.* The history and chronicles of Scotland. Edinburgh, 1821 (1st edition 1527); *Buchanan G.* The history of Scotland. Vol I-IV. Glasgow, 1827 (1st edition 1582); *Stow J.* The Annals of England. L., 1603; *Camden W.* Britannia: Or a Chorographical Description of Great Britain and Ireland. L., 1722 (1st edition 1586); *Twyne J.* Bolingdunesis, Angli, de rebus Albionis, Britannicis, atque Anglicis commentariorum. L., 1590; *Craig T.* Jus feudale. Vol. I-II. Edinburgh, 1934 (1st edition - 1603); *Raleigh W.* The History of the World. Vol. I. L., 1614; *Ross A.* Mystagogus Poeticus, or The Muses Interpreter. L., 1648; *Drayton M.* Poly-Olbion // The Works of the British Poets. Vol. III. L., 1795. P. 239-540.

²⁰ *Jones I.* The most notable antiquity of Great Britain, vulgarly called Stone-Heng, on Salisbury plain. L., 1655; *Jones I., Charleton W., Webb J.* The most notable antiquity of Great Britain, vulgarly called Stone-Heng, on Salisbury Plain, restored, by Inigo Jones ... To which are added, the Chorea gigantum, or Stone-Heng restored to the Danes, by Doctor Charleton; and Mr. Webb's Vindication of Stone-Heng restored, in answer to Dr. Charleton's reflections; with observations upon the orders and rules of architecture in use among the ancient Romans. L., 1725; *Sibbald R.* A History Ancient and Modern of the Sheriffdoms of Fife and Kinross. L., 1803 (1st edition 1710); *Verstegan R.* A Restitution of Decayed Intelligence. L., 1634 (1st edition - 1605); *Hare J.* St. Edward's Ghost, or, Anti-Normanism (1647) // The Harleian Miscellany. Vol. VIII. L., 1811. P. 94-107; *Stillingfleet E.* Origines sacrae or, a rational account of the grounds of natural and reveal'd religion. Cambridge, 1702 (7th edition); *Sheringham R.* De Anglorum gentis origine disceptatio. Cambridge, 1670; *Sammes A.* Britannia Antiqua Illustrata, or the Antiquities of Ancient Britain, Derived from the Phoenicians. L., 1676; *Temple W.* Of heroic virtue // The Works of Sir William Temple. Vol. III. L., 1770. P. 313-405; *Ibid.* Introduction to the History of England // The Works of Sir William Temple. Vol. II. L., 1731. P. 525-585; *Jackson J.* Chronological Antiquities. Vol. I-III. L., 1752; *Tyrrell J.* The General History of England. Vol. I-V. L., 1697-1704; *Wise F.* Some enquiries concerning the first inhabitants, language, religion, learning and letters of Europe. Oxford, 1758; *Home H.* Essay Upon Several Subjects Concerning British Antiquities. Edinburgh, 1763 (1st edition - 1746); *Mackenzie G.* The Lives and Characters of the Most Eminent Writers of the Scots Nation. Vol I-III. Edinburgh, 1708; *Innes T.* A Critical Essay on the Ancient Inhabitants of the Northern Parts of Britain. Edinburgh, 1879 (1st edition 1729); *Dalrymple J.* An Essay towards a General History of Feudal Property in Great Britain. L., 1758; *Pinkerton J.* An Enquiry Into the History of Scotland: Preceding the Reign of Malcolm III, Or the Year 1056. Vol. I-II. L., 1814; *Jamieson J.* An etymological dictionary of the Scottish language; to which is prefixed, a dissertation on the origin of the Scottish language. Vol. I-IV. Paisley, 1879; *Macpherson J.* An Introduction to the History of Great Britain and Ireland. L., 1773. (3rd edition); *Burnett J.* Of the Origin and Progress of Language. Vol. I-VI. L., 1773-1792; *Ibid.* Antient Metaphysics. Vol. I-VI. L., 1779-1799.

²¹ *Schütte G.* Ptolemy's maps of northern Europe: a reconstruction of the prototypes. Kjøbenhavn, 1917; *Nordenskiöld H.* Facsimilieatlas to the early History of Cartography. Stockholm, 1889. Pl. xxx; *Подосинов А.В.* Северо-Восточная Европа в "Космографии" Равеннского Анонима // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М. Языки русской культуры. 1999. С. 227-237; *Ziegler J.* Schondia. Quae intus continentur Syria, ad Ptolomaici operis rationem (...). Map no. 8. Strasbourg, 1532; *Olaus Magnus.* Carta Marina. University of Jyväskylä. <http://urn.fi/URN:NBN:fi:jyu-201009172629>; *Pitt M.* The English Atlas. Vol. I-IV. Oxford & Amsterdam, 1680-1683.

путевой дневник Артура де Капелла Брука «Зима в Лапландии и Швеции»²². К этому же блоку примыкают сочинения XVI-XVII вв., содержащие этнографические данные о саамах: «История северных народов» О. Магнуса, книга Иоганна Шеффера «Лапландия»²³.

Следующий блок относится к публикации на латыни источников по скандинавской мифологии в XVI-XVIII вв. В число этих источников входили, в первую очередь, «Деяния данов» Саксона Грамматика, опубликованные в 1514 г., «История готов» Иоанна Магнуса, архиепископа Упсальского, «История северных народов» его брата, Олафа Магнуса. В 1665 г. Педер Х. Резен впервые издал на латыни «Младшую Эдду» Снорри Стурлусона. В том же году также под редакцией П.Х. Резена появились переведенные на латынь «Речи Высокого» из «Королевского кодекса» конца XIII в. и латинский вариант «Пророчества вельвы», которое было дополнено в 1673 г. В 1697 году Иоганн Перингшёльд впервые перевел и издал на латыни «Круг Земной» Снорри Стурлусона. «Младшая Эдда» в следующий раз была опубликована только в 1746 г. Йоханом Гёранссоном, а в 1756 году швейцарский профессор П. Малле перевел её на французский язык и включил в состав своей книги, в 1770 году переведенной на английский язык. Последняя работа является ключевой для нашего исследования, так как именно в её рамках была высказана эвгемеристическая теория о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии. Помимо таких масштабных произведений, в это время также переводились на латынь и отдельные саги. Для нашего исследования были важны «Сага о Хервёре и Хейдрекке», которая была переведена и издана Олафом Верелием в 1672 году, «Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков», пересказ которой был дан в труде Тормода Торфеуса (1636-1719). Позже, в 1715 году Т. Торфеус перевел на латынь и издал «Сагу о Хрольве Жердинке», созданную ок. 1400 года. В 1689 г. датский антикварий Томас Бартолин (1659-1690) опубликовал свой сборник «Древности Дании». В нем, в числе прочих Т. Бартолин пересказывал части «Пряди о Сёрли, или Сага о Хедине и Хёгни» и «Саги об Одде Стреле»²⁴.

²² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988; Ламартиньер П.М. де. Путешествие в северные страны. М., 1912; La Mottraye A. de A. de La Mottraye's Travels through Europe, Asia, and into parts of Africa. Vol. II. L., 1732. P. 280-339; Brooke A. de C. A Winter in Lapland and Sweden. L., 1827.

²³ Magnus O. Historia De Gentibus Septentrionalibus. Romae, 1555; Шеффер И. Лапландия. М., 2008.

²⁴ Saxo Grammaticus. The first nine books of the Danish history of Saxo Grammaticus. L., 1894; Johannes Magnus. Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus. Roma, 1554; Olaus Magnus. Historia de Gentibus Septentrionalibus. Roma, 1555; Resen P.H. Edda Islandorum, ann. Chr. 1215 islandice conscripta. Hafniae, 1665; Resen P.H. Ethica Odini pars Eddae Saemundi vocata Haavamaal. Hafniae, 1665; Resen P.H. Philosophiæ antiquissima Norvego-Danica dicta Voluspa. Hafniae, 1673; Peringskiöld J. Heims Kringla, eller Snorre Sturlusons Nordländske konunga sagor. Stockholmiae, 1697; Göransson J. De Yfverborna Atlingars eller Sviogötars ok Nordmänners Edda, Uppsala, 1746; Mallet P. Monuments de la mythologie et de la poesie des Celtes, et particulièrement des anciens Scandinaves. Copenhagen, 1756; Verelius O. Hervarar Saga På Gammal Götska Med Olai Vereli Vttolkning Och Notis. Uppsala, 1672; Torfæus T. Historia Rerum Norvegicarum. Copenhagen, 1711. Vol. I. P. 307-315; Bartholin Th. Antiquitatum danicarum de causis contemptæ a Danis adhuc gentilibus mortis. Hafniæ, 1689. P. 570.

Серьезным фактором для данного отбора являлось непосредственная дата обнаружения источников, которые на сегодняшний день являются общедоступными. Например, в «Истории Норвегии» - краткой истории Норвегии, написанной неизвестным монахом в XII в., рукопись которой сохранилась в единственном экземпляре 1500—1510 гг., целая глава посвящена саамам, и, помимо, прочего, в ней дается подробнейшее описание процесс камлания саамского шамана²⁵. Материал «Истории Норвегии», несомненно, представлял бы большой интерес для формирования образа саамов в сознании европейцев, если бы не тот факт, что её единственная рукопись не была обнаружена в Шотландии только в середине XIX века²⁶. По этой причине, несмотря на уникальный материал, мы не можем использовать «Историю Норвегии» для нынешней работы. Кроме того, описание саамов дается и в «Саге об Эгиле», однако сама сага была полностью переведена на латынь лишь в 1809 году²⁷, а до этого перевод существовал только нескольких отрывков, как, например, «Выкупа головы»²⁸. Также информация о саамах есть в «Саге о людях из Озёрной Долины», однако первое издание этой книги на исландском было лишь в 1812 году²⁹, полный перевод на английский же был сделан только в 1905 году³⁰, но эпизод оттуда был пересказан С. Баринг-Гоулдом в его «Книге об оборотнях» (1865)³¹.

Скандинавский материал в нашей работе также включал в себя **труды знаковых скандинавских авторов**, переведенных на английский язык или же изначально написанных на нем, а потому доступных для англоязычной публики. Это статья шведского антрополога Андерса Ретциуса, книга датского археолога Йенса Я.А. Ворсо и труд шведского археолога и этнолога Свена Нильссона³². Непосредственно с этим блоком сопряжена группа **работ британских скандинавистов XIX века**: Уильяма Херберта, Мэри М. Баск, Уильяма Э. Фрая, Бенджамина Торпа, Джорджа У. Дасента³³.

²⁵ A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Óláfr (trans. by Kunin D, edit. by Phelpstead C.). L., 2001. P. 6-7.

²⁶ Page R.I. "Lapland Sorcerers" // Saga Book of the Viking Society. 1963-1964. No. 16. P. 220.

²⁷ Wawn A. The Vikings and the Victorians: Inventing the Old North in Nineteenth-Century Britain. Cambridge, 2002. P. 83.

²⁸ Percy T. Five Pieces of Runic Poetry. L., 1763. P. 43-56.

²⁹ Vigfússon G., Powell, F. Origines islandicae. Vol. II. Oxford, 1905. P. 275.

³⁰ Wawn A. P. 15.

³¹ Baring-Gould S. The Book of Were-Wolves. L., 1865. P. 29.

³² Retzius A. On the Ethnographic Distribution of Round and Elongated Crania // Report of the British Association for the Advancement of Science. 1846. № 16. P. 116; Worsaae J.J.A. The primeval antiquities of Denmark. L., 1849; Nilsson S. The Primitive Inhabitants of Scandinavia, During the Stone Age. L., 1868.

³³ Herbert W. Select Icelandic Poetry: Translated from the Originals; with Notes. Part I-II. L., 1804; *Ibid.* Helga: A Poem in Seven Cantos. L., 1815; Busk M.M. Scandinavian Mythology and the Nature of its Allegory // Blackwood's Edinburgh Magazine. 1835. № 38. P. 25-36; Smith T. The Völuspá: Read April 6, 1838, before the Leicestershire literary society. Leicester, 1838; Pigott G. A Manual of Scandinavian Mythology, Containing a Popular Account of the Two Eddas and of the Religion of the North. L., 1839; Frye W.E. The gods of the North, an epic poem by Adam Oehlenschläger. L., Paris, 1845; Thorpe B. Northern mythology, comprising the principal popular traditions and superstitions of Scandinavia, North Germany, and The Netherlands. Vol. I-III. L., 1851; Dasent G.W. Popular tales from the Norse. N.Y., 1859.

Из изучения скандинавской мифологии интересующая нас теория вошла в труды британских фольклористов XIX в. Их мы можем разделить на две подгруппы: это **издания фольклорного материала, собранного самим автором** с его комментариями и заметками и изначально **теоретические работы**, основанные на общедоступном материале. В первую группу входят работы таких исследователей как сэр Вальтер Скотт, Роберт Чемберс, Томас К. Крокер, Джон Г. Далайл, Анна Э. Брэй, Джон Ф. Кэмпбелл, Уирт Сайкс, сэр Джон Рис, Элизабет Эндрюс³⁴.

Остановимся на собрании шотландских легенд и сказок Дж.Ф. Кэмпбелла. Дабы сохранить стремительно исчезающие остатки народных сказаний, Дж.Ф. Кэмпбелл развил поистине небывалую активность, нанимая и инструктируя людей, которые свободно говорили (а иногда и писали) по-гэльски, снабжал их необходимыми средствами и посылал собирать легенды и сказки в своей родной местности. Таким образом ему удалось протянуть сеть информантов по всей горной части Шотландии и Гебридским островам. В его сборнике легенды приведены на гэльском и на английском, и, более того, как он сам указывает во введении, к некоторым информантам он ездил самостоятельно, проверяя таким образом качество и точность предоставленных ему материалов. У каждой легенды и сказки в его сборнике указано название, имя и род занятий информанта, место и дата рассказа, и имя человека, который его записал. баск

В этой подгруппе также следует упомянуть **труды об оркнейском и шетландском фольклоре**, которые практически всегда включали в себя материал, собранный авторами. Это работы Джеймса Уоллеса, Джона Бранда, К. Блинда, Джорджа Стюарта, Уолтера Т. Деннисона, Джона Спенса, Джесси Саксби, Эрнеста У. Марвика, Джеймса Р. Николсона³⁵.

Вторую же, более многочисленную группу, составляют работы Джона Бранда, Джона Смита, Джеймса Крайри, Патрика Грэхэма, Питера Робертса, Томаса Кейтли, Джеймса Генри

³⁴ *Scott W.* Minstrelsy of the Scottish border: consisting of historical and romantic ballads, collected in the southern counties of Scotland; with a few of modern date, founded upon local tradition. Vol. I-II. Edinburgh, 1802-1803; *Chambers R.* Popular rhymes of Scotland. Edinburgh, London, 1870 (1st edition 1826); *Croker T.C.* Fairy legends and traditions of the South of Ireland. Part I-III. L., 1828; *Dalyell J.G.* The Darker Superstitions of Scotland. Edinburgh, 1834; *Bray A.E.* Traditions, legends, superstitions, and sketches of Devonshire on the borders of the Tamar and the Tavy. Vol. I-III. L., 1838; *Campbell J.F.* Popular Tales of the West Highlands. Vol. I-IV. Edinburgh, 1860-1862; *Sikes W.* British goblins: Welsh folk-lore, fairy mythology, legends and traditions. L., 1880; *Rhŷs J.* Celtic folklore, Welsh and Manx. Vol. I-II. Oxford, 1901; *Andrews E.* Ulster folklore. L., 1913.

³⁵ *Wallace J.* A Description of the Isles of Orkney. Edinburgh, 1693; *Brand J.* A Brief Description of Orkney, Zetland, Pightland-Firth, and Caithness. Edinburgh, 1701; *Stewart G.* Shetland fireside tales. Edinburgh, 1877; *Dennison W.T.* Orkney Folk-Lore. Sea Myths // Scottish Antiquary. 1891. Vol. V. P. 68-71; 130-3; 167-71; 1892. Vol. VI. P. 115-21; 1893. Vol. VII. P. 18-24; 81-2; 112-20; 171-77; 1894. Vol. VIII. P. 26; *Spence J.* Shetland Folk-Lore. Lerwick, 1899; *Edmondston B., Saxby J.M.E.* The Home of a Naturalist. London, 1888; *Saxby J.M.E.* Shetland Traditional Lore. Edinburgh, 1932; *Marwick E.W.* The Folklore of Orkney and Shetland. Totowa, 1975. Edinburgh, 2011; *Nicolson J.R.* Shetland Folklore L., 1981

Ли Ханта, Роберта Саути, Фридриха М. Мюллера, Фредерика Холла, Сабина Баринг-Гоулда, Карла Блинда, Дэвида МакРитчи, ключевого исследователя по данной теме, Фрэнсиса Дж. Чайлда, сэра Джорджа Л. Гомма, Эдвина С. Хартланда³⁶.

Любопытным примером «исключения» из деления такого рода является один из последователей Д. МакРитчи, полковник Роберт Грант Халибёртон. Несмотря на то, что он был типичным «кабинетным ученым», Р.Г. Халибёртон создавал видимость полевой работы, переписываясь с огромным количеством корреспондентов по всему земному шару. Это позволило ему в какой-то момент «обнаружить» во время переписки сведения о неких пигмеях в Марокко, привязать к ним местные легенды, используя эвгемеристический метод, опубликовать несколько трудов³⁷ и прославиться на всю Европу. Тем не менее, как оказалось, никаких пигмеев на самом деле не было.

Отдельную категорию источников занимают **ранние расовые классификации человеческого рода**. Это статья Франсуа Бернье (1625-1688), десятое издание «Системы природы» К. Линнея, произведение Ж.Ф. Бюффона и различные издания книги И.Ф. Блюменбаха «О естественном многообразии человечества» (1775)³⁸.

Специально выделены в нашей работе **труды, посвященные развитию методов сравнительно-исторического языкознания**. Их отличает многоязыковой состав, так как подобного рода идеи получили развитие во многих странах Европы. Работой, положившей начало этому направлению, было обращение основателя «Азиатского общества Бенгалии», сэра

³⁶ *Brand J.* Observations on Popular Antiquities. Newcastle upon Tyne, 1777 (переиздана и значительно дополнена в 1813 г.); *Smith J.* Galic antiquities: consisting of a history of the Druids, particularly of those of Caledonia; a dissertation on the authenticity of the poems of Ossian; and a collection of ancient poems, translated from the Galic of Ullin, Ossian, Orran, &c. Edinburgh, 1780; *Cirie J.* Scottish Scenery. L., 1803; *Graham P.* Sketches descriptive of picturesque scenery, on the southern confines of Perthshire. Edinburgh, 1806; *Roberts P.* The Cambrian popular antiquities, or An account of some traditions, customs, and superstitions of Wales. L., 1815; *Keightley T.* The Fairy Mythology. Vol. I-II. L., 1828; *Hunt L.* Fairies // Leigh Hunt's London Journal. 1 October 1834. P. 209-211; 15 October 1834. P. 231-232; *Southey R.* 'Home Tours'—Mrs. Bray's 'Letters on Devonshire' // The Quarterly Review. July & October, 1837. Vol. LIX. P. 275-327; *Müller F.M.* Letters to Chevalier Bunsen on the classification of the Turanian languages. L., 1854; *Ibid.* Three lectures on the science of language. Chicago, 1895; *Hall F.* The Pedigree of the Devil. L., 1883; *Baring-Gould S.* A Book of Folk-Lore. L., 1913; *Blind K.* Scottish, Shetlandic, and Germanic Water-Tales // The Contemporary Review. 1881, July/December. Vol. XL. Part I. P. 353-71; Part II. P. 469-86; *Ibid.* New Finds in Shetlandic and Welsh Folk-lore // The Gentleman's Magazine. 1882, January/June. Vol. CCLII. Part I. P. 186-208; Part II. P. 399-423; Part III. P. 534-63; *MacRitchie D.* Ancient and Modern Britons, a Retrospect. Vol. I & II. L., 1884; *Ibid.* The Testimony of Tradition. L., 1890; *Ibid.* Fians, Fairies and Picts. L., 1893; *Child F.J.* The English and Scottish popular ballads. Part I-V. Boston, 1882-1898; *Gomme G.L.* Ethnology in Folklore. L., 1892; *Ibid.* Folklore as an Historical Science. L., 1908; *Hartland E.S.* The Science of Fairy Tales: An Inquiry into Fairy Mythology. L., 1891.

³⁷ *Haliburton R.G.* The Dwarfs of Mount Atlas. L., 1891; *Ibid.* Dwarf Survivals, and Traditions as to Pygmy Races. L., 1895.

³⁸ *Bernier F.* A new division of Earth by the different species or races which inhabit it // Memoirs Read Before the Anthropological Society of London. Vol. I. 1863-64. P. 360-364; *Linnaeus C.* Systema naturæ per regna tria naturæ, secundum classes, ordines, genera, species, cum characteribus, differentiis, synonymis, locis. Tomus I. Editio decima, reformata. Holmiæ, 1758-1759; *Buffon G.-L.L.C. de.* Buffon's Natural history, containing a theory of the earth, a general history of man, of the brute creation, and of vegetables, minerals, &c. &c. Vol. I-X. P. L., 1797-1807 (1st edition 1749-1788); *Blumenbach J.F.* The anthropological treatises of Johann Friedrich Blumenbach. L., 1865.

Уильяма Джонса, в котором тот призвал искать сходство современных германских и кельтских языков с санскритом, древнеперсидским, древнегреческим и латынью, дабы выявить их общий источник – древнейший праязык. В рамках этого начинания были написаны работы Ф. Шлегеля, Августа Потта, Расмуса Раска, Якоба Гримма, Адольфа Пиктэ и Джеймса К. Причарда³⁹. Последний также опубликовал ряд важных **работ по этнологии**⁴⁰, и, связав наработки И.Ф. Блюменбаха с данными сравнительно-исторического языкознания, создал своего рода парадигму в британской науке первой половины XIX века. Важнейшее сочинение Дж.К. Причарда «Исследования физической истории человека», было издано в 1813 году, и в целом выдержало четыре издания. К третьему изданию его объем составлял уже четыре тома, а к четвертому – уже пять. Поменялось и его название, теперь оно звучало как «Исследования физической истории человечества».

Вторая половина века XIX века характеризуется разнообразием школ в британской науке о народах. В первую очередь, это продолжатели традиций Дж.К. Причарда и **сторонники моноцентризма**: Роберт Г. Лэтэм, Дэниэл Уилсон⁴¹. В то же время начинает приобретать популярность **идеи полицентризма**: в этом ключе писали Джозеф Б. Дэвис, Джон Турнам и Джон Беддоу⁴². Важным направлением также становится **социальный дарвинизм**. В числе прочих, его концепции придерживались Томас Хаксли и Сэмюэль Лэйнг, а также Джон Лёббок и Эдвард Б. Тайлор⁴³.

Нужно отметить, что труд полицентриста Дж. Беддоу «Расы Британии: Материалы к антропологии Западной Европы» был написан им на основе огромного количества анкет, разосланных в разные графства Англии, а также на материалах личной переписки с коллегами, собиравшими по его примеру, данные о своих пациентах. Изначально книга Дж. Беддоу называлась «Происхождение английской нации», и была готова уже к 1868 году, однако с

³⁹ Jones W. Discourses delivered before the Asiatic society. Vol. I-II. L., 1824; Schlegel F. The aesthetic and miscellaneous works of Frederick von Schlegel. L., 1860 (1st edition 1808); Pott A.F. Etymologische Forschungen auf dem Gebeite der indogermanischen Sprachen. Lemgo, 1833; Rask R.C. Vejledning til det Islandske eller gamle Nordiske Sprog. København, 1818; Grimm J. Deutsche Grammatik. Göttingen, 1819; *Ibid.* Deutsche Mythologie. Göttingen, 1835; Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. B. I. Leipzig, 1854; Pictet A. De l'affinité des langues celtiques avec le sanscrit. P., 1837; Prichard J.C. The eastern origin of the Celtic nations proved by a comparison of their dialects with the Sanskrit, Greek, Latin, and Teutonic languages. L., 1831.

⁴⁰ Prichard J.C. Researches into the physical history of man. L., 1813 (4th edition - Researches into the physical history of mankind. Vol. I-IV. L., 1841-1847); *Ibid.* The Natural History of Man. L., 1845.

⁴¹ Latham R.G. The Natural History of the Varieties of Man. L., 1850; *Ibid.* The Ethnology of Europe. L., 1852.; *Ibid.* The Ethnology of the British Islands. L., 1852; Wilson D. The archaeology and prehistoric annals of Scotland. Edinburgh, 1851.

⁴² Davis J.B., Thurnam J. Crania Britannica: Delineations and Descriptions of the Skulls of the Aboriginal and Early Inhabitants of the British Islands: with Notices of Their Other Remains. Vol. I-II. L., 1865; Beddoe J. The Races of Britain: a Contribution to the Anthropology of Western Europe. Bristol, London, 1885.

⁴³ Laing S., Huxley T. Pre-historic Remains of Caithness. With Notes on the Human Remains. Edinburgh, 1866. P. 70; Lubbock J. Pre-historic times, as illustrated by ancient remains, and the manners and customs of modern savages. NY, 1872 (1st edition 1865); Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.

накоплением материала она разрослась в размерах, и только в 1885 году была издана под вышеуказанным названием.

Напоследок следует отметить, что для данной работы мы также привлекали **произведения художественной литературы** ради иллюстрации популярности тех или иных идей: это «Комедия ошибок» Уильяма Шекспира, «Анатомия меланхолии» Роберта Бёртона, «Вечерняя любовь, или мнимый астролог» Джона Драйдена, «Любовь за любовь» Уильяма Конгрива, поэма Уильяма Блейка «Иерусалим. Эманация Гиганта Альбиона», рассказы Джона Бакена, Артура Мейчена (1863-1947), произведения профессора Джона Р.Р. Толкиена, Клиффорда Саймака, Урсулы ле Гуин и сэра Терри Пратчетта⁴⁴.

Таким образом, многообразие источниковой базы позволило нам достаточно полно осветить цели и задачи данного исследования. Основным материалом для нас стали работы британских фольклористов и этнологов XIX века, остальные же классы источников привлекались для более глубокой проработки данной темы. Отдельно выступают те группы источников, которые не были непосредственно связаны с данной темой, однако позволили проследить предпосылки возникновения и развития эвгемеристической теории о саамах в среде викторианских ученых.

⁴⁴ Шекспир В. Комедия ошибок (пер. А. Некора) // Шекспир В. Полное собрание сочинений. Т. IV. М., 1993. С. 5-135; Burton R. The Anatomy of Melancholy. L., 1857 (1st edition 1621); Dryden J. An Evening's Love, or The Mock Astrologer (1st edition 1671) // The Works of John Dryden. Vol. X. Berkeley, L.A., 1970. P. 195-314; Congreve W. Love for Love. A Comedy. L., 1704; Блейк У. Иерусалим. Эманация Гиганта Альбиона — К Евреям. Лист 27. Пер. Д. Смирнов-Садовский. [http://wikilivres.ru/Иерусалим. Эманация Гиганта Альбиона \(Блейк\)/27](http://wikilivres.ru/Иерусалим. Эманация Гиганта Альбиона (Блейк)/27); Buchan O. The Watcher by the threshold and Other Tales. Edinburgh, 1902; Мейчен А. Сад Аваллона. М., 2006; Толкиен Дж.Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно. М., 2000 (1 изд. 1937); Ibid. Властелин Колец. М., 2001 (1 изд. 1954); Ле Гуин У. Роканнон. М., 2010 (1 изд. 1966); Саймак К. Заповедник гоблинов. СПб., 2000 (1 изд. 1968); Pratchett T. The Wee Free Men. L., 2008.

Глава I. Предпосылки утверждения эвгемеристической теории о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии к началу XIX в.

Среди предпосылок утверждения эвгемеристической теории о саамах в среде викторианских ученых важную роль сыграла концепция готицизма, получившая распространение в Англии и Шотландии в новое время. Готицизм – это исторический миф, согласно которому скандинавы являются потомками и наследниками готов⁴⁵. Анализируя его развитие в Англии и Шотландии, мы сможем понять, каким образом концепция, зародившаяся в Скандинавии, смогла повлиять на восприятие прошлого собственного народа в этих странах.

Концепция готицизма в Англии

Вплоть до раннего нового времени в качестве мифа о национальном происхождении англичан циркулировала популяризированная Гальфридом Монмутским (ок. 1100 - 1154-5) в «Истории королей Британии» (ок. 1136)⁴⁶ легенда о Бруте – внуке троянского царя Энея, который первым, вместе с сопровождавшими его троянцами, поселился на острове Альбион, победив местных великанов. Остров же он назвал в честь себя Британией, а его сторонники стали зваться бриттами⁴⁷.

С конца XII и до начала XVI века история Гальфрида Монмутского об основании британского государства пользовалась безусловным авторитетом. Её пересказывали в стихах и прозе, переводили на валлийский, староанглийский и англо-нормандский. На основе легенды о Бруте составлялись многочисленные исторические хроники Британии, получившие, благодаря этому сюжету, общее название «хроники о Бруте»⁴⁸.

Как замечают Джеймс П. Карли и Джулия Крик, средневековые теории о прошлом неизбежно несут в себе политический компонент⁴⁹. Так и легенда о Бруте использовалась для обоснования притязаний Англии на господство над всеми Британскими островами. Гальфрид Монмутский писал, что после смерти Брута, которому принадлежала вся Британия, его старший сын, Локрин, унаследовал Лоегрию (Англию), средний, Камбр, – Камбрию (Уэльс), а младший, Альбанакт – Шотландию, которой он дал название Альбании⁵⁰. Таким образом, по принципу

⁴⁵ Толстиков А.В. «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV – XVII вв. // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности (ред. Тоштендаль-Салычева Т.А.). М., 2008. С. 59.

⁴⁶ Первоначальный её вариант записан в труде валлийского историка Ненния (VIII-IX вв.) «История бриттов».

⁴⁷ Гальфрид Монмутский. С. 6-18.

⁴⁸ Gransden A. Historical writing in England c. 550 to c. 1307. L., 1974. P. 202.

⁴⁹ Carley J., Crick J. Constructing Albion's past: an annotated edition of De origine gigantum // Arthurian Literature XIII. Cambridge, 1995. P. 54.

⁵⁰ Гальфрид Монмутский. С. 19.

майората, превосходство Англии над остальными британскими монархиями не вызывало сомнений⁵¹.

При всех достоинствах легенды о Бруте, даже её современникам она казалась неполной: отсутствовало начало. Брут и его соратники прибывают в страну, имеющую собственное название, где обитает уже некий народ, пусть даже и не совсем человеческий. В четырнадцатом веке легенда была расширена.

В англо-нормандской поэме “Des Grantz Geanz” («О великих гигантах», сер. XIII в. - ок. 1333)⁵² появляется предыстория, объясняющая заселение острова великанами: о дочерях некоего греческого царя, старшей из которых была Альбина, которые были изгнаны с родины за участие в заговоре против собственных мужей. Их корабль выбрасывает на берег Британии, где те, возлежав с демонами, порождают великанов⁵³.

Несмотря на то, что Des Grantz Geanz, скорее всего, была написана ещё в период правления Эдуарда I, не зафиксировано никаких свидетельств об её использовании в политических целях в тот момент. Её час пришел позднее – во время войны Эдуарда III с шотландцами (1332-1357), Des Grantz Geanz была переведена на латынь под названием “De origine gigantum” (нач. 1330-х гг. – нач. 1340-х). Поэма давала два ощутимых преимущества: помимо объяснения появления великанов в Британии, она выдвигала на первый план фигуру Альбины как первопоселенца и суверена, основателя объединенного государства. Подобное утверждение изначально целостного государства и оперирование в поэме юридической терминологией выявляет не только осведомленность автора в притязаниях английской короны на Шотландию, но и саму цель написания Des Grantz Geanz – как вклад в англо-шотландский диспут⁵⁴.

Легенды о Бруте и Альбине служили английской политике и в дальнейшем. В 1401 году Генрих IV потребовал на её основе оммажа от Роберта III, короля Шотландии. Для подтверждения притязаний английской короны к ней обращались Генрих V и Генрих VI. В 1542 году перед началом одной из шотландских кампаний, Генрих VIII выпустил Декларацию, где в очередной раз подчеркнул полное право английских королей на суверенитет над

⁵¹ Mason R.A. *Scotching the Brut: Politics, History and National Myth in Sixteenth-Century Britain* // *Scotland and England, 1286-1815* (edit. by R. Mason). Edinburgh, 1987. P. 62.

⁵² Поэма выступала прологом к некоторым «хроникам о Бруте», причем в их расширенных вариантах сюжет поэмы включался в сам текст повествования.

⁵³ *The Giants of the Island of Albion* // *Myths and Legends of the British Isles* (edit. by Barber R.). Martlesham, 1999. P. 3-8. В латинской версии поэмы, названной «О происхождении гигантов», сюжет отличается некоторыми деталями.

⁵⁴ Carley J., Crick J. P. 59-62.

Шотландией, основывая свои требования не только на тех случаях, когда шотландские короли присягали на верность английским, но и на легенде о Бруте и его сыновьях⁵⁵.

Вышедшая в 1534 г. ещё по заказу Генриха VIII «История Англии» итальянца Полидора Вергилия положила начало оживленной дискуссии о достоверности легенды о Бруте. Полидор, находясь вне руслу английской традиции и будучи, помимо всего прочего, католиком, раскритиковал историю о Бруте, тем самым вызвав шквал негодования со стороны приверженцев традиционной английской истории. Тем не менее, у него не было недостатка и в сторонниках, которые, питая ничуть не меньшие патриотические чувства, считали необходимым отказаться от средневековых выдумок и попытаться найти истинное происхождение англичан⁵⁶. Как замечает Артур Б. Фергюсон, сторонники легенды о троянском происхождении британцев в процессе дискуссии насколько запутались в собственных псевдо-научных построениях, что, в конечном итоге, победили самих же себя⁵⁷. Колин Кидд обращает также внимание на влияние Реформации, благодаря которому сакральная история для ученых в вопросах происхождения стала играть значительно большую роль, нежели средневековые национальные мифы, которые зачастую отбрасывались как папистские суеверия⁵⁸.

С утратой доверия к легенде о Бруте, английские теологи стали искать истоки своего народа уже напрямую в Священном Писании. Нужно отметить, что в раннее новое время действовала т.н. «теория о захватах»: суть её состояла в том, что ранняя история Англии представляла собой серию завоеваний территории разными народами: римлянами, саксами, данами и норманнами⁵⁹.

Ричард Верстеган (ок. 1550-1640), отец-основатель английской готицистской традиции, утверждал, что англичане происходят от германской расы, и поэтому до сих пор их часто называют саксами⁶⁰. Р. Верстеган связывал происхождение германцев с сыном Иафета, Гомером. Его сыном был Аскеназ, а внуком – Туиско или Туистона, прародитель всех германцев, который после разрушения Вавилонской башни возглавил их и вывел на нынешние места поселения. В честь его назван вторник (Tuesday)⁶¹. Впервые это имя встречается в труде Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии», где сказано, что германцы «славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн – прародитель и

⁵⁵ *Mason R.A.* P. 62-3.

⁵⁶ *Ferguson A.B.* *Utter Antiquity: Perceptions of Prehistory in Renaissance England.* Durham and London, 1993. P. 89.

⁵⁷ *Ferguson A.B.* P. 40.

⁵⁸ *Kidd C.* *British Identities before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600-1800.* Cambridge, 2006. P. 59.

⁵⁹ *Piggott S.* *Ancient Britons and the Antiquarian Imagination: Ideas from the Renaissance to the Regency.* GDR, 1989. P. 87.

⁶⁰ *Verstegan R.* P. 1.

⁶¹ *Verstegan R.* P. 9-10.

праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине — гермионами, все прочие — истевонами»⁶². Р. Верстеган сообщает, что в обычае язычников (коиными были и германцы) было обожествлять после смерти великих правителей и тех, кто заслужил народную любовь своими добрыми делами, будь то женщины или мужчины. Им воздавали божественные почести и почитали за богов⁶³. Таким образом, германский бог Туистон становится в представлении Р. Верстегана праправнуком Ноя. Р. Верстеган замечает, что и германцев, и галлов греки называли кельтами⁶⁴.

Грэхэм Парри указывает, что Верстеган искусным образом объединил авторитет Тацита и подвергнушуюся острой критике историю псевдо-Бероса за авторством Анния из Витербо (1432-1502). Последний писал о том, что Туиско потомок Сима, также после разрушения Вавилонской башни возглавил группу людей, получивших позже название «германцы»⁶⁵.

Джон Хэйр, выгодно выделяя Верстегана из общей массы писателей, пытающихся осветить прошлое английского народа, продолжает его традицию. В книге «Дух святого Андрея, или Анти-Норманизм» (1647) он пишет, что саксы – это самое благородное из германских племен, и все они происходят от великого Туиско. Однако Дж. Хэйр высказывает сомнения, был ли Туиско сыном Аскеназа или им самим, так как Аскеназ считался первым королем и держателем всей Европы⁶⁶. Эдуард Стиллингфлит, яростный критик теории о преадамитах Исаака Пейрера, также касался происхождения Туиско. Он писал, что под Туиско мог пониматься Адам, а под Манном – Ной; или же под Туиско – сам Бог, а под Манном – Адам⁶⁷.

Тем не менее, слава Туиско скоро померкла. Во второй половине XVII века английские историки вернулись к традиции, уходящей корнями ещё в средневековье – прослеживать происхождение своего народа от Одина⁶⁸.

Фрэнк Эдгар Фарли, написавший самую влиятельную монографию о влиянии скандинавской мифологии на английскую культуру, указывает, что ранние английские хронисты и историки часто называли Одина одним из предков англо-саксонских королей, помимо этого также вставляя аллюзии к другим скандинавским божествам, например, в

⁶² *Корнелий Тацит*. С. 354.

⁶³ *Verstegan R.* P. 11.

⁶⁴ *Verstegan R.* P. 28.

⁶⁵ *Parry G.* *The Trophies of Time: English Antiquarians of the Seventeenth Century.* Oxford, 2007. P. 56.

⁶⁶ *Hare J.* P. 95-96.

⁶⁷ *Stillingfleet E.* P. 404.

⁶⁸ *Kidd C.* P. 63.

качестве объяснения происхождения названий дней недели⁶⁹. Беда Достопочтенный (ок. 672/3-735) в «Церковной истории народа англов» (731) пишет, что Хенгист и Хорза, вожди англов, саксов и ютов, «были сыновьями Витгисля, сына Витты, сына Векты, сына Водена, к которому восходят правящие роды многих провинций»⁷⁰ (I. 15). Ненний (VIII-IX в) в «Истории бриттов» (ок. 828) последовательно начинает генеалогию королей Нортумбрии, Кента, восточной Англии, Мерсии и Дейры с фразы «Воден породил» и далее перечисляет местных правителей⁷¹. Сам же Воден оказывается сыном «Фрелафа, сына Френдульфа, сына Финна, сына Фодепальда, сына Геты который, как говорят, был сыном бога. Но это не бог богов – аминь – не бог воинств, а один из тех идолов, которым они [бритты – *Д.Т.*] поклонялись»⁷². Ассер (ум. 808/9), епископ Шерборна, в «Жизнь короля Альфреда» прослеживает его генеалогию к Водену, а самого Водена – к Гете, «которому язычники долго поклонялись как божеству»⁷³. В «Хронике» Этельварда (ум. ок. 909) Хенгист снова оказывается потомком Водена, который «также был королем многих народов, и многие язычники до сих пор почитают его как бога»⁷⁴. В XII в. вышеуказанные сведения неоднократно повторялись в произведениях Иоанна Вустерского (ум. ок. 1140), Симеона Даремского (ум. ок. 1129), Вильяма Мальмсберийского (ок. 1090-1143), Генриха Хантингдонского (ок. 1088- ок. 1160) и Жеффри Гаймара (перв. пол. XII в.)⁷⁵.

В «Истории королей Британии» Гальфрид Монмутский вкладывает в уста Хенгиста следующую фразу: «Мы чтим отчих богов – Сатурна, Юпитера и прочих правящих миром, но в особенности Меркурия, которого на своем языке называем Воденом»⁷⁶. В «Полихрониконе» Ранульфа Хигдена (посл. чет. XIII в. – 1364) говорится о том, что Хенгист и Хорза в четвертом поколении потомки Водена, от него же происходят все королевские роды языческих народов. Далее Р. Хигден сообщает, что саксы считали Водена богом и назвали в честь него третий день недели⁷⁷.

Что же поспособствовало возобновлению интереса английских ученых к средневековой традиции? Вероятнее всего, публикация на латыни в XVI-XVII вв. источников по мифологии скандинавского Средневековья, в том числе описывающих легендарную историю. Вплоть до XVI столетия источники о религии германцев, доступные английским читателям, были

⁶⁹ Farley F.E. Scandinavian Influences in the English Romantic Movement. Boston, 1903. P. 15-6.

⁷⁰ Беда Достопочтенный. С. 21.

⁷¹ Ненний. С. 187-8.

⁷² Ненний. С. 179.

⁷³ Asser. P. 43.

⁷⁴ Æthelwerd. P. 11.

⁷⁵ Farley F.E. P. 16.

⁷⁶ Гальфрид Монмутский. С. 66.

⁷⁷ Ranulf Higden. Polychronicon Ranulphi Higden Monachi Cestrensis. Vol. V. L., 1874. P. 263.

ограничены латинскими авторами: Тацитом, Иорданом, Прокопием Кесарийским и Адамом Бременским⁷⁸.

В 1514 году было выпущено первое печатное издание «Деяний данов» Саксона Грамматика (ок. 1140-ок. 1216)⁷⁹. Фигура Одина появляется там на протяжении всего повествования, однако, чаще всего – в первой и третьей книгах. Для Саксона Грамматика, Один – это смертный муж, которому возносились божественные почести во всей Европе, и усерднее всего – в Уппсале, где он жил особенно часто⁸⁰. Тем не менее, основным его местом проживания является Византия, которую Саксон Грамматик называет Асгардом, пытаясь таким образом привязать обитель скандинавских богов к реальному географическому местоположению⁸¹. Несмотря на указание о том, что Один жил в Уппсале, Саксон Грамматик ничего не пишет ни о переселении туда из Византии, ни о том, чтобы он управлял ей. Эта информация появляется в позднейших источниках за авторством Снорри Стурлусона.

Примерно в середине XVI столетия появились два важных труда для развития концепции готицизма: «История готов» (1554) Иоанна Магнуса, архиепископа Упсальского, и «История северных народов» (1555) его брата, Олафа Магнуса. Последняя книга была переведена на английский в 1658 г.⁸² В 1633 г. по инициативе датского антиквара Оле Ворма был издан перевод Педера Клауссёна, на тот момент уже вековой давности, «Круга земного» Снорри Стурлусона (1178-1241), а в 30-50-х гг. XVII в. вышло собрание книг самого Оле Ворма о рунических надписях и датских письменных памятниках. В «Саге об Инглингах» из «Круга Земного» (между 1220-1230 гг.) Один представлен как предок скандинавских правителей. Он властвует над некой страной в Азии, к востоку от реки Танаквисль (Танаис), столица которой называется Асгард. Он провидел, что его потомство будет населять далекую северную страну, и, оставив своих братьев Ве и Вили править в Асгарде, вместе со своими последователями отправился в путь. Сначала Один пошел на запад в Гардарики, а затем на юг в Страну Саксов, где, завладев множеством земель, оставил править ими своих сыновей. Затем он направился на север, где поселился на одном острове. Он направил Гевьон дальше на поиск земель. Та пришла к Гюльви, конунгу Швеции, и тот наделил её пашней. Тогда Гевьон «отправилась в Жилища Великанов и зачала там от одного великана четырех сыновей. Затем она превратила их в быков, запрягла в плуг и выпалаха землю в море напротив Острова Одина. Там теперь остров

⁷⁸ Quinn J., Clunies Ross M. The image of Norse poetry and myth in seventeenth-century England // Northern Antiquity (ed. by A. Wawn). Enfield Lock, 1994. P. 189.

⁷⁹ Wawn A. P. 17.

⁸⁰ Saxo Grammaticus. P. 30.

⁸¹ Saxo Grammaticus. P. 98.

⁸² Farley F.E. P. 3.

Селунд»⁸³. Один же направился к Гюльви, и тот мирно отдал ему свои земли для поселения, так как понял, что ему не совладать с пришельцами⁸⁴. Один был великим военачальником и завоевал множество стран⁸⁵. Он мог менять свой облик, как ему хотелось, владел искусством поэзии, вызывал мертвецов из-под земли и ведал, где закопаны клады. Кроме того, он был искусен в колдовстве и пророчествах⁸⁶. Когда он умер от болезни в Швеции, шведы решили, что он вернулся в древний Асгард и будет там править вечно, поэтому стали верить в Одина и обращаться к нему⁸⁷. Последний эпизод, вероятнее всего, по замыслу Снорри Стурлусона, должен был объяснить, каким образом талантливый во всех отношениях, но смертный Один стал бессмертным богом.

В 1665 г. Педер Х. Резен впервые издал на латыни «Младшую Эдду» Снорри Стурлусона. В том же году также под редакцией Резена появилось переведенное на латынь «Пророчество вельвы», которое было дополнено в 1673 г., и латинский вариант «Речей Высокого» из «Королевского кодекса» конца XIII в. Достаточно долгое время не существовало других переводов этих текстов. В следующий раз «Младшая Эдда» была опубликована только в 1746 г. Йоханом Гёранссоном⁸⁸. В её прологе рассказывается о том, что в городе Троя был конунг, которого звали Мунон или Меннон. У него был сын по имени Тор (Троп), который взял в жены прорицательницу Сив (Сибиллу), и их сына звали Лориди. Далее следует долгий список сменяющих друг друга поколений, который заканчивается на рождении Одина, жену которого звали Фригг (Фригида). Им было явлено пророчество, что слава их в северной части света будет столь велика, что их имена будут чтить превыше имен всех остальных конунгов. Они взяли с собой множество людей и отправились в путь, и повсюду «их всячески прославляли и принимали скорее за богов, чем за людей»⁸⁹. Вскоре они достигли Страны Саксов, которую Один полностью подчинил себе, и для управления оставил в ней трех сыновей: Вегдега, правившего Восточной Страной Саксов, Бальдра (Бегдега), которому принадлежала земля Вестфаль, и Сиги, что правил Страной Франков, откуда пошел род Вельсунгов. Сам Один продолжил путь и достиг страны Рейдготланд, которая сейчас, как добавляет Снорри, зовется Ютландией. Один также подчинил её себе, оставив править там сына по имени Скьёлд, от которого пошли Скьёлдунги. Затем Один отправился в Швецию, где встретил конунга Гюльви, который добровольно уступил ему свою страну. Один ввел там законы, которые были

⁸³ Стурлусон С. Круг Земной. С. 13.

⁸⁴ Стурлусон С. С. 11-3.

⁸⁵ Стурлусон С. С. 11.

⁸⁶ Стурлусон С. С. 14.

⁸⁷ Стурлусон С. С. 15.

⁸⁸ Lundgreen-Nielsen F. Grundtvig's Norse Mythological Imagery // Northern Antiquity (ed. by A. Wawn). Enfield Lock, 1994. P. 42-3.

⁸⁹ Стурлусон С. Младшая Эдда. С. 11.

привычны троянцам. Затем он направился на север, пока не дошел до моря. Тогда он поставил своего сына править той окраинной страной, которая, как уточняет Снорри, зовется сейчас Норвегией. Этого сына звали Сэминг, и от него ведут свой род норвежские конунги. Сына же, которого Один поставил конунгом в Швеции, звали Ингви, и от него происходит род Инглингов. Последователи Одина, асы, расселились по всей Стране Саксов, а оттуда по всему северу, и их язык стал языком всех тех стран. В конце пролога Снорри добавляет, что в Англии есть старинные названия земель, которые происходят от отличного от английского языка⁹⁰.

Первую часть «Младшей Эдды» составляет «Видение Гюльви» - диалог между тремя мужами и Гюльви – конунгом Швеции, которого однажды обманула Гевьон, асинья. Он пообещал отдать ей столько земли в своих владениях, сколько вынесут её четыре быка за день и ночь. Способом, описанным выше в «Круге Земном», Гевьон сбросила землю в море и назвала её Зеландией⁹¹. Гюльви задумался, способны ли все асы совершать столь удивительные вещи. Он направился в Асгард, где вошел в высокий чертог. Представившись Ганглери, он встретился с тремя знатными мужами под именами Высокий, Равновысокий и Третий (всё – имена Одина). В беседе с ними Гюльви, Снорри раскрывает мифы древних скандинавов, их пантеон и космогонические представления. В конце текста трое мужей исчезают, и Гюльви отправляется к своему народу и рассказывает об услышанном. Асы же «дали те самые имена, что там упоминались, людям и разным местностям, которые там были, с тем чтобы по прошествии долгого времени никто не сомневался, что те, о ком было рассказано, и те, кто носил эти имена, это одни и те же асы»⁹². Тем самым Снорри Стурлусон показал, что рассказы Гюльви и перенос асами мифических имен на реальные послужили к окончательной эвгемеризации асов⁹³. Нужно отметить, что неоднократно упоминаемое завоевание Одним Страны Саксов, расселение там его последователей и правление его сыновей позволили английским историкам нового времени найти ещё одно доказательство единого происхождения их народа со скандинавами.

На основе эвгемеристической истории о миграции асов, приведенной Снорри Стурлусоном, исландский историк Тормод Торфеус (1636-1719) вместе с другими скандинавскими учеными смогли выработать теорию, по которой Один признавался реально существовавшим историческим персонажем, который привел переселенцев из Азии в

⁹⁰ Стурлусон С. С. 10-2.

⁹¹ Стурлусон С. С. 13.

⁹² Стурлусон С. С. 55.

⁹³ Lindow J. Norse Mythology: A Guide to Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs. Oxford, 2002. P. 23.

Скандинавию. Согласно этой теории со временем образ Одина трансформировался в народной традиции, обретая сверхъестественные черты⁹⁴.

Эту теорию упоминает Роберт Шерингам (1602-1678) в своей книге о происхождении английского народа и его языка (1670). Он же первым связал английскую историю с данными Эдды⁹⁵.

Р. Шерингам полагал, что саксы были ответвлением от древней семьи гетов⁹⁶ (позже стали называться готами), которые были потомками Иафета. Из Скифии⁹⁷ в Европу их привел Воден, правитель города и сопредельных территорий в Азии у реки Танаис, что назывались Асгардом (при этом Р. Шерингам считал, основываясь на данных Иордана, что готы, таким образом, вернулись на свою родину, в Скандинавию). Мечом и дипломатией Воден захватил обширные территории, что впоследствии стали называться Саксонией. После этого Воден оставил править в захваченных территориях своих сыновей и вернулся в Швецию, где после многих странствий он окончил свои дни. Его почитали за великого волшебника и мудрого военачальника, и после смерти его подданные стали почитать его как бога.

Р. Шерингам также ввел в английскую науку проблему существования нескольких Воденов, которая занимала умы датских и шведских авторов. Основное её противоречие состояло в несоответствии временных рамок скандинавского эпоса и мифологической истории Англии. Если Хенгист и Хорза были потомками Водена в четвертом поколении, то между ними было не более двухсот лет, что явно слишком короткий промежуток для того, чтобы готы породили все те народы, что сейчас являются их потомками (среди них Р. Шерингам называл саксов, шведов и данов), и ещё более короткий для того, чтобы начать поклоняться ему как божеству. Тем не менее, Р. Шерингам допускал, что часть готов могла просто сменить свое название на «саксы», равно как и на «шведы» и на «даны». Он уверен в том, что Воден существовал на самом деле, так как все перечисленные народы объединяло общее поклонение ему как божеству, и их религиозные традиции в отношении его были одинаковыми⁹⁸.

⁹⁴ Farley F.E. P. 192.

⁹⁵ Gibson M. *Imagining the Pagan Past*. N.Y., 2013. P. 106.

⁹⁶ Геты – фракийский народ, родственник дакам, который, согласно Геродоту, жил между Балканами и Дунаем (IV. 93-96). *Геродот*. История. Ленинград, 1972. С. 210-1. Тем не менее, средневековые авторы смешивали гетов с готами, и уже Иордан писал о равнозначности этих понятий, ссылаясь на авторитет Павла Орозия (58). *Иордан*. С. 72. В его произведении, основном источнике об истории готов, родиной готов была названа Скандинавия (9). *Иордан*. С. 62.

⁹⁷ Родство готов и скифов прописано в труде Исидора Севильского «История готов» (66): «Готы произошли от Магога, сына Иафета, и считаются одного рода со Скифами. Вот почему они не слишком различаются в наименовании: одна буква изменяется, другая исчезает – и из ‘Getae’ получается ‘Scythae’» (Цит. по *Isidore of Seville. History of the Kings of Goths // Conquerors and Chroniclers of Early Medieval Spain* (edit. and trans. by Wolf K.B.). Liverpool, 1999. P. 107.

⁹⁸ *Sheringham R.* P. 276-94.

Широко цитировавший Р. Шерингама Айлетт Саммс (ок. 1636 - ок. 1679) даже посвятил отдельную главу Одину в своей работе «Памятники древней Британии» (1676). Идеей для написания этой книги послужила достаточно любопытная мысль о происхождении валлийского языка из финикийского, которую А. Саммс почерпнул у английского антиквара и преподавателя Джона Твайна, полагавшего, что финикийцы являются предками британцев. А. Саммс пересказывает историю Одина из «Круга Земного» Снорри Стурлусона, отдельно цитируя эпизод о войне с ванами, которых он считает скифами⁹⁹. А. Саммс также поддерживает теорию о том, что под именем «Воден» мог пониматься не один человек, а несколько, которых впоследствии путали между собой. Он цитирует комментарии к труду Саксона Грамматика Бриньольфа Свейнссона, того самого исландского епископа, который в 1643 г. обнаружил рукопись «Королевского кодекса» или, как его стали называть в дальнейшем, «Старшей Эдды»¹⁰⁰. Бриньольф Свейнссон полагает, что всего было три Водена: первый, которого древние звали Асианом, был сыном Сатурна. В честь второго, Уппсальского, шведы выстроили величественный храм. Его также звали Асиан, но он был родом из Скифии. Этих двоих, как считает Свейнссон, часто путают между собой. Третьего же зовут Мид-Один, тот самый, о котором Саксон Грамматик писал, что он занял место Одина во время его изгнания. А. Саммс, в свою очередь, замечает, что невозможно точно сказать, насколько правдиво предположение Бриньольфа Свейнссона, однако тот факт, что, согласно Беде Достопочтенному и Вильяму Мальмсберийскому, Хенгист и Хорза были потомками Водена в четвертом поколении, определенно предполагает наличие хотя бы ещё одного Водена, если не двух, так как в скандинавском эпосе речь идет о более давних временах¹⁰¹.

Чтобы подвести итог тому, насколько плотно укоренилась скандинавская эвгемеристическая теория в конце XVII в. на английской почве, позволим себе привести полностью выдержку из эссе сэра Уильяма Темпла (1628-1699) «О героической доблести»:

«Один, Воден или Годен (в разных северных диалектах произносится по-разному) был первым и величайшим героем западных скифов; он повел орды гетов, именуемых готами, из азиатской Скифии в самый северный край Европы; там он обосновался, и королевство его разрослось по всему Балтийскому морю. На западе оно простиралось вплоть до океана, а на юге - до Эльбы, которая издревле была границей между скифами и германцами. Эту обширную страну по-готски называли Бьярмией, и из неё вышли все те готы, вандалы, саксы, англ, юты, даны и норманы, что наводнили и подчинили себе западные области Европы. Некоторые даже

⁹⁹ *Sammes A. P. 435.*

¹⁰⁰ *Мелетинский Е.М. Эдда и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 5.*

¹⁰¹ *Sammes A. P. 448.*

утверждают, что Один расширил свои владения вплоть до государства франков, и ни у кого не вызывает сомнений, что он был создателем рунической письменности (...), помимо этого, установил множество законов, ввел в обиход календарь, был непобедимым воином и мудрым законодателем. Подданные боготворили Одина, а после смерти и вовсе причислили его к лику богов, наравне с Тором, богом грома и ярости, и Фреей, богиней удовольствия, и именами их были названы три дня в неделе»¹⁰². Во «Введении в историю Англии» он указывает, что шотландцы и ирландцы также были скифами¹⁰³.

Основное отличие парадигмы Одина от более ранней, связанной с Туиско, заключается в народе, заселившем всю Северную Европу, и стране его происхождения. Джеймс Тиррелл в книге конца XVII в. сравнивает труды Ричарда Верстегана и Роберта Шерингама. Он пишет, что по Р. Шерингаму, которого поддерживают шведские и датские историки, Европа была заселена готами из Скандинавии, а по Р. Верстегану – германцами из, соответственно, Германии, несмотря на то, что и те, и другие не являются первопоселенцами на тех местах. Дж. Тиррелл совершенно явно отдает предпочтение Шерингаму, хотя и пишет, что «не присуще историку слишком много внимания уделять аргументам «за» и «против»», и, представив краткий обзор мнений, он предлагает читателю самостоятельно ознакомиться с книгами цитируемых им авторов¹⁰⁴.

К середине XVIII в. происхождение от готов прочно заняло свое место в английской истории. Джон Джексон в своей хронологической работе посвящает небольшой раздел готскифскому царству. Он указывает, что Один (уже называя его именно так, а не «Воденом») отправился в путь из скифской Азии в северную Европу в 24 году до Р.Х. Вместе со своей женой Фриггой и сыном Тором они были впоследствии приравнены к лику богов, и им поклонялись все северные народы: готы, шведы и даны. В своих подсчетах Дж. Джексон руководствовался трудами Олафа Магнуса и Саксона Грамматика¹⁰⁵.

Фрэнсис Вайс в опубликованной анонимно работе «Некоторые изыскания о первых обитателях Европы» выделял три точки зрения о происхождении готам: некоторые считают, что готы впервые пришли из Скандинавии и расселились в более южных областях, другие говорят, что готы и геты - это один и тот же народ, а третьи считают, что слово «гот» эквивалентно слову «скиф». Сам же склонялся к идее, что язык готов берет свое начало в скифской Азии, и от него ведут происхождение тевтонский, франкский, саксонский и рунический языки. Отдельно

¹⁰² Temple W. Of Heroic Virtue. P. 354-6.

¹⁰³ Temple W. Introduction to the History of England. P. 533.

¹⁰⁴ Tyrrell J. Vol. I. L., 1697. P. 123.

¹⁰⁵ Jackson J. Vol. II. P. 345-6.

Ф. Вайс подчеркивал, что готский никоим образом не происходит от кельтского языка¹⁰⁶. Путешествие же Одина Вайс связывает с растущей римской угрозой после победы Помпея в Третьей Митридатовой войне (74-63 до н.э.). К этому же фактору Ф. Вайс относит уход Одина (Водена, имена перечислены через запятую, однако привычное нам наименование стоит первым) в самую северную часть Европы, куда не распространялось в то время римское влияние. Самих готов Ф. Вайс считал самым цивилизованным северным народом, так как помимо прочего, Один ввел у них письменность. Кроме того, он возглавил обширные завоевания и был искусен в магии. После смерти Один стал верховным божеством готов, его же военачальники вошли в историю как "асы", а язык их стал называться "азиатским"¹⁰⁷.

К середине XVIII века готицизм стал общепринятым подходом к анализу собственной истории среди английской образованной публики. Помимо прочего, эта концепция сближала прошлое Англии и стран Северной Европы, даруя им общих предков – эвгемеризированных богов из скандинавского пантеона, причем особый упор ставился на Одина как предводителя переселенцев из Азии (чаще всего – из Скифии), согласно прологу Снорри Стурлусона к «Младшей Эдде». Англичане, чей цикл мифов о языческих богах практически не сохранился, охотно разделили отцов-основателей своего народа со скандинавами, так как в условиях господства готицистической парадигмы все германские народы представлялись единым этносом, лишь сравнительно недавно разделившимся на отдельные группы.

Готицизм в Шотландии

Политические притязания Англии, базировавшиеся на основе легенды о Бруте, оказали непосредственное воздействие на формирование мифа о происхождении шотландцев. В 1290 г. Шотландия переживала кризис власти, после смерти семилетней принцессы Маргарет, наследницы Александра III, погибшего в 1286 г. Эдуард I (1272-1307), вызванный быть арбитром в династическом споре, разослал запросы в монастыри с целью обоснования собственных притязаний на шотландский престол. В письме 1301 г. Бонифацию VIII, Эдуард обосновывал свое право отсылкой к «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского, где говорилось, что Брут отдал Шотландию своему среднему сыну Альбанакту, который назвал её Альбанией. При условии, что Англия была отдана старшему сыну, все остальные страны Британских островов находились в подчиненном положении по принципу майората. Шотландцы, в свою очередь, направили папе Иоанну XXII Арбротскую декларацию (1320), где утверждалось, что все сыновья Брута обладали равными правами на его наследство, и, более

¹⁰⁶ Wise F. P. 82-3.

¹⁰⁷ Wise F. P. 84-5.

того, была приведена легенда о Скоте, основательнице Шотландии¹⁰⁸. Как указывает Эдуард Коэн, первое упоминание о Скоте встречается в «Истории бриттов» Ненния¹⁰⁹.

Легенда не была полностью сформулирована вплоть до 1384-7 гг., когда Иоанн Фордунский изложил её в «Хронике шотландской нации»¹¹⁰. Её суть состоит в том, что Британия была заселена потомками греческого царевича Гайтелоса и его жены Скоты, дочери египетского фараона. Под предводительством сына Гайтелоса, Ибера, его последователи добрались до берегов Британии, и ту часть острова, где они впервые высадились, Ибер назвал в честь матери Шотландией (Скотией). В честь него же была названа Ирландия (Иберия) и Ирландское море¹¹¹. Помимо прочего, Иоанн Фордунский в своем труде критиковал и легенду о Бруте. По его мнению, название «Британия» относится только к Англии, так как именно там правил Брут. Иоанн Фордунский разделяет Альбион на две части: Британию и Скотию. Южную часть, Британию, изначально колонизовали бритты, северную же, Скотию – скотты и пикты¹¹². Подобное объяснение было призвано положить конец претензиям англичан на господство над всем островом¹¹³.

В качестве основателя нации изгнанный из Египта скиф, который странствовал с верными ему людьми, покуда не добрался до Испании, впервые¹¹⁴ встречается в уже упомянутой нами «Истории бриттов» Ненния¹¹⁵, а наиболее полное развитие этот сюжет получил в небезызвестной «Книге захватов Ирландии» (ок. 1050), где излагалась эвгемеристическая история волн ранних миграций в Ирландию. Там скифу дается имя – Гойдел Глас, сын принца Фения Фарсайда, который принимал участие в строительстве Вавилонской башни (башни Нимрода). После её разрушения Гойдел Глас становится носителем ирландского языка. Он женится на Скоте, дочери египетского фараона, они бегут из Египта и скитаются по свету, пока не оседают на Пиренейском полуострове. В честь него его народ получает название «гойделы». Один из гойделов по имени Бреоган строит башню, с вершины которой его сын, Ит, видит Ирландию. Он отправляется туда, и его там убивают. Тогда движимые местью сыновья Миля, дяди Ита – «милезианцы», завоевывают Ирландию, и становятся предками нынешних гэлов¹¹⁶. Антон Герард ван Хамель предполагает, что идея о прибытии ирландских колонистов

¹⁰⁸ Carley J., Crick J. P. 56-8.

¹⁰⁹ Cowan E.J. Myth and Identity in Early Medieval Scotland // The Scottish Historical Review. Oct., 1984. Vol. 63. No. 176. Part 2. P. 120.

¹¹⁰ Mason R.A. P. 63.

¹¹¹ John of Fordun's Chronicle of the Scottish Nation. P. 6-29.

¹¹² John of Fordun's Chronicle of the Scottish Nation. P. 30-31.

¹¹³ Mason R.A. P. 63.

¹¹⁴ Carey J. The Irish National Origin-Legend: Synthetic Pseudohistory. Cambridge, 1994. P. 6.

¹¹⁵ Ненний. С. 174-5.

¹¹⁶ Lebor gabála Éirenn: The book of the taking of Ireland. Part I. Dublin, 1938. P. 147-151; 163-168. Part II. Dublin, 1939. P. 8-86. Part V. Dublin, 1956. P. 10-97.

из Испании могла быть почерпнута из труда Исидора Севильского «История готов», где тот называет Испанию матерью всех народов¹¹⁷.

Традиционный же шотландский национальный миф берет свое начало в трех манускриптах: «Анналах Тигернаха», названных так по имени аббата монастыря Клонмакнойс (ум. в 1088 г.), «Истории народа Альбы» (X в., создана в сер. VII в.) – генеалогии королей Дал Риады в Шотландии и «Песни скоттов» (самый ранний манускрипт, в котором она сохранилась, датируется XV в., создана в XI в.) – гэльской поэтической версии «Истории бриттов» Ненния с обширными вкраплениями шотландской истории. Все три документа повествуют о сыне Эрка мак Эхдаха, правителя Дал Риады¹¹⁸, Фергусе, который с двумя своими братьями, Лоарном и Энгусом, завоевали земли в Великобритании (а именно территорию современного графства Аржилл в Шотландии¹¹⁹), и основали в 500 г. шотландский королевский дом Дал Риада¹²⁰. Наследниками Фергуса мак Эрка провозглашали себя последующие правители скоттов¹²¹.

Эдуард Коэн указывает, что этот вариант национального мифа заменил более ранний, о котором писал в своем труде Беда Достопочтенный¹²². Он дает следующее истолкование названию королевства Дал Риада: «по прошествии времени в Британии вслед за бриттами и пиктами появился и третий народ - скотты, что пришли в область пиктов из Ибернии со своим вождем Ревдой и миром либо мечом приобрели земли, которыми владеют до сих пор. По имени их вождя они зовутся далревдинами, ибо “дал” на их языке значит “часть”»¹²³ (I. 1).

Легенде о Гайтелосе и Скоте была уготована не столь продолжительная судьба на поприще национального мифа. С XIV в. прослеживается отчетливое разделение Шотландии на южную равнинную часть, тяготевшую к английским соседям, и северную горную, чье самосознание оставалось крайне кельтским. Горцы-гэлы становятся главным объектом шотландской сатиры с конца Средневековья, и попытки Якова IV (1473-1513) подчинить себе Нагорье лишь усилили эффект разобщенности¹²⁴. Шотландцам был необходим единый национальный миф, и легенда о Скоте, будучи изначально достаточно искусственным конструктом, уже не справлялась с этой ролью. Легенда все ещё встречается в труде Гектора Боэция (1465–1536) «История шотландского народа» (1527). Он помещает её сразу после легенды об Альбине и Бруте, которую он заканчивает победой над великанами, совершая

¹¹⁷ Hamel van A.G. On Lebor Gabála // Zeitschrift für celtische Philologie. 1914/15. No. 10. P. 173.

¹¹⁸ Королевство, которое в находилось на территории современного графства Антрим в Ирландии. The Oxford Companion to Scottish History (edit. by Lynch M.). Oxford. 2007. P. 161.

¹¹⁹ The Oxford Companion to Scottish History. P. 161.

¹²⁰ The annals of Tigernach. P. 124; Senchus fer n-Alban. P. cl; The Duan Albanach. P. 59.

¹²¹ Celtic culture: a historical encyclopedia. Vol. II. P. 740.

¹²² Cowan E.J. P. 116.

¹²³ Беда Достопочтенный. С. 11.

¹²⁴ Kidd C. P. 124.

переход между английской и шотландской традициями единственной фразой: «но происхождение скоттов было иным»¹²⁵.

Однако писавший раньше него (1521), но не столь влиятельный шотландский историк Джон Мэер (Мейджор; 1467-1550) уже отрицает эту легенду, справедливо полагая, что она была сочинена в пику англичанам. Шотландцы, по мнению Дж. Мэера, создали себе греко-египетское происхождение, памятуя о победе греков над троянцами и добавив к тому пышную историю египетского царства. Сам же Дж. Мэер, равным образом отрицая легенду о Бруте, считает, что шотландцы ведут свой род от ирландцев. При этом он, что любопытно, ссылается на историю, приведенную в книге Беды Достопочтенного, а не на шотландские источники. Ирландцы же, в свою очередь, по мнению Дж. Мэера, происходят от испанцев, что позволило ему принять ту часть легенды о Скоте и Гайтелосе, что повествовала об их путешествии из Испании в Ирландию, и которая, как было указано выше, является сюжетом из «Книги захвата Ирландии»¹²⁶.

Джордж Бьюкенен (1506-1582) в своем фундаментальном труде «История Шотландии» (1582) последовательно критикует и английский, и шотландский мифы, сравнивая их с сочинениями античности. Он удивляется тому, что герои мифов носят неподобающие имена: имя «Брут» впервые появляется во время Тарквиния Гордого, который правил через пять веков после предполагаемого путешествия Брута; Гайтелос же, будучи греческим принцем, носит латинское имя, и о нем ни разу не упоминают греческие авторы. Ещё больше Дж. Бьюкенена занимает вопрос, каким образом герои и того, и другого мифа смогли добраться до Британии: оставив в стороне совершенно неправдоподобное путешествие Альбины и её сестер на корабле без руля, он удивляется тому, как в Британию смог попасть Брут, если учесть, что с этим трудом справились римляне во времена расцвета их государства. Что касается Гайтелоса и Скоты, то Дж. Бьюкенена больше занимает вопрос не «как», а «зачем»: на пути у них были малозаселенные и плодородные земли Крита, Сицилии, Корсики и Сардинии, что же подвигло их плыть на север, где климат суров, а земли не столь щедры? В конце концов, Бьюкенен склоняется к выводу, что и англичане, и шотландцы на самом деле происходят от галлов¹²⁷.

В качестве общепринятого национального мифа на смену легенде о Скоте пришли всё те же короли Дал Риады. Почему же жители Шотландской равнины при всей их антипатии к горным собратьям, продолжали столь упорно держаться за эту легенду, гэльскую по своей сути? В первую очередь, потому что это был вопрос суверенитета. Лоуландеры не

¹²⁵ *Boese H. P. xx.*

¹²⁶ *Major J. P. 50-2.*

¹²⁷ *Buchanan G. Vol I. P. 69-79.*

ассоциировали гэльскость легенды о Дал Риаве с современными горцами и их традиционным укладом жизни. Для них Дал Риавы была мифом, что на протяжении нескольких веков служил основанием независимости Шотландии, особенно важной, начиная с восшествия в 1603 г. на английский престол шотландского короля Якова VI Стюарта (под именем Якова I) и попытки объединения двух государств под его личной унией. Объединение произошло лишь в 1707 году, когда английский и шотландский парламенты приняли Акт об Унии, создав государство Великобритания. Шотландцам было важно показать, что это был союз между равными партнерами, а не огромная Англия поглотила маленькую Шотландию. Политика же Якова VI Стюарта (Якова I; 1566-1625) по подавлению горцев и переселению шотландцев из равнинных регионов в Нагорье и на Острова ничуть не помешала ему в своих политических изысканиях связывать независимость Шотландии с королями Дал Риавы, несмотря на гэльскую составляющую этой легенды¹²⁸.

Закат мифа о Дал Риаве датируется 1729 годом¹²⁹ – именно тогда вышла книга католического священника Томаса Иннеса (1662-1744), который поставил интересный вопрос о том, нужно ли связывать начало шотландской государственности с королевством Дал Риавы. Подобное стремление он был склонен приписывать, скорее, проискам ирландцев, которые, утверждая, что шотландская Дал Риавы была образована чуть ли не до Рождества Христа, добавляли славы собственным предкам, ведь известно, что изначально это королевство существовало только в Ирландии. Т. Иннес делает упор на этническом многообразии компонентов шотландской нации: это и пикты, и гэлы, и саксы, и бритты, и даже норманны и даны. Он утверждает, что совершенно необязательно ассоциировать начало шотландского государства с возникновением королевства Дал Риавы, так как скотты прибыли в Британию только в конце третьего века н.э., а свою монархию основали лишь два века спустя. Подчеркивая полиэтничность шотландской нации, Т. Иннес утверждает, что из-за многочисленных последующих браков и завоеваний, в нынешних шотландских королях столько же крови скоттов, сколько пиктов, о древности государства которых сомневаться не приходится: о них, в отличие от скоттов, упоминали античные авторы (Т. Иннес предполагает, что пикты в древних источниках появлялись под именем каледонцев). Таким образом, Т. Иннес делает вывод, что начало государственности в Шотландии нужно связывать не с Дал Риавой, которая была всего лишь одним из компонентов, а с королями пиктов¹³⁰.

¹²⁸ Kidd C. P. 127; 140-142.

¹²⁹ Mason R.A. P. 77.

¹³⁰ Innes T. P. 109-114.

Теория о пиктах Т. Иннеса не получила широкого распространения, однако и у неё нашлись свои последователи. Распространение получила его демонстрация того, что Дал Риادا необязательно является тем самым начальным компонентом шотландской государственности. На политическом уровне легенда о Дал Риаде продолжала существовать, но для образованных кругов Шотландии она всё больше утрачивала свое значение. Через несколько десятилетий после Акта об Унии шотландцы переняли от англичан идею готицизма, однако, как отмечает К. Кидд, изначально применялась она в основном в качестве заимствования скоттами на раннем этапе готских институтов и законов¹³¹. Институты шотландского феодализма были, по их мнению, по своей сути идентичны общегерманским.

Генри Хоум, лорд Кеймс (1696-1782) пытаясь найти истоки шотландского феодализма, утверждал, что подобное явление, превращавшее подданных короля в вассалов и слуг, было чуждо свободному духу шотландцев. Он относил его к иностранному влиянию, так как традиционная легенда о щедром короле Малкольме II, раздавшем все земли лордам и получившем в благодарность верховную власть над ними, казалась ему неправдоподобной. Лорд Кеймс открыто заявляет, что «мы заимствовали все законы и обычаи от англичан»¹³², у которых феодализм был введен ещё Вильгельмом Завоевателем. Таким образом, Г. Хоум подытоживает, что около одного или двух веков после правления Вильгельма Завоевателя, законы в Англии и Шотландии были одинаковыми, а затем началось разделение¹³³. В качестве своего предшественника в этом вопросе Г. Хоум ссылается на Томаса Крейга, юриста, который ещё в начале XVII в. исповедовал готицистический подход в отношении возникновения шотландского феодализма и основных законов. Т. Крейга мало интересовал гэльский миф о Дал Риаде, так как, по его мнению, история о происхождении шотландского государства имеет мало общего с применяемыми на практике законами и действующими институтами¹³⁴.

В свою очередь, именно лорду Кеймсу посвящен труд об истории феодализма в Великобритании сэра Джона Далримпла (1726-1810), шотландского юриста. Дж. Далримпл начинает свой труд с констатации того, что феодальные законы ведут свое происхождение от древних германцев, под именем которых он понимает все северные нации Европы, что разгромили Римскую империю и расселились на тех территориях, которые завоевали¹³⁵. Он соглашается с тем, что в Англии феодализм был установлен Вильгельмом Завоевателем, а возникновение шотландского феодализма относит к царствованию Малкольма III. Тем не

¹³¹ Kidd C. North Britishness and the nature of eighteenth-century British patriotisms // *The Historical Journal*. June 1996. Vol. 39. Issue 2. P. 382.

¹³² Home H. *Essay Upon Several Subjects Concerning British Antiquities*. P. 4.

¹³³ Home H. P. 1-6.

¹³⁴ Craig T. Vol. I. P. 49-70.

¹³⁵ Dalrymple J. P. 1.

менее, Дж. Далримпл считает, что в феодальная система в Шотландии была установлена после завоевания части территории неким германским племенем, и эта система, затронув изначально южные области, вскоре была перенесена на северные, а на долю Малкольма III выпало лишь закончить оформление феодальной структуры¹³⁶.

Распространение концепции готицизма в подобной его трактовке могло быть во многом обусловлено тем, что юридическое образование во второй половине XVIII века в Шотландии считалось эквивалентным общегуманитарному, и юристы задавали тон интеллектуальной жизни Эдинбурга. Более того, перечисленные нами выше авторы по своей профессии были судьями, и даже имели право заседать в Сессионном суде.

Ещё до оформления идей о готицизме как заимствовании готских институтов, вышел труд Джорджа МакКензи (1669-1725), шотландского биографа, который связал происхождение шотландцев со скифами, и, соответственно, германскими племенами. Дж. МакКензи ставит перед собой задачу доказать, что скотты пришли не из Ирландии в Шотландию, а как раз наоборот: с севера Британии в Ирландию. Ссылаясь на авторитет П. Пезрона, Дж. МакКензи пишет, что потомки Гомера, сына Ноя, расселились по Передней Азии, и назывались в то время саки. Продолжая, Дж. МакКензи цитирует Геродота, говоря, что имя «саки» было дано персами всем скифам. Скифы, как полагал Дж. МакКензи, захватили территории к востоку от Каспийского моря, от Мидии до реки Яксарт (Сырдарья). Со временем они увеличили свою численность, и некоторые были изгнаны из того благодатного края. Одни поселились в Мидии, и стали называться ариями. Другие же – в Бактрии и стали называться «оседлыми саками». Та же часть, что именовалась «дикие саки» или номады, ушли в северную Азию и Европу, где расселились между Понтом Аксинским (Черным морем) и меотийскими болотами (дельтой Дона) и сменили свое имя на кимвров или киммерийцев. Дж. МакКензи далее ссылается на труды Эдуарда Стиллингфлита (который приравнивал скоттов к скифам), говоря, что эти киммерийцы шли все дальше и дальше по руслу рек, пока не дошли до гор и Северного моря, а перебравшись через него – до северных областей Британии, где они получили имя каледонцев. Ирландию же они заселили после, так как это был ближайший к ним остров. Тем не менее, Дж. МакКензи в конце склоняется к мысли, что скифы изначально дошли до Британии, а уже оттуда заселили более северные области Скандинавии¹³⁷.

Дж. МакКензи ссылался на работу Поля Пезрона – бретонского теолога, написавшего значительную для кельтского самосознания книгу «Древности наций, в особенности же

¹³⁶ *Dalrymple J. P.* 20-22.

¹³⁷ *Mackenzie G.* Vol I. P. ii-v.

Кельтов или Галлов», прославлявшую кельтов и дававшую им возможность соотнести себя с библейской историей и сыновьями Ноя. Задачей его труда было увековечить кельтский народ (в т.ч. его бретонскую часть) в пику галлам-французам. П. Пезрон писал, что кельты, на самом деле, были Титанами древности, которых многие считают придуманным народом¹³⁸. Это имя кельты получили, когда вторглись во Фригию (до этого они именовались саками, однако родство последних со скифами было изобретением Дж. МакКензи: сам П. Пезрон возводил скифов к Магогу, младшему брату Гомера¹³⁹). Ассоциация кельтов с титанами также касалась их телосложения: по П. Пезрону, кельты были «высоким и воинственным народом»¹⁴⁰. П. Пезрон указывал, что сведения об исполинах не однажды встречаются в библейской традиции, главным образом он связывал титанов-кельтов с рефаимами¹⁴¹. Те же боги, которых греки и римляне называли Ураном, Сатурном и Юпитером, были на самом деле великими правителями кельтов¹⁴².

Подобные фантастические гипотезы прославляли кельтов, но на практике было малоприменимы. Одной из главных мыслей П. Пезрона, почерпнутых дальнейшими исследователями, было возведение рода кельтов к Гомеру, старшему сыну Иафета¹⁴³. Германцев же, или тевтонов, П. Пезрон возводил к фригийцам, а через них – к Аскеназу, сыну Иафета, внуку Ноя¹⁴⁴. Что касается вопросов происхождения, то П. Пезрон неоднократно указывает на ошибку античных авторов, смешивавших кельтов и германцев воедино. Тем не менее, он считает их родственными народами: «неудивительно, что тевтоны, потомки Аскеназа, должны быть похожи на кельтов: сходство и подобие между этими нациями проистекает из их общего происхождения»¹⁴⁵. Помимо прочего, П. Пезрон высказывает догадку, что, так как германцы и кельты жили рядом, возможно, между ними имели место смешанные браки ещё на раннем этапе истории¹⁴⁶.

Огромную роль в развитии самосознания кельтов сыграл Джеймс Макферсон собиратель гэльского фольклора и составитель многотомного труда «Поэмы Оссиана». Колин Кидд полагает, что разделение между кельтами и германцами начало получать очертания с его рассуждений. Дж. Макферсон писал о том, что северо-восточный шотландский клан Хаттан

¹³⁸ *Pezron P.-Y.* The antiquities of nations; more particularly of the Celtæ or Gauls, taken to be originally the same people as our ancient Britains (trans. by Jones D.). L., 1706. P. 8-9.

¹³⁹ *Pezron P.-Y.* P. 22.

¹⁴⁰ *Pezron P.-Y.* P. 276.

¹⁴¹ «Народ великий, многочисленный и высокий» (Втор. 2:21), обитавший когда-то на земле Ханаана, принадлежащей потомкам несправедливого сына Хама.

¹⁴² *Pezron P.-Y.* P. vi-viii.

¹⁴³ *Pezron P.-Y.* P. 11.

¹⁴⁴ *Pezron P.-Y.* P. 208.

¹⁴⁵ *Pezron P.-Y.* P. 214.

¹⁴⁶ *Pezron P.-Y.* P. 214.

полагает себя наследниками древнегерманского племени хаттов¹⁴⁷. Дж. Макферсон допускает возможность ранней миграции кельто-германских племен в Британию (германцев Дж. Макферсон считал потомками гэлов, которые ушли со своей родины в Иллирию, и там подверглись значительному расовому смешению), однако полагает, что она была достаточно ограниченной. Тем не менее, он считает, что именно смешение этой германской колонии с восточными гэлами дало начало двум группам в составе каледонцев: пиктам и скоттам¹⁴⁸. Позднейшее влияние германцев также присутствовало в формировании нации скоттов: хотя скотты и произошли каледонцев, определенную роль сыграли контакты их с саксами на востоке Каледонии¹⁴⁹.

Дж. Макферсон, в целом, указывал, что в Европе существуют три главные расы: кельты, сарматы (под которыми они понимал готов¹⁵⁰) и славяне¹⁵¹. Первыми в Британию прибыли гэлы – кельтское племя, затем кимвры – кельто-германцы, которые поселились на западе¹⁵², и белги – также кельто-германцы, которые поселились на востоке¹⁵³. Сами гэлы при заселении Британии другими народами перемещались все дальше на север, пока не заняли Шотландское высокогорье, и до нынешнего момента эти прямые потомки каледонцев находились в сравнительной изоляции, что позволило сохранить им языковую чистоту и этническую однородность¹⁵⁴.

Непримиримым оппонентом Дж. Макферсона был Джон Пинкертон (1758-1826) – шотландский антикварий, проповедник идей превосходства германской нации и последователь Т. Иннеса. В центре его внимания находились пикты, которые, по его мнению, имели готское происхождение.

Дж. Пинкертон последовательно отвергает точку зрения У. Камдена о том, что пикты были галлами, равно как и британцы¹⁵⁵, кроме того, он на протяжении всей книги яростно критикует Дж. Макферсона и его теорию о происхождении пиктов, которых Дж. Макферсон считает единым целым с шотландцами, и называет их «восточными гэлами»¹⁵⁶. Для подтверждения своего мнения Пинкертон ссылается на труды Джорджа Бьюкенена (1506-1582) и Роберта Сиббальда (1641-1722). Дж. Бьюкенен, шотландский историк, в поисках

¹⁴⁷ *Macpherson J. P.* 139-140.

¹⁴⁸ *Macpherson J. P.* 82-3.

¹⁴⁹ *Macpherson J. P.* 91-2.

¹⁵⁰ *Macpherson J. P.* 34-5.

¹⁵¹ *Macpherson J. P.* 43.

¹⁵² *Macpherson J. P.* 55.

¹⁵³ *Macpherson J. P.* 64.

¹⁵⁴ *Macpherson J. P.* 92; 133; 220.

¹⁵⁵ *Camden W. P.* cxxxv-cxliv.

¹⁵⁶ *Camden W. P.* cxxxv-cxliv; *Macpherson J. P.* 186; *Pinkerton J. Vol. I. P.* 121-163.

происхождения пиктов пишет, что все авторы соглашались со мнением, что пикты пришли в Британию с востока: некоторые говорят, что из Скифии, другие – что из Германии. Дж. Бьюкенен замечает, что древние британцы часто украшали свои тела рисунками из сока трав, пикты же, напротив, использовали для этого раскаленное железо. Дж. Бьюкенен находит у Вергилия упоминания о гелонах и гетах, которые практиковали этот обычай и соседствуют друг с другом, а затем у Арриана о готонах или гетинах, которые являются одним из племен гетов. Эти гетоны, как пишет Тацит, продолжает Дж. Бьюкенен, говорили на галльском языке¹⁵⁷.

Цитировавший в своем произведении Дж. Бьюкенена, сэр Роберт Сиббальд, как предполагает Уильям Фергюсон, невнимательно прочитал его книгу, и перепутал гетонов с готами¹⁵⁸. Р. Сиббальд пишет следующее: «Аргументация Бьюкенена заключается в том, что пикты произошли от расы готов, так как и те, и другие вырезали фигуры на своих телах»¹⁵⁹.

Тем не менее, в общем курсе книги Р. Сиббальда это умозаключение носило характер замечания. В научную доктрину его развил Джон Пинкертон. В 1787 году он выпустил «Трактат о скифах или готах», который вошел в его изданное позже в двух томах «Изыскание в историю Шотландии вплоть до правления Малкольма III или 1056 года» (1789). Для Дж. Пинкертона пикты (или пики, как он сам называл их) были равнозначны каледонцам и происходили от готов или скифов¹⁶⁰.

Дж. Пинкертон полагал, что в Европе существуют всего четыре расы: кельты, иберы (обитатели Испании и Аквитании, которые изначально пришли из Африки), сарматы (изначально владели юго-западной Тартарией¹⁶¹, но были изгнаны оттуда татарами) и скифы или готы (произошли из современной Персии, и, пройдя по побережью Черного моря, распространились по всей Европе)¹⁶². Пиктов Дж. Пинкертон связывает с Певкинами с острова Певки, что у устья Дуная, о которых упоминали Страбон, Тацит и Плиний Старший. Таким образом, по Дж. Пинкертону, пикты происходили «из самого сердца Гетии, Дакии и Мёзии, и если не были колонией колхидских скифов, то, совершенно точно, были скифского происхождения»¹⁶³. Дж. Пинкертон указывает, что пикты, пройдя через Балтику, заселили Скандинавию, а оттуда – Шотландию задолго до вторжения римлян, около 200 г. до Р.Х.¹⁶⁴ При этом они вытеснили в Ирландию кимвров, первых обитателей Шотландии, родственных

¹⁵⁷ *Buchanan G.* Vol I. P. 66-7.

¹⁵⁸ *Ferguson W.* George Buchanan and the Picts // *Scottish Tradition.* 1990/91. Vol. XVI. P. 27-8.

¹⁵⁹ *Sibbald R.* P. 24.

¹⁶⁰ *Pinkerton J.* P. 105.

¹⁶¹ Тартария – термин, использовавшийся в западноевропейской литературе с XIII до нач. XIX в. для обозначения территории от Каспийского моря до Тихого океана на востоке и до границ Китая и Индии на юге.

¹⁶² *Pinkerton J.* Vol II. P. 17-8.

¹⁶³ *Pinkerton J.* P. 158.

¹⁶⁴ *Pinkerton J.* Vol. I. P. 15-6.

нынешних валлийцам, которых он считает кельтами. Кимвры, однако, не обладали сколько-нибудь выдающейся культурой и были легко побеждены во многом превосходившими их пиктами¹⁶⁵. В дальнейшем именно пикты заселили равнинные земли Шотландии, являясь, таким образом, предками современных лоулендеров¹⁶⁶.

Более того, Дж. Пинкертон связывает пиктов с викингами. Он утверждает, что из-за различий в климате звук «п», который произносится с открытым ртом, может превратиться в «в», который говорится с сомкнутыми губами, что и произошло в климатических условиях Скандинавии, где люди стараются открывать рот как можно реже¹⁶⁷. Таким образом пикты (у Дж. Пинкертона – пики) превращаются в вик(т)ов, а затем и в викингов.

Что же до королевства Дал Риада, то Дж. Пинкертон соглашается с тем, что скотты прибыли из Ирландии, однако указывает, что в 739 году их, вопреки распространенному мнению, завоевали пикты, и после этого королевство Дал Риада перестало существовать¹⁶⁸. Название же «Шотландия», которое происходит от скоттов, Дж. Пинкертон считает сравнительно недавним изобретением невежественных ирландских монахов, которые стали так называть пиктов, так как само название «скотты» исчезло за несколько столетий до этого, а жителей Шотландии именовали готелами или иберами¹⁶⁹. Примечательно, что сами скотты Дал Риады были для Дж. Пинкертона не кельтами, а также пиктами, которые, переселившись в Ирландию, долгое время жили рядом с кимврами, заимствовали у них язык и потеряли былое готское величие: к примеру, Дж. Пинкертон отказывает кельтам в умении строить каменные сооружения, говоря, что «все храмы, дома и т.д. были у кельтов сделаны из прутьев, как нынешние амбары на Гебридских островах, поэтому не осталось от них никаких руин»¹⁷⁰.

Риторика о превосходстве пиктов занимает значительное место в книгах Дж. Пинкертона, причем даже на расистском уровне: «в жизни лоулендеры достаточно высокого роста, светлокожие, зачастую с русыми или рыжими волосами и с голубыми глазами; всё это – черты готов, согласно античным авторам. Низшие классы горцев же низкорослы (разумеется, кроме тех, у кого в предках были норвежцы), смуглы, с черными кудрявыми волосами и темными глазами. Умственные способности у них также различны. Лоулендеры проникательны, усердны, благоразумны и свободолюбивы. Горцы же праздны, покорны и не

¹⁶⁵ *Pinkerton J. P. 13-4.*

¹⁶⁶ *Pinkerton J. P. lxx.*

¹⁶⁷ *Pinkerton J. P. 353-3.*

¹⁶⁸ *Pinkerton J. P. 232.*

¹⁶⁹ *Pinkerton J. P. 233.*

¹⁷⁰ *Pinkerton J. Vol. II. P. 131-141.*

любят трудиться»¹⁷¹. Описания кельтов у Дж. Пинкертона, по контрасту с готами, носят почти животные черты: «тот, что путешествует среди шотландских горцев, валлийцев или ирландцев, может одновременно лицезреть как прошлое, так и нынешнее состояние кельтских женщин. Их мужья-дикари беззаботно дремлют в своих лачугах, в то время как их жены надрываются, словно вьючные животные, работая за своих изнеженных мужчин»¹⁷².

Можно было бы ожидать, что Дж. Пинкертон, по крайней мере, с одобрением отнесется к идеям сэра Джорджа МакКензи о том, что скотты были скифами, а, следовательно, германцами. Дж. Пинкертон одобрил идею Дж. МакКензи о том, что скотты заселили Ирландию с севера Британии, выгодно выделяя его из общей массы авторов, полагавших иначе. Тем не менее, в целом оценка Пинкертона труда Дж. МакКензи была уничижительной: «книга в высшей степени бестолкова, пестрит ошибками и дурно написана, однако располагает неплохим материалом»¹⁷³. Подобное двойное суждение выдает в Пинкертоне достаточно эксцентричную натуру, что неустанно подчеркивает Уильям Фергюсон¹⁷⁴.

Кеннет МакНил проводит достаточную любопытную параллель между работами Джеймса Макферсона и Джона Пинкертона. Он замечает, что и тот, и другой пытались преодолеть проблему разделения Шотландии на гэлов и равнинных шотландцев путем возвеличивания роли одной группы в ущерб другой. К. МакНил замечает, что аргументация Дж. Пинкертона и Дж. Макферсона базируется на схожем принципе: обе группы различаются не только языком, но и происхождением¹⁷⁵.

Идеи Дж. Пинкертона, равно как и Дж. Макферсона, разделили шотландское общество на две части: сторонников кельтицизма и готицизма. Среди последних был и Джон Джеймисон (1759-1838), антикварий и филолог, составивший первый этимологический словарь шотландского языка. На это намерение Дж. Джеймисона вдохновил Гримур Торкелин, исландский историк. В 1787 году во время встречи с Дж. Джеймисоном он поделился с ним идеей о том, что шотландский язык (Scots) насыщен словами готского происхождения, которых нет в английском, и попросил его собрать подобные слова в провинциях Ангус и Сатерленд и

¹⁷¹ *Pinkerton J.* Vol. I. P. 339.

¹⁷² *Pinkerton J.* P. 267.

¹⁷³ *Pinkerton J.* P. liii.

¹⁷⁴ *Ferguson W.* P. 250-7.

¹⁷⁵ *McNeil K.* *Scotland, Britain, Empire: Writing the Highlands, 1760-1860.* Ohio, 2007. P. 34.

дать им толкование¹⁷⁶. Дж. Джеймисон поставил перед собой гораздо более масштабную задачу и работал над словарем шотландского языка на протяжении 22 лет.

Эссе, предваряющее основной текст словаря, Дж. Джеймисон начинает с идеи о том, что шотландский был диалектом не английского, а древнего готского языка¹⁷⁷. Ссылаясь на мнение Роберта Шерингама, Дж. Джеймисон указывает, что Скандинавия изначально была заселена готами, которые затем переселились оттуда на юг¹⁷⁸. Беда Достопочтенный писал о том, что пикты приплыли в Британию из Скифии, а Иордан – что Скандинавию в древности называли Скифией¹⁷⁹. Таким образом, у Дж. Джеймисона пикты оказываются готами, выходцами из Скандинавии¹⁸⁰. Дж. Джеймисон замечает, что если бы современный язык был привнесен в Шотландию из Англии, то он располагал бы значительным количеством французских идиом, которые есть в английском. При этом, в шотландском есть французские термины, которые в английском отсутствуют. Дж. Джеймисону в целом кажется крайне сомнительной идея, что скотты, постоянно воюя с англичанами, переняли бы у них язык¹⁸¹.

Дж. Джеймисон цитирует множество других источников (приводя также мнение Дж. Пинкертона), для того, чтобы доказать эту идею и вытекающее из неё заключение, что шотландский язык происходит именно от языка пиктов¹⁸². Примечательно, что Дж. Джеймисон не опускается до расистской риторики Дж. Пинкертона, оперируя понятиями только на уровне языка.

Напоследок Дж. Джеймисон приводит любопытную мысль о том, что пикты могут до сих пор существовать в тех регионах, что были ранее их королевством. Он сравнивает празднование Йоля¹⁸³ на севере Шотландии и в Скандинавии, находя их чрезвычайно схожими. Если бы пикты были полностью истреблены кельтами, заключает Дж. Джеймисон, то и понятие «Йоль» бы исчезло, сменившись на «Белтайн»¹⁸⁴. Англичане в северных графствах, которые тоже празднуют Йоль, по мнению Дж. Джеймисона, просто переняли эту традицию у своих соседей¹⁸⁵.

¹⁷⁶ Примечательно, что Г. Торкелин обратил внимание именно на провинцию Сатерленд, которая до XIII в. находилась под управлением ярла Оркнейских островов. Скандинавское влияние было обусловлено норвежскими переселенцами, однако подобное объяснение в своем словаре Дж. Джеймисон не приводит.

¹⁷⁷ *Jamieson J.* Vol. I. P. 1.

¹⁷⁸ *Jamieson J.* P. 7.

¹⁷⁹ *Jamieson J.* P. 2-3.

¹⁸⁰ *Jamieson J.* P. 30.

¹⁸¹ *Jamieson J.* P. 27.

¹⁸² *Jamieson J.* P. 46-7.

¹⁸³ Йоль – праздник зимнего солнцестояния у скандинавских народов.

¹⁸⁴ Белтайн – кельтский праздник начала лета. Не совсем ясно, почему Дж. Джеймисон ассоциирует его с Йолем.

¹⁸⁵ *Jamieson J.* P. 46.

Проблема с подобными разнообразными трактовками происхождения пиктов не в последнюю очередь базировалась на крайне скудных сведениях о них. Как замечает Анна Ритчи, ученые с удовольствием вновь и вновь поднимали тему пиктов, так как из-за недостатка материалов о них, дискуссия об их происхождении могла быть бесконечной¹⁸⁶. Уильям Фергюсон, в свою очередь, высказывает интересную мысль о том, что пикты были единственным компонентом в ранней шотландской истории, с которым шотландцы могли себя идентифицировать, дабы отличаться от ирландцев¹⁸⁷.

Таким образом, в Шотландии в конце XVIII в. мы можем наблюдать противостояние кельтицизма и готицизма. Последний, изначально появившийся на шотландской почве в виде заимствования кельтами готских феодальных институтов, вскоре стал основываться на идее о готском происхождении пиктов – древнейшего из известных народов, населявших Шотландию. Пикты позволили ряду шотландских ученых, тяготеющих к интеллектуальным кругам Англии, попытаться уйти от неизбежной ассоциации населения Шотландии (по крайней мере, равнинной его части) с образом дикарей-кельтов, чрезвычайно распространенным в среде их английских коллег.

Образ великанов в сочинениях британских антиквариев XVI-XVIII вв.

Ранее мы уже отмечали, что в XVI веке, с выходом книги Полидора Вергилия и его уничижительной критикой легенды о Бруте, разгорелась острая дискуссия между сторонниками и противниками традиционной истории Англии. Английские авторы, стоявшие на позициях традиционализма, попытались реанимировать её, объединив со сведениями доминиканского монаха Анния из Витербо (1432-1502). Анний, по его собственным словам, обнаружил древние записи Бероса, вавилонского историка и жреца III в. до н.э., который писал, что великан Самотес, сын Иафета, внук Ноя, впервые после Потопа основал царство Кельтика между Пиренеями и Рейном¹⁸⁸.

Сведениями Анния воспользовался английский драматург и епископ Джон Бейл (1495-1563), который распространил королевство Самотеса и на Британию. По Дж. Бейлу, Самотес правил 300 лет, а после него к власти пришли его потомки: Маг научил своих подданных искусству прорицания, от него пошли маги; Сарон учредил школы; Друис основал друидический орден; Бардус изобрел музыку и поэзию, и от него пошли барды. Впоследствии Барда сместил с трона великан Альбион, сын Нептуна, которого затем убивает Геркулес. И

¹⁸⁶ Ritchie A. Perceptions of the Picts: from Euhemienius to John Buchan. Inverness, 1994. P. 17.

¹⁸⁷ Ferguson W. P. 19.

¹⁸⁸ Цит. по Asher R.E. National myths in Renaissance France: Francus, Samothés and the Druids. Edinburgh, 1993. P. 196-227.

только через долгий промежуток времени, в Британию приплывает Брут, таким образом, соединяя две традиции¹⁸⁹.

Уильям Харрисон, следуя по стопам Бейла, в «Хрониках Холиншеда» (1577) делает несколько дополнений к его повествованию. Он приравнивает Самогеса к Мешеху, шестому сыну Иафета, а затем и к Сатурну, как начинателю всего. По его мнению, до прибытия Альбиона, страна называлась Самогея, по своему основателю Самогесу (который привел сюда потомков Иафета в 1910 г. от Сотворения Мира¹⁹⁰) Нептуна же, отца Альбиона, У. Харрисон считает правителем древности, чрезвычайно искусным в навигации, который за свое мужество после смерти был причислен к лику богов. Самого же Альбиона У. Харрисон относит к проклятому потомству Хама, и сетует, что тот, завоевав владения самогетцев, посягнул на часть мира, отданную сынам Иафета (по библейской парадигме, Ной поделил мир между своими тремя сыновьями: Европа была отдана Иафету, Азия – Симу, а Африка – Хаму)¹⁹¹.

Несмотря на то, что теория завоевала и других сторонников, она достаточно скоро подверглась серьезной критике. Английский историк Джон Стоу (ок. 1525-1605) утверждал, что история о Самогесе и его потомках произошла из сфальсифицированного источника, приписанного Беросу. Сам же Дж. Стоу предпочел в своем произведении руководствоваться историей Гальфрида Монмутского¹⁹². Критику Дж. Стоу поддержал и Уильям Камден (1551-1623), обвинив Анния из Витербо в публикации под именем Бероса собственных фантазий¹⁹³. К истории о Бруте У. Камден относится гораздо терпимее, позволяя каждому полагаться на собственное суждение о ней¹⁹⁴. Сам же он высказывает предположение, что британцы произошли от галлов, разделяя вывод Джорджа Бьюкенена¹⁹⁵.

Попытка восстановления авторитета традиционной истории о Бруте и великанах была крайне неудачной: уже к началу семнадцатого века её отвергало большинство ученых¹⁹⁶. Тем не менее, традиционалисты продолжали верить в существование великанов. Какой же была позиция остальных участников дискуссии, не разделявших воззрений о Самогесе?

Уолтер Рэли придерживался мнения о том, что великаны существовали на самом деле. У них были все основания к тому: ссылка на слова из Книги Бытия 6:1-4 «в то время были на

¹⁸⁹ *Bale J. P.* 10-13.

¹⁹⁰ Потоп же в «Хрониках Холиншеда» был отнесен к 1650 г. от Сотворения Мира (*Holinshed R. Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. VI. L., 1808 (1st edition 1577). P. 73*), что означало, что прибытие Самогеса в Британию произошло через 260 лет после Потопа.

¹⁹¹ *Holinshed R. Vol. I. L., 1807. P. 6-9.*

¹⁹² *Stow J. P.* 10.

¹⁹³ *Camden W. P.* xxxiii-xxxiv.

¹⁹⁴ *Camden W. P.* viii.

¹⁹⁵ *Camden W. P.* xxxi.

¹⁹⁶ *Piggott S. P.* 60.

земле исполины» продолжала подкреплять существование великанов авторитетом Священного писания. В «Истории мира» У. Рэли целую главу посвящает великанам, о которых есть упоминания в Библии, ничуть не сомневаясь в их истинном существовании¹⁹⁷.

Позиция уже упомянутого нами Джона Твайна, больше отвечала духу времени. Существование великанов он рассматривал с позиций эвгемеризма. Всего он выделял четыре типа. К первому он относил персонажей, которые фигурируют в национальных легендах как отцы-основатели: Гомер для германцев и галлов, Фувал для испанцев, Альбион для англичан. Их называли великанами, чтобы подчеркнуть их значимость и заслуги. Следующий тип – те люди, что во времена расцвета человеческой расы отличались значительной физической силой, как Голиаф или некоторые племена Африки у Плиния. Именно эти люди построили мегалитические сооружения Англии, в том числе Стоунхендж¹⁹⁸. Третий тип, который встречается как в Библии, так и у античных авторов, «гиганты и циклопы» - так назывались жестокие и несправедливые тираны. Последний тип же, «добрые великаны», напротив, обозначал тех людей, которые славились своими благодеяниями. Таковы Атлас, Орфей и Геркулес¹⁹⁹. В поисках альтернативы легенде Гальфрида Монмутского Дж. Твайн остановился на финикийцах: по его мнению, эти великие мореплаватели в своем движении на запад сначала достигли Египта, затем поплыли к Средиземному морю, строя города на своем пути. Они оставили позади Эфиопию, Сирию, Грецию, направились на северу, и, в конечном итоге, обнаружили Британию, где в Корнуолле находились богатые залежи металла²⁰⁰.

Финикийцы давали британцам отличный вариант происхождения от древней славной нации: финикийцы были известными мореплавателями, что как раз отвечало на вопрос, каким образом были заселены Британские острова.

Шотландский писатель Александр Росс (ок. 1590-1654) в своем мифологическом словаре отдельную главу посвящает великанам. Он перечисляет разные варианты возможного истолкования этого термина, среди которых упоминает те античные мифы, где великаны принимали живое участие. Ссылаясь на авторитет Священного Писания, А. Росс подтверждает буквальное существование великанов, и даже ссылается на сообщение Жозефа Скалигера о том, что тот видел великана собственными глазами в Милане, правда, тот не мог стоять, но лежал на двух обычных кроватях, поставленных в длину. А. Росс, однако, убежден, что великаны

¹⁹⁷ *Raleigh W.* Vol. I. P. 307-8.

¹⁹⁸ Идея, основанная на свидетельстве Гальфрида Монмутского. Последний в своем труде «Истории королей Британии» приводит легенду о том, что Мерлин свои волшебством перенес камни Стоунхенджа с горы Килларао в Ирландии. Они назывались «Кольцо Великанов», обладали чудесными исцеляющими свойствами, и, как рассказывал сам Мерлин, великаны принесли их из Африки. *Гальфрид Монмутский.* С. 87-9.

¹⁹⁹ *Twyne J.* P. 59-64.

²⁰⁰ *Twyne J.* P. 40-45.

встречались во все времена и не являются плодом союза женщин и демонов, который невозможен в силу разной природы их тел. Закончив с этим вариантом, следующее же предложение А. Росс начинает так: «если же под великанами понимать ветра и пары...», комментируя происхождение великанов уже с позиции аллегоризма²⁰¹.

Более скептическую позицию занимал английский историк и филолог Джон Селден (1584-1654), составивший примечания и карты к поэме «Полиольтбион» (1598-1622) Майкла Дрейтона. Дж. Селден принимает во внимание свидетельства Священного Писания и античных авторов, однако сомневается в существовании великанов в древности. Он указывает, что тогда люди были не выше нынешних, во времена Аристотеля длина кровати обычно не превышала шести футов, что не отличается от современной, и, по свидетельству Адамнана Ионского, Гроб Господень был той же величины. Те же, кого называли великанами, по мнению Дж. Селдена, всего лишь превосходили обычных людей в размерах тела и физической силе. Что же касается гигантских костей, которые находят в земле и считают останками великанов, то Дж. Селден склонен думать, что они либо принадлежат людям с физическими уродствами, либо же просто крупным животным²⁰². Английский архитектор Иниго Джонс (1573-1652) в эссе о Стоунхендже (начатом в 1620 г., но изданном лишь в 1655 г. его учеником Джоном Уэббом (1611-1672), который собрал воедино записи И. Джонса и дописал некоторые части) полностью развенчивает историю о создании последнего великанами, принимая, таким образом, слова Гальфрида Монмутского за пустую выдумку²⁰³. И. Джонс полагал, что Стоунхендж – это храм, построенный римлянами в честь Келуса, бога неба²⁰⁴.

Точка зрения Джонса была оспорена через семь лет в книге Уолтера Чарльтона (1619–1707), личного доктора Карла II. Позволим себе привести полностью цитату из неё: «Тщательно сравнив Стоунхендж с древними постройками того же типа, что по сей день встречаются в Дании, я убедился, что они обладают удивительным сходством практически во всех деталях. Ознакомившись же с использованием этих удивительных сооружений на протяжении многих сотен лет, я могу с полным правом утверждать, что Стоунхендж был возведен данами, в те времена, когда те держали Англию в подчинении: он был призван служить местом заседания королевского совета и коронации датских правителей²⁰⁵. Стюарт Пигготт указывает на ошибку У. Чарльтона, достаточно распространенную в то время: воспользовавшись недавно вышедшими трудами Оле Ворма, У. Чарльтон счел, что все описанные там сооружения были

²⁰¹ Ross A. P. 135-6.

²⁰² Drayton M. P. 253.

²⁰³ Jones I. P. 17-9.

²⁰⁴ Ibid. P. 107-8.

²⁰⁵ Jones I., Charleton W., Webb J. L., 1725. P. 79.

построены датчанами в историческое время, что позволило ему связать возведение Стоунхенджа с датским господством в Англии. С. Пигготт также отмечает, что ни один из примеров в книгах Ворма не напоминает Стоунхендж даже отдаленно²⁰⁶. В 1665 году Джон Уэбб ответил У. Чарльтону трудом, в котором он приводил множество доводов в защиту идей Джонса, и на этом их дискуссия формально завершилась.

Однако идея о связи мегалитических сооружений Британии (в первую очередь, Стоунхенджа) с великанами пережила их дискуссию. В 1660 г. свет увидел труд датчанина Йохана Пикардта, в котором тот счел именно великанов, упомянутых в Книге Бытия, строителями мегалитических сооружений провинции Дренте, которые, по его мнению, были возведены ещё до Потопа²⁰⁷. Идея была подхвачена британскими авторами, которые вспомнили латино-английский словарь сэра Томаса Элиота, в котором под заголовком 'gigas' указывалось, что в монастыре в двух милях от города Солсбери покоятся останки человека, примерно 14 футов и 10 дюймов высотой²⁰⁸. Джеймс Бёрнетт же, лорд Монбоддо, же связал строительство Стоунхенджа со скелетом великана из Солсбери.

Взгляды лорда Монбоддо в целом являли собой удивительную смесь эволюционизма и уверенности в общем упадке мира. Дж. Бёрнетт представлял себе прогресс человечества с самых низших стадий до современного состояния. Представителями первых ступеней развития по его представлениям даже не обладали, вопреки библейскому канону, человеческой речью. Они сбивались в толпы, чтобы защищаться от диких зверей, и в дальнейшем образовали первые поселения²⁰⁹. Только на этой стадии, по Дж. Бёрнетту, появилась речь. Представителями же предыдущей он считал орангутангов и шимпанзе, которые до сих, по его мнению, демонстрируют различные человеческие навыки и привычки, только лишь не умея говорить²¹⁰.

Высшей же точки своего развития, по мнению Дж. Бёрнетта, человеческая культура достигла в древнеегипетском государстве, однако с тех пор начался её упадок. Пифагор же, который обучался в Египте, был величайшим философом и наиболее выдающимся человеком на Земле. Тем не менее, во времена расцвета Египта, подобных ему было много, и с тех пор они остались в людской памяти как герои и боги²¹¹. Лорд Монбоддо утверждал, что у каждого народа был век героев, когда люди жили необычайно долго, и были удивительного роста и

²⁰⁶ Piggott S. P. 104.

²⁰⁷ Piggott S. P. 49.

²⁰⁸ Цит. по Burnett J. *Antient Metaphysics*. Vol. III. L., 1779. P. 157.

²⁰⁹ Burnett J. *Of the Origin and Progress of Language*. Vol. I. L., 1774. P. 342-348; 362-7.

²¹⁰ Burnett J. P. 357-361.

²¹¹ Burnett J. *Antient Metaphysics*. Vol. III. P. xi-xxvi.

силы²¹². Стоунхендж, в свою очередь, был построен великанами в тот же период: тело одного из них было найдено близ Солсбери, и высота его составляла 14 футов (4,27 м)²¹³.

Таким образом, мы можем подвести некоторые итоги. Идея об аборигенном населении Британии, состоявшем из великанов, вела свое начало ещё со средневековья, с XVI века являясь предметом острых дискуссий сторонников и противников национального мифа Гальфрида Монмутского. На помощь терпящим поражение традиционалистам в тот момент пришла получившая определенное распространение теория о великане Самотесе, сыне Иафета, внуке Ноя, отце-основателе всего кельтского царства. Эта теория была вскоре раскритикована, однако вплоть до XVIII века великаны продолжали существовать в трудах английских и шотландских антикваров в качестве строителей Стоунхенджа и прочих мегалитических сооружений Британских островов – концепции, ведущей свое начало также с труда Гальфрида Монмутского.

Ирландская мифологическая история

Помимо мифологических компонентов истории Англии и Шотландии нужно отметить ещё один немаловажный фактор, сыгравший роль в формировании эвгемеристической традиции, связанной с низшей мифологией, а именно – легендарное происхождение ирландского народа. Наиболее полное развитие этот сюжет получил в небезызвестной «Книге захватов Ирландии» (ок. 1050), где излагалась эвгемеристическая история волн ранних миграций в Ирландию²¹⁴, и некоторые из них оказываются связанными с мифологическими персонажами (племена богини Дану²¹⁵ и фоморы). Сами ирландцы связывали свое происхождение с последней из миграций – сыновей Миля, милезианцев.

В «Сказании о Туане Мак Кайриле» из «Книги Бурой Коровы» (ок. 1100 г.) говорится, что Партолон, возглавлявший первую миграцию в Ирландию, пришел с востока, из Греции²¹⁶. Фир Болг обыкновенно связывались с кельтским племенем белги, не в последнюю очередь из-за соответствия именовании²¹⁷. В саге «Битва при Маг Туиред» фоморы, «люди из Скифии Лохланн»²¹⁸ отчетливо идентифицируются со скандинавами²¹⁹. Что же касается племен богини

²¹² Burnett J. P. 106-11; 150.

²¹³ Burnett J. P. 156-7.

²¹⁴ Племя Партолона, народ Немеда, народ Фир Болг, племена богини Дану, милезианцы.

²¹⁵ Шотландский историк Л. Хендерсон указывает, что впервые племена богини Дану и персонажи низшей мифологии были идентифицированы в 1567 г. Henderson L., Cowan E.J. P. 19.

²¹⁶ Scél Tuáin meic Chairill. P. 236.

²¹⁷ The Celtic heroic age: literary sources for ancient Celtic Europe & early Ireland & Wales (edit. by Koch J.T., Carey J.). Celtic Studies Publications, 2000. P. 749.

²¹⁸ Битва при Маг Туиред. С. 361.

Дану, то в самой «Книги захватов» они низведены до уровня людей, искусных в магии: «они учились друидическому мастерству, тайному знанию, предсказаниям и колдовству, пока не стали сведущи во всех языческих искусствах»²²⁰. Таким образом, эвгемеристическое толкование применялось ко всем волнам миграций, включая даже те, что имели ярко выраженную мифологическую природу. Фоморы и племена богини Дану, в дальнейшем, под влиянием христианства превратившись в персонажей низшей мифологии, однако будучи изначально включенными в заселение Ирландии, могли дать необходимую базу для ассоциации волшебных существ с аборигенным населением.

Ирландская традиция на протяжении длительного времени влияла на самосознание шотландцев. В неё была встроена легенда о Скоте через заселение Ирландии сыновьями Миля. С заходом легенды о Скоте начала разрушаться и связь шотландского национального мифа с легендарной историей Ирландии. Уже Джордж Бьюкенен, критикуя легенду о Скоте, презрительно называет ирландскую традицию «милезианскими баснями»²²¹.

Однако королевство Дал Риада было основано ирландцами, а значит, и потомками сыновей Миля. Через такую непрочную основу продолжала оставаться связь с ирландской исторической традицией. В 1729 году Томас Иннес, пересмотрев миф о королях Дал Риады, также подверг критике ирландских авторов, которые, полагаясь на собственную легендарную историю, считали сыновей Миля и скоттов единым целым, и что эти племена прибыли в Ирландию, в десятом, двенадцатом или четырнадцатом в. до н.э. Т. Иннес полагал, что сходство языков у обитателей Британии и Ирландии позволяет предположить, что первые поселенцы прибыли в Ирландию не из Испании, а из северных областей Британии: вероятнее всего, с мыса Малл-оф-Кинтайр. Тем не менее, Т. Иннес соглашается с тем, что с развитием навигации, в Ирландии могли поселиться и племена из Испании²²².

На критику Томаса Иннеса ссылается и Дж. Макферсон, отрицая историю сыновей Миля, на которой базировалась легенда о Скоте, как совершенно недостоверную²²³. Дж. Макферсон утверждал, что племенем Фир Болг были белги, которые переселились в Ирландию после того, как захватили южные части Британии. О других племенах он не упоминает, да и Фир Болг заслужили его внимания только потому, что они упоминались в поэмах Оссиана²²⁴.

²¹⁹ Лохланн – в раннесредневековой Ирландии этим словом обозначали северные регионы, преимущественно, Скандинавию. В гэльском языке слово «лохланнах» (люди из Лохланн) имеет значение «захватчик», как правило – «викинг».

²²⁰ Lebor gabála Éirenn: The book of the taking of Ireland. Part IV. Dublin, 1938. P. 107.

²²¹ Buchanan G. P. 96; 270.

²²² Innes T. P. 228-231.

²²³ Macpherson J. P. 124-5.

²²⁴ Macpherson J. P. 98-103.

Основной акцент Дж. Макферсон делает на доказательстве исторической реальности Фингала и его товарищей. Он ассоциирует неприятеля Фингала Каракула с императором Каракаллой (188-217). Оскар же, внук Фингала и сын Оссиана вел войну против Кароса, «властителем кораблей», под которым, как пишет Дж. Макферсон, скрывается Караузий²²⁵, поднявший мятеж и захвативший власть в Британии. Дж. Макферсон упоминает и ирландских историков: «эти два указания, о которых мы только что говорили, совершенно определенно относят время Фингала к третьему столетию, и это вполне согласуется с данными ирландских историков, считающих, что Фингал, сын Комхала, умер в 283 году, а Оскар и их прославленный Карбар – в 296 году»²²⁶.

Его идеологический противник, Джон Пинкертон, в свою очередь, высмеивал мнение, что Фир Болг были белгами (по его мнению, они никак не могли прибыть в Ирландию в 300 г. до Р.Х.), далее возражает против толкования ирландскими историками племен богини Дану как данов, говоря, что сам термин «дан» появился значительно позже. Историю о милезианцах, Скоте и Гайтелосе Дж. Пинкертон и вовсе считает пустой выдумкой²²⁷.

Мифологическая традиция заселения Ирландии, в которую изначально была включена и шотландская, не могла не оказать определенного воздействия на мировоззрение других европейских народов, особенно непосредственных соседей ирландцев. Сохранив, подобно скандинавской мифологии, свой уникальный материал, ирландский эпос, совершенно аналогично эддическому, был достаточно рано эвгемеризирован. Персонажи высшей мифологии с течением времени превратились в персонажей низшей, в летописной же традиции выступая в качестве людей. Несмотря на некую умозрительность этого конструкта, все вышеописанное создало прецедент эвгемеризации персонажей низшей мифологии (племена богини Дану и фоморы), который, наравне с описанными как отдельный народ карликами в «Пряди о Сёрли», выступает в качестве предпосылки принятия эвгемеристической теории о саамах Поля Малле, о которой речь пойдет ниже.

В ирландской традиции готицизм, в отличие от Англии и Шотландии, не получил большого распространения. Нужно отметить, что изначально готицизм был достаточно гибким институтом, включавшим в себя как готов, так и кельтов. Впервые линия разграничения между кельтами и готами была проведена Томасом Перси в переводе на английский сочинения Поля Малле, и благодаря этому переводу готицизм XVII в. превратился в тевтонизм XIX-го, что в

²²⁵ Марк Аврелий Мавзей Валерий Караузий – император мятежной Британии (287-293), галл по происхождению.

²²⁶ *Макферсон Дж.* Рассуждение о древности и других особенностях поэм Оссиана, сына Фингала // Поэмы Оссиана. Ленинград, 1983. С. 10-11.

²²⁷ *Pinkerton J.* Vol. II. P. 5-11.

дальнейшем привело к противоречиям в вопросе о происхождении шотландцев²²⁸. Рассмотрим работу П. Малле подробнее, так как она является ключевой для нашего исследования.

Эвгемеристическая теория П. Малле о саамах как прообразе карликов в скандинавской мифологии

В середине XVIII века сведения о скандинавской мифологии перестали быть достоянием сравнительно небольшой группы антиквариев. В 1756 году швейцарский профессор Поль Малле перевел «Младшую Эдду» на французский язык и включил этот перевод в свой труд «Северные древности». Перевод «Младшей Эдды» поистине произвел фурор. Кроме того, что благодаря П. Малле скандинавские мифы доступными широкой публике, он подарил Европе собственную мифологию, дав толчок развитию национальной литературы, и подготовив почву для восприятия оссиановского цикла Дж. Макферсона²²⁹.

Миф в сознании европейцев перестал ассоциироваться с туманными и мало поддающимися расшифровке греческими и римскими легендами. Мифологический материал П. Малле рассматривался немцами, французами, британцами и скандинавами как отражение истории собственного народа, пусть и зашифрованной в виде мифов, так как в рамках господствующей концепции готицизма бытовало представление об их общем происхождении²³⁰.

На английский язык работу П. Малле перевел в 1770 году Томас Перси (1729-1811), епископ Дроморский, который семью годами ранее издал «Пять образцов рунической поэзии», включавшие в себя перевод на английский нескольких сюжетов из скандинавских саг, как например, уже упомянутый нами «Выкуп головы» из «Саги об Эгиле»²³¹. В английском издании «Северных древностей» П. Малле присутствует любопытный диалог в предисловии между автором и переводчиком. Труд П. Малле вышел в 1756 г., Т. Перси перевел его на английский в 1770 г. Четырнадцать лет не прошли бесследно в развитии науки – в то время как П. Малле под именем кельтов понимал также и германцев, и скандинавов, относя эддический эпос к наследию друидов, Т. Перси уделяет специальное место в примечаниях разъяснению, что первые обитатели Галлии и Британии были кельтами, а древние германцы и скандинавы – готами, и именно их пантеон отображен в Эдде. На протяжении всего текста далее можно видеть ремарки самого Т. Перси, который после каждого упоминания кельтов в тексте П.

²²⁸ Smith R.J. The Gothic Bequest: Medieval Institutions in British Thought, 1688-1863. Cambridge, 2002. P. 112-113.

²²⁹ Feldman B., Richardson R.D. The Rise of Modern Mythology, 1680-1860. Bloomington, Indianapolis, 2000 (2nd edition). P. 199.

²³⁰ Feldman B., Richardson R.D. P. 200-201.

²³¹ Кроме того, Т. Перси был составителем «Наследия древней английской поэзии» (1765) – самой значительной для своего времени антологии баллад, старинных песен и поэтических произведений XVI-XVIII вв.

Малле вставляет собственные дополнения «а также готов» в одинарных кавычках. Таким образом, Т. Перси впервые в историографии готицизма подверг сомнению общее готическое прошлое для всей Европы.

В своей работе, в отличие от Дж. Макферсона, П. Малле не демонстрирует ни малейшей симпатии собственным героям, таким образом, вступая в резонанс с идеями Ш. Монтескье о «благородном дикаре». По мнению П. Малле, описанная религия северных народов является позднейшим напластованием, первоначальная же была чистой по своей сути и подобной раннему христианству или даже деизму. Однако с течением времени она была искажена и трансформировалась в варварские мифы Эдды.

Примечательно, что П. Малле сознательно исключил из своего перевода эвгемеристский пролог о том, что скандинавские боги суть есть троянские воины, сочтя его абсурдным, и даже усомнился, принадлежит ли он авторству Снорри Стурлусона, в ком видит несомненный литературный талант. П. Малле указывает, что стремление проследить свою историю от троянцев было частой прихотью западноевропейских народов²³². Замечание об абсурдности пролога достаточно парадоксально сочетается, как мы увидим в дальнейшем, с готовностью П. Малле объяснить сущность мифических карликов в Эдде, соотнеся их с саамами, что также являет собой эвгемеристский подход.

Интересующее нас примечание П. Малле относится к части «Видения Гюльви», которой он дает наименование «Седьмое предание»: она вмещает в себя рассказы о мосте Биврёст (радуге), о строительстве Асгарда и о карликах, что завелись в теле Имира, сначала подобно червям, а затем приняли антропоморфный облик, продолжая жить в земле и в скалах.

«Живут среди скал»

«Этот пассаж заслуживает внимания. Мы можем здесь обнаружить одну из тех идей, что на протяжении многих лет обусловили восприятие ремесел как занятие «подлых» людей и рабов. Кроме того, наши кельтские и готские²³³ предки, без разницы, германцы ли, скандинавы или галлы, связывали ремесла и искусства с чем-то магическим, считая, что они недоступны обычным людям, и с трудом могли поверить, что талантливый в чем-либо человек был одного с ними рода.

²³² Mallet P. Northern antiquities: or, A description of the manners, customs, religion and laws of the ancient Danes, and other northern nations; including those of our own Saxon ancestors. Vol. II. P. xxv.

²³³ Курсивом мы будем обозначать дополнения в тексте, принадлежащие перу Т. Перси.

Нужно отметить, что это была достаточно глупая идея, однако попытаемся представить себе её последствия. Возможно, рядом с кельтскими и готскими племенами существовал некий народ, менее воинственный, чем они сами, ниже их ростом и гораздо слабее, однако превосходящий их в мастерстве. Этот народ, искусный в ремеслах, мог торговать с ними, проживая на достаточно большой территории.

Все эти черты отлично подходят лопарям: они до сих пор известны своей магией и примечательны низким ростом; очень миролюбивы, едва ли не до трусости, но отлично владеют ремеслами, что в прошлом было особенно важно. Истории, которые сочиняли об этих людях, пересказывались столько раз, что вскоре приобрели фантастические черты. Таким образом, карлики (как знают все, кто хоть немного интересовался старинными романами) вскоре стали кузнецами волшебного оружия, которому не могли противостоять ни меч, ни чары. В подземных пещерах они хранили свои многочисленные сокровища.

Впитывая в себя эти черты одну за другой, возникла одна из кабалистических доктрин, которая, вероятно, являлась ответвлением древней северной теологии. Карлики были слабы и трусливы, однако искусны в ремеслах и полны хитрости и обмана. Их нрав всегда характеризовали словом «вероломство». С течением времени все эти идеи приобрели характер непреложных фактов, и уже делом поэтов было придумать достойное происхождение этим созданиям. Что и было сделано, и карлики завелись в мертвом теле великана Имира. Сначала они были просто червями, затем боги наделили их пониманием и мудростью. Этой выдумкой северные воины подтвердили свое презрение к ним, и в то же время подчеркнули их низкий рост, способность к ремеслам, и их предполагаемое пристрастие к поселению в пещерах и расселинах скал. Кроме того, не везде ещё расстались с суеверием о том, что в недрах земли живут фэйри, род миниатюрных созданий, которые имеют человеческий облик, знаменитых своими сокровищами, деяниями и злобой. В большинстве стран мира люди до сих пор уверены в их существовании. В Исландии по сей день крестьяне показывают те самые скалы и холмы, в которых живут подземные человечки, очень маленького роста и крайне хрупкого телосложения»²³⁴.

Эта идея П. Малле является ключевой для нашего исследования. Примечательно, что в настоящее время эта теория имеет определенное влияние: известный исландский филолог Х. Паульссон пишет о том, что в скандинавских сагах и даже в Младшей Эдде, образы мифологических персонажей содержат древнейшие воспоминания о саамах²³⁵.

²³⁴ Mallet P. P. 46-48.

²³⁵ Pálsson H. The Sami People in Old Norse Literature // Nordlit: Arbeidstidsskrift i litteratur. 1999. № 5. P. 31.

Сам Томас Перси комментирует выбор слова «фэйри» (fairies) в английском переводе следующим образом: «наш автор в своей работе использует французское слово «fees», которое обозначает не тех воображаемых низкорослых созданий, для которых мы подобрали подходящее слово в английском, но Парк или Мойр, богинь судьбы, что определяют долю смертных. В этом он, вероятно, полагался больше на предания восточных народов, нежели на те, что имеют готское происхождение; в любом случае, задача переводчика - следовать автору, и я оставляю на суд читателя подобный выбор термина»²³⁶. Тем самым Т. Перси указывает на разницу между феями из рыцарских романов, что являлись в образе прекрасных дам, и миниатюрными созданиями из народной демонологии. Примечательно, что Т. Перси в изданных им ранее «Пяти образцах рунической поэзии» (1763) дает совершенно иной комментарий о происхождении мифических карликов: «Под карликами древние скандинавы понимали не людей низкого роста, а совершенно отличную расу созданий, наподобие низших демонов, которые населяли горы и пещеры и были чрезвычайно искусны в выковке оружия, что нельзя было одолеть ни силой, ни магией. Словом «карлики» скандинавы обозначали то же, что мы понимаем под именем фэйри»²³⁷. Вероятно, можно предположить, что сам Т. Перси, будучи уже к тому времени знакомым с произведением П. Малле (три из пяти сюжетов для его «Отрывков» были почерпнуты из «Северных древностей»), отнесся к его теории достаточно равнодушно.

Попытаемся проследить возможные истоки теории П. Малле. Для своего перевода он использовал два изданных варианта «Младшей Эдды» на латыни – в 1665 г. П.Х. Резеном и в 1746 г. Й. Гёранссоном. Стоит отметить, что ни в том, ни в другом издании не дается комментарий о саамах как возможном прообразе мифологических карликов.

В «Прорицании Вэльвы» из цикла «Старшей Эдды» о создании карликов сказано следующее:

Тогда сели боги
на троны могущества
И совещаться
стали священные:
кто должен племя

²³⁶ Mallet P. P. 46-48.

²³⁷ Percy T. P. 8-9

карликов сделать
из Бримира²³⁸ крови
И кости Блаина²³⁹.

Мотсогнир старшим
из племени карликов
назван тогда был,
а Дурин - вторым;
карлики много
из глины слепили
подобий людских,
как Дурин велел²⁴⁰.

Далее вёльва называет карликов поименно, выделяя некую группу, что «появились из камня земли, пришли через топь на поле песчаное»²⁴¹. В «Младшей Эдде» говорится, что карлики «завелись в почве и глубоко в земле, подобно червям в мертвом теле. Карлики зародились сначала в теле Имира, были они и вправду червями. Но по воле богов они обрели человеческий разум и приняли облик людей. Живут они, однако ж, в земле и в камнях»²⁴². Снорри Стурлусон цитирует указанный отрывок из «Прорицания вёльвы», а затем и перечень имен карликов. Он делит последний на несколько частей, предваряя каждую комментарием о происхождении названных карликов: есть карлики, которые населяют почву; которые живут в камнях; которые «пришли из холма Свари через Болотные Топи на Песчаное Поле»²⁴³.

Нужно заметить, что, пожалуй, самое знаменитое германское эпическое произведение, в котором фигурируют карлики, «Песнь о Нибелунгах», в то время ещё не было известно.

²³⁸ Бримир – то же, что Имир. В скандинавской мифологии великан, из тела которого был создан мир.

²³⁹ Другое имя Имира (Старшая Эдда. С. 216).

²⁴⁰ Старшая Эдда. С. 10.

²⁴¹ Старшая Эдда. С. 10.

²⁴² Стурлусон С. Младшая Эдда. С. 21.

²⁴³ Стурлусон С. С. 22.

П. Баттлс в своем исследовании выделяет три ключевых скандинавских саги, в которых наиболее ярко нашли выражение основные сюжеты взаимодействия людей и карликов²⁴⁴. Примечательно, что ко времени издания труда П. Малле, они в той или иной степени уже были переведены на латынь и опубликованы.

В первую очередь, это «Сага о Хервёре и Хейдреке», которая была переведена и издана Олафом Верелием в 1672 году. В начале её описывается, как конунг Гардарики Сварфлами во время охоты встречает двух карликов, преследует их и захватывает в плен. Сварфлами берет с них обещание в обмен на освобождение выковать ему волшебный меч, который бы ни ломался, ни ржавел, резал бы железо и камень как масло и всегда даровал своему владельцу победу. Карлики соглашаются и создают меч, дав ему имя Тюрфинг. Они отдают меч конунгу, тот отпускает их, однако перед тем как скрыться в скале, один из карликов выкрикивает проклятье: меч Тюрфинг нельзя будет достать из ножен, не принеся кому-либо гибель, он будет причиной трех постыдных дел, и в конечном итоге станет смертью для самого Сварфлами²⁴⁵. Олаф Верелий опубликовал сагу с собственными комментариями, в том числе, он объяснял, кто такие карлики (*dvergjar*): «под двергами понимали полудемонов, которые жили в горах и проявляли воинственность ко всем, кто покушался на их сокровища»²⁴⁶.

В «Саге об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков», пересказ которой был дан в труде Т. Торфеуса²⁴⁷, показан мотив благодарности карликов. Эгиль встречает ребенка карликов у ручья, где тот набирал воду, и бросает ему в ведро золотое кольцо. Тот, обрадовавшись, убегает, а через некоторое время из скалы выходит взрослый карлик, благодарит Эгиля за доброту, проявленную к его сыну, и осыпает дарами: лечит руку Эгиля, изготавливает для него специальный меч и прикрепляет его к изувеченной руке, а также дарит ему множество других ценных вещей, не названных в тексте саги²⁴⁸.

Однако, вероятно, более всего на идеи П. Малле повлияла «Прядь о Сёрли, или Сага о Хедине и Хёгни» часть которой была изложена Т. Бартолином. Сама прядь входила в состав расширенной версии «Саги об Олаве Трюггвасоне» и находилась в составе манускрипта «Книга с Плоского острова» (1387—1394). Помимо эвгемеризации богов, автор «Пряди о Сёрли» вводит в повествование карликов, также распространяя это толкование и на них:

²⁴⁴ *Battles P.* *Dwarfs in Germanic Literature: Deutsche Mythologie or Grimm's Myths?* // *The Shadow-Walkers: Jacob Grimm's Mythology of the Monstrous* (edit. by Shippey T.). Brepols, 2005. P. 41-48.

²⁴⁵ *Verelius O.* P. 37-38.

²⁴⁶ *Verelius O.* P. 44.

²⁴⁷ *Torfæus T.* *Historia Rerum Norvegicarum.* B. I. P. 307-315.

²⁴⁸ *Torfæus T.* P. 311.

«В Асгарде неподалеку от палат конунга жили четыре человека, первого из которых звали Альвригг, второго Двалин, третьего Берлинг, а четвертого Грер. Они были так искусны, что могли изготовить любую вещь. Народ, к которому они принадлежали, называли карликами. Они жили в камне, но в те времена общались с людьми больше, чем сейчас»²⁴⁹.

Однако в XIV веке мифологических карликов ещё не ассоциировали с определенным народом. Эта идея появилась лишь в середине XVIII в., в рамках научной традиции эпохи Просвещения, эвгемеристического восприятия Одина и асов как предков современных европейцев, а также накопления данных о саамах и осознания их инаковости по отношению к остальному населению Европы. Рассмотрим, каким был образ саамов к моменту оформления теории П. Малле.

Источники формирования образа саамов в западной Европе ко вт. пол. XVIII в.

Хотелось бы изначально подчеркнуть, что данный очерк ни в коем случае не претендует за всеобъемлемость, мы лишь проанализируем основные источники по данной теме. Для более глубокой проработки материала рекомендуем ознакомиться со статьями Йена Уитакера и Кристиана Мериота, которые охватывают практически все известные источники информации о саамах вплоть до середины восемнадцатого века²⁵⁰. Значительная часть рассмотренных ими источников была написана на скандинавских языках, и поэтому малодоступна образованной европейской публике, не проживавшей в странах северной Европы. Антикварию черпали свои сведения о саамах большей частью из работ, либо изначально написанных на латыни, либо переведенных на неё. Эндрю Уоун, к примеру, пишет о том, что только в 1840-х гг. в среде британских скандинавистов возникла потребность в англо-исландском словаре, так как до этого обходились либо латинскими изданиями, либо редкими переводами на английский²⁵¹. То же можно отнести и к документам на русском языке: несмотря на обилие сведений о саамах в летописях, западной публике они были недоступны.

Прежде всего, нужно отметить, что античные авторы заложили традицию называть саамов вариациями имен «финны» и «скритифинны»²⁵². Херманн Паульссон указывает, что под именем «финны» и в скандинавских сагах фигурируют саамы. При этом он также отмечает, что в некоторых исландских сагах, однако, под «финнами» могут также пониматься жители

²⁴⁹ *Bartholin Th.* P. 570.

²⁵⁰ *Whitaker I.* Tacitus' "Fenni" and Ptolemy's "Phinnoi" // *The Classical Journal.* Feb. - Mar., 1980. Vol. 75, No. 3. P. 215-224; *Ibid.* Late classical and early medieval accounts of the Lapps (Sami) // *Classica et Mediaevalia.* 1983. Vol. 34. P. 283-303; *Meriot C.* The Saami Peoples from the Time of the Voyage of Ottar to Tomas von Westen // *Arctic.* December 1984. Vol. 37. No. 4. P. 373-384.

²⁵¹ *Wawn A.* P. 95.

²⁵² Название «скритифинны» обычно делят на две части: «скрити» - от древнеисландского «skríða» - «ходить на лыжах», и «финны», собственно, - именование народа.

Финляндии в целом²⁵³. В дальнейшем, дабы избежать ассоциации с реально существующим народом, мы будем выделять подобные наименования саамов курсивом.

Принято считать, что первое историческое упоминание о саамах встречается в «О происхождении германцев и местоположении Германии» Корнелия Тацита (46)²⁵⁴. Считается, что под именем *феннов* у Тацита обозначены именно саамы, так как «финны в его времена уже жили оседло, занимаясь земледелием и разведением скота»²⁵⁵.

«У феннов — поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища — трава, одежда—шкуры, ложе — земля; все свои упования они возлагают на стрелы, на которые, из-за недостатка в железе, насаживают костяной наконечник. Та же охота доставляет пропитание как мужчинам, так и женщинам; ведь они повсюду сопровождают своих мужей и притязают на свою долю добычи. И у малых детей нет другого убежища от дикого зверя и непогоды, кроме кое-как сплетенного из ветвей и доставляющего им укрытие шалаша; сюда же возвращаются фенны зрелого возраста, здесь же пристанище престарелых. Но они считают это более счастливым уделом, чем изнурять себя работою в поле и трудиться над постройкой домов и неустанно думать, переходя от надежды к отчаянью, о своем и чужом имуществе: беспечные по отношению к людям, беспечные по отношению к божествам, они достигли самого трудного — не испытывать нужды даже в желаниях»²⁵⁶. Как известно, Тацит испытывал определенные затруднения, отнести ли ему описанных *феннов* к германцам или сарматам²⁵⁷. Помимо описания охоты с помощью лука и костяных стрел, и участия в ней женщин, в труде Тацита впервые появляется предполагаемое описание жилища саамов из переплетенных ветвей.

Черняков З.Е. указывает, что Тацит помещает саамов в Центральную Европу²⁵⁸, в пределах Германии, однако Й. Уитакер, замечает, что, несмотря на отсутствие конкретной географической привязки, на его взгляд, контекст позволяет поместить саамов на Скандинавский полуостров²⁵⁹.

Фридтгоф Нансен одним из первых отметил тот факт, что Тацит не упоминает ни северных оленей, ни использование лыж у *феннов*. Тацит сообщает об отсутствии у *феннов* лошадей, из чего Ф. Нансен делает вывод, что если бы у них были бы какие-то иные

²⁵³ Pálsson H. P. 30.

²⁵⁴ Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. С. 29.

²⁵⁵ Корнелий Тацит. Т.1. С. 439. Прим. 116.

²⁵⁶ Корнелий Тацит. С. 373.

²⁵⁷ Корнелий Тацит. С. 372.

²⁵⁸ Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi, 1998. С. 31.

²⁵⁹ Whitaker I. P. 218.

доместицированные животные, Тацит бы не преминул об этом упомянуть. Нансен полагает, что описанные *фенны* были охотниками, использовавшими в качестве основного оружия лук²⁶⁰

Ф. Нансен также утверждает, что на основе данных Тацита и имеющихся в его расположении археологических материалов, невозможно определить, кем именно были *фенны* Тацита. С его позицией склонен согласиться Йэн Уитакер, писавший через 70 лет после него. В качестве древнейшей археологической культуры, признанной саамской, он указывает культуру Хьелмёй (Kjelmøy (200-800 н.э.))²⁶¹, однако констатирует, что ей не хватает протяженности вглубь веков, так как «Германия» Тацита была написана на исходе I в. н. э.²⁶² Тем не менее, археолог Повл Симонсен считает, что культура Хьелмёй происходила из предыдущей неолитической культуры п-ва Варангер, и последнюю он полагает прото-саамской²⁶³. Т.В. Лукьянченко указывает, что начальный период неолита п-ова Варангер развивался, возможно, на базе культуры Комса (10000 – 5600 г. до н.э.), население которой было полуседлым и занималось ловлей морского зверя, а на последующих этапах сказалось влияние культуры северной Финляндии, так как могла иметь место миграция населения с севера Финляндии на побережье Ледовитого океана²⁶⁴.

Следует отметить, что эта гипотеза подтвердила бы определение *феннов* Тацита как саамов, так как Комса не демонстрирует прямой преемственности к позднейшим культурам²⁶⁵, а культура норвежского о. Трена (2300 до н.э. – VI в. н.э.), как признал Гуторн Гессинг, археолог, проводивший там раскопки, едва ли может быть идентифицирована как саамская²⁶⁶.

В «Географии» Клавдия Птолемея (ок. 100 — ок. 170) саамы зафиксированы под именем *финной*²⁶⁷, однако там они упоминаются дважды: один раз при описании северной части острова Скандия, второй – у реки Вислы, при описании Сарматии²⁶⁸. Хельге Салвесен

²⁶⁰ Nansen F. Vol. I. P. 114.

²⁶¹ Также, см. напр.: // Hassler S., Kvermo S., Kozlov A. Sami // Health Transitions in Arctic Populations (edit. by Kue Young T., Bjerregaard P.). Toronto, 2008. P. 143-178. P. 151.

²⁶² Whitaker I. P. 221-222.

²⁶³ Simonsen P. Relations between the Lapps and the Scandinavians in early times – an archaeological survey // Lapps and Norsemen in Olden Times. Oslo, 1967. P. 70.

²⁶⁴ Лукьянченко Т.В. Этногенез саамов // Этногенез народов Севера (отв. ред. Гурвич И.С.). М., 1980. С. 32.

²⁶⁵ Whitaker I. P. 220.

²⁶⁶ Gjessing G. Maritime Adaptations in Northern Norway's prehistory // Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone. Aldine, Chicago, 1975. P. 98.

²⁶⁷ Впервые это название возникает в труде греческого путешественника Пифея (IV в. до н. э.) в качестве обозначения жителей самого дальнего севера. Однако сведения о его работе слишком отрывочны, чтобы можно было делать какие-либо определенные выводы.

²⁶⁸ Schütte G. P. 29; 128.

предполагает, что это могло указывать на осознанное отделение финнов от саамов: таким образом, к 150 г. саамы могли быть уже вытеснены на север Скандинавии²⁶⁹.

Под именем *скритифинов* саамы появляются в сочинении «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» (VI, XV, 16-23) византийского историка Прокопия Кесарийского (ок.490-ок.565):

«Из всех варваров, живущих на Фуле²⁷⁰, одно племя, которое называется скритифинами, ведет особенно звериный образ жизни. Скритифины не носят одежды, не ходят в обуви, не пьют вина, не добывают себе никакого пропитания посредством возделывания земли. Они сами не пахут земли, и женщины у них не знают никаких домашних работ, но мужчины вместе с женщинами заняты одной только охотой. Находящиеся там леса огромны, изобилуют дикими и другими животными, а равно и горы, которые поднимаются там. Скритифины питаются всегда мясом пойманных животных, а в шкуры одеваются, так как у них нет ни льна, ни приспособления, чтобы сучить нитки, но, связав звериными жилами кожи друг с другом, они таким образом закрывают все тело. И их младенцы вынянчиваются у них не так, как у остальных людей. Дети скритифинов выкармливаются не женским молоком, и сосут они не материнскую грудь, но выкармливаются только мозгом пойманных животных. Как только женщина родит, она заворачивает новорожденного в шкуру животного, тотчас же привешивает ее к какому-нибудь дереву, кладет ему в рот мозг, а сама тотчас же отправляется с мужем на обычную охоту. Они все делают вместе и на это занятие охотой ходят вместе. Таков образ жизни этих варваров»²⁷¹. Прокопий Кесарийский, таким образом, перенес место проживания саамов на остров Туле, в данном случае, вероятнее всего, имея в виду Скандинавию. Помимо более пространного, чем у Тацита, описания одежды из шкур. Нужно также отметить уникальный рассказ о том, что скритифины используют мозг животных в качестве замены грудному молоку.

Готский историк Иордан (VI в.) в труде «О происхождении и деяниях гетов» упоминает несколько «видов» *финнов*, которые живут на острове Скандзе (21-24). Прежде всего, это уже известные по данным Прокопия Кесарийского *скререфенны*: «Есть там еще племя — *скререфенны*; они не требуют хлебного питания, но живут мясом диких зверей и птичьими

²⁶⁹ Salvesen H. Sami Aednan: From States - One Nation? Nordic Minority Policy and the History of the Sami // Ethnicity and nation building in the Nordic world. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1995. P. 118.

²⁷⁰ Туле (Фуле) – мифический остров, который по сообщению уже упомянутого нами путешественника Пифея, находился на самом севере Европы, за полярным кругом. Его соотносили либо со Скандинавским полуостровом, либо с Исландией, либо с Шетландскими островами.

²⁷¹ Прокопий из Кесарии. С. 211.

яйцами»²⁷². Затем Иордан пишет о некий *финнаитах*, не сообщая никаких дополнительных сведений о них, и после – о *кротчайших финнах*, которые «наиболее низкорослые из всех обитателей Скандзы»²⁷³. По аналогии с данными Прокопия Кесарийского, саамов ассоциируют с *скререфеннами*²⁷⁴, существует также точка зрения о том, что *скререфенны* и *кротчайшие финны* - суть есть одно и то же, так как Иордан пользовался двумя разными источниками, упоминавших одних и тех же людей (как в случае с суэханс и светидами)²⁷⁵.

Географ из Равенны, анонимный составитель «Космографии» (ок. 700 или 800), также рассказывает о крае, что «называется страной рерифеннов и скердифеннов. Население этой страны, как говорит готский философ Айтанарит, обитает в горных ущельях, и как мужчины, так и женщины живут охотой и совершенно не знают ни <вареной> пищи, ни вина. Эта страна признается самой холодной из всех»²⁷⁶. Географ из Равенны помещает её на западе от Скифии, которая называется дважды — на крайнем северо-востоке Европы у Римфейских гор и между Вислой и Данией. Во втором случае, вероятно, произошел перенос самой Скифии на запад²⁷⁷.

В следующий раз саамы упоминаются в произведении Павла Диакона (ок. 720 – ок. 799) «История лангобардов» (I, 5):

«Вблизи этого места живет народ скритобинов - так они зовутся - у которых даже в летнее время лежит снег и, которые ничем от диких зверей не отличаясь, не едят ничего другого, кроме сырого мяса диких зверей, из невыделанных шкур которых они изготовляют себе одежды. Согласно словам их варварского языка, происходит их название [их племени] от "прыгать". Ибо прыгая и с согнутой, похожей на лук, деревяшкой они искусно охотятся на диких зверей. У них имеется зверь, не лишенный сходства с лосем, из шерсти которого, настолько она была ее грубошерстной (*rauhaarig*), я видел доходящее до колен одеяние вроде туники, какое должны были носить названные скритобины»²⁷⁸.

Примечательно, что здесь описаны как лыжи (от которых и пошло название *скритофинны*), так и северные олени, что позволяет практически без сомнений отнести данную

²⁷² Иордан. С. 65.

²⁷³ Иордан. С. 65.

²⁷⁴ См., напр.: *Kendrick T.D.* A History of the Vikings. N.Y., 1930. P. 75; *Campbell L.* On the linguistic prehistory of Finno-Ugric // *Language History and Linguistic Modelling*. Berlin, 1997. P. 852; *Nilsson Dahlström Å.* Negotiating wilderness in a cultural landscape: predators and Saami reindeer herding in the Laponian World Heritage area. *Acta Universitatis Upsaliensis*, 2003. P. 33; *Brink S.* People and land in Early Scandinavia // *Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe*. Brepols, 2008. P. 108.

²⁷⁵ *Christensen A.S.* Cassiodorus Jordanes and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth. Copenhagen, 2002. P. 273.

²⁷⁶ Цит. по *Подосинов А.В.* С. 235-236.

²⁷⁷ Цит. по *Подосинов А.В.* С. 235.

²⁷⁸ *Paulus Diakonus.* P. 7.

характеристику к саамам. В следующем источнике, написанном век спустя, можно найти подтверждение данных об оленях, и его сведения вызывают определенное доверие, так как автор этого источника – знатный норманн Оттар (в английской транскрипции Охтхере) видел саамов собственными глазами. Король Альфред включил его рассказ в дополненный им перевод «Истории против язычников» Павла Орозия (ок. 385—420).

Оттар жил в Северной Норвегии, предположительно – на возвышенности Тромсё. Однажды он решил узнать, что находится на севере страны, и в результате пятнадцатидневного путешествия на северо-запад, он, как считается, достиг реки Варзуги, впадающей в Кандалакшскую губу²⁷⁹. Существует также версия, ассоциирующая эту конечную точку путешествия Отара с Северной Двиной²⁸⁰. Во время того, как Оттар плыл вдоль побережья он отмечал, что земля «вся необитаема, за исключением нескольких мест, [где] то тут, то там живут финны, охотясь зимой, а летом ловя рыбу в море»²⁸¹, повторяя эти сведения несколько раз: «и на все его пути была справа от корабля необитаемая земля, если не считать стоянок рыбаков, птицеловов и охотников, и все они были финны»²⁸². Кроме рассказа о путешествии, Оттар отмечал, что у него было шестьсот прирученных оленей «храна» (ездовых) и шесть «стэхрана» (олени для заманивания), последние же «очень ценятся у финнов»²⁸³. Он также сообщает о подати, которую ему платят *финны*: она состоит «из оленьих шкур, и из птичьих перьев, и из моржовой кости, и из канатов, сделанных из моржовой кожи, и из тюленей»²⁸⁴.

Можно сделать вывод, что во время путешествия Оттара (ок. 870-899 г.) саамы были полукочевым народом, которые занимались рыболовным промыслом летом в море, а на зиму уходили охотиться. К тому моменту они уже приручили оленей и использовали олень-манщиков, чтобы ловить диких. Охотились же саамы, как это видно из перечисления выплачиваемой ими подати, на морскую птицу, моржей и тюленей.

Северогерманский хронист Адам Бременский в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» (ок. 1075 г.) также упоминает *скридефингов* (IV. 32). Прежде всего, он ссылается на труд Павла Диакона и его материалы о них. Размышляя о населении Сведии и Нордмании, Адам Бременский посвящает отдельный пассаж *скритефингам*, которые «не могут жить без холода и снега, а быстротой передвижения по глубоким снегам они превосходят даже диких

²⁷⁹ Nansen F. Vol. I. P. 174; Binns A.L. Ohtheriana VI: Ohthere's Northern Voyage. Cambridge, 1967. P. 49; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. История открытия и освоения Северного морского пути (Т. 1). М., 1956. С. 30.

²⁸⁰ Свердлов М.Б. Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX-XI вв. // История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., 1973. С. 46.

²⁸¹ Орозий короля Альфреда (конец IX в.). С. 24.

²⁸² Там же.

²⁸³ Орозий короля Альфреда (конец IX в.). С. 25.

²⁸⁴ Там же.

зверей. Последних в означенных горах водится такое множество, что большинство скритефингов живет, питаясь только теми зверями, которые обитают в лесах»²⁸⁵. Вероятно, быстрота передвижения по снегу обозначает использование лыж, однако Адам Бременский нигде об этом не упоминает.

Саксон Грамматик, чьи произведения были опубликованы в 1514 г., сообщает некоторые сведения о саамах, которых он уже традиционно называет *финнами*. В третьей книге Один узнает именно от *финна*-предсказателя о будущем сыне, который родится от Ринды, дочери короля рутенов²⁸⁶.

В пятой книге Саксон Грамматик помещает целое отступление о саамах. Он говорит, что те проживают на крайнем севере, в тех местах, где никто больше жить не может. Саксон Грамматик называет саамов умелыми копьеносцами, утверждая, что никто не может превзойти их в искусстве метания копья. В бою саамы используют стрелы с широким и объемным наконечником, они искусны в охоте и в магии. У них нет селений, так как они ставят свои жилища там, где ловится дичь. Скользя на закругленных дощечках, они с легкостью преодолевают заснеженные горные хребты.

Саксон Грамматик затем рассказывает о трехдневной битве шведов с саамами, когда последние, отступая в конце каждого дня, использовали колдовство: сначала они, отступая, кинули вслед три камня, и те обернулись в глазах шведах тремя горами; затем – пригоршню снега – и та приняла вид быстрой и широкой реки; на третий же день они сдались, и победители обязали их выплачивать каждые три года дань в размере груженной оленьими шкурами повозки с каждых десяти человек²⁸⁷.

В девятой книге Саксон Грамматик снова обращается к саамам. Он повторяет свои сведения о том, что те используют закругленные дощечки для езды, при этом замечая, что с их помощью они ведут боевые действия, быстро настигая противника, нанося ему удар и стремительно отступая²⁸⁸.

Саксон Грамматик впервые описывает копья и саамов в качестве инструментов для охоты. Он также расширяет базу представлений скандинавов о саамском колдовстве, вводя туда возможность создавать иллюзии. Тем не менее, приведенный рассказ является стандартным

²⁸⁵ Из «Деяний архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского. С. 102.

²⁸⁶ *Saxo Grammaticus*. P. 94.

²⁸⁷ *Saxo Grammaticus*. P. 203-204.

²⁸⁸ *Saxo Grammaticus*. P. 373-374.

сказочным сюжетом (D672). Примечательно, что именно в труде Саксона Грамматика впервые встречается географическое название «Лаппия»²⁸⁹.

Значительный пласт сведений о саамах можно почерпнуть из скандинавских саг. Тем не менее, при условии, что границей настоящего очерка являются 1750-70 гг., мы будем рассматривать только те из них, которые к тому времени уже были переведены на латынь.

В «Саге об Инглингах» из «Круга Земного» есть рассказ о Ванланди, сыне Свейгдира, который женился на лапландке Дриве, пообещав вернуться к ней на третью зиму, однако не вернулся и на десятую. Дрива подкупила колдунью Хульд, дабы та зачаровала Ванланди, чтобы тот либо вернулся к ней, либо умер. Ванланди почувствовал непреодолимое желание вновь поехать в «Страну Финнов», однако друзья не пустили его. Тогда его одолела дремота, и он, проснувшись, сказал, что он «топчет мара»²⁹⁰, и, несмотря на все усилия друзей, вскоре умер²⁹¹. Кроме того, в «Саге об Инглингах» описана война с саамами Агни, сына Дага, который, убив их предводителя Фрости, захватил его дочь Скьяльв. В результате, последняя, дождавшись, когда Агни опьянеет, убила его с помощью верных ей людей и бежала²⁹².

В «Саге о Хальвдане Черном» упоминается колдун-финн, которого Хальвдан начинает пытаться, пытаясь добиться причины странного происшествия: исчезновения всей еды со столов в праздник Йоль. Хальвдан терпит неудачу, а финн вскоре бежит с сыном Хальвдана, Харальдом, к некому могущественному человеку, у которого они гостят до зимы. По прошествии времени этот человек сознается Харальду, что это он забрал всю еду у его отца, а также сообщает ему известие о гибели Хальвдана и предрекает Харальду, что теперь ему будет принадлежать вся Норвегия²⁹³.

Херманн Паульссон в своей статье про образ саамов в скандинавских сагах выделяет отдельный тип сюжетов о лапландках: «коварные невесты»²⁹⁴. Так Харальд Прекрасноволосый (Хорфагер) из одноименной саги попадает под чары саамской девы Снефрид. Коснувшись её руки, он влюбился в неё, обручился с ней «и так без ума любил ее, что ради нее забывал и свои владения, и все, что подобает конунгу»²⁹⁵. У них родилось четверо сыновей, а когда Снефрид умерла, она три года оставалась такой же, как при жизни, а Харальд сидел рядом с ней и надеялся, что она оживет. Тогда Торлейв Умный предложил Харальду поменять под Снефрид

²⁸⁹ *Saxo Grammaticus*. P. 197.

²⁹⁰ Особое состояние удушения во сне, нашедшее свое выражение в фольклоре многих народов мира.

²⁹¹ *Стурлусон С.* Круг Земной. С. 17.

²⁹² *Стурлусон С.* С. 20.

²⁹³ *Стурлусон С.* С. 41.

²⁹⁴ *Pálsson H.* P. 40. Туда же он относит и вышеописанную женитьбу Агни на Скьяльв в «Саге об Инглингах».

²⁹⁵ *Стурлусон С.* С. 55.

постельное белье, и в тот момент, когда её тело сняли с кровати, «смордом, зловонием и всякого рода тяжелым духом понесло от трупа. Тогда поспешили сложить погребальный костер, и ее сожгли. Все ее тело уже посинело, и повыскакивали из него змеи, ящерицы, лягушки, жабы и всякого рода гады»²⁹⁶.

Ещё один сюжет о саамах из «Саги о Харальде Прекрасноволосом» связан с Эйриком, сыном Харальда, и его будущей женой Гуннхильд, которую он встретил в «Финнмёрке». Гуннхильд живет вместе с двумя колдунами-*финнами* и учится у них магическому искусству. Вот как она их описывает: «Оба они такие хитрые, что находят след, как собаки, и по талому, и по смерзшемуся снегу, и они так хорошо ходят на лыжах, что ни человеку, ни зверю не убежать от них, и они всегда бьют без промаха во что бы ни стреляли. Так они отправляли на тот свет всякого, кто здесь вблизи появлялся. А рассердятся они, то земля вертится под их взглядом, и попадаетеся им на глаза что-либо живое, то сразу же падает замертво»²⁹⁷. Хитростью Гуннхильд и люди Эйрика убивают *финнов*, и всю ночь после этого так страшно грохочет гром, что они не могут добраться до кораблей.

Эйвинд Болото, колдун, фигурирующий в «Саге об Олаве сыне Трюгви», оказывается с его собственных слов не человеком, а духом: «Я не могу принять крещения. Я — дух, оживший в человеческом теле, благодаря колдовству *финнов*, а раньше у моих отца и матери не было детей»²⁹⁸. Эйвинд ходил по морю на корабле, на котором были «только колдуны и чародеи»²⁹⁹, вероятно, саамы, однако о саамском происхождении Эйвинда нигде не говорится. В сферу магических способностей Эйвинда входит способность создавать шлемы-невидимки и густой туман³⁰⁰.

Другой «заядлый язычник и большой чародей» из этой саги, Рауд Могучий – человек весьма могущественный и пользуется значительной поддержкой *финнов*³⁰¹.

Третий образ из саги, связанный с *финнами* – это человек по имени Финн, того же происхождения, который мастерски стреляет из лука: может попасть в лук соперника, пока тот его натягивает³⁰².

²⁹⁶ Стурлусон С. С. 56.

²⁹⁷ Стурлусон С. С. 59-60.

²⁹⁸ Стурлусон С. С. 145. В «Круге Земном» пропущена основная часть речи чародея, из которой оказывается, что его бездетные родители обратились к саамским колдунами, дабы те вселили духа в лоно матери Эйвинда. Она присутствует в основном источнике Снорри Стурлусона - «Саге об Олафе сыне Трюгви» (1190) Олда Сноррасона. Pálsson H. P. 44.

²⁹⁹ Стурлусон С. С. 138.

³⁰⁰ Стурлусон С. С. 138.

³⁰¹ Стурлусон С. С. 145.

³⁰² Стурлусон С. С. 163-164.

Один из первых сюжетов «Саги об Олаве Святом» - это нападение на «Страну Финнов». Тактика боя описана следующим образом: *финны* убегают в леса, взяв с собой пожитки и скот, а когда туда вступают скандинавы – осыпают их градом стрел. Кроме того, сказано, что «ночью финны вызвали колдовством непогоду, и на море поднялась буря»³⁰³.

В саге фигурирует персонаж по имени Финн Малыш, которм сказано, что он был *финн* по происхождению: «он был очень маленького роста, но бегал так быстро, что ни одна лошадь не могла за ним угнаться. Он отлично ходил на лыжах и стрелял из лука»³⁰⁴.

Рассказывается также о Торире Собаке, который две зимы провел в Финнмарке, торговал с *финнами* и «велел сделать себе двенадцать рубашек из оленьих шкур. Эти рубашки были заколдованы, так что никакое оружие не брало их. Они были даже лучше кольчуги»³⁰⁵. В бою, когда Торира ударили мечом по плечу, «меч не рассек его рубашки, и только будто поднялся столб пыли от оленьей шкуры»³⁰⁶. И дальше приведена виса:

В яви видел щедрый
Вождь: волшба и силы
Финнов ведовские
Торира хранили.
В руках у владыки
Не сек клинок, стала
Сталь тупа, затылка
Пса едва коснувшись³⁰⁷.

В «Саге о сыновьях Харальда Гилли» рассказывается об удивительных лодках *финнов*: «Лодки эти были такие быстроходные, что никакой корабль не мог их обогнать, что было отражено в следующей висе:

Всех обойдет
Ладья халейгов,

³⁰³ Стурлусон С. С. 170.

³⁰⁴ Стурлусон С. С. 222.

³⁰⁵ Стурлусон С. С. 343.

³⁰⁶ Стурлусон С. С. 363.

³⁰⁷ Стурлусон С. С. 363.

Бежит под ветром,

Жилами сшита»³⁰⁸.

Речь здесь идет о саамских лодках из дерева, шитых оленьими сухожилиями.

Стоит отметить, что «дань *финнов*» (стрелы) - это устойчивый кеннинг, который упоминается в двух сагах из «Круга Земного» - «Сага о Харальде Суровом» и «Сага о сыновьях Магнуса Голоногого»³⁰⁹.

Херманн Паульссон, в целом, выделяет четыре аспекта образа саамов. Первый – саамы были колдунами и волшебниками, которые также выступали в роли учителей магическому искусству. Они считались опытными лыжниками, лучниками и охотниками. Саамы носили одежду из шкур и жили в хижинах, которые назывались «гамми» (gammi). Саамы питали слабость к маслу и животному жиру, а также любили олово. Они платили дань королю Норвегии, и их безжалостно обирали норвежские купцы. Херманн Паульссон заключает, что в определенных текстах в образе саамов прослеживается очевидный элемент расизма, так как саамы по отношению к скандинавам занимают нижестоящую позицию³¹⁰.

К этому мы можем добавить несколько собственных рассуждений. К примеру, «Круг Земной» существенно расширяет представления о магии *финнов*. В ранних средневековых источниках мы видели свидетельства того, что саамы могут предсказывать будущее, находить клады, перемещать к себе вещи, создавать иллюзии и возвращать души умерших. В «Круге Земном» к этому добавляется управление погодой, создание магических предметов, любовные чары, а также возможность с помощью духов убить человека или излечить бесплодие.

Помимо магии, в «Круге Земном» подчеркивается быстрота передвижения *финнов* на лыжах, их искусство стрелять из лука без промаха. Кроме того, впервые упоминаются лодки, шитые оленьими сухожилиями и выделяется такая черта *финнов* как низкий рост. Примечательно, что некоторые герои саг носят имя «Финн», однако их непосредственная связь с саамами никак не подчеркивается.

Помимо «Круга Земного» разберем ещё две саги, в каждой из которых действуют саамы. Первая – это «Сага о Хрольве Жердинке», созданная ок. 1400 года. В 1715 году Тормод Торфеус перевел её на латынь и издал со своими комментариями³¹¹. В ней фигурирует Хвит,

³⁰⁸ Стурлусон С. С. 519.

³⁰⁹ Стурлусон С. С. 438; 483.

³¹⁰ Pálsson H. P. 29.

³¹¹ Torfæus T. Historia Hrolfi Krakii. Havnia, 1715.

дочь «конунга финнов». Она выходит замуж за конунга Хринга и пытается завоевать любовь своего пасынка Бьёрна. Будучи отвергнутой, Хвит превращает его с помощью перчатки из медвежьего меха в медведя, устраивает на него охоту, а затем на пиру подает его мясо возлюбленной Бьёрна.

В саге определенно прослеживается выделенный Х. Паульссоном в сюжетах, связанных с саамами, мотив «коварной невесты», и мы ещё будет упоминать эту сагу в дальнейшем, так как её сюжетные перипетии и комментарии самого Т. Торфеуса приводились в числе доказательств теории о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии.

Вторая сага, на которой мы остановимся, это «Сага об Одде Стреле», которая, как было упомянуто выше, была пересказана на латыни в составе «Древностей Дании» (1689) Т. Бартолина. Отец отдает Одду три стрелы с золотым оперением и рассказывает ему, что те называются «Подарок Гусира». В свое время Кетиль Лосось получил их от Гусира, «финского конунга». Эти стрелы никогда не давали промаха и всегда возвращались обратно к стрелку³¹².

Саамы упомянуты и в «Песне о Вёлунде» из «Старшей Эдды», главный герой которой, волшебный кузнец, - одновременно и сын конунга *финнов*, и властитель альвов³¹³. Тем не менее, нужно учитывать, что «Песнь о Вёлунде» была издана на латыни лишь в 1787 году, в составе первого тома копенгагенского издания поэтической Эдды³¹⁴. Нужно отметить, что в «Пророчестве Вэльвы» из «Старшей Эдды» имена «Финн» и «Скафинн» указаны в перечне карликов, что «появились из камня земли, пришли через топь на поле песчаное»³¹⁵. В «Младшей Эдде» те же имена присутствуют среди карликов, что «пришли из холма Свари через Болотные Топи на Песчаное Поле»³¹⁶.

Впервые на карте название, связанное с саамами, появляется в 1427 году. Клавдий Клавус в его знаменитом дополнении к картам Птолемея помещает ориентировочно на территории северо-восточной Швеции две страны: «Финдлаппи» (Findhlappi) и «Вильдлаппеланди» (Wildhlappelandi)³¹⁷. В 1532 году Якоб Циглер в составе своего собрания опубликовал карту Севера, на которой были изображены Норвегия, Свеландия, Готландия, Финляндия и Лапландия³¹⁸. В описании карты, в главе, посвященной Лапландии, Я. Циглер критикует точку зрения о том, что саамы (Larones) являются германцами, говоря, что те, кто

³¹² *Bartholin T.* P. 120-121.

³¹³ Старшая Эдда. С. 68-69.

³¹⁴ *Edda Saemundar hinns fróða. Edda rhythmica seu antiquior, vulgo Edda Saemundina dicta. Pars I. Copenhagen, 1787. Farley F.E.* P. 106.

³¹⁵ Старшая Эдда. С. 10.

³¹⁶ *Стурлусон С.* Младшая Эдда. С. 22.

³¹⁷ *Nordenskiöld H.* Pl. xxx.

³¹⁸ *Ziegler J.* Map no. 8.

так полагает, едва ли достаточно знают латынь. Я. Циглер указывал, что саамы небольшого роста, не имеют четкого места проживания, так как переносят свои жилища вслед за дичью, на которую охотятся, а основное их оружие – это лук³¹⁹. Я. Циглер пишет о колдовстве саамов, в том числе он впервые описывает особые дротики «якула», с помощью которых саамы могут насылать на людей болезни, и продажу попутных ветров морякам: те получали веревку с тремя завязанными на ней узлами. После развязывания первого узла поднимался легкий ветер. После второго ветер крепчал, а после третьего начинался настоящий шторм³²⁰.

При этом информацию о северных территориях Я. Циглер получил из устных бесед с Эриком Валкендорфом, последним католическим епископом Уппсалы, который в 1516 г. планировал экспедицию в Гренландию и собирал сведения об этом крае³²¹, а также Иоанном Магнусом, братом Олафа Магнуса, который семью годами позже представил публике свою знаменитую «Carta Marina» - самую достоверную на тот момент карту Северной Европы. На ней указаны такие географические названия как Скрикфинния (Scricfinnia), а также западная и восточная Лаппии (Lappia). На карте традиционно изображены саамские лучники на лыжах, олени повозки, но что любопытнее – лучники верхом на оленях³²². Считается, что опубликованная в 1555 году «История северных народов» О. Магнуса была расширенным комментарием к этой карте, и вскоре она стала главным источником сведений о северных народах для всей Европы.

Для «Истории северных народов», вышедшей в 22 книгах и богато иллюстрированной, О. Магнус использовал как собственные впечатления от встреч с саамами в 1515 г., так и устоявшуюся традицию. Информация О. Магнуса о саамах весьма многочисленна. Он указывает, что те невелики ростом³²³, останавливается на использовании саамами оленей, замечая, что мясо их служит саамам пищей, их шкуры – одеждой, а сами олени – средством передвижения, причем передвигаться на них саамы могут верхом, в повозке и в санях в форме лодке³²⁴. Олаф Магнус описывает процесс шитья лодок оленьими сухожилиями³²⁵, тренировку

³¹⁹ Ziegler J. P. xciiii.

³²⁰ Ziegler J. P. xcvi.

³²¹ Инстад Х. По следам Лейва Счастливого. Л., 1969. С. 102.

³²² Olaus Magnus. Carta Marina.

³²³ Olaus Magnus. Historia De Gentibus Septentrionalibus. P. 145.

³²⁴ Olaus Magnus. P. 392-393; 595-598. Вероятно, имеется в виду «кережка» - саамские сани, формой напоминающие лодку.

³²⁵ Olaus Magnus. P. 143-144.

в стрельбе из лука³²⁶, охоту саамов с помощью лука, лыж и собак³²⁷, их поклонение солнцу, луне и жуку-оленю³²⁸.

Олаф Магнус также описывает и особые силы саамских колдунов, которые могли впадать в транс, во время которого выглядели как мертвые. Очнувшись же от него, они рассказывали о своих путешествиях, а также демонстрировали найденную вещь: кольцо, нож и т.п. О. Магнус пишет о вере финнов и саамов в ясновидение, об их способностях к оборотничеству, а также повторяет сведения Я. Циглера о магических дротиках³²⁹ и о торговле попутными ветрами, которые освобождались с развязыванием трех узлов на веревке (однако последнее колдовское искусство О. Магнус, в отличие от Я. Циглера, приписывает финнам, а не саамам)³³⁰.

Произведение О. Магнуса по масштабу охваченного материала превосходило всё написанное до него и наряду с работой И. Шеффера, написанной более чем век спустя, стало одним из наиболее цитируемых источников о быте и культуре саамов.

За шесть лет до издания «Истории северных народов» вышла книга австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московитских делах», в которой был описано путешествие из Московии в Данию, через Белое море. С. Герберштейн отличает лопарей, которые живут в Финляндии, от «диких лопарей» (*dikiloppi*), что живут у места с названием Дронт «отстоящего от Двины на двести миль к северу»³³¹. Лопари Финляндии «живут там и сям вдоль моря в низких хижинах и ведут почти звериную жизнь, однако они гораздо более кротки, чем дикие лопари»³³². Дикие же лопари, по слова С. Герберштейна, держат стада оленей, и «пользуются ими как вьючными животными следующим образом. Они впрягают оленей в санки, сделанные наподобие рыбацкой лодки объемом в мальтер³³³; ездока же, чтобы он при быстром беге оленей не выпал из саней, привязывают за ноги. Вожжи, при помощи которых он управляет бегом оленей, он держит в левой руке, а в правой у него палка, чтобы удерживать повозку от падения, если она слишком наклонится в какую-нибудь сторону. По словам Истома [русский переводчик, сопровождавший С. Герберштейна – *Д.Т.*], при таком способе езды он за

³²⁶ *Olaus Magnus*. P. 144-145.

³²⁷ *Olaus Magnus*. P. 146.

³²⁸ *Olaus Magnus*. P. 98-99.

³²⁹ *Olaus Magnus*. P. 121-122.

³³⁰ *Olaus Magnus*. P. 119-120.

³³¹ *Герберштейн С. С.* 202. В названии этого места, вероятно, слились два топонима — Тромсё, до которого простирались границы подданных Русского государства, и Трондхейма, где путешественники покинули корабль. *Герберштейн С. С.* 349.

³³² *Герберштейн С. С.* 201.

³³³ Мера сыпучих тел в германских странах.

день проделывал по двадцать миль, под конец по прибытии в гостиницу отпуская оленя, который сам возвращался к своему хозяину и привычному становищу»³³⁴.

Примечательно, что С. Герберштейн наличие оленей относит лишь ко второй группе лопарей. Вероятно, речь здесь идет о традиции, начавшейся еще с Клавдия Клавуса, который на своей карте указал две Лапландии. Т.В. Лукьянченко пишет, что к XV-XVII вв. внутри саамского этноса сложились две основные историко-этнографические группы: «лесные» саамы Карелии, Кольского п-ова, Финляндии и Швеции и «морские», или береговые, саамы побережья Северного Ледовитого океана, главным образом в районе Варангер-фьорда и Мурманского берега Кольского п-ова. При этом «лесные» саамы («тарья-саме») занимались пешей охотой на дикого северного оленя и пушных зверей, озерным рыболовством и оленеводством, вели полукочевой образ жизни и имели два типа жилищ: постоянные полуземлянки и переносные конические шалаши. Именно у этой группы впервые возникло оленеводство, имевшее лесную форму. «Морские» же, или береговые саамы («рынт-саме») занимались морским рыболовством, сухопутной охотой, промыслом морского зверя, и уже позднее – оленеводством. Образ жизни их отличался несколько меньшей подвижностью, чем у лесных саамов³³⁵. Вероятно, те саамы С. Герберштейна, что жили вдоль моря в низких хижинах – это «морские», а те, что имели оленей – «лесные».

Следующий, получивший большую популярность автор, Пьер Мартин де-Ламартиньер – французский врач, который в 1653 году совершил путешествие на корабле через северные берега Норвегии и Лапландии до Новой Земли, затем – до Гренландии и обратно в Копенгаген. Нас будет интересовать следующая часть его маршрута: от полуострова Варангер, где Ламартиньер описывает жителей датской Лапландии, по Мурманскому берегу Кольского полуострова, где он описывает килопов, до города Кола, где Ламартиньер рассказывает о «московитских» лапландцах.

П.М. де Ламартиньер затронул в своей книге очень многие аспекты жизни лапландцев, мы рассмотрим лишь те из них, что представляли интерес непосредственно для авторов, развивавших теорию о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии. В первую очередь, это антропологический тип саамов, их жилища и магия.

П.М. де Ламартиньер описывает лопарей следующим образом: «как мужчины, так и женщины – маленького роста, но сильны и ловки, имеют широкое лицо, плоское, смуглое и

³³⁴ Герберштейн С. С. 202.

³³⁵ Лукьянченко Т.В. С. 35-37; *Ibid.* Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX-XX вв. С. 29-32.

курносое, но не в такой степени, как другие жители севера; маленькие, свиные глазки, веки сильно оттянуты к вискам: они глуповаты, не цивилизованы и очень сладострастны, особенно женщины, отдающиеся первому встречному, когда могут это сделать без ведома своих мужей»³³⁶. П.М. де Ламартиньер приводит здесь же свой рисунок, на котором изображены два низкорослых человека с удивительно отталкивающими чертами лица.

Жилища как у скандинавских саамов, так и у «московитских» П.М. де Ламартиньер считает одинаковыми, и, более того, практически идентичными с домами норвежских крестьян близ Христиании, которые он описывает следующим образом: «постройки этого селения состояли из низких деревянных домов, без всяких железных скреп, без окон, с одним лишь отверстием в крыше, через которое проникал свет, и были покрыты дерном»³³⁷.

П.М. де Ламартиньер подчеркивает, что саамы очень суеверны, и замечает, что они «не перестают знаться с дьяволом, так как почти все колдуны»³³⁸. Помимо прочего Ламартиньер упоминает наличие у датских саамов своего рода фамильера – большой черной кошки, которая непременно есть в каждом доме, с которой советуются и берут с собой на рыбалку и на охоту. По мнению П.М. де Ламартиньера, эта кошка – домашний дьявол³³⁹. Несколько раз П.М. де Ламартиньер останавливается на ещё одном поразившем его аспекте бытовой магии саамов: он рассказывает, что олени, впряженные в сани, доставляют путников к месту назначения, так как перед отправкой хозяин оленей шепчет на ухо каждому из них, куда нужно ехать³⁴⁰.

В соответствии с устоявшейся традицией, П.М. де Ламартиньер описывает лыжи лопарей, которые сделаны «из деревянных пластин, длиной футов в 6½, а шириной всего пальца в 4, плоских снизу и с углублением в тех местах, где к ним прикреплялись ноги»³⁴¹. Будучи верным себе, он описывает, что на охоте лыжников сопровождает большая черная кошка³⁴². Что любопытно, П.М. де Ламартиньер, как и О. Магнус, пишет о дротиках у саамах, однако не упоминает использования их в магических целях: «они так ловки в метании дротиков, что на 30 шагов попадают в серебряное эю и бросают их столь сильно, что могут пробить человека насквозь»³⁴³.

Прибыв на Мурманский берег, путешественники остановились в пустой деревне, о причине заброшенности которой они немедленно осведомились у проводника. Тот отвечал, что

³³⁶ Ламартиньер П.М. де. С. 17.

³³⁷ Ламартиньер П.М. де. С. 4.

³³⁸ Ламартиньер П.М. де. С. 17.

³³⁹ Ламартиньер П.М. де. С. 18-19.

³⁴⁰ Ламартиньер П.М. де. С. 23; 25.

³⁴¹ Ламартиньер П.М. де. С. 36-37.

³⁴² Ламартиньер П.М. де. С. 37.

³⁴³ Ламартиньер П.М. де. С. 37.

этому не нужно удивляться, так как «тут живут килопы, которые хотя и настоящие лапландцы, но более дикие, чем остальные, что они часто меняют свое местопребывание, от иностранцев бегают и существуют только охотой»³⁴⁴. Загадочные килопы, как поясняет переводчик В.Н. Семенкович, это, вероятнее всего, искаженная форма от «dikiloppi» С. Герберштейна³⁴⁵.

Завершает свой рассказ о саамах П.М. де Ламартиньер совершенно замечательно: он описывает своего рода «покупку ветра»: «в ожидании спуска, мы угощали жителей водкой и табаком, чтобы они нам не только не препятствовали при отъезде, но чтобы устроили нам попутный ветер»³⁴⁶. Сам П.М. де Ламартиньер искренне полагает, что это была хорошая стратегия, увенчавшаяся успехом: «за это, сдается мне, они были нам благодарны, ибо через 5 дней, 26 мая, под утро подул самый хороший ветер, благоприятный для выхода из залива»³⁴⁷.

Из-за крайней суеверности, П.М. де Ламартиньер всерьез почитает саамов за колдунов, тщательно отмечая и описывая традиционные их занятия, а иногда и приписывая им дополнительные свойства европейских ведьм, как, например, непереносимое наличие большой черной кошки. В целом, П.М. де Ламартиньер представляет лопарей низкорослым народом, одетым в оленьи шкуры, держащим оленей. Интересно, что килопы, которые «часто меняют свое местопребывание», оказываются, в итоге, единственной группой саамов, у которых П.М. де Ламартиньер описывает кочевку. Вероятно они, как и у С. Герберштейна являются «лесными» саамами, хотя в данном случае сложно проводить столь однозначное сравнение.

Кульминационной точкой накопления данных о саамах в Европе стала книга Иоганна Шеффера «Лапландия», вышедшая в 1673 году. Впервые саамы получили не просто несколько глав в книге, а полноценное исследование, полностью посвященное им одним. И. Шеффер собирал материал о саамах, опрашивая священников и путешественников, в том числе, и самих саамов, также ему был дан доступ в Королевский архив. Кроме того, И. Шеффер объединил в своей работе данные практически всех источников, о которых мы писали до этого, добавив к ним те, что были написаны на скандинавских языках (свой труд Шеффер писал на латыни). Нужно отметить, что И. Шеффера отличал определенного рода критический подход к выбору источников.

Как и в случае с П.М. де Ламартиньером, при разборе книги И. Шеффера мы остановимся лишь на тех аспектах, которые нужны будут нам для понимания в дальнейшем

³⁴⁴ Ламартиньер П.М. де. С. 25.

³⁴⁵ Ламартиньер П.М. де. С. 26-27.

³⁴⁶ Ламартиньер П.М. де. С. 39.

³⁴⁷ Ламартиньер П.М. де. С. 39.

эвгемеристической теории о саамах. К тем из них, что были разобраны у П.М. де Ламартиньера, мы прибавим также происхождение саамов (П.М. де Ламартиньер о нем не упоминал).

Первоначальное упоминание самого названия «Лапландия» И. Шеффер относит к труду Саксона Грамматика³⁴⁸. Анализируя и отвергая одну за другой гипотезы происхождения названия лопарей (lapp или lappus), И. Шеффер останавливается на том, что оно базируется на идентичном слове из саамского языка, что означает «изгнанный», «отторгнутый», «беглый». По мнению И. Шеффера «лапландский народ произошел от финнов, и жил прежде них и лишь впоследствии был ими изгнан из их пределов, в силу чего и получил это название - лаппы»³⁴⁹. И. Шеффер указывает, что сами саамы считают это слово обидным, а себя они называют «sabmi» или «same»³⁵⁰.

И. Шеффер полагает, что отделение финнов от саамов произошло в результате трех миграций последних. Первая была связана с наступлением шведов на финнов во время правления короля Агне, вторая – с покорением русскими восточных областей, вплоть до Ладоги. Третью же он датирует 1150 г., и видит её причину в походе короля Эрика Святого на Финляндию³⁵¹.

И. Шеффер указывает, что все авторы, писавшие до него, констатируют малый рост у лопарей. Сам он склонен с этим согласиться, объясняя свою позицию с точки зрения климатического детерминизма: «Ибо нет сомнения, что там, где единственная теплота человеческого тела находится под сильным нажимом внешних морозов, организм вынужден заниматься чуть ли не только тем, что защищаться от холода, и поэтому для достаточного пищеварения остается мало тепла, вследствие чего тела остаются короткими и маленькими»³⁵². И. Шеффер соглашается с мнением, что примерный рост саамов – это три локтя (~135 см)³⁵³. При этом он пишет, что малый рост у саамов не означает диспропорциональности тела, напротив, они сложены удивительно хорошо и отличаются силой и ловкостью.

Подобным же, естественным фактором И. Шеффер объясняет и цвет кожи у саамов, который описывают как желтовато-бурый: «если принять во внимание, что с самого младенчества они живут в дыму темных и тесных шалашей, то неудивительно, что естественная окраска кожи со временем изменяется»³⁵⁴. Из душевных качеств лапландцев И. Шеффер

³⁴⁸ Шеффер И. С. 22.

³⁴⁹ Шеффер И. С. 27.

³⁵⁰ Шеффер И. С. 27.

³⁵¹ Шеффер И. С. 74-77.

³⁵² Шеффер И. С. 52.

³⁵³ Шеффер И. С. 51.

³⁵⁴ Шеффер И. С. 53.

выделяет миролюбие, трусость и малодушие, объясняя причину последнего, «что, вследствие холода и дурной пищи [без соли – *Д.Т.*], им не достает крови и жизненной силы, нужных для мужества»³⁵⁵.

Говоря о жилищах у саамов, И. Шеффер подчеркивает сезонные перекочевки последних: «лапландцы совершенно не имеют постоянных жилищ, какие мы видим у прочих северных народов, а кочуют с места на место, разбивая по мере надобности лишь временные, переносные шалаши»³⁵⁶. На основе направления кочевок И. Шеффер обозначает две группы саамов: «лапландцы, занимающиеся преимущественно рыболовством, бродят вдоль озер и рек, стараясь уловить момент, когда рыба идет на нерест; оленеводы же зимой блуждают по лесам, а летом уходят в Норвежские горы»³⁵⁷. Он называет их, соответственно, «лесные» и «горные» лапландцы³⁵⁸. И те, и другие, разбивают шалаши, однако делают это по-разному: «горные» лапландцы обтягивают остов шалаша из шестов сукном или войлоком и иногда сверху холстиной, «лесные» же кроют его еловыми и сосновыми ветвями, а сверху корой этих деревьев³⁵⁹. Шеффер И. также указывает, что «горные» лапландцы разбирают шалаши, уходя, «лесные» же оставляют их в целости, рассчитывая потом к ним вернуться³⁶⁰. В середине шалаша и у «лесных», и у «горных» лапландцев расположен очаг, дым из которого выходит в световое отверстие сверху. В сам шалаш ведут две двери, главная и малая, последняя также иногда называется окном³⁶¹.

Глава, посвященная магии саамов, занимает значительное место в труде И. Шеффера. Он замечает, что саамы, часто будучи притесняемым народом, пользуются магией для защиты³⁶². Он останавливается на традиции передачи магического знания от учителя к ученику и замечает, что во многих саамских семьях демоны, благодаря которым вершится колдовство, передаются так же, из поколения в поколение³⁶³. Шеффер рассказывает и о тех, кто владел колдовством не вследствие обучения, а по самой своей природе, прилагая отрывок из книги 1648 г. шведского пастора Иоганна Торнеуса, где без сомнений угадывается описание шаманской болезни³⁶⁴.

³⁵⁵ Шеффер И. С. 55.

³⁵⁶ Шеффер И. С. 218.

³⁵⁷ Шеффер И. С. 220.

³⁵⁸ Идея о разделении саамов на две историко-этнографические группы получила документальное подтверждение в труде И. Шеффера. Однако те саамы, которых он называет «лесными», являются, по всей видимости, «морскими», а те, которые носят название «горные» - «лесными».

³⁵⁹ Шеффер И. С. 224-225.

³⁶⁰ Шеффер И. С. 224.

³⁶¹ Шеффер И. С. 227-229.

³⁶² Шеффер И. С. 147.

³⁶³ Шеффер И. С. 148.

³⁶⁴ Шеффер И. С. 149.

И. Шеффер выделяет два вида колдовства лапландцев: с бубном (который он называет тимпаном) и то, для которого «требуется узлы, копыя, заклинания, благословения и тому подобное»³⁶⁵. Для иллюстрации первого И. Шеффер приводит обширнейшее описание шаманского бубна у саамов, материалов для него, рисунков на нем, специальной колотушки³⁶⁶, а также шаманского сеанса и особой песни «йойке», которая исполняется шаманом, и песня «дуура», которую поют все присутствующие³⁶⁷. Колдовство с бубном, по мнению И. Шеффера, используется для четырех целей: для того, чтобы узнавать о каком-либо деле или событии, происходящем где-то далеко; для того, чтобы узнать результат задуманного; для того, чтобы вылечить больного; и для того, чтобы самому нанести кому-то зло.

Второй вид колдовства, без использования бубна, И. Шеффер делит на три категории. Первые две – продажа ветров путем завязывания узлов на веревке и задерживание с помощью колдовства движения корабля в море, И. Шеффер склонен, подобно О. Магнусу, относить к сфере деятельности финнов, а не саамов³⁶⁸. В существовании третьей же категории – использование магических дротиков для нанесения вреда здоровью – И. Шеффер и вовсе сомневается, считая, что Я. Циглер, который ввёл эту идею в оборот, был введен в заблуждение не совсем ясным значением выражения «наводить порчу», что заставило его предположить, что в этом процессе мог участвовать некий метательный инструмент³⁶⁹. Тем не менее, в заключении главы И. Шеффер сам описывает некий магический артефакт «тире», сделанный в виде небольшого шарика из пуха или мха, который, как считается «мчится по пути к тому, кому оно [колдовство – *Д.Т.*] предназначено, наподобие вихря, дротика или шара, и в случае, если в этом полете встретится с чем-нибудь живым, причинит тому вред, который предназначался другому»³⁷⁰.

Вплоть до первой трети XIX в. произведение И. Шеффера пользовалось несомненным авторитетом и служило источником знаний о саамах. На основе сведений И. Шеффера в атласах мира приводились иллюстрации из жизни саамов, как, например, в «Английском атласе» (1680-1683) Мозеса Питта³⁷¹ или в собрании очерков «Религиозные обычаи и церемонии народов мира», которое сопровождали гравюры Бернара Пикарта³⁷².

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Шеффер И. С. 149-161.

³⁶⁷ Шеффер И. С. 161-171.

³⁶⁸ Шеффер И. С. 171-172.

³⁶⁹ Шеффер И. С. 173-174.

³⁷⁰ Шеффер И. С. 176.

³⁷¹ Pitt M. The English Atlas. Vol. I. Oxford & Amsterdam, 1680.

³⁷² Bernard J.F., Picart B. Tome II. Amsterdam, 1728.

Среди и первой половины XVIII в. выделяется описание поездки по Лапландии Обри де Ла Моттре, гугенота, бежавшего из Франции в 1696 г. и поступившего на службу к шведскому королю Карлу XII. По приказу последнего он посещает Германию, Венгрию, Англию, Голландию, а также Крым и Северный Кавказ. В 1714 г. он совершает путешествие в Лапландию, а в 1723 г. на английском языке выходят два первых тома «Путешествий по Европе, Азии и части Африки» (на французском они вышли в 1727 г.), и во второй из них О. де Ла Моттре включает свои путевые заметки о Лапландии.

Так как материал, опубликованный О. де Ла Моттре, достаточно обширен, остановимся на тех же аспектах, что мы описывал у И. Шеффера. Однако нужно отметить, что, в силу того, что книга О. де Ла Моттре носит характер, скорее, путевого дневника, он редко останавливается на обсуждении теоретических вопросов, и проблема происхождения саамов в его труде не затрагивалась.

Однако О. де Ла Моттре проявляет живой интерес к физическому облику саамов (в своем труде он называется их «лапландцами»). Он указывает, что, несмотря на сложившееся в литературе представление о чрезвычайной низкорослости саамов (О. де Ла Моттре даже употребляет слово «пигмеи»), его собственные впечатления были абсолютно противоположными: описывая в качестве примера двух саамов, живущих в окрестностях реки Турнеэльвен, он указывает, что те были выше среднего роста, с хорошим телосложением, крепкие и румяные³⁷³. Их жены же, как писал О. де Ла Моттре, были среднего роста и светлокожие³⁷⁴. Молодая женщина, которую он встретил среди тех же турнеэльвенских саамов, обладала, на его взгляд, правильными чертами лица и совершенно восхитительной кожей³⁷⁵. В отношении кожи саамов О. де Ла Моттре единственный раз употребляет слово «смуглая», но и то в перечислении, указывая, что их кожа могла быть либо светлой, либо смуглой³⁷⁶. Далее он вскользь замечает, что у саамов, живущих у реки Кемийоки, кожа более смуглая, чем у турнеэльвенских³⁷⁷, вероятно, объясняя свое замечание.

Впервые увидев традиционное жилище саамов – коту (О. де Ла Моттре употребляет именно этот саамский термин) – он приводит детальное описание его. Остов шалаша представлял собой врытые в землю по кругу шесты, скрепленные сверху так, что вся конструкция походила на сахарную голову. Однако О. де Ла Моттре уточняет, что верхние концы шестов прилегали друг к другу неплотно, так, чтобы оставалось место для выходного

³⁷³ *La Mottraye A. de. Vol. II. L., 1723. P. 302.*

³⁷⁴ *La Mottraye A. de. P. 301.*

³⁷⁵ *La Mottraye A. de. P. 304.*

³⁷⁶ *La Mottraye A. de. P. 295.*

³⁷⁷ *La Mottraye A. de. P. 326.*

отверстия для дыма. Опорные шесты шалаша переплетались ветками, и вся конструкция сверху покрывалась грубой материей. Чтобы защищать верхнее отверстие для дыма от снега и дождя, сооружалось, как пишет О. де Ла Моттре, некое подобие зонта из переплетенных веток, примерно два ярда в длину и один в ширину, и этот зонт прикреплялся к длинному шесту, установленному у шалаша так, чтобы эта конструкция как раз закрывала дымовое отверстие³⁷⁸.

Что касается магии у саамов, то О. де Ла Моттре приводит в своей книге целый процесс камлания саамского шамана, детально описывая бубен, Y-образную колотушку из оленьего рога и действия шамана. После камлания, и, как неоднократно подчеркивает О. де Ла Моттре, возлияния, шаман предсказывает ему долгое путешествие, болезни и возможные способы их излечения. Его спутнику, сааму, шаман предсказал удачные дни для охоты и рыбалки, и тот, как отметил О. де Ла Моттре, весьма тому обрадовался. Кроме бутылки с крепким спиртным напитком, спрошенной шаманом накануне церемонии, О. де Ла Моттре выплатил ему пол-кроны по её окончании. О. де Ла Моттре пишет, что саамы крайне серьезно относятся к подобного рода предсказаниям, и часто ходят к шаманам, чтобы узнать счастливые и несчастные дни³⁷⁹. Сам О. де Ла Моттре к подобному роду вещам относился крайне скептически. В конце своего очерка он помещает целое рассуждение о подобных суевериях и магии, и почему неверно приписывать их могуществу дьявола, ведь, по мнению О. де Ла Моттре, в большинстве случаев речь идет о человеческом невежестве. Вероятно, мы можем с полным основанием сказать, что О. де Ла Моттре заложил предпосылки теории П. Малле, ведь он впервые в историографии подверг сверхъестественные черты, приписываемые саамам, рациональному анализу.

С истинно протестантским пафосом О. де Ла Моттре клеймил «прошлые дни невежества и суеверий, когда люди боялись всего, что не понимали, и когда явления, о причинах которых они не были осведомлены, представлялись им дьявольскими и сверхъестественными»³⁸⁰. Далее он переходит напрямую к саамам: «Когда саамов впервые увидели с дальнего расстояния, одетых с головы до ног в шкуры мехом наружу, их сочли сатирами, фэйри и косматыми зверями, которые, словно люди, ходят на двух ногах»³⁸¹. О. де Ла Моттре развивает эту идею, говоря, что склонные к пустым фантазиям наблюдатели наделили саамов ещё более монструозными чертами, а всё это проистекало из простого различия в костюмах, которое производило неизгладимое впечатление. Далее О. де Ла Моттре подобным же образом объясняет другие сверхъестественные черты саамов. Удивительную скорость, приписываемую

³⁷⁸ *La Mottraye A. de.* P. 294.

³⁷⁹ *La Mottraye A. de.* P. 313-316; 320.

³⁸⁰ *La Mottraye A. de.* P. 334.

³⁸¹ *Ibid.*

саамам, он объясняет простым умением ходить на лыжах. Мнимое оборотничество саамов, по мнению О. де Ла Моттре, относилось отнюдь не к сфере магии, а к тому эффекту, который производит на саамов алкоголь, которым опаивали их хитроумные торговцы. Способность же к вызову ветров и штормов, которая приписывается саамам, по мнению О. де Ла Моттре и вовсе смехотворна: северные шторма ни в какое сравнение не идет с ураганами на Карибском море – и кто же тогда вызывает их?³⁸² Таким образом, по мнению О де Ла Моттре, саамы и были, в некотором роде, эвгемеризированными персонажами низшей мифологии.

Нужно отметить, что и жилище саамов, и хождение на лыжах, и даже шаман с колотушкой и бубном представлены на гравюре У. Хогарта, приложенной в качестве иллюстрации к разделу о Лапландии³⁸³.

О. де Ла Моттре, будучи автором XVIII в., являет собой разительное отличие от разобранных нами ранее писателей. Он полагается только на собственные, практически полевые наблюдения, и поэтому легко разрушает сложившиеся стереотипы, как, например, о внешнем облике саамов. Кроме того, О. де Ла Моттре впервые открыто критикует иррациональные черты в образе саамов, которые ранее принимались за чистую монету, что определенно является результатом изменением отношения к сверхъестественному в эпоху Просвещения. Его рассуждения на нынешний взгляд могут показаться несколько наивными, однако это первая обоснованная критика сложившегося образа саамов, первая попытка объяснения его иррациональных черт с точки зрения рационализма. Едва ли П. Малле не был знаком с книгой О. де Ла Моттре, по крайней мере, они оба писали на французском, и оба обращались к теме саамов. Прямых доказательств у нас нет. Однако строил ли П. Малле свою теорию, опираясь на выводы О. де Ла Моттре, или же просто оба этих автора действовали в духе своей эпохи, и поэтому пришли к схожим идеям, на самом деле, не так уж важно. Их методы и выводы отражают общее течение науки того времени.

Подведем итоги этого раздела. Саамы представлялись европейцам иноязычным, неиндоевропейским народом, проживавшим на крайнем севере Европы, в горной местности. Их антропологический облик включал в себя небольшой рост и смуглый оттенок кожи. Хозяйство саамов базировалось на оленеводстве, однако охота и рыбалка также были его важными составляющими. Жилища саамов представляли собой конусообразные шалаши, причем в описаниях превалирует идея, что сверху они были покрыты корой и дерном (грубая ткань в качестве верхнего покрытия описана лишь у И. Шеффера и О. де Ла Моттре). Саамы были

³⁸² *La Mottraye A. de.* P. 334-5.

³⁸³ *La Mottraye A. de.* Pl. 38.

искусны в беге на лыжах, причем скорость, которую они при этом развивали, в ряде источников перешла на быстроту их передвижения в целом. Кроме того, саамы отличались удивительной меткостью в стрельбе.

Значительную роль в образе саамов играли представления о присущем им колдовстве. Они базировались, несомненно, на самобытной культуре саамов, долго время придерживавшихся языческих воззрений (включая культ священных камней-сейдов), а также имевших институт шаманов-нойдов.

В колдовские умения саамов включали продажу ветров морякам путем завязывания трех узлов на веревке; управление погодой; «метание» колдовских дротиков в жертву, с помощью которых последней якобы наносились внутренние увечья; предсказание будущего; создание иллюзий и магических предметов; оборотничество; кроме того, шаманские камлания и действия связанные с ними, как например, возвращение души умершего во время шаманского транса и лечение болезней.

Замечательно, что знакомство с магией саамов демонстрирует Уильям Шекспир в «Комедии ошибок» (ок. 1591), акт IV, сцена III:

Заехал я в страну воображенья?

Иль город здесь лапландских колдунов?³⁸⁴

Также отсылки к ведьмам и колдунам Лапландии, продающим ветры морякам и поднимающим бури, есть в произведениях Роберта Бёртона («Анатомия меланхолии», 1621)³⁸⁵, Джона Драйдена («Вечерняя любовь, или мнимый астролог», 1668, акт II, сцена I)³⁸⁶ и Уильяма Конгрива («Любовь за любовь», 1695, акт III, сцена I)³⁸⁷. Эти примеры показывают, что к началу XVIII в. магические способности были неотъемлемой чертой образа саамов.

Как можно отметить, подобный образ, и, в особенности, приписываемые магические способности, низкий рост и обитание в горной местности соответствовали введенными Эддой и сагами представлениям о карликах. Пол Баттлс указывает, что карлики, в отличие от великанов, не играли сколько-нибудь значительной роли в греко-римской и иудео-христианской традиции³⁸⁸, а значит сам тип персонажа, открытый в Европе лишь в конце XVII в. и популяризированный в середине XVIII в., пришелся на эпоху Просвещения. Присущий этому

³⁸⁴ Шекспир В. С. 85.

³⁸⁵ Burton R. P. 135.

³⁸⁶ Dryden J. P. 244.

³⁸⁷ Congreve W. P. 38.

³⁸⁸ Battles P. P. 36.

времени рационализм, а также традиция эвгемеризма в качестве классического метода анализа мифов привели к тому, что образ карликов из древнескандинавских саг был соотнесен П. Малле с загадочным народом саамов, жившим на крайнем севере Скандинавии.

Однако были ли какие-то особые условия, благодаря которым эта теория была в дальнейшем популяризирована в Британии? Рассмотрим ещё одну группу предпосылок, которые, на наш взгляд, сыграли немаловажную роль в оформившейся в начале XIX века в среде британских ученых теории о применении эвгемеризма к низшей мифологии.

Интерес к низшей мифологии британских антикваров XVII – XVIII вв.

Популярность теории П. Малле в Британии была не в последнюю очередь связана с тем, что во второй половине XVIII в. засвидетельствован необычайный рост интереса к прошлому и фольклору. Примечательно также, что указанные Р. Дорсоном первые «собиратели» рассказов о встречах со сверхъестественным являются теми же, кто активно работал над изучением раннесредневекового наследия: это У. Камден и Дж. Обри³⁸⁹. Едва ли стоит удивляться подобному совпадению: интерес антиквариетов был достаточно широк, а анализируя подобные рассказы, составители сборников старались найти в них отголоски древних событий и верований. В конечном итоге, интерес к археологическим памятникам и такого рода меморатам служил одной цели: пролить свет на историю родной страны.

В XVIII в. традиция сбора материала о низшей мифологии была продолжена. В 1725 г. вышла книга историка и священнослужителя Генри Борна (1694-1733) «Народные древности», автор которой прилагал значительные усилия, чтобы собрать подобного рода рассказы и заклеить их как «папистские суеверия»³⁹⁰. Подобный способ «объяснения» сюжетов быличек был отнюдь не нов, ведя свое существование ещё с XVI в. Даже для выдающегося антиквария Джона Бранда (1744-1806), книга которого³⁹¹, благодаря огромному количеству собранного материала, заложила основы британской фольклористики³⁹², этот метод оставался одним из трех возможных вариантов анализа фольклорных данных. В начале своей работы Дж. Бранд поставил перед собой две задачи: показать, что подобные былички играют огромную роль в народной культуре и постараться их проанализировать. Кроме вышеуказанного метода, для выполнения второй задачи Дж. Бранд использовал также рационалистический и исторический.

³⁸⁹ Dorson R.M. P. 1-10.

³⁹⁰ Dorson R.M. P. 11-13.

³⁹¹ Brand J. Observations on Popular Antiquities. Newcastle upon Tyne, 1777. Переиздана и значительно дополнена в 1813 г.

³⁹² Dorson R.M. P. 18-19.

Антикварию того времени, столкнувшись с наличием огромного пласта фольклора о призраках, фэйри и ведьмах, долгое время не знали, что с ним делать. Они интуитивно собирали эти исчезающие осколки старины, сохраняли их в виде текстов, однако их анализ вызывал определенные сложности. Клеймение меморатов «папистскими суевериями» не давало практически ничего после вот уже двухвековой победы протестантизма. Гораздо больше в духе того времени были попытки объяснить происходящее с рациональной точки зрения, однако они ограничивались констатацией того, что подобные видения посещают людей в нетрезвом состоянии и изначально являются порождением невежественного ума, попавшего во власть иллюзии. Наиболее перспективным методом оставался исторический, когда объяснение описанному явлению давалось путем отсылки к некому историческому прецеденту, вошедшему в народную традицию. Однако, к большому огорчению антиквариюв, его можно было применять лишь к ограниченному количеству сюжетов. Вероятно, мы можем со всей уверенностью предположить, что эвгемеристическая идея о фэйри как прообразе аборигенного населения рассматривалась как значительный шаг вперед в развитии методов анализа быличек и легенд.

Выводы

В этой главе мы выделили несколько групп предпосылок, которые, на наш взгляд, обусловили готовность английской и шотландской науки на рубеже XVIII-XIX вв. принять эвгемеристическую теорию П. Малле в качестве одного из методов анализа рассказов из цикла низшей мифологии.

В первую очередь, среди этих предпосылок выделяется концепция готицизма, то есть идея об общем происхождении от готов народов севера Европы, которая была воспринята изначально английскими учеными, а затем и частью шотландских в качестве доктрины для толкования прошлого собственного народа. Оформлению концепции способствовала публикация переведенных на латынь источников о мифологии средневековой Скандинавии, в числе которых была «Младшая Эдда» Снорри Стурлусона. В её состав входил эвгемеристический пролог, в котором языческие боги были представлены перелесенцами из Азии и предками современных скандинавов. Благодаря концепции готицизма подобное представление было распространено на прошлое Шотландии и Англии, в случае последней получив также подтверждение в средневековой традиции, возводившей происхождение Хенгиста и Хорзы, легендарных королей Кента, от Водена. Таким образом, эвгемеризованные скандинавские боги стали считаться предками англичан и шотландцев, хотя в Шотландии концепция готицизма соперничала с доктриной кельтицизма.

Определенное кельтское влияние также прослеживается в закреплении позиций эвгемеризма как подхода к анализу низшей мифологии. Легендарная история ирландского народа включала в себя череду сменяющих друг друга миграций, из которых две носили изначально сверхъестественную природу и впоследствии эвгемеризированных. В целом, подобная картина напоминает толкование скандинавского эпоса с той лишь разницей, что племена богини Дану и фоморы с течением времени стали персонажами низшей мифологии, однако благодаря эвгемеристическому толкованию они одновременно продолжали выступать в качестве людей, что заложило определенный прецедент эвгемеризации персонажей народной демонологии в Ирландии.

Мифология кельтов и скандинавов долгое время воспринималась как единое целое, и П. Малле в комментариях к переводу «Младшей Эдды» (1755) даже называет этот эпос наследием друидов. Именно П. Малле, швейцарскому профессору, принадлежит авторство эвгемеристической теории о саамах как прообразе карликов из скандинавского мифологического цикла, теории, которая впоследствии прочно укоренилась на британской почве.

К моменту написания П. Малле своего труда в западной Европе был накоплен определенный багаж знаний о саамах, и их образ в некоторых чертах действительно пересекался с образом мифологических карликов, специфическим типом персонажа германской мифологии, который в научной европейской среде был открыт лишь в XVII в. Их общие черты включали в себя низкий рост, владение магией и обитание в горной местности. Саамы, будучи неиндоевропейским народом, с отличным от их соседей-земледельцев типом хозяйства и долго сохранявшимися традиционными верованиями, включавшими институт шаманов-нойдов, воспринимались средневековыми скандинавами по меньшей мере как колдуны, а временами и вовсе ассоциировались со сверхъестественными созданиями. Х. Паульссон указывает, что в сагах саамов зачастую именовали разного рода персонажами из низшей мифологии Скандинавии, преимущественно троллями³⁹³, что означает, что теория П. Малле имеет под собой средневековую традицию.

Говоря о мифологических персонажах в качестве аборигенного населения, нужно помнить, что до XVI века национальная история Англии включала в себя фазу, предшествующую прибытию предков англичан, когда в стране якобы обитали великаны. Таким образом, в случае Англии мы можем говорить об уже бытовавшем в национальной истории прецеденте восприятия мифологических персонажей в качестве древнейшего населения страны.

³⁹³ Pálsson H. P. 31-33.

Эта концепция подверглась критике в начале XVI века, но тогда же возникла теория о великане Самотесе, отце-основателе кельтского царства, сыне Иафета, внуке Ноя. Именно её использовали в своих построениях сторонники традиционного подхода в оценке английской истории, однако теория была достаточно быстро раскритикована. Тем не менее, великаны в трудах английских и даже шотландских антиквариев просуществовали вплоть до конца XVIII века как строители Стоунхеджа и прочих мегалитических сооружений Британских островов. Как и в случае с великанами, эта идея вела свое начало с легенды в труде Гальфрида Монмутского, но в качестве подтверждающих её факторов уже называли обнаружение останков огромного размера в Солсбери.

Как необходимый фактор для утверждения и дальнейшего развития теории П. Малле в среде британских антиквариев нужно назвать особый интерес к прошлому в середине XVIII столетия, которым руководствовались собиратели рассказов о низшей мифологии. Отношение к ним в эпоху романтизма изменилось: из выражения бессмысленных суеверий они стали рассматриваться как часть национальной культуры и отражение истории народа. Помимо исторического метода, который мог применяться лишь к ограниченному количеству сюжетов, в среде антиквариев практически не было больше сколько-либо эффективных способов анализа фольклорного материала (братья Гримм ещё не сформулировали свою знаменитую теорию), и идея П. Малле, вероятно, рассматривалась как прогрессивный подход, который имел прочное основание в виде классической эвгемеристической концепции.

Глава II. Введение и утверждение в Британии эвгемеристической теории о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии в первой половине XIX в.

Теория эвгемеристического друидизма

Ещё до непосредственного обращения к идеям П. Малле британские ученые использовали его концепцию на более традиционном для Британии материале – по отношению к друидам. Друиды упоминались в классических текстах античности: в «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря, в трактате «О дивинации» Цицерона, в «Анналах» Тацита и в «Естественной истории» Плиния Старшего. В эпоху Просвещения их открыли для себя британские антиквари, и к началу XIX в., как отмечает Ст. Пиготт, образ друидов уже обладал многими чертами: патриархальных христиан, примитивных дикарей, игравших, как положительную, так и отрицательную роли, яростных борцов за свободу от римлян, жрецов-хранителей древних тайн. Они молились среди каменных кругов (особенно в Стоунхендже) и в дубовых рощах, вдохновляли бардов или сами были бардами³⁹⁴.

Уильям Блейк, опираясь на друидическую традицию до него, а также на курьезную теорию Фрэнсиса Уилфорда о том, что Британия была ареной библейских событий, в поэме «Иерусалим. Эманация Гиганта Альбиона» (1804-10) писал:

«Начало и конец всему — здесь, на берегах Друидов...»

И далее: «Предки ваши происходят от Авраама и Евера, Сима и Ноя, которые были Друидами, как об этом по сей день свидетельствуют Храмы Друидов (Патриархальные Колонны и Дубовые Рощи), раскинувшиеся по всей Земле»³⁹⁵.

Ко времени У. Блейка образ друидов прочно вошел в сознание британцев как олицетворение их предков, что позволило применить к ним эвгемеристическое толкование П. Малле. Примечательно, что Дж. Макферсон в «Поэмах Оссиана» практически не затронул тему друидов. Вместо него это сделал Джон Смит (1747-1807), пастор из Кэмпбелтауна, написавший диссертацию в защиту подлинности поэм Оссиана, вместе с которой была издана его «История друидов».

Описывая каменные круги, которые Дж. Смит, как и многие его современники ассоциировал с друидами, он останавливается на их названии – «клахан», что, по его мнению, в переводе с гэльского значило «место поклонения». Это название, по его мнению, сохранилось

³⁹⁴ Пиготт С. Друиды. Поэты, ученые, прорицатели. М., 2005. С. 181.

³⁹⁵ Блейк У. Иерусалим. Эманация Гиганта Альбиона — К Евреям. Лист 27. Пер. Д. Смирнов-Садовский. [http://wikilivres.ru/Иерусалим._Эманация_Гиганта_Альбиона_\(Блейк\)/27](http://wikilivres.ru/Иерусалим._Эманация_Гиганта_Альбиона_(Блейк)/27)

ещё с дохристианских времени. Подобную же древность названия Дж. Смит приписывает возвышенностям «шиан», что означало «холмы покоя», и, как он полагал, это именование ассоциировалось с павшими героями, что лежат внутри. По мнению Дж. Смита, именно из-за благоговения и суеверного страха, окружавшего эти места, народное сознание породило духов (фэйри), которые якобы обитали в таких холмах. На них и перешло и название таких холмов: Дж. Смит пишет, что по-гэльски и сами фэйри называются «ши»³⁹⁶.

Джеймс Крайри начинает свой отрывок о друидах как возможном прообразе фэйри с отсылки к аргументации Джона Смита: он замечает, что вера в фэйри чрезвычайно распространена в Шотландии, и повторяет термин Смита для обозначения холмов, где живут фэйри, - шиан³⁹⁷, таким образом констатируя связь друидов и фэйри. Более того, в другом месте Дж. Крайри напрямую ссылается на произведение Дж. Смита, что снимает вопрос о его знакомстве с ним³⁹⁸. Джеймс Крайри излагает свое умозаключение в стиле П. Малле: кроме того, что эта ремарка является примечанием, Дж. Крайри использует похожую аргументацию. Также, как и карлики-саамы у Малле, фэйри у Дж. Крайри оказываются угнетенным аборигенным народом (к которому он причисляет и друидов), который бежал от своих врагов в подземные жилища, ныне называемые пиктскими. Эти жилища выглядели для неискушенного наблюдателя как зеленые холмы, что позволяло их обитателям маскировать свое присутствие. Так же в целях маскировки обитатели холмов покидали свои жилища только ночью, а если им приходилось зачем-то выходить днем, то они носили одежду только зеленого цвета, дабы сливаться с местностью. Из-за перевернутого ритма жизни они могли позволить себе небольшие удовольствия лишь ночью, что объясняет рассказы о музыке и танцах фэйри в лунном свете. Так как доставать припасы им было сложно, временами их женщины, одетые в зеленое, появлялись на пороге у местных жителей, прося одолжить им муку. Похищения же женщин и детей Дж. Крайри объясняет своеобразным «истощением генофонда» у аборигенного народа, в силу их малочисленности и крайней подверженности инфекционным болезням. С тех же похищенных, кого потом отпускали, брали слово хранить секреты «скрытого народа». Дж. Крайри предполагает возникновение значительного количества трудностей при использовании этой концепции в качестве истолкования легенд о фэйри, но, тем не менее, считает эвгемеристический метод наиболее действенным, так как он снимает проблему доверия к подобного рода рассказам: люди действительно видели «фэйри», не находясь при этом во власти иллюзии или алкогольного опьянения³⁹⁹.

³⁹⁶ *Smith J. P.* 29-30.

³⁹⁷ *Cririe J. P.* 347.

³⁹⁸ *Cririe J. P.* 277.

³⁹⁹ *Cririe J. P.* 347-8.

Идею Дж. Крайри развил Патрик Грэхэм в труде, выпущенном три года спустя. Он посвящает отдельную главу фэйри, именуя их Ши, что, вероятно, можно назвать к тому моменту устоявшейся чертой этой традиции, так как П. Грэхэм уже не приводит объяснения Дж. Смита о том, что это имя фэйри получили от курганов, под которыми покоятся герои. И если у Дж. Крайри и Дж. Смита ещё прослеживалась связь в употреблении этого термина (Дж. Крайри пользовался материалами Смита и ссылался на него), то П. Грэхэм упоминает этот термин, потому что его использовал Дж. Крайри.

В его описании акцент снимается с аборигенного населения, традиции, идущей от Малле, и переносится на Друидический Орден (вероятно, отсылка к сведениям псевдо-Бероса об основании такового Друисом, сыном великана Самогеса), который в описании П. Грэхэма приобретает невиданный масштаб. П. Грэхэм утверждает, что Орден «некогда обладал верховной властью во всех мирских и духовных делах на территории кельтской Европы»⁴⁰⁰. Однако с распространением христианства Орден потерял свое могущество, и его члены были вынуждены скрываться в лесах и пещерах, одержимые завистью и злостью к тем, кто лишил их богатства и влияния. Именно из-за страха перед ними, как считает П. Грэхэм, люди боялись всеу упоминать имя фэйри, и называли их «добрым народцем»⁴⁰¹.

Похищение фэйри новорожденных и рожениц П. Грэхэм относит к стремлению друидов пополнить число своих членов. Таким образом они поддерживали структуру своего ордена на протяжении нескольких столетий после его формального роспуска. П. Грэхэм указывает, что в документах сведения о друидах продолжают циркулировать вплоть до VI в. н.э. Он приводит в пример «Житие святого Колумбы», написанное игуменом Адамнаном Ионским (623/624-704). Имя рода оттуда – Мокудруиди⁴⁰² - П. Грэхэм толкует как «сыны друидов», вынося его в подтверждение собственному тезису, что во время написания этого документа друиды все ещё существовали. Кроме того, он полагает, что таинственные маги в крепости короля пиктов Бруде, которые пытались помешать святому Колумбе распространить Слово Божье, также были друидами⁴⁰³. Классический перевод «Жития святого Колумбы» на английский язык подтверждает это заключение П. Грэхэма: там латинское слово «magi» переведено как «druids»⁴⁰⁴.

⁴⁰⁰ *Graham P. P.* 112.

⁴⁰¹ *Graham P. P.* 114; 121.

⁴⁰² Mocudruidi (Mac-Ua-Druidi), П. Грэхэм приводит его как «Mocidruidi».

⁴⁰³ *Graham P. P.* 115.

⁴⁰⁴ *Life of Saint Columba, founder of Hy.* Written by Adamnan (edit. by Reeves W.). Edinburgh, 1874. P. 28.

Помимо прочего, П. Грэхэм использует опубликованную за год до выпуска его книги рукопись «Жития святого Колумбы» на гэльском XII-XIII вв., где описывался тот же эпизод из жизни святого Колумбы, однако его противники открыто были названы «друидами»⁴⁰⁵.

Продолжая параллели в образе друидов и фэйри, П. Грэхэм замечает, что тайные знания, которыми, без сомнений, обладали друиды, могли быть приняты невежественным народом за магию⁴⁰⁶. В пятницу же, день, когда фэйри якобы были особенно сильны, друиды, по мнению П. Грэхэма, проводили свои ритуалы⁴⁰⁷. Ближе к концу главы аргументы П. Грэхэма становятся самоочевидными: он указывает на то, что как среди фэйри, так и среди друидов были и мужчины, и женщины⁴⁰⁸.

П. Грэхэм касается и темы любовных отношений между людьми и фэйри. В легендах возлюбленные женщин-фэйри часто получали от них искусство предсказания и целительства, и П. Грэхэм связывает это с передачей тайных знаний, которыми располагали друиды⁴⁰⁹. В заключение он приводит легенду о влюбленном фэйри, который захотел стать человеком, и это было ему позволено, при условии, что он отдаст фэйри трех своих детей. Грэхэм делает вывод, что подобный переход был бы невозможен, если бы речь шла о существах иной природы, и члены Ордена Друидов могут быть освобождены от своей клятвы, если смогут пополнить ряды Ордена детьми⁴¹⁰.

Работа Питера Робертса, валлийского антиквара, подвела итог теме эвгемеристического друидизма. Происхождения института друидизма П. Робертс относит к Британии, откуда он был перенесен в Галлию⁴¹¹.

Касаясь же происхождения валлийской низшей мифологии, П. Робертс пересказывает с историю священника Элидура, приведенную в труде Гиральда Камбрийского «Путешествие по Уэльсу» (1191). В ней речь идет о некоем мальчике, убежавшем от строгого наставника. Два дня он прятался у крутого берега реки, а затем к нему подошли два маленьких человечка и пригласили следовать за ними. Они прошли под землю по туннелю, где было очень темно, в прекрасную страну, где царили вечные сумерки. Король той страны был доброжелательно настроен к мальчику и позволил ему играть со своим сыном. Так прошло много дней, мальчик

⁴⁰⁵ Report of the Committee of the Highland Society of Scotland, appointed to inquire into the nature and authenticity of the poems of Ossian (drawn up by Mackenzie H.). Edinburgh, 1805. P. 310-311.

⁴⁰⁶ *Graham P.* P. 118-119.

⁴⁰⁷ *Graham P.* P. 120.

⁴⁰⁸ *Graham P.* P. 122-123.

⁴⁰⁹ *Graham P.* P. 124.

⁴¹⁰ *Graham P.* P. 126.

⁴¹¹ *Roberts P.* P. 17.

путешествовал между двумя мирами до тех пор, пока не решился украсть у сына короля золотой мяч для своей матери. С тех пор проход в нижний мир для него был закрыт.

На анализе этой легенды и построена вся сеть доказательств Питера Робертса. Он анализирует приведенные фразы на языке тех маленьких людей⁴¹², делая вывод, что «язык этих фэйри был либо ирландским, либо валлийским»⁴¹³. П. Робертс указывает, что так как ирландцы неоднократно вторгались в Уэльс, небольшие группы могли быть брошены или же просто не смогли вернуться. Боясь обнаружения, они прятались в пещерах в течение дня, выпуская своих детей по ночам добывать еду и совершать моцион. При этом они одевали их в фантастические наряды. Однако далее П. Робертс оспаривает свой первоначальный тезис. Он замечает, что система воззрений о фэйри носит настолько целостный характер, что не может быть отнесена к какой-то отдельной группе жителей другой страны, попавших в беду⁴¹⁴.

П. Робертс перечисляет факторы, образующие, в его представлении, подобную систему. Он пишет, что постоянной заботой этих «фэйри» было предотвращать свое обнаружение, внушая людям мысль, что при одном взгляде на них последует ужасная расплата. Кроме того, они старались внушить страх перед собственным недовольством, и, напротив, вселить мысль о пользе их расположения. Им нельзя было мешать входить и выходить из жилища людей, считалось полезным оставить для них на ночь чашу с молоком, взамен же, уходя, они дарили монетку хозяевам, если дом был прибран, если же нет – они наказывали провинившегося. На «фэйри» боялись смотреть, так как считалось, что один взгляд, брошенный на них, означает немедленную смерть. «Фэйри» обычно надевали одежду зеленого цвета, дабы быть менее заметными, и выходили только по ночам, чтобы танцевать при лунном свете. Когда же их становилось мало, а дети рождались хилыми, «фэйри» похищали крепких младенцев и оставляли взамен своих. Нужно отметить, что подобные аргументы приводил ещё Дж. Крайри. Что же нового ввёл в развитие теории П. Робертс? Например, он предложил оригинальное объяснение того, почему в царстве фэйри всегда царят сумерки. По его мнению, похищенных детей (если они не были младенцами) опаивали снотворным и увозили далеко от дома, а выходить разрешали только по ночам. Таким образом, ночь для них становилась днем, а то время, что они считали ночью, они находились в тех самых пещерах, куда не проникал солнечный свет.

Подводя итоги всему вышперечисленному, П. Робертс делает вывод о некой группе людей, отличных от основного населения страны и либо вынужденно, либо добровольно

⁴¹² Udor udorum «хочу воды», halgein udorum «хочу соли». Roberts P. P. 194.

⁴¹³ Roberts P. P. 196.

⁴¹⁴ Roberts P. P. 196-197.

проживающих в строгой тайне от остальных. По мнению П. Робертса, танцы «фэйри» вокруг дерева – это ритуал этих людей, под деревом же, как он предполагает, в легендах описывался дуб. Таким нехитрым способом П. Робертс приходит к идее, что этими людьми были друиды. Преследуемые римлянами, а затем и христианами, друиды скрывались в лесах, пока население было сравнительно небольшим, а необитаемых территорий – в избытке. П. Робертс соглашается с выводом П. Грэхэма о том, что друиды могли вести скрытое существование гораздо дольше, чем это представляется возможным, однако, по его мнению, рост населения в какой-то момент остановил этот процесс. То, что друиды, будучи последователями некоего древнего тайного культа, достаточно легко смогли разработать такой план укрытия, по мнению П. Робертса, может послужить основанием для утверждения, что их примеру затем последовали ранние христиане Британии. Однако он не развивает эту мысль. К тому же классу явлений П. Робертс причисляет предания о шотландском брауни, которого он считает затворником-одиночкой, слегка помешанным, но безвредным. Тем не менее, не совсем ясно, имеет ли он в виду друида, христианина или просто некоего юродивого⁴¹⁵.

Таким образом, идея о некоей организованной общности, стоящей в основе идеи о сверхъестественных существах, нашла свое воплощение в лице друидов. Попытки обнаружить в верованиях о фэйри систему и найти ей рациональное объяснение, применив к действиям реальных людей, могли подойти только конструктору, который бы в той или иной мере отвечал за прошлое британцев. Вышеперечисленные авторы то пишут об аборигенах в целом, то о сложном ордене друидов – но для того, чтобы некое общество подходило под критерии, которые выделялись в народных представлениях о фэйри, совершенно необязательно была его высокая организация. Вероятно, это и было одной из основных причин заката теории о друидах: аборигенное население как базис для эвгемеризации персонажей низшей мифологии осталось, а сложное закрытое сообщество конспираторов, похищавших детей, даже на более благосклонный взгляд ученых начала XIX в., вероятно, казалось слишком абсурдной идеей. Не последнюю роль в отрицании этой теории сыграло также общее угасание интереса к друидам⁴¹⁶.

Место саамов в классификациях человеческих рас конца XVII – начала XIX в.

К началу XIX века прослеживается определенный всплеск интереса к саамам, что объясняется популярностью в научной среде различных расовых классификаций. Крис Маниас пишет, что стремление классифицировать народы мира в новое время связано с попыткой включения человека в типологии живой природы⁴¹⁷. Систематическое изучение окружающего

⁴¹⁵ Roberts P. P. 198-200.

⁴¹⁶ Pugom C. C. 193.

⁴¹⁷ Manias C. Race, Science, and the Nation: Reconstructing the Ancient Past in Britain, France and Germany. P. 19.

мира разворачивается с открытием новых земель, и накопления сведений о новых видах флоры и фауны. Пол Л. Фарбер указывает, что естественная история как наука ведет свое происхождение лишь с XVIII в.⁴¹⁸

Первая попытка классификации человечества на основе выделения рас принадлежит, как считается⁴¹⁹, Франсуа Бернье (1625-1688), французскому врачу и путешественнику, другу Джона Локка. 24 апреля 1684 года в «Журналь дэ саван» (*Journal des sçavans*) вышла его статья «Новое разделение мира на разные виды (*espèces*) или расы, его населяющие»⁴²⁰. В ней он выделил пять рас, приписав к каждой население того или иного региона. Четвертая раса у Ф. Бернье безраздельно отдана саамам (Ф. Бернье называет их лопарями⁴²¹). Приведем полностью их описание из очерка Ф. Бернье: «Четвертый вид составляют лопари. Это низкорослые создания с толстыми ногами, широкими плечами, короткой шеей и невероятно длинным лицом; крайне уродливы и похожи на медведей. Я видел своими глазами лишь двух из них в Данциге; но, судя по рисункам, которые мне встречались, и рассказам тех людей, что были в их стране, они жалкие существа»⁴²².

Удивительно, что признание своей некомпетентности относительно саамов не помешало Ф. Бернье не только присвоить последним крайне нелестную характеристику, но и выделить под них отдельную расу. Последнее, однако, можно объяснить их крайне необычным положением, о котором мы уже писали: помимо проживания в экстремальных условиях севера, саамы говорили на языке, отличном от европейского населения Европы, вели полукочевой образ жизни, и занимались оленеводством, а не земледелием. Всё это, вкупе с язычеством и шаманизмом, создавало саамам удивительно экзотический образ, который дополнялся ещё и тем, что они жили на территории Европы.

Создателю единой системы классификации растительного и животного мира, Карлу Линнею (1707-1778) также принадлежала одна из первых попыток классификации человеческого рода. В «Шведской фауне» (1746) К. Линней дает следующее краткое описание саамов: «Лопари. Тело маленькое. Волосы черные, прямые, короткие. Радужка глаза темная»⁴²³. Также К. Линней пишет, что саамы принадлежат к тому же народу, что и самоеды. Любопытно,

⁴¹⁸ *Farber P.L. Finding Order in Nature: The Naturalist Tradition from Linnaeus to E. O. Wilson. Baltimore, 2000. P. 1-2.*

⁴¹⁹ *Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978. С. 366.*

⁴²⁰ «Nouvelle Division de la Terre par les différentes Espèces ou races d'homme qui l'habitent (...)». Мы работали с переводом на английский Т. Бендайфа: *Bernier F. A new division of Earth by the different species or races which inhabit it // Memoirs Read Before the Anthropological Society of London. Vol. I. 1863-64. P. 360-364.*

⁴²¹ В английском переводе "Lapps".

⁴²² *Bernier F. P. 362.*

⁴²³ *Linnaeus C. Fauna Svecica. Lugduni Batavorum, 1746. P. 1.*

что саамов К. Линней относил к категории «Homo Monstrosus», считая их достаточно уродливыми созданиями⁴²⁴.

Французский натуралист Жорж-Луи Леклерк де Бюффон (1707-1788) также в своей книге отдавал саамам отдельную «лапландскую» расу⁴²⁵. В целом, о саамах Ж.-Л.Л. де Бюффон пишет следующее:

«У этих людей широкие лица и плоские носы; глаза у них желто-коричневого цвета с постепенным переходом в черный; веки оттянуты к вискам, скулы чрезвычайно выступают, рты широкие, лицо к низу заужено, губы толстые и вывернуты наружу; голос у них пронзительный, головы массивные, волосы черные и прямые, кожа смуглая. Они невысокого роста, и, несмотря на худобу, коренастые»⁴²⁶.

Дж. Стокинг отмечал, что подобные ранние расовые классификации редко описывали человеческие расы в привычных нам физиологических и генетических терминах, так как сравнительная анатомия и физическая антропология только начинали снабжать ученых материалом для этого⁴²⁷. Эта ситуация изменилась с приходом в науку немецкого анатома Иоганна Фридриха Блюменбаха (1752-1840). Мы работали с английским переводом трудов И.Ф. Блюменбаха, сборником, включавшей в себя второе и третье издания книги И.Ф. Блюменбаха, так как второе издание представляет собой первое, дополненное комментариями. Они были переведены и изданы силами знаменитого «Антропологического общества Лондона», того самого, которое всецело поддерживало идеи полигенизма, что достаточно любопытно – сам И.Ф. Блюменбах был убежденным моногенистом. Различные расы он рассматривал не как отдельные виды, а как вариации единого.

В первом и во втором издании своей книги И.Ф. Блюменбах относит саамов к «европейской» расе, замечая, что их «я не могу ни в коей степени отделить от остального населения Европы, так как их внешний вид и их язык свидетельствуют об их финском происхождении»⁴²⁸. Однако к третьему изданию своей книги (1795), после измерений черепов различных народов и полной деконструкции своих ранних теоретических построений, И.Ф. Блюменбах начинает относить саамов к монгольской расе⁴²⁹, и эта идея вошла в труды английского этнолога Дж.К. Причарда, человека, заложившего основы ряда характерных

⁴²⁴ Naum M., Nordin J.M. Introduction: Situating Scandinavian Colonialism // *Scandinavian Colonialism and the Rise of Modernity*. N.Y., 2013. P. 12.

⁴²⁵ Рогинский Я.Я., Левин М.Г. С. 367.

⁴²⁶ Buffon G.-L.L.C. de. P. 192.

⁴²⁷ Stocking G.W. P. 18.

⁴²⁸ Blumenbach J.F. P. 99.

⁴²⁹ Blumenbach J.F. P. 265-266.

особенностей этнологии и, впоследствии, социальной антропологии⁴³⁰. На первой же странице предисловия Дж. Причард отдает долг уважения Ж.-Л.Л. де Бюффону и И.Ф. Блюменбаху⁴³¹. Дж. Причард поставил перед собой задачу в рамках библейской парадигмы классифицировать народы на основе общих признаков, таких как физический облик, религия, политические институты, обычаи и язык, и далее показать, что все они восходят к единому прародителю, а различия, которые можно наблюдать, являются прямым воздействием тех условий окружающей среды, где поселились те или иные народы. Прародину же человечества Дж. Причард помещал в передней Азии, где, по его мнению, остановился Ноев ковчег⁴³².

Саамов, по примеру И.Ф. Блюменбаха, Дж. Причард относил к монгольской расе. Анализируя многочисленные источники, в том числе уже упомянутый нами отчет Оттара в переводе короля Альфреда «Истории против язычников» Павла Орозия, Дж. Причард считал их родственными самоедам⁴³³, мордве, вогулам, вотякам, чувашам, черемисам, остяками и, в конечно итоге, финнам и эстонцам, и полагал, что эта «семья наций», растянувшаяся от Лапландии и до Енисея, представляла собой аборигенное население этих мест⁴³⁴. Сравнивая саамов с финнами, Дж. Причард отдавал предпочтение последним: саамы у его описании являются «варварами, наиболее низкой и деформированной из всех этих наций. У них черные волосы и очень смуглая кожа. Но цивилизованные финны, несмотря на близкое с ними родство, гораздо крепче и лучше сложены. У них светлая кожа и обычно рыжие волосы»⁴³⁵.

Подведем итоги нашего обзора. Как мы уже отмечали в предыдущей главе, в европейской традиции сложилось представление о том, что саамы крайне низкого роста и имеют смуглый оттенок кожи. Тем самым саамы превращались в своего рода парадокс: европейский народ, который практически во всем отличался от остальных. А так как первые расовые классификации строились по географическому принципу, то саамы в них неизбежно занимали особое место: у Ф. Бернье и Ж.-Л.Л. де Бюффона, саамам отдана отдельная раса, а К. Линней и вовсе относил их к подгруппе «*Homo Monstrosus*», И.Ф. Блюменбах, как впоследствии и Дж.К. Причард, которого Дж. Стокинг считал практически безусловным авторитетом в британской этнологии первой половине XIX века⁴³⁶, относили саамов к монгольской расе. Общий антропологический облик саамов сводился к следующему: это малый рост, коренастость, смуглая кожа, темные глаза и черные волосы.

⁴³⁰ Никишенков А.А. С. 62.

⁴³¹ Prichard J.C. Researches into the physical history of man. P. i.

⁴³² Stocking G.W. P. 50-52.

⁴³³ Во избежание путаницы мы будем переводить термины, который употребляет Дж. Причард, буквально, даже если они являются устаревшими.

⁴³⁴ Prichard J.C. P. 540-544.

⁴³⁵ Prichard J.C. P. 546.

⁴³⁶ Stocking G.W. P. 48.

Первая половина девятнадцатого века отмечена трудом «Зима в Лапландии и Швеции» англичанина Артура де Капелла Брука, который совершил феноменальное для того времени путешествие в Лапландию, и, как замечает Джеймс Маршалл-Корнуолл, был, вероятно, первым англичанином, который по суше добрался до мыса Нордкап⁴³⁷. Начальной точкой его путешествия был Лондон, откуда в середине мая 1820 г. он отплыл в Гётеборг – город на юго-западе Швеции. Оттуда он направился в Стокгольм, перейдя норвежскую границу – в Конгсвингер, затем в Осло, и оттуда уже добрался до Тронхейма и до Хаммерфеста. Из соседнего поселения, под названием Фугленес, 20 августа он на лодке достиг острова Магерёйа, который расположен неподалеку от мыса Нордкап. После этого А. де К. Брук вернулся в Фугленес, и оставался там с 26 ноября 1820 г. За это время он успел немного изучить язык саамов, а также составил свое представление о них. В Англию он вернулся в феврале 1821 года, сначала в город Лоустофт на востоке Суффолка, а затем и в Лондон.

Артур де К. Брук начинает свой обзор с того, что делит саамов на группы. Он выделяет небольшую группу «лесных лопарей» (Wood Laps, Skogslappar), которые, как следует из названия, обитают в лесах, и чьи олени стада, по словам А. Брука слишком малочисленны, чтобы полностью обеспечивать их продовольствием, поэтому зимой они большей частью полагаются на охоту и рыбалку, и весьма метко стреляют из своих ружей. Он отмечает, что лесные саамы живут в крайней бедности. Летом жилищем им служит шалаш, зимой же они сооружают из дерна нечто более основательное, похожее на коту – жилище «береговых лапландцев» (the Fishing, or Shore Laplanders).

Однако А. Брук ограничивает поселение «лесных лопарей» лишь шведской и русской Лапландией, замечая, что в норвежской Лапландии они не встречаются. Саамов Финнмарка А. Брук делит на два класса: рыболовы, или «береговые лапландцы» и оленеводы, или «горные лапландцы» (the Rein-deer, or Mountain Laplanders). О последних он замечает, что те кочуют летом и зимой, не имеют другого убежища, кроме своих шалашей, и, по его мнению, представляют собой наиболее точный портрет своего народа⁴³⁸.

Из-за объема материала о жизни саамов в книге А. де К. Брука, остановимся на уже выделенных нами критериях: происхождение саамов, их антропологический тип, одежда, жилища и магия.

⁴³⁷ *Marshall-Cornwall J. An Early Scandinavian Traveller // The Geographical Journal. July, 1978. Vol. 144. № 2. P. 250.*

⁴³⁸ *Brooke A. de C. P. 30-31.*

Примечательно, что А. де К. Брук изначально оговаривает, что он не будет останавливаться на происхождении саамов, так как все предположения в этой области слишком туманны и сомнительны, более того, они базируются на древней истории; он же будет описывать современное положение дел⁴³⁹. Однако А. де К. Брук останавливается на происхождении названия «лопари» и ссылается в этом вопросе на труды О Магнуса и И. Шеффера. Он отмечает, что, несмотря на то, что термин «лопарь» (Lap, Laplander) достаточно древний, сами саамы называют себя иначе (Same Edman, Samlash). В Норвегии же, и отдельно А. де К. Брук отмечает Финмарк, саамов называют не лопарями, а финнами (Fins), термин же «лопари» (Laps) применяется только в шведской и русской Лапландии⁴⁴⁰.

А. де К. Брук проводил четкую границу между финнами и саамами: «разница между ними столь велика, что нынче у них едва ли осталась хоть одна общая черта: физиогномика у них совершенно разная, и человек, хоть раз в жизни видевший и финна, и лопаря, никогда их не спутает. Первые высоки, светлокожи, с русыми, густыми и часто кудрявыми волосами; последние же низкорослы, кожа у них значительно смуглее, а волосы жидкие, прямые и редкие»⁴⁴¹. Говоря же об общем антропологическом типе саамов, А. де К. Брук указывает, что это в целом низкорослая раса, однако северные саамы выше южных⁴⁴². Характерными признаками их внешности, по мнению А. де К. Брука являются маленькие, чуть удлиненные глаза, высокие скулы, широкий рот, заостренный подбородок и жидкая бородка или совершенно её отсутствие. Относительно цвета волос, А. де К. Брук указывает, что саамы – брюнеты, однако он встречал и русых среди «береговых лапландцев». Телосложение у саамов, как отмечает А. де К. Брук, худощавое, однако при этом они отличаются значительной физической силой и очень мускулисты. Что же касается того, что они якобы чрезвычайно быстры, то А. де К. Брук сам этого не наблюдал и не склонен верить таким рассказам. Кисти и ступни у них, как указывает А. де К. Брук, миниатюрные, что, по его мнению, характеризует многие северные народы: та же черта якобы встречается у эскимосов.

Любопытно, что А. де К. Брук объясняет общую смуглость саамов тем же климатическим детерминизмом, что и К. Линней, и И. Шеффер: он полагает, что этот цвет кожи обусловлен постоянным проживанием в дымных помещениях, ввевшейся грязью, а также

⁴³⁹ Brooke A. de C. P. 2.

⁴⁴⁰ Brooke A. de C. P. 5-6.

⁴⁴¹ Brooke A. de C. P. 536.

⁴⁴² Brooke A. de C. P. 42.

каждодневным пребыванием на открытом воздухе. В качестве примера он рассказывает, что у него самого потемнела кожа после нескольких дней жизни вместе с саамами⁴⁴³.

А. де К. Брук помещает в книгу собственноручно написанный им портрет лапландского учителя Нильса Гундерсена, в традиционном костюме и на фоне зимних жилищ и амбаров. Примечательно, что саам изображен карликом: это низкий человек с диспропорционально большой головой и маленькими руками и ногами.

Отметим, что выделяя в своей книге две обширные группы «горных» и «береговых» саамов, А. де К. Брук последовательно описывает сначала одних, а затем и других. Нужно отдать ему должное, его описание является собой практически полноценное полевое наблюдение. А. де К. Брук вплоть до мелочей описывает события тех несколько месяцев, которые он прожил вместе с саамами.

В разделе о «горных лапландцах» А. де К. Брук описывает их сезонные кочевки, объясняя их передвижение в начале июня из лесов в горы тем, что оленей к лету начинает донимать гнус⁴⁴⁴. Кроме того, он указывает, что саамы также пользуются этой возможностью, чтобы продать накопившиеся меха продавцам на побережье, которых они встречают по маршруту своей кочевки⁴⁴⁵. Именно постоянными кочевками А. де К. Брук объясняет общую простоту быта «горных лапландцев». Он указывает, что их жилище (*lawo*) – это шалаш из переплетенных березовых ветвей, покрытых сверху грубой тканью. Примечательно, что А. де К. Брук пишет, что «горные лапландцы» переживают даже суровые зимние месяцы под таким ненадежным укрытием⁴⁴⁶. Высота шалаша составляет шесть футов, общая окружность внутри – 15-18 футов. В середине шалаша находится очаг, прямо над ним – выходное отверстие для дыма.

«Береговые лапландцы», как представляется А. де К. Бруку, почти постоянно живут на одном и том же месте, размещая свои жилища вдоль берегов фьордов и небольших заливов⁴⁴⁷. А. де К. Брук выгодно выделяет тип жилища «береговых лапландцев» по сравнению с вариантом их горных соотечественников, посвящая значительное место описанию коты (А. де К. Брук использует норвежский термин «*gamme*») и даже прилагает собственноручно сделанную схему. Он отмечает, что размер коты не превышает пяти футов в высоту (хотя далее

⁴⁴³ Brooke A. de C. P. 43-44.

⁴⁴⁴ Brooke A. de C. P. 32.

⁴⁴⁵ Brooke A. de C. P. 33.

⁴⁴⁶ Brooke A. de C. P. 320.

⁴⁴⁷ Brooke A. de C. P. 358.

он описывает коту высотой в шесть футов⁴⁴⁸), ширина – около четырнадцати, а общая длина – около тридцати. Форма коты обычно представляет собой круг или овал. Сама кота, как пишет А. де К. Брук представляет собой постройку из березовых сучьев, поставленных в виде шалаша и укрепленных снизу камнями⁴⁴⁹, и деревянным каркасом из более прочных бревен, проконопаченных мхом и сверху засыпанных торфом или дерном⁴⁵⁰. Вход в коту представляет собой низкий и узкий проход, с двумя дверями – ведущей снаружи в проход, и из прохода во внутреннее помещение⁴⁵¹. В середине коты, равно как и в шалаше, находится очаг, над ним – отверстие для выхода дыма. Также А. де К. Брук отмечает, что в коте может располагаться загон для скота⁴⁵². А. де К. Брук считает коту наиболее приспособленным зимним жилищем для климатических условий Лапландии. Её низкая высота дает ей устойчивость и покрытие из торфа, укрепленное большими камнями, позволяет противостоять порывам зимних ветров, а толстые стены надежно ограждают её от холодов⁴⁵³.

А. де К. Брук неоднократно отмечает особую схожесть коты с холмом⁴⁵⁴, даже на близком расстоянии. Это его наблюдение, вкуче с замечанием о том, что сами обитатели коты в одежде из овечьих шкур, запачканные грязью и задымленные, для случайного наблюдателя едва ли были на людей⁴⁵⁵, сыграет значительную роль в дальнейшей разработке эвгемеристической концепции о саамах.

Верный своей позиции следовать только фактам, А. де К. Брук мало внимания уделяет приписываемым саамам магическим способностям. В плане приверженности к различного рода суевериям он сравнивает их с ирландцами и не в пользу последних: по мнению А. де К. Брука, в Лапландии, благодаря усилиям миссионеров и правительства, пережитки язычества, в том числе многочисленные идолы и алтари, воздвигнутые в горах, практически исчезли. То же произошло и с ранее чрезвычайно распространенным ведовством. А де К. Брук отмечает, что бубен (*rune bomme*) сегодня чрезвычайно сложно встретить с Лапландии, и единственный увиденный им экземпляр принадлежал мистеру Кроу, английскому торговцу. Как отмечает А. де К. Брук, ранее саамы «представляли себе, что с помощью него они могут предсказывать ещё не случившиеся события, излечивать болезни и изгонять злых духов»⁴⁵⁶. Сам А. де К. Брук оказался обладателем артефакта в виде медной цепочки с подвешенными к ней небольшими, с

⁴⁴⁸ Brooke A. de C. P. 318.

⁴⁴⁹ Brooke A. de C. P. 222.

⁴⁵⁰ Brooke A. de C. P. 318.

⁴⁵¹ Brooke A. de C. P. 221.

⁴⁵² Brooke A. de C. P. 222.

⁴⁵³ Brooke A. de C. P. 319-320.

⁴⁵⁴ Brooke A. de C. P. 316; 318.

⁴⁵⁵ Brooke A. de C. P. 222.

⁴⁵⁶ Brooke A. de C. P. 160.

пуговицу, украшениями, пустыми внутри, которые по его мнению, служили в качестве аккомпанемента к звуку бубна во время магических ритуалов⁴⁵⁷. Он приводит её изображение⁴⁵⁸ среди иллюстраций в своей книге. Вероятнее всего, на цепочке висели шаманские подвески.

Путешествие А. де К. Брука в Лапландию оставалось выдающимся явлением для XIX века и не положило начало подобным поездкам. Вплоть до начала XX века материал из его книги использовался учеными, никогда не бывавшими в Лапландии. Вероятнее всего, в данном случае мы видим в действии викторианскую практику «кабинетных ученых»: любой полевой материал о саамах ценился в то время на вес золота.

Подведем краткие итоги. В антропологическом облике саамов А. де К. Брук выделял следующие признаки: малый рост, смуглая кожа, удлинённые и мутные черные глаза, темные прямые жидкие волосы. Все эти черты, в целом, совпадают с представлениями о саамах составителей европейских классификаций человеческих рас. А. де К. Брук также указывал, что у саамов худощавое телосложение, однако они чрезвычайно мускулисты. Он объяснял подобную внешность у саамов влиянием внешних факторов: холодного климата и проживания в дымных помещениях, подход, который мы обозначали под названием «климатический детерменизм». Происхождения саамов он не касался.

А. де К. Брук приводил данные о шалашах, крытых тканью, у горных саамов. Но, кроме того, он описывает коту у береговых саамов, которую кроют древесиной и дёрном, и специально подчеркивает, что она очень похожа на холм. А. де К. Брук не касается магических церемоний у саамов, отмечая их как суеверия прошлых лет.

Можно отметить, что отчет А. де К. Брука по-своему дополнял образ саамов, заложенный в классификациях рас: саамы при всем своем отличии как во внешнем облике, как и в плане культуры, казались чуждым элементом в европейской среде и не могли не вызывать интереса у европейских ученых. Концепция П. Малле, построенная именно на особенностях образа саамов и попытке через него объяснить с рациональной точки зрения пласт низшей мифологии скандинавов, в первой трети XIX века снова привлекла внимание британских ученых, теперь уже в своем первоначальном виде. Изначально эта эвгемеристическая теория появляется в трудах фольклористов и скандинавистов, а затем переходит в работы антропологов. Рассмотрим её развитие в первой половине XIX века.

Концепция П. Малле в трудах британских фольклористов и скандинавистов первой половины XIX в.

⁴⁵⁷ Brooke A. de C. P. 161.

⁴⁵⁸ Brooke A. de C. P. 182.

Впервые упоминание о теории П. Малле в британской историографии встречается в книге сэра Вальтера Скотта⁴⁵⁹, который возглавил романтическое движение по сбору и изучению низшей мифологии Британии в первой трети XIX века. Помимо многочисленных отсылок к сверхъестественным персонажам в таких романах, как «Уэверли», «Пират» и «Черный карлик», Вальтер Скотт в 1802-1803 гг. выпустил труд, напрямую связанных с анализом фольклорного материала. Он назывался «Песни приграничного края» (*The Minstrelsy of Scottish Border*) и являл собой собрание шотландских баллад с многочисленными комментариями и эссе, посвященными трактовке их сюжетных аспектов. В очерке «Поверья о фэйри», который служил предисловием к балладе «Тэм Лин» содержится указание на теорию П. Малле. Примечательно, что как и в труде П. Малле оно дано в форме примечания (однако в данном случае – к сюжету из «Саги о Хервёр и Хейдреке»), и звучит следующим образом:

«Возможно, что в этой и подобных ей легендах мы можем обнаружить отражения исторических событий. Вполне вероятно, что финны, древнейшие жители Скандинавии, с приходом Одина и его Асов были вытеснены в горную местность; есть также все основания полагать, что аборигенное население лучше пришельцев знало, как обрабатывать продукцию их собственных рудников. Из этого напрашивается вывод, что с течением времени поработанные финны могли превратиться в мифологических карликов (*duergar*). Похожая трансформация могла иметь место и в Шотландии, где простой народ приписывает сверхъестественные качества пиктам или пехтам»⁴⁶⁰.

Кенон МакКаллох указывает, что эту идею подсказал В. Скотту Джон Лейден (1775-1811)⁴⁶¹ – шотландский востоковед, который, будучи уроженцем пограничья Англии и Шотландии, помогал В. Скотту в изыскании материалов для его «Песен пограничного края». К. МакКаллох ограничивается лишь указанием имени Дж. Лейдена, не давая никаких комментариев об источнике своих знаний. Однако сам Вальтер Скотт в некрологе Джону Лейдену замечает, что очерк «Поверья о фэйри» принадлежит практически полностью перу последнего, и «несмотря на то, что он был отредактирован и доработан издателем, текст изобилует цитатами из интереснейших произведений, прочитанных одним лишь Лейденом, и изначально был составлен им»⁴⁶².

Как можно отметить, пикты в рассуждениях Дж. Лейдена становятся персонажами низшей мифологии. Л. Хендерсон отмечает, что чрезвычайно сложно проследить, насколько

⁴⁵⁹ *Silver C. Strange and Secret Peoples: Fairies and Victorian Consciousness. P. 11.*

⁴⁶⁰ *Scott W. Vol. II. Edinburgh, 1803. P. 176.*

⁴⁶¹ *Macculloch C. J. A. Were Fairies an Earlier Race of Men? // Folklore. Dec. 31, 1932. Vol. 43. № 4. P. 366.*

⁴⁶² *Scott W. Memoir of the Author // Poems and Ballads by Dr. John Leyden. Kelso, 1819. P. 29.*

древней является ассоциация пиктов со сверхъестественными созданиями, и не было ли это изначально наложением «научных» воззрений на народные верования⁴⁶³. Также бросается в глаза, что изначально саамы П. Малле у Дж. Лейдена превратились в финнов. Вполне вероятно, разница между ними в начале XIX века не всегда ощущалась. Также следует отметить, что тут впервые была проведена параллель между финнами (саамами) как мифологическими карликами и пиктами на основе шотландского материала.

В качестве наиболее содержательного источника информации о мифологических карликах Дж. Лейден указывает предисловие к «Саге о Хрольве Жердинке» Т. Торфеуса, где цитируется труд исландского священника Эйнара Гудмунда, и приводит переведенный отрывок оттуда:

«Я полностью уверен, говорит исландец, что эти существа - создания божьи, и имеют, подобно людям, тело и разумную душу; они бывают обоих полов, способны к воспроизводству, и наделены всеми человеческими качествами: они спят и просыпаются, смеются и плачут, бывают и бедными, и богатыми; у них есть скот, и, равно как и смертные, однажды они умирают»⁴⁶⁴. Далее, как пишет Дж. Лейден, священник рассказывает о том, что женщины этого народа могут иметь детей от смертных мужчин, и приводит легенду о том, как одна из таких карлиц требовала христианского крещения для своего ребенка.

Примечательно, что сам Т. Торфеус к этой идее относился скептически, замечая, что Эйнар Гудмунд многих бы убедил, если бы рассказал, каким образом те люди, а также их скот и домашняя утварь могут скрытно существовать под землей. Более того, пишет Т. Торфеус, в тех местах, где, как считается, находятся жилища тех людей, раскопки не показали ни внутренних полостей, ни каких-либо следов их культуры⁴⁶⁵. Таким образом, мы можем наблюдать любопытный парадокс: теория, базирующаяся на религиозном мышлении, была отброшена в эпоху Просвещения, однако переосмыслена в начале XIX века, на волне романтизма и стремления найти рациональное объяснение фольклорным традициям, не сводя их к пустым суевериям.

Нужно отметить, что Джон Лейден, приведя в очерке известную ему теорию П. Малле, не разделял её положения. Он считал, что образ фэйри ведет свое происхождение от древних верований готских и финских племен, считавших подобных карликов духами низшего порядка, проживающими в земле, искусными в обработке металла и наделенными сверхъестественной

⁴⁶³ *Henderson L., Cowan E.J.* P. 21.

⁴⁶⁴ *Scott W.* *Minstrelsy of the Scottish border.* P. 177.

⁴⁶⁵ *Torfaeus T.* P. 0.

мудростью. С течением времени произошла деформация самой готской мифологии, и эти верования подверглись влиянию христианства, восточных легенд, рыцарских романов, античных мифов и, в конце концов, воображению поэтов эпохи Возрождения⁴⁶⁶. Именно Дж. Лейдену принадлежит вся слава введения теории П. Малле в британскую историографию. Более того, он же попытался распространить её и на британский материал, указав на возможную сферу применения её в Шотландии.

Вслед за сборником баллад В. Скотта вышла одна из первых британских работ в сфере скандинавистики, затронувшая проблему происхождения персонажей низшей мифологии. В 1804 году английский ботаник Уильям Херберт представил на суд публики первую часть сборника «Избранная исландская поэзия»⁴⁶⁷, в которую он включил переводы частей Старшей Эдды и некоторые поэтические отрывки из саг. Кроме того, значительную часть сборника составляли комментарии самого У. Херберта к тем явлениям скандинавской мифологии, которые могли бы быть непонятны англоязычному читателю.

В пояснительных заметках к переводу «Песни о Трюме» У. Херберт указывал, что Младшая Эдда в качестве второстепенных божеств упоминает альвов, от которых, как он полагал, произошло английское слово «эльф». В первом издании своей книги У. Херберт ограничивался кратким замечанием, что альвы, на самом деле, представляют собой одно из племен, родственных асам, которые населяли норвежскую провинцию Бахус, теперь принадлежащую Швеции⁴⁶⁸.

Тем не менее, в переиздании своих трудов в 1842 году, У. Херберт значительно расширил свою теорию, дописав к ранее существовавшему абзацу следующее: «Скорее всего, они [альвы – *Д.Т.*] были азиатским племенем, которое лавиной обрушилось на Европу, и материал Эдды подтверждают описания белых и черных гуннов. Кроме того, не подлежит сомнению схожесть альвов со светлокожими аланами и их смуглыми соседями гуннами, которые вполне могли представляться альвами тем, кого они атаковали сообща. Вторая глава «Саги о Хервёре» называет азиатских захватчиков под предводительством Одина тюрками, и, вероятно, под этим названием понимались гунны под предводительством Аттилы, что позволяет утверждать, что турсы также принадлежали к этому народу»⁴⁶⁹.

⁴⁶⁶ *Scott W. P.* 179-180.

⁴⁶⁷ Вторая вышла в 1806 году.

⁴⁶⁸ *Herbert W. Select Icelandic Poetry: Translated from the Originals; with Notes. Part I. L., 1804. P. 25-6.*

⁴⁶⁹ *Herbert W. Select Icelandic Poetry: Translated from the Originals; with Notes // Herbert W. Works of the hon. and very rev. William Herbert. Vol. I. L., 1842. P. 188.*

На турсах и йотунах У. Херберт останавливался отдельно. В первом издании он упоминает Йотунхейм, который, как указывает У. Херберт, по материалам скандинавской мифологии должен был бы находиться к северо-востоку от Балтийского моря и простирались до Белого моря и северо-западного побережья Норвегии, где район Хельгеланн, как пишет У. Херберт, был заселен «нацией этой расы»⁴⁷⁰, которую уничижительно называли йотунами, турсами и великанами. У. Херберт приводит выдержки из труда исландского историка Арнгримюра Йоунссона (1568-1648), который соотносил йотунов с ханаанеями, а также норвежского просветителя Герхарда Шёнинга (1722-1780), который также признавал реальное существование йотунов и их огромный рост, но связывал их с тиссагетами (Thussagetae), упирая на то, что первая часть этого слова произошла от корня «турс» (Thursi, Thussi), а вторая – от «йотун» (Jotner, Jeter). По его мнению, тиссагеты начали свою миграцию после знаменитого похода Дария против скифов, а после были в рядах тех племен, которых Один повел на север из-за нападения Митридата IV. Г. Шёнинг утверждает, что племена тиссагетов были родственны предкам скандинавов, и даже говорили на одном языке с ними⁴⁷¹.

Сам У. Херберт придерживался рационального мнения по этому вопросу:

«Кажется вполне обоснованным предположение, что первые обитатели севера были людьми удивительной силы и роста, так как из-за непростых условий своей страны они привыкли к тяжелой жизни; местность же щедро снабжала их животной пищей, благодаря чему их телосложение увеличилось, и они смогли приспособиться к суровому климату. Когда Один вторгся в эти земли со второй волной переселенцев, он вознамерился уничтожить тех, кого не мог подчинить или переманить на свою сторону, и своим последователям он представил их в образе великанов и колдунов. Так что все сведения об их невероятном росте, хотя и имеют некоторые основания, были чрезвычайно преувеличены их противниками»⁴⁷².

Чуть позже У. Хеоберт ещё раз повторяет свою позицию: «Это люди, которые населяли Север до прибытия Одина. Они отличались мощным телосложением, редко строили дома, поселяясь, главным образом, в пещерах, которые многочисленны в тех краях. Их считали колдунами»⁴⁷³. В издании же 1842 года, У. Херберт суживает до предела свое определение прообраза йотунов: «под ними я понимаю кимврских или готских обитателей севера, которые жили там вплоть до завоеваний Атиллы»⁴⁷⁴.

⁴⁷⁰ *Herbert W. Part I. L., 1804. P. 22.*

⁴⁷¹ *Herbert W. P. 23-24.*

⁴⁷² *Herbert W. P. 24-25.*

⁴⁷³ *Herbert W. P. 58.*

⁴⁷⁴ *Herbert W. Vol. I. L., 1842. P. 255.*

Любопытно, что У. Херберт писал также о мифических карликах в комментариях к своей поэме «Хельга»: «жители севера верят, что в горах обитают карлики, которые скрывают свои кузницы в пещерах, а сами они – весьма искусные мастера в изготовлении разного рода оружия, которой силой своих чар они наполняют удивительной мощью. Длинный список имен карликов приведен в "Прорицании вельвы". В древнеисландском языке их именовали двергами (dvergar)»⁴⁷⁵.

В качестве сравнения У. Херберт приводит историю об императоре Максимилиане I (без указания источника), который повстречал горного духа в образе серны в окрестностях Инсбрука. У. Херберт заключает, что подобные поверья свойственны всем народам, что живут в гористой местности⁴⁷⁶, и не связывает мифических карликов ни с каким реально существовавшим народом. Примечательно, что, несмотря на разработку теории о происхождении альвов и йотунов, в переиздании его трудов глава о карликах не была дополнена никакими новыми материалами. Вероятнее всего, У. Херберта не впечатлила аргументация Т. Малле о финнах и саамах как мифологических карликах, так как при неоднократной критике Т. Перси (за перевод перевода Эдды с латинского), он ни разу не упоминает об этой теории.

Не подлежит сомнениям чрезвычайная начитанность У. Херберта, который в начале века осуществил анализ происхождения мифологических персонажей, причем как с позиций эвгемеризма, так и климатического детерменизма. Примечательно также, что и очерк Дж. Лейдена, и сочинение У. Херберта были составлены людьми, вне всяких сомнений, компетентными в этой сфере, однако являющихся крупными специалистами в другой (У. Херберт был ботаником, Дж. Лейден же – востоковедом). У. Херберт верил в подлинность подобной эвгемеристической теории, Дж. Лейден же не разделял воззрения П. Малле. Он лишь высказал их в ходе своего повествования и дополнил ссылкой на похожую теорию, также высказанную в ходе рассказа Т. Торфеусом. Разница между ним и У. Хербертом показана и в выборе субъекта для сравнения: в основе их рассуждений лежала одна и та же идея – эвгемеристическое толкование происхождения персонажей низшей мифологии Скандинавии, однако Дж. Лейден дополняет её ссылкой на более поздние материалы из области низшей мифологии, а У. Херберт – на источники античных авторов о древних народах. В какой-то степени ссылки У. Херберта на работы прошлого и позапрошлого века оправданы: совершенно в рамках концепции готицизма он рассматривает асов и йотунов, стремясь связать их с народами, описанными античными авторами. Финны и саамы в его трудах не упомянуты, более

⁴⁷⁵ *Herbert W. Helga: A Poem in Seven Cantos. L., 1815. P. 208-209.*

⁴⁷⁶ *Herbert W. P. 209-211*

того, описание йотунов как высоких и статных людей едва ли могло их подразумевать. Именно из-за этого мы рассмотрели работы У. Херберта в целом, несмотря на тридцативосьмилетний перерыв между их переизданиями. У. Херберт не находился в современном ему русле изучения скандинавских мифов, в его трудах мы не найдем отпечатка популярных тогда теорий, влияние модного аллегоризма или же, напротив, сравнительно-исторического языкознания, о котором речь пойдет позже. У. Херберт представляет собой пример блестящего ученого, который в начале века представил публике великолепный разбор мифологического материала. Однако его воззрения, по крайней мере, в интересующем нас сюжете, не изменились: и через тридцать лет он пытался соотнести персонажей низшей мифологии не с современными ему народами, а с теми, что существовали в далеком прошлом, с теми, что упоминаются у древних историков, переключаясь в этом начинании со своими коллегами эпохи Просвещения.

Тем не менее, все вышесказанное отнюдь не означает, что У. Херберт не оказал влияние на последующее развитие этой традиции. Напротив, он расширил действие эвгемеристической теории на йотунов, введя их, таким образом в британскую традицию. Джон Лейден, в свою очередь, о них не он упоминал. Он следовал за идеями П. Малле, дополнив их шотландским материалом о пехтах и пиктах, а также развил идею последнего о талантах мифологических карликов, а вслед за ними и саамов, к ремеслам, сделав упор именно на кузнечном деле. Тем не менее, у нас нет никаких оснований утверждать, что саамы на самом деле пользовались славой выдающихся кузнецов. Вполне вероятно предположить, что эта их черта была именно перенесена с образа карликов в скандинавской мифологии. По сути, эти произведения У. Херберта и Дж. Лейдена стали начальной точкой отсчета развития эвгемеристической теории, причем обе работы, как можно увидеть, затрагивали этот вопрос только в сфере изучения скандинавской мифологии. Тем не менее, в двадцатых годах, когда эта теория снова появляется в историографии, мы находим её не среди трудов скандинавистов, а у британских фольклористов.

Первое упоминание в британской фольклористике после Дж. Лейдена о теории, ассоциирующей саамов и мифологических карликов, мы находим в труде ирландского фольклориста Томаса Крофтона Крокера «Легенды о фэйри и традиции юга Ирландии» (1825) – первом собрании полевых материалов в истории этой науки⁴⁷⁷. Примечательно, что появляется это упоминание только в расширенном издании 1828 года, куда Т.К. Крокер включает фрагмент письма В. Скотта, с которого и началась их переписка. В. Скотт высоко оценивал первое издание книги и указал на параллели в ирландских легендах Т.К. Крокера с собственными

⁴⁷⁷ Dorson R.M. P. 45.

наблюдениями о шотландском фольклоре⁴⁷⁸. Книгу Т.К. Крокера не оставили без внимания и братья Гримм – в 1826 году она была переведена ими на немецкий язык⁴⁷⁹.

У Т.К. Крокера вышеуказанное упоминание эвгемеристической теории звучит следующим образом: «Некоторые полагают, что в уходе с обжитых мест мифологических карликов можно увидеть исторический факт – подавление и изгнание завоевателями аборигенного населения страны, а то, что такие его черты как застенчивость, горечь и ирония, распространились на образ этих духов, только подтверждает это предположение»⁴⁸⁰. Несмотря на контакты с братьями Гримм, мы можем практически безошибочно установить, что эту идею об эвгемеристическом сопоставлении мифологических карликов и аборигенного населения Т.К. Крокер заимствовал у сэра Вальтера Скотта, так как сам Я. Гримм высказал её лишь в 1835 году, о чем мы будем писать далее. Более того, тот том переиздания, куда были включены и фрагменты письма сэра Вальтера Скотта, и эта ремарка, был в целом посвящен шотландской и валлийской низшей мифологии. Сам Т.К. Крокер, как можно заметить по тону замечания, не придерживался этой идеи. В своей книге он посвящает мало места теоретизированию, однако объясняет некоторые феномены с позиций рационализма: к примеру, происхождение легенды о городах под водой и призрачных охотниках он относит к простому заблуждению и игре воображения, причиной которых, по его мнению, стали туман и ветер, приносящий лай собак⁴⁸¹.

Полагая, что книга Т.К. Крокера была первой коллекцией полевых материалов в британской фольклористике, Ричард Дорсон указывает, что, в таком случае, Томасу Кейтли (1789–1872), одному из информантов Т.К. Крокера, принадлежит слава составителя первого научного собрания легенд о низшей мифологии всего мира⁴⁸². Томас Кейтли, ирландский фольклорист, с 1824 живший в Лондоне, называет Т.К. Крокера, а также сэра В. Скотта как людей, побудивших его написать свою работу «Мифологию фэйри»⁴⁸³. Если Т.К. Крокер показал своим примером, что собрание такого рода материалов вызывает непритворный интерес у публики, то сэра Вальтера Скотта Т. Кейтли упоминает в качестве человека, который в своем сборнике кинул клич к изучению подобной «народной мифологии», клич, на который, к

⁴⁷⁸ *Croker T.C. Part III. L., 1828. P. xv-xx.*

⁴⁷⁹ *Croker T.C. Irische Elfenmärchen. Übersetzt von den Brüdern Grimm. Leipzig, 1826.*

⁴⁸⁰ *Croker T.C. Fairy legends and traditions of the South of Ireland. Part III. P. 71.*

⁴⁸¹ *Dorson R.M. P. 47.*

⁴⁸² *Dorson R.M. P. 57.*

⁴⁸³ Мы перевели название «The Fairy Mythology» именно таким образом, чтобы показать направленность этого сборника – туда входили материалы, описывающие именно персонажей низшей мифологии у различных народов. Термин «фэйри», обозначающий основной класс персонажей в народной демонологии Великобритании, зачастую использовался ранними фольклористами как общее название подобных персонажей у всех народов мира.

изумлению самого Т. Кейтли, практически никто не откликнулся⁴⁸⁴. Нужно отметить, что подход Т. Кейтли к отбору материала выгодно отличался от его предшественников: он доверял только сведениям, полученным из первых рук, и, по возможности, указывал место действия и источник каждой из легенд.

Интересующее нас место в его обширном собрании находится в разделе «Эдды и саги», подраздел «Дверги» (The Duergar). Нужно отметить, что Т. Кейтли выделяет две разные группы мифологических карликов: из Эдды и саг, и из современного ему скандинавского фольклора, однако указывает, что последние произошли от первых. Тем не менее, раздел, посвященный карликам из современной мифологии, не содержит никаких упоминаний об эвгемеристической теории, поэтому рассматривать мы будем исключительно первую группу персонажей.

Т. Кейтли полагает, что карлики, обитающие в горах и отличающиеся особым мастерством в кузнечном деле, являются характерными персонажами именно готской мифологии⁴⁸⁵. Он замечает, что само слово «дверг» (Duerg) со времени Эдды и саг закрепилось в тевтонских языках, и скандинавы до сих пор используют его для обозначения особого класса мифологических персонажей, немцы же употребляют слово «цверг» (Zwerg), а британцы – «дворф» (Dwarf). Он далее утверждает, что это слово ни в коем случае не является синонимом к слову «фэйри», как это происходит в случае с термином «эльф»⁴⁸⁶.

Далее Т. Кейтли указывает, что некоторые полагают, будто прообразом этих мифологических карликов (здесь он употребляет термин «dwarfs») следует считать финнов, аборигенное население Скандинавии, которые были вытеснены германскими племенами в горные регионы. Финны же, по мнению ученых, придерживающихся этой точки зрения, значительно превосходили завоевателей в горном и кузнечном деле. Однако сам Т. Кейтли разделяет воззрения исландского историка Скули Торлациуса, который полагал, что это Один и его последователи, пришедшие из страны халибов, принесли искусство обработки металла в Скандинавию⁴⁸⁷. Таким образом, как мы видим, Т. Кейтли отрицал идею о выдающихся способностях финно-угорских народов к кузнечному делу.

Ещё ранее в свою книгу Т. Кейтли поместил длинную цитату из труда того же исландского автора, С. Торлациуса, который приравнивал мировоззрение древних скандинавов к пифагорейцам, считая, что мир представлялся скандинавам полным невидимых духов, и они

⁴⁸⁴ *Keightley T.* Vol. I. P. viii.

⁴⁸⁵ *Keightley T.* P. 113.

⁴⁸⁶ *Keightley T.* P. 126-7.

⁴⁸⁷ *Keightley T.* P. 127.

приписывали им те же свойства, что греки их демонам. С. Торлациус полагал, что все эти духи разделены на две большие группы: небесные (добрые) – альвы и земные (злые) – тролли и карлики⁴⁸⁸. Т. Кейтли, однако же, не разделяет полностью воззрения этого автора: в рецензии на датские издания Старшей и Младшей Эдды, он критикует теорию С. Торлациуса о том, что в Скандинавии долго время существовало поклонение богам природы, а новоприбывшие Один и асы узурпировали их титулы и имена⁴⁸⁹. Т. Кейтли отвергает эвгемеристический подход в целом, обвиняя скандинавских авторов в излишней предрасположенности к нему из-за сложившейся традиции ещё со времени написания Эдды.

Сам Т. Кейтли считает, что простейшее объяснение для происхождения мифологических карликов заключается в том, что все древние религии персонифицировали силы природы, а в карликах воплотилась их подземная составляющая. Форма карликов же была обусловлена тем, что авторы древних религиозных систем, наблюдая за тем, что люди низкого роста обычно отличаются изобретательностью и талантом к ремеслу, перенесли этот образ на силы, формирующие кристаллы и металлы в недрах земли. Карликовость, по мнению Т. Кейтли, также удачно сочеталась со способностью проскальзывать сквозь самые узкие щели в скалах и исчезать среди камней. Великаны же, как писал Т. Кейтли, отражали разрушительные силы природы⁴⁹⁰.

После этих рассуждений Т. Кейтли сетует на ограниченное место и предлагает заинтересованному в этой теме читателю ознакомиться с книгой Финна Магнуссона, на которую он сам в том же году написал рецензию⁴⁹¹. Финн Магнуссон, исландский мифолог, чрезвычайно популярный в двадцатые-тридцатые года XIX века, исповедовал аллегорический подход к толкованию мифов, считая действующих лиц скандинавской мифологии персонификациями сил природы и человеческих чувств. Тор в его толковании становится громом, Фрейя – луной, Локи – огнем, а все карлики – воплощением подземных сил природы, что производят драгоценные камни и металл. Как можно заметить, Т. Кейтли разделял его идеи. В рецензии на его книгу Т. Кейтли снова повторяет свое объяснение происхождения карликов: «Эти карлики - персонификация сил природы, дремлющих под землей и производящих металлы и драгоценные камни. В настоящее время мифологические карлики составляют значительный пласт народных верований Скандинавии»⁴⁹². И далее, что примечательно, Т. Кейтли пишет

⁴⁸⁸ *Keightley T.* P. 106-7.

⁴⁸⁹ *Keightley T.* *Scandinavian Mythology* // *Foreign Quarterly Review*. 1829. Vol. IV. P. 124.

⁴⁹⁰ *Keightley T.* *The Fairy Mythology*. Vol. I. P. 127-8.

⁴⁹¹ *Keightley T.* P. 128.

⁴⁹² *Keightley T.* *The Edda-Doctrine and its Origin, &c.* By Finn Magnusen // *Foreign Quarterly Review*. Vol. II. P. 222.

следующее: «не нужно и упоминать, что именно от них и произошли фэйри»⁴⁹³. Нужно отметить, однако, что Т. Кейтли не во всем соглашается с Ф. Магнуссоном: например, в другой рецензии на переведенную им Старшую Эдду, Т. Кейтли критикует его идею о том, что готы прибыли в Скандинавию в историческое время, а скандинавский мифологический эвгемеризм верно отражает эти события⁴⁹⁴. Т. Кейтли подтверждает, что население Скандинавии имеет азиатское происхождение, однако, по его мнению, нет никаких оснований предполагать, что оно заселило полуостров только во времена Митридата⁴⁹⁵. Более того, иногда ему кажется чрезмерным и аллегоризм Ф. Магнуссона, к примеру, он критикует его стремление найти символизм в каждой детали мифа, не принимая в расчет, что некоторые из них могут объясняться простой выдумкой авторов⁴⁹⁶. Примечательно также, что обе написанные Т. Кейтли рецензии были анонимны, что позволило ему изящно сослаться на самого же себя в лице автора книги «Мифология фэйри», который якобы разделял его воззрения о том, что карлики и темные альвы – это два разных типа персонажей, в отличие от Ф. Магнуссона, который считал их явлениями одного плана⁴⁹⁷.

Чуть менее тридцати лет прошло между изданием «Песен шотландского пограничья» и второго труда В. Скотта, также посвященного фольклористике. Он получил название «Письма о демонологии и колдовстве» (1830), и, по признанию самого В. Скотта, был написан для того, чтобы получить возможность рассчитаться с кредиторами после разорения издательства его друга, Джеймса Баллантайна, в котором В. Скотт был одним из совладельцев. Книга стала одним из последних сочинений В. Скотта, так как двумя годами позже, перенеся три апоплексических удара, он скончался.

Прежде чем приступить к разбору теоретического материала оттуда, мы должны заметить, что сэр В. Скотт ни в коем случае не был далек от изучения скандинавской мифологии. Джон Локхарт, его биограф, упоминает, что с 1791 года В. Скотт был принят в члены «Спекулятивного общества» Эдинбурга, и в 1792 году он выступил там с дискуссионным сообщением «О происхождении скандинавской мифологии»⁴⁹⁸. Кроме того, к изданию коллективной монографии «Примеры северных древностей»⁴⁹⁹ В. Скотт предложил пересказ «Саги о людях с песчаного берега», сделанный с единственного в тот момент издания саги под редакцией Гримура Йонссона Торкелина (туда же был включен перевод «Саги о людях с

⁴⁹³ Keightley T. P. 222.

⁴⁹⁴ Keightley T. Scandinavian Mythology. P. 109-110.

⁴⁹⁵ Keightley T. The Fairy Mythology. Vol. I. P. 103.

⁴⁹⁶ Keightley T. Scandinavian Mythology. P. 138.

⁴⁹⁷ Keightley T. P. 111.

⁴⁹⁸ Lockhart J.G. Memoirs of the Life of Sir Walter Scott. Vol. I. Paris, 1838. P. 105.

⁴⁹⁹ Weber H., Jamieson R., Scott W. Illustrations of northern antiquities, from the earlier Teutonic and Scandinavian romances. Edinburgh, 1814.

песчаного берега» на латынь)⁵⁰⁰. Эдит Бато указывает, что сэр Вальтер Скотт по крайней мере немного знал древненорвежский, и также обращает внимание на то, что он в своем интересе к скандинавской мифологии отнюдь не ограничивался стандартной для того времени книгой для широкого читателя – переводом труда П. Малле⁵⁰¹.

В. Скотт начинает раздел о мифологических карликах в «Письмах о демонологии и колдовстве» с упоминания имени Дж. Лейдена, говоря, что именно он нашел материал о них как о персонажах низшей мифологии скандинавских народов. Теорию об их родстве с финно-угорскими народами В. Скотт объясняет следующим образом:

«В сущности, кажется разумным предположить, что эти карлики (*duergar*) изначально были никем иным, как низкорослыми представителями лапландской, латышской и финской наций⁵⁰², которые, в тщетных попытках скрыться от меча Асов, бежали в самые отдаленные регионы севера, где старались спрятаться от восточных захватчиков. Они были низкорослой, слабой расой, но обладали большим мастерством в добыче и обработке руды, которой изобилвала их страна; возможно также благодаря наблюдению за облаками и другими метеорологическими феноменами, они могли предсказывать погоду, из-за чего и заработали славу великих колдунов. Как бы то ни было, кажется весьма правдоподобным предположение, что эти несчастные люди, скрываясь в пещерах от преследований Асов, в некотором смысле были вознаграждены за свой невысокий рост и хрупкое телосложение теми магическими силами, которыми наделили их завоеватели. Эти порабощенные, но всё ещё внушающие страх изгнанники, вполне закономерно обрели облик тех германских духов, что называются кобольдами, от которых, вероятнее всего, произошли английские гоблины и шотландские боглы»⁵⁰³.

Любопытно то, что В. Скотт приблизил свою трактовку теории П. Малле к оригиналу, включив туда уже помимо финнов, и саамов, и латышей. Он продолжает линию Дж. Лейдена, указывая, что саамы владели кузнечным делом, а также добавляет туда собственное замечание о способностях саамов предсказывать погоду, из-за чего те и были в мифах превращены в карликов-колдунов. Примечательно, что эвгемеристическую трактовку В. Скотт относит только к скандинавским карликам, немецким кобольдам, английским гоблинам и шотландским боглам. Подобная общность, вероятнее всего, ведет свое начало с труда Т. Кейтли, где тот объединяет

⁵⁰⁰ *Thorkelin G.J.* Eyrbyggja-saga sive Eyranorum historia qvam mandante et impensas faciente perill. Copenhagen, 1878.

⁵⁰¹ *Batho E.C.* Sir Walter Scott and the Sagas: Some Notes // *The Modern Language Review*. Oct., 1929. Vol. 24. № 4. P. 410.

⁵⁰² В переводах мы сохраняли термины для обозначения этнических общностей, которыми оперировали авторы.

⁵⁰³ *Scott W.* Letters on Demonology and Witchcraft. L., 1830. P. 120-121.

немецких кобольдов с английскими хобгоблинами, шотландским брауни и датскими нисами⁵⁰⁴. Вальтер Скотт считает этих персонажей, наравне с трою Оркнейских и Шетландских островов наследием готской культуры, и что их темная, подземная природа контрастирует с легкими и жизнерадостными фэйри, которые, по его мнению, относятся к культуре кельтов. В. Скотт не дает прямого ответа о том, какова была изначальная основа верований о фэйри, однако он высказывает предположение, что они могли произойти от низших божеств, духов холмов, гор и лесов, которыми суеверное сознание наделяло окружающую местность. Можно также заметить неявные указания на то, что В. Скотт в целом считает фэйри продуктом самовыражения кельтского народа, так как все те черты, что формируют их образ, встречаются, по его мнению, в кельтском народном характере: это сила воображения, любовь к музыке и танцам, поэзии и песням⁵⁰⁵. Именно смешение мифологических традиций кельтов и готов и создало, по мнению В. Скотта, современный ему фольклор, в котором встречаются персонажи совершенно разных типов.

Вероятно по причине подобной двойственности Ричард Дорсон, посвятив значительную часть главы о В. Скотте разбору «Писем о демонологии и колдовстве», которые он оценивал в высшей степени положительно, так и не дал прямого ответа на вопрос о том, как В. Скотт рассматривал происхождение фэйри, при том, что у него не возникло затруднений в случае анализа происхождения ведьм и призраков⁵⁰⁶. Кэрл Сильвер, в свою очередь, полагает, что к тридцатым годам у Вальтера Скотта окончательно оформилась эвгемеристическая позиция по отношению к анализу фольклорного материала, однако в конце своего разбора она указывает и на представление В. Скотта о смешении скандинавских карликов и кельтских фэйри. Интересно, что влияние П. Малле К. Сильвер тоже относит к «Письмам о демонологии и колдовстве», констатируя, таким образом, изменившиеся воззрения В. Скотта по сравнению с «Песнями пограничного края», но не указывая, что автором очерка из последней работы является Дж. Лейден⁵⁰⁷.

В. Скотт в работе «Письма о демонологии и колдовстве» являет своего рода уникальный пример в истории британской фольклористике позитивного отношения к эвгемеристической теории о карликах из скандинавской мифологии. Его традицию продолжил английский поэт и драматург Джеймс Генри Ли Хант, в очерке которого впервые появляется открытая ссылка на книгу П. Малле. Ли Хант в целом питает откровенно скептическое отношение к существованию фэйри. Он приписывает их создание людям, говоря, что они наделены сплошь человеческими

⁵⁰⁴ *Keightley T.* The Fairy Mythology. Vol. II. L., 1828. P. 41.

⁵⁰⁵ *Scott W.* P. 120.

⁵⁰⁶ *Dorson R.M.* P. 115-118.

⁵⁰⁷ *Silver C.* P. 11.

качествами: они «едят, пьют, женятся, да и правят ими так же, как людьми; и все они без исключений воры и любят командовать»⁵⁰⁸. Кроме того, по его мнению, вера в подобных демонологических персонажей присуща всем народам. На протяжении очерка, помимо прочих авторов, Ли Хант ссылается на раннюю статью Роберта Саути, о котором речь пойдет далее, и на «Мифологию фэйри» Томаса Кейтли. Однако нас будет интересовать его пространное цитирование труда П. Малле, которое он предваряет следующим замечанием, рассуждая о низком росте персонажей низшей мифологии у скандинавов: «все те черты, которые обычно приписывают этим северным созданиям: малый рост, талант к ремеслам, превосходство по отношению к людям в одних сферах, их недогадливость и слабость в других, их сверхъестественные способности, и то сомнение, что они рождают в умах верующих людей, относительно того, могут ли они быть спасены или нет, всё это подтверждает теорию П. Малле, высказанную им в «Северных древностях», о том, что характер фэйри⁵⁰⁹ был дополнен благодаря тем чувствам, что испытывали наши готские и кельтские предки⁵¹⁰ при встрече с низкорослой расой лапландцев, народом, который они презирали за робкое миролюбие, но при этом не могли не уважать за достижения в ремеслах и владение магией»⁵¹¹.

Ссылкой на рассуждения П. Малле Ли Хант объясняет лишь особенности персонажей низшей мифологии Скандинавии. В целом же, происхождение представлений о них в культурах всего мира Ли Хант относит к обману чувств: «нужно отметить, что те, кто обычно их видит – это либо люди преклонного возраста, либо страдающие от болезней, либо же подверженные действию какого-либо одурманивающего вещества»⁵¹². К. Сильвер замечает, что в отличие остальных фольклористов-романтиков, восхищавшихся народной культурой в этом её проявлении, Ли Хант считает подобные народные поверья вредными, так как они рождают психические болезни и, в целом, негативно сказываются на интеллектуальном развитии народа. Это ставит его в позицию меньшинства, хотя Ли Хант и признавался в том, что поверья о фэйри его завораживают⁵¹³.

Вслед за очерком Ли Ханта традиция эвгемеристического толкования в Британии обратилась к более близкому феномену, и снова была поднята эвгемеристическая теория о друидах.

⁵⁰⁸ *Hunt L. P. 209.*

⁵⁰⁹ Ли Хант этим словом обозначает всех персонажей низшей мифологии.

⁵¹⁰ Скорее всего, выражение «наши готские и кельтские предки» является цитатой из перевода Т. Перси, который был наполнен, как мы уже указывали, подобными дополнениями переводчика в скобках в основном тексте П. Малле, считавшего Эдду наследием друидов и не делавшего различий между кельтами и германцами.

⁵¹¹ *Hunt L. P. 210.*

⁵¹² *Hunt L. P. 232.*

⁵¹³ *Silver C. P. 31.*

Анна Элиза Брэй, жена викария из Тавистока, в свое время пользовалась заслуженной славой благодаря собранным ей фольклорным материалам в её родном крае – Девон-Корнуолльском пограничье. Она открыла научному сообществу такой класс персонажей английской низшей мифологии как «пикси». Как указывает «Оксфордский словарь английского фольклора», пикси (писки) – это термин, которым в Девоне, Корнуолле и Сомерсете называют фэйри (вероятно, родственной слову «Пак», встречающемуся и в кельтских, и в германских языках, обозначающий демона, гоблина или фэйри⁵¹⁴), однако ряд писателей, начиная с XIX века, полагает, что пикси и фэйри – это два разных типа персонажей⁵¹⁵.

Роберт Саути, английский поэт-романтик, был, вероятно, из числа таких писателей. Он одним из первых высказал идею о том, что прообразом пикси может быть реально существовавший народ. Сделал он это в рецензии на книгу Анны Элизы Брэй, своей давней знакомой, к которой он в свое время и обратился с просьбой собрать легенды и поверья пограничья. Р. Саути цитирует следующий пассаж из её книги:

«Пикси – это определенно отличная от фэйри раса существ, и это подтвердят вам старики. Если же вы спросите у них, кто же такие фэйри, то их ответ не заставит себя ждать: это души младенцев, что умерли, не познав радости крещения»⁵¹⁶.

Р. Саути, в поисках сведений об этом типе персонажей, соглашается с его толкованием в классическом труде Джона Бранда: «Я полагаю, что пикси (pixu) – это искаженное от «паки» (puckies), слова, которое издревле означало не что иное, как «дьявол», и поэтому эпитет «милый» дан Паку (Puck) у Шекспира лишь с некоторыми оговорками»⁵¹⁷. Кроме того, он пишет, что подобная оценка была подтверждена в работе «Мифология фэйри», за авторством уже известного нам Томаса Кейтли. О Паке тот писал следующее: «Пак (Puck) – это, вероятнее всего, то же самое, что и Поук (Pouke), и изначально это слово значило демон, дьявол, или злой дух». В примечании к этой гипотезе Т. Кейтли указывает, что «Пуки (puki) по-исландски – это злой дух», добавляя к этому также ряд персонажей: немецкий Шпук (Spuk) и датский Шпёге (Spøge), а также шотландский Пауки (Pauky) и пикси (Pixies) или фэйри Девоншира⁵¹⁸. Как мы видим, Томас Кейтли первым объединил этих персонажей английской и шотландской мифологии в единую группу, однако, в отличие от Дж. Лейдена, о пектах и пиктах он не упоминал.

⁵¹⁴ *Simpson J., Roud S. A Dictionary of English Folklore. Oxford, N.Y., 2003. P. 286.*

⁵¹⁵ *Simpson J., Roud S. P. 279.*

⁵¹⁶ *Bray A.E. Vol. I. L., 1838. P. 172.*

⁵¹⁷ *Brand J. Observations on Popular Antiquities. Enlarged by Sir H. Ellis. Vol. II. L., 1841. P. 294.*

⁵¹⁸ *Keightley T. The Fairy Mythology. Vol. II. P. 118.*

Свой обзор Р. Саути включает ссылкой на вышедшую всего годами ранее книгу шотландского натуралиста Джона Грэма Далайла «Тёмные суеверия Шотландии». В ней автор, помимо прочего, пишет о поверьях, бытующих среди простого народа, о неких пехах (Paichs), которым приписывается строительство замка Линлитгоу. Он описывает их следующим образом: «древняя низкорослая раса, пехи, наделялись невероятной силой и могли совершить большой пласт работ за короткое время». Кроме замка Линлитгоу с пехами, как пишет Дж. Далайл, связывают также название холма, у которого когда-то произошла великая битва. Холм называется «Нора пехов» (Paichs Hole). Напротив него, указывает Дж. Далайл, находится участок с фермой, который носит старинное название «Скотстаун» (Scotstown). Из этого Дж. Далайл делает вывод, что, вероятно, здесь имела место битва между пехтами, пиктами или пиками с одной стороны (он перечисляет все эти термины) и скоттами с другой⁵¹⁹. Таким образом, Дж. Далайл, вслед за Дж. Лейденом, констатирует идентичность пехов и пиктов, причем делает это на основе сходства названий: описанные античными авторами пикты остались в памяти народа как пехи. Сам Дж. Далайл не высказывает эту идею прямо, такой вывод мы можем сделать лишь из хода его рассуждений.

В свою очередь, Р. Саути подходит к доказательству реальности существования пикси несколько иначе, не ассоциируя их напрямую с пиктами как древнейшим народом Шотландии. Он цитирует отрывок о друидах из книги Дж. Крайри, с того момента, когда тот пишет, что те скрывались в Шотландии в подземных жилищах, которые называются «жилища пиктов». Далее Р. Саути приводит и рассуждения Дж. Крайри, который объяснял поступки, приписываемые фэйри, особым образом жизни скрывающегося аборигенного народа. Р. Саути, однако замечает, что если друиды и должны были где-то скрываться, то гораздо логичнее предположить, что они бы сделали это в своих родных местах, и ссылается на данные А.Э. Брэй, которая доказала, что в Девоншире и Корнуолле находится больше всего мегалитических сооружений, якобы связанных с друидами⁵²⁰. Таким образом, Р. Саути, разделяя эвгемеристическую теорию о друидах, помещает последних в Девоншир и Корнуолл и связывает это эвгемеристическое толкование с таким типом мифологических персонажей как пикси.

Примечательно, что сама А.Э. Брэй этих идей не разделяла. Для начала, она указывала, что сами друиды почитали фэйри среди множества других божеств⁵²¹, что отметало

⁵¹⁹ *Dalyell J.G.* P. 532.

⁵²⁰ *Southey R.* P. 281.

⁵²¹ *Bray A.E.* P. 171. Тем не менее, далее она пишет, что пикси, подобно друидам, танцевали в круге, но, вероятно, это просто метафора. *Bray A.E.* P. 172. А.Э. Брэй нигде не указывает собственный вариант толкования происхождения фэйри, что позволило К. Сильвер выдвинуть предположение, что та, будучи женой vicararia Тавистока, могла полагать, что пути Господни неисповедимы, и в существовании фэйри могут сомневаться лишь радикалы и вольнодумцы. *Silver C.G.* P. 30.

возможность для ассоциации самих друидов с фэйри. Более того, А.Э. Брэй была совершенно не согласна с предполагаемой связью пиктов и Пака, замечая, что этимология Дж. Бранда кажется ей маловероятной. Она была склонна связывать пикси с древнегреческими пигмеями или скандинавскими двергами (*duergar*), под именем которых, по её мнению, этот класс персонажей выступает в мифологии других народов. Р. Саути, в свою очередь, мягко критикует эту точку зрения, замечая, что «едва ли в нашем краю фэйри кто-либо слышал о пигмеях»⁵²², полагая, что подобное происхождение слова «пикси» едва ли возможно. Дверги же в рассуждениях А.Э. Брэй могли возникнуть, вероятнее всего, от знакомства последней с трудом П. Малле. Она цитирует отрывок из их переписки с Р. Саути (её произведение, по моде того времени, было оформлено в виде ряда писем, и адресованы они были именно ему), где тот просил её собрать материал для этой книги, руководствуясь примером датчан, у которых «есть сборник таких традиционных материалов в двух томах – каждая местная легенда, мудрая или не очень, которую только смогли отыскать, – и это любопытнейшая книга»⁵²³. Ричард Дорсон указывает, что Р. Саути здесь, вероятнее всего, говорит о работе П. Малле⁵²⁴.

Томас Кейтли также пересказывает в переиздании своей «Мифологии фэйри» информацию А.Э. Брэй о пикси и цитирует некоторые пассажи из её книги⁵²⁵, а также приводит оттуда несколько легенд⁵²⁶. Т. Кейтли перечисляет среди прочих подходов, что А.Э. Брэй полагает, что слово «пикси» произошло от слова «пигмей», однако он, как можно заключить, соглашается с теорией, что оно произошло от слова «Пак», по крайней мере, эту точку зрения он приводит первой и безо всякой критики⁵²⁷.

Эвгемеристическая теория о друидах, поднятая Р. Саути, к тому моменту уже была анахронизмом. Однако здесь важно другое: теория П. Малле касалась лишь Скандинавии и её мифологии. Р. Саути же, продолжая мысль Дж. Лейдена и задействуя материал Дж.Г. Далайла, распространил эвгемеристическое толкование низшей мифологии на британскую почву. Теперь объектом становились не далекие скандинавские карлики, а английские и шотландские мифологические персонажи: пехты (пехи, пики) и пикси, которые приравнивались к древним обитателям Великобритании – пиктам. По сути, это было копирование теории П. Малле с использованием типично британских реалий, однако именно этот посыл, в конечном итоге, как мы увидим далее, и позволил теории сохраниться в Британии и дожить до начала двадцатого века.

⁵²² *Southey R.* P. 279.

⁵²³ *Bray A.E.* Vol. II. L., 1838. P. 272.

⁵²⁴ *Dorson R.M.* P. 95-96.

⁵²⁵ *Keightley T.* *The Fairy Mythology.* L., 1850. P. 298-301.

⁵²⁶ *Keightley T.* P. 301-306.

⁵²⁷ *Keightley T.* P. 298.

В среде же британских скандинавистики вопрос о происхождении мифологических карликов вновь поднят в конце тридцатых годов, что ознаменовало собой своеобразную передачу эстафетной палочки от фольклористов к скандинавистам (в следующий раз в британской фольклористике эта теория появится лишь в шестидесятых годах). Нужно отметить, что подобный перерыв обусловлен тем, что британцы в начале XIX века открывшие для себя мир романтического севера и скандинавскую мифологию в рамках него, с большей охотой рассуждали о богах, нежели о низших мифологических персонажах. Важно также, что в первой трети века британские исследователи в основном накапливали материал. Скандинавские языки, несмотря на большой интерес публики к скандинавской тематике, оставались уделом меньшинства, поэтому скандинависты с большой охотой переводили на английский язык фрагменты древних литературных памятников Скандинавии. Нужно отметить, что только в 1838 году на английский язык был переведен учебник по грамматике древнескандинавского языка, который значительно расширил возможности для самостоятельного чтения⁵²⁸.

Кроме того, в тридцатые-сороковые годы у британских скандинавистов эвгемеристическая теория не пользовалась особой популярностью. Дело было в том, что в своих рассуждениях британцы полностью полагались на авторитет своих скандинавских коллег, у которых был гораздо больший опыт изучения собственной мифологии. В то время чрезвычайно распространен был подход Финна Магнуссона, о котором мы уже упоминали в связи с Т. Кейтли. Последний в свое время и написал рецензию с разбором его концепции именно ради того, чтобы наибольшее число его заинтересованных соотечественников могли ознакомиться с идеями Ф. Магнуссона. Это была распространенная практика. Мэри Маргарет Баск в 1835 году опубликовала подробный разбор книги Николая Фредерика Грундтвига «Северная мифология, или символический язык» (1808) с той же целью⁵²⁹. Вплоть до переиздания трудов все того же У. Херберта, эвгемеристический подход не вызывал особого интереса среди британских скандинавистов.

В начале сороковых годов ситуация несколько меняется. В 1842 году выходит перевод Уильяма Эдварда Фрая поэмы А.Г. Эленшлегера «Боги Севера» (1845) на английский язык. Переводчик снабдил это издание предисловием, словарем и примечаниями.

У.Э. Фрай развивает в своем предисловии идею о том, что скандинавская мифология базируется на персонификации и почитании сил природы, явление, которое он называет «демонизмом». В его описании оно являет черты сходства с анимизмом Э.Б. Тайлора. Далее,

⁵²⁸ Wawn A. P. 95.

⁵²⁹ Busk M.M. P. 25-36.

опираясь на эвгемеризм Снорри Стурлусона, У.Э. Фрай объединяет эти два разнородных подхода и высказывает предположение, что «термин "йотун" мог быть названием некоего враждебного народа, поклонявшегося отличным богам и втянутого в долгий конфликт с асами или готами [понятия, которые У.Э. Фрай использует как синонимичные – Д.Т.] в Европе или в Азии. Из-за личной неприязни к этому народу асы могли дать имя своих врагов враждебным силам природы, персонифицированных в образе злых духов или великанов»⁵³⁰. Через две страницы йотуны у У.Э. Фрая получают четкую географическую привязку: йотуны могли быть аборигенным населением Скандинавии, которое вторгшиеся в те земли готы приняли за великанов из-за того, что те носили шкуры с головами медведей, волков и лосей, делавших выше их общий силуэт. Как замечает У.Э. Фрай, по сравнению с асами раса йотунов стояла на более низкой ступени развития и, вероятнее всего, им было неизвестно кожевенное дело и ткачество. Они облачались в шкуры диких зверей, и, чтобы усилить страх врагов, использовали черепа, рога и когти в качестве украшений. Это могло поспособствовать не только тому, что их принимали за великанов, но и смешению в их образе человеческих и звериных черт, что привело к ассоциации их с оборотнями⁵³¹. Нужно отметить, что в словаре, составленном специально для англоязычных читателей, Фрай перечисляет и карликов, и альвов, однако описывает лишь их мифологический образ, не строя предположений о возможном происхождении от какого-либо народа, ограничиваясь, таким образом, в эвгемеристической трактовке лишь йотунами⁵³².

Нужно отметить интересную особенность. Труд У.Э. Фрая, вышедший через три года после переиздания работы У. Херберта, несет в себе черты сходства с последней. Речь также идет именно о йотунах как прообразе древнейшего населения Скандинавии (карлики снова оказываются лишь одним из видов мифологических персонажей, их происхождение не комментируется), но высокий рост йотунов уже подвергается переосмыслению: теперь это не влияние сурового климата, а всего лишь иллюзия, основанная на деталях костюма. С помощью них же У.Э. Фрай объясняет приписываемые этому народу способности к оборотничеству, и, несмотря на то, что У.Э. Фрай нигде не ассоциирует напрямую йотунов с саамами, те черты, которые он выделяет в их образе: одежда из шкур, низкий уровень жизни, ассоциация с оборотнями, позволяют придти к выводу, что он подразумевал именно их.

Однако позиции аллегоризма были всё ещё очень сильны. В 1847 году вышло третье переиздание «Северных древностей» П. Малле⁵³³, которое было подготовлено Джоном

⁵³⁰ Frye W.E. P. xi.

⁵³¹ Frye W.E. P. xiii-xiv.

⁵³² Frye W.E. P. xxxviii.

⁵³³ Между 1809 и 1902 гг. «Северные древности» переиздавались шесть раз. Wawn A. P. 184.

Блакуэлом, отредактировавшим перевод Т. Перси. Дж. Блакуэл лишил текст повторяющихся вставок в скобках, но снова снабдил его комментариями, более отвечающими духу времени. Помимо прочего, в это издание был включен уже известный нам пересказ «Саги о людях с песчаного берега» Вальтера Скотта, а перевод «Младшей Эдды» был сделан самим Дж. Блакуэлом с древнеисландского оригинала. Нас будет интересовать тот момент, что примечание П. Малле о саамах как прообразе мифологических карликов не было включено в это переиздание, так как, вероятно, Дж. Блакуэлл не счел его отвечающим духу времени (в переиздании 1809 года оно присутствовало⁵³⁴). В своих рассуждениях Дж. Блакуэлл последовательно отвергает чисто эвгемеристическое толкование мифов и толкование, которое он называет «аллегорическим», суть которого состоит в рассмотрении мифов как отражения воспоминаний о ранних конфликтах между народами (он приводит пример толкования войны асов и ванов как столкновение германцев и славян). Последний подход, который, вероятно, должен был бы включать в себя и теорию П. Малле, по мнению Дж. Блакуэлла, носит слишком ограниченный характер и может быть применен лишь к небольшому числу мифов. Сам Дж. Блакуэлл придерживается мнения, что в мифах первобытные люди пытались выразить дуалистические оппозиции, которые присутствовали в окружающем их мире: свет и тьма, лето и зима, добро и зло, варварство и цивилизация. Также он оговаривает, что в некоторых случаях он считает уместным применять для толкования мифов концепцию Ф. Магнуссона⁵³⁵. Отдельно происхождение мифологических карликов Дж. Блакуэлл не комментирует.

И только в пятидесятых годах был осуществлен коренной перелом в позициях эвгемеризма в отношении низшей мифологии скандинавов. Выходят сразу два сочинения крупных скандинавистов того времени, в которых позиции теории П. Малле поддерживаются самими авторами.

Бенджамин Торп, профессор филологии, изучавший англо-саксонский язык и памятники литературы, ученик Р. Раска, в 1851 году представил широкой публике сборник «Северная мифология», включавший материал из Эдд и саг, а также легенды из современной народной демонологии Скандинавии. В качестве источников Б. Торп руководствовался трудами братьев Гримм, норвежскими фольклорными сборниками, «Мифологией фэйри» Т. Кейтли, обширной

⁵³⁴ *Mallet P.* Northern antiquities: or, A description of the manners, customs, religion and laws of the ancient Danes, and other northern nations; including those of our own Saxon ancestors. With a translation of the Edda, or system of runic mythology, and other pieces, from the ancient Islandic tongue. Vol. II. Edinburgh, 1809. P. 33-35.

⁵³⁵ *Mallet P.* Northern antiquities; or, An historical account of the manners, customs, religion and laws, maritime expeditions and discoveries, language and literature of the ancient Scandinavians (Danes, Swedes, Norwegians and Icelanders,) with incidental notices respecting our Saxon ancestors. L., 1847. P. 478-479.

фольклорной коллекцией Дж. Бранда, сочинением А.Э. Брай и т.д.⁵³⁶ В раздел «Традиции Швеции» он включает небольшой очерк, озаглавленный «О великанах и карликах».

Б. Торп начинает свой очерк с констатации того, что, согласно сагам и другим источникам, «в Швеции в далекие времена проживала дикая и жестокая раса великанов, которых называли йотунами, и тот край, где они обитали, простирался к северу от Финского залива, и назывался Йотунхейм»⁵³⁷. Но затем, по словам Б. Торпа, в восточную Швецию пришел более просвещенный народ из Азии, который почитал единого бога под именем Всеотца, и между ним и йотунами разразилась многовековая война. В конечном итоге, азиаты победили, и аборигенное население страны было вынуждено «отступать все дальше в дикие леса и прятаться в горных пещерах. С тех времен и ведут свое происхождение все наши народные поверья о горных троллях, великанах и горном народце»⁵³⁸.

Далее Б. Торп заостряет свое внимание на мифологических карликах, которых он считает не только отдельным классом мифологических персонажей, но и особым народом, отличным от йотунов. «Особый вид горных троллей назывался карликами»⁵³⁹. Они были искусными ремесленниками и хитрыми пройдохами, а их жены и дочери, как говорят, были очень красивы. Эта раса карликов, вероятно, ведет свое происхождение от народа, который переселился сюда из стран Востока в более поздний период, так как они знали руны, которые использовали в своих заклинаниях, исполнявшихся под музыку арфы»⁵⁴⁰. Он указывает, что «подобный же вид заклятий известен среди лапландцев и по сей день, и со всей вероятностью мы можем утверждать, что тот азиатский народ, который под именем карликов упоминается в сагах, - на самом деле мигрировавшие восточные лапландцы, которые являются предками современных, и кроме того, что предками финнов являются те самые великаны, и, таким образом, они оказываются старейшей из рас, что сейчас населяют Швецию»⁵⁴¹. Заканчивает свой очерк Б. Торп констатацией факта, что у предков финнов и саамов не было ни единства, ни правительства, ни законов, и поэтому их легко подчинили себе асы, которых он также делит на две группы: шведы и готы.

Нужно отметить, что выводы Б. Торпа отличаются от обычных суждений его современников: на основе шведской баллады «Сэр Тинн», приведенной ещё в книге Т.

⁵³⁶ *Dorson R.M.* P. 379.

⁵³⁷ *Thorpe B.* Vol. II. L., 1851. P. 56.

⁵³⁸ *Thorpe B.* P. 56.

⁵³⁹ Б. Торп использует слово «dwarfs».

⁵⁴⁰ *Thorpe B.* P. 56-57.

⁵⁴¹ *Thorpe B.* P. 57.

Кейтли⁵⁴², где рассказывалось о волшебстве дочери карлика, Б. Торп соотносит знание рун мифологических карликов с шаманскими обрядами саамов, и этим ставит последних выше финнов, у которых подобных обрядов не прослеживалось. Примечательно, что, соотнося финнов с великанами (йотунами), Б. Торп тем самым не только считает их и карликов двумя разными классами персонажей, но и приписывает каждому из них в качестве прообраза отдельный народ, причем финны, таким образом, становятся у него древнейшим населением Скандинавии, а саамы – уже пришедшем позже.

Помимо Б. Торпа мы должны упомянуть сэра Дж.У. Дасента, который был знаменит в свое время как переводчик одного из трех знаковых произведений, послуживших созданию образа «романтического севера» в викторианской Британии – «Сага о Ньяле» (1861)⁵⁴³. Общая концепция его рассуждений о скандинавской мифологии была следующей: Дж.У. Дасент полагал, что племена, заселившие Скандинавию, принесли с собой из Азии пласт своеобразных религиозных верований, изменившихся затем под действием внешних условий. Изначально эти племена поклонялись силам природы. Под действием прогресса и стремления к монотеизму, силы природы в воззрениях этих людей становятся покорны Одину, единому божеству. Его образ вскоре, однако, распадается на нескольких богов, также представлявших абстрактные силы (например, Фрейр как бог плодородия). После того, как мирные племена, поселившиеся в Скандинавии, начинают сражаться друг с другом, Один становится богом войны. С приходом христианства же, картина полностью меняется, Хэль из богини превращается в загробный мир, а боги становятся демонами⁵⁴⁴.

В своем анализе Дж.У. Дасент касается и вопроса низшей мифологии, представленной в средневековых скандинавских памятниках. Он не упоминает карликов, однако пишет про великанов и троллей, которые, по его словам, несмотря на то, что изначально были двумя разными видами сверхъестественных существ, с течением времени и под влиянием христианства превратились в некий единый класс, «и теперь сложно сказать в точности, где заканчивается великан и начинается тролль»⁵⁴⁵. По мнению Дж.У. Дасента, они представляют собой некую «примитивную расу, чьи дни уже давно в прошлом», «тори от мифологии, которые противопоставляются асам, либералам»⁵⁴⁶. Они являют собой всё то, что противоположно прогрессу, могут видеть и прошлое, и будущее, но не могут участвовать в

⁵⁴² *Keightley T. The Fairy Mythology. L., 1828. Vol. I. P. 163-172.*

⁵⁴³ Двумя другими были «Сага о Фритьофе», переведенная в 1839 году Джорджем Стивенсом, но большей частью известной из-за одноименной поэмы Эсайаса Тегнера (1825), и «Круг Земной» Снорри Стурлусона, переведенный оркнейским ученым Самуэлем Лэйнгом в 1844 году.

⁵⁴⁴ *Wawn A. P. 194.*

⁵⁴⁵ *Dasent G.W. P. lviii.*

⁵⁴⁶ *Dasent G.W. P. lvii.*

последнем, изменять его. Двумя страницами позже в своем введении он пишет об интересующей нас теории, так что приведем этот отрывок целиком:

«Существует некий аспект, в котором вся раса великанов и троллей предстает перед нами в свете истории. Кто может усомниться, что их существование среди лесов, скал и холмов, дает нам поразительный пример воспоминания о постепенном подчинении и угасании некой враждебной расы, которая мало-помалу отступила в дикие пустоши, и очень быстро стала достоянием мифов? Ведь если мы будем помнить о её естественной к тому предрасположенности, и как цепко репутация колдунов удерживалась за финнами и лапландцами, то нам не нужно будет ходить далеко в поисках этой древней расы. Между этой изгнанной расой кочевников, что бродила от леса к лесу, от горы к горе, без крова и пристанища, и между древними силами природы и ледяными великанами, люди, поклонявшиеся Одину и асам, вскоре установили связь и в своих измышлениях породили некую помесь чудовищ-людоедов, которые бежали при одном виде захватчиков после того, как проиграли первую битву с ними, избегали света дня и со страхом смотрели на пашни как на опасное изобретение, которое не только уничтожило их охотничья угодья, но и в конечном итоге сотрет с лица земли их самих»⁵⁴⁷. Далее Дж.У. Дасент утверждает, что подобный феномен восприятия различных культур характерен для всех народов мира, включая даже Африку.

Любопытно, что в этих рассуждениях Дж.У. Дасента мы можем увидеть пример перенесения эвгемеристического толкования скандинавской мифологии на абстрактный феномен конфликта аборигенной и пришедшей рас. Идея П. Малле перестает в такой трактовке быть завязанной на скандинавские реалии, так как подобный конфликт и его последствия являются универсальными для всего мира. В таком отражении мы также можем увидеть, что основной мотив этого конфликта заключался в противопоставлении двух видов хозяйственной деятельности: оседлого земледелия и кочевого скотоводства с элементами охоты и собирательства.

Примечательно, что в целом, карлики как прообраз аборигенного населения, не пользовались популярностью среди британских скандинавистов. Эту позицию, со времен написания У. Хербертом своего труда, прочно удерживал такой класс мифологических персонажей как йотуны – инеистые великаны. Карлики в основном занимали фольклористов, знакомых с теорией П. Малле, йотуны же, которые, несомненно, пользовались значительным вниманием со стороны скандинавских мифологов, стали целью применения эвгемеристического подхода и у их британских коллег, во многом на них полагававшихся. Как

⁵⁴⁷ *Dasent G.W. P. lix-lx.*

воплощение аборигенного населения, а также наконец в связке с йотунами, карлики выступают лишь в рассмотренных нами двух последних произведениях. Помимо прочего, в них эвгемеристический подход не вызывает критики у авторов, напротив, его позиции целиком и полностью разделяются. В их работах теория П. Малле приобретает универсальный характер, свойственный практически любому столкновению народов, обладавших разными типами хозяйства.

Роль сравнительно-исторического языкознания в развитии эвгемеристической теории о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии

Причины изменившегося отношения к эвгемеристической теории, на наш взгляд, стоит искать в развитии исторического метода, а конкретно – в новом способе познания истории, который занял прочные позиции в среде европейских ученых первой половины XIX в. – сравнительно-историческом языкознании. Точкой его отсчета принято считать 1786 год – именно тогда основатель «Азиатского общества Бенгалии», сэр Уильям Джонс, представил его участникам обращение, где указал, что «санскрит, каким бы древним он ни был, имеет восхитительную структуру; совершеннее, чем у греческого, богаче, чем у латыни, и гораздо изысканнее выстроенную; однако его сходство с ними [с греческим языком и латынью – Д.Т.] имеет настолько ярко выраженный характер в корнях глаголов и в грамматических формах, что не может быть случайным; ни один филолог, изучающий эти три языка, не может не допускать возможности, что они все произошли из какого-то общего источника, вероятно, исчезнувшего. Подобная же причина заставляет полагать, что и готский, и кельтский языки, несмотря на присущее им своеобразие, имеют общее происхождение с санскритом; и что древнеперсидский тоже может быть включен в эту семью языков, если бы наше исследование касалось бы и его»⁵⁴⁸.

На волне невероятного интереса к Индии, её культуре, языку и мифологии, начавшегося после установления британского колониального владычества, идеи У. Джонса были подхвачены. Замечательно однако, что подхвачены они были в основном немецкими учеными. Как иронично заметил Томас Кейтли: «Мы, англичане, первыми увидели санскрит и закричали: «ату его!», полагая, что вся охота теперь принадлежит нам. Но вдруг рядом появились Шлегель, Бопп и Розен, и, кажется, мы уже, или в скором времени будем совсем оттеснены в сторону»⁵⁴⁹.

⁵⁴⁸ Jones W. Discourses delivered before the Asiatic society. Vol. I. L., 1824. P. 28-29.

⁵⁴⁹ Keightley T. The Northern Runes [Review of Etmüller L. Vaulu-Spa. Das älteste Denkmal germanisch-nordischer Sprache. Leipzig, 1830] // The Foreign Quarterly Review. 1832. Vol. IX. P. 438

Фридрих Шлегель, начавший изучать санскрит из интереса к индийской мистической традиции, и на основе своих изысканий написал влиятельный для сравнительно-исторического языкознания труд «О языке и мудрости индийцев» (1808)⁵⁵⁰. Ф. Шлегель замечал, что сходство санскрита, греческого, латыни, древнеперсидского и германских языков заключается не только в одинаковых корнях, но и в грамматической и внутренней структуре языков. Подобное сходство, по его мнению, ни в коем случае нельзя объяснять случайностью или смешением, оно проистекает из общего происхождения этих языков. Ф. Шлегель считал, что источником происхождения всех вышеперечисленных языков является индийский, как наиболее древний⁵⁵¹.

Курс Ф. Шлегеля продолжил Франц Бопп, подвергший систематическому анализу словообразование глаголов в выделенных Ф. Шлегелем языках⁵⁵², Август Потт, занимавшийся этимологией этих языков на основе фонетических законов⁵⁵³, датский языковед Расмус Раск, который, помимо прочего, доказал общность этих языков с балтийскими, славянскими и армянским⁵⁵⁴, и Якоб Гримм, поставивший перед собой задачу показать единство и значимость германских языков, в работах «Немецкая грамматика» (1819)⁵⁵⁵ и «Немецкий словарь» (первый том вышел в 1854 г., работа начата в 1838 г.⁵⁵⁶)⁵⁵⁷ создал структуру германской филологии.

Как можно заметить, сравнительно-историческим языкознанием в основном занимались на основе германских языков. Однако если мы вспомним изначальный призыв У. Джонса, то он включал в себя не только германские, но и кельтские языки. Но как отмечает К. Маниас, в то время, из-за большого скандала с частичной фальсификацией «Песен Оссиана» и кельтомании, временами доходящей до абсурда, отношение к кельтским языкам было очень настроенным⁵⁵⁸. Однако и они не остались без внимания. В 1831 году вышла книга уже известного нам этнолога Джеймса Причарда «Восточное происхождение кельтских наций»⁵⁵⁹, а в 1837 году швейцарский ученый Адольф Пиктэ опубликовал книгу «О близости кельтского языка к санскриту»⁵⁶⁰. Оба ученых доказывали не только принадлежность кельтских языков к описанной немцами общности, но и то, что кельтская группа была одной из первых ветвей, отделившаяся от единого праязыка.

⁵⁵⁰ *Stocking G.W.* P. 23.

⁵⁵¹ *Schlegel F.* P. 428-429.

⁵⁵² *Bopp F.* Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache. Andrae, 1816.

⁵⁵³ *Pott A.F.* Etymologische Forschungen auf dem Gebeite der indogermanischen Sprachen. Lemgo, 1833.

⁵⁵⁴ *Rask R.C.* Vejledning til det Islandske eller gamle Nordiske Sprog. København, 1818.

⁵⁵⁵ *Grimm J.* Deutsche Grammatik. Göttingen, 1819.

⁵⁵⁶ *Pohlsander H.A.* National Monuments and Nationalism in 19th Century Germany. Bern, 2008. P. 30.

⁵⁵⁷ *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. B. I. Leipzig, 1854.

⁵⁵⁸ *Manias C.* P. 29.

⁵⁵⁹ *Prichard J.C.* The eastern origin of the Celtic nations proved by a comparison of their dialects with the Sanskrit, Greek, Latin, and Teutonic languages. L., 1831.

⁵⁶⁰ *Pictet A.* De l'affinité des langues celtiques avec le sanscrit. P., 1837.

Описанная общность языков нуждалась в названии. Изначальный вариант «яфетическая» был слишком неопределенным. Предложенный же Юлиусом Клапротом вариант «индогерманская» не подходил после исследований кельтологов, так что победил несколько неуклюжий по признаниям современников вариант «индоевропейская»⁵⁶¹.

К середине века в сравнительно-историческом языкознании был накоплен значительный материал, что позволило перенести выводы об общем происхождении языков на раннюю историю народов, на них говорящих. Нужно отметить, что подобная идея – пролить свет на самые ранние времена с помощью исследования языка – была, в целом, порождена необходимостью. Археология в первой половине XIX века ещё не была в состоянии дать ответы: в условиях сравнительно небольшого числа свидетельств античных авторов о прошлом кельтов и германцев, собранный материал было крайне трудно идентифицировать, и поэтому процветали различные теории о возможной принадлежности тех или иных артефактов тому или иному народу, и, зачастую, эти теории основывались на личных предпочтениях их авторов. Универсальная теория о каменном, бронзовом и железном веке была выработана датским археологом Кристианом Ю. Томсенем лишь в 1836 году, но до середины XIX века она не получила значительного признания в Британии, равно как и сама наука достаточной централизации для возможности единой оценки материала⁵⁶².

Таким образом, сравнительно-историческое языкознание оставалось, по сути, единственным способом познания далекого прошлого, которое не было зафиксировано в письменных источниках. После доказательства родства индоевропейских языков и их единого происхождения, перенести эти выводы на сами народы было лишь делом времени. Так как существовал пласт слов, общий для всех языков, соответственно, считалось, что он должен был описывать именно те условия, в которых жили древние индоевропейцы. Одним из важнейших выводов, которые можно было бы из этого сделать – это определить прародину индоевропейцев, с которой они пришли на современные места жительства. Несмотря на различные варианты особенности, общее представление помещало её в Азию, и эта идея об азиатской прародине и о миграции подтверждалась библейской парадигмой, кроме того, об этом говорила и концепция готицизма. Якоб Гримм в «Истории немецкого языка» (1848) дополнял идею о миграции индоевропейцев замечанием, что «чем дальше на запад продвинулись те или иные народы, тем раньше они начали свои странствия»⁵⁶³. Соответственно, первыми в Европе поселились кельты, затем германцы, а потом славяне. Всё

⁵⁶¹ Beyer A. Deutsche Einflüsse auf die englische Sprach-Wissenschaft im 19. Jahrhundert. Göppingen, 1981. P. 130.

⁵⁶² Manias C. P. 61.

⁵⁶³ Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. B. I. Leipzig, 1880. S. 162.

это требовало также рационального осмысления присутствия в Европе неиндоевропейских народов. Как пишет К. Маниас, если в случае с венграми и татарами существовали исторические источники, описывающие их вторжение в Европу, то ситуация с народами в отдаленных уголках Европы, таких как Лапландия, Финляндия и страна басков, была более проблематичной. Чаще всего их присутствие объяснялось тем, что они были аборигенным населением Европы⁵⁶⁴.

Якоб Гримм в своей более поздней работе, «Немецкой мифологии» (1835), также обращал внимание на теорию, связывавшую саамов и финнов с персонажами скандинавской мифологии. Примечательно, что до этого ни в «Песнях Старшей Эдды» (1815), ни в «Немецкой грамматике» (1819; 1822-1826) он этот вопрос не поднимал. В «Немецкой мифологии» Я. Гримм сформулировал свой знаменитый метод выявления сведений о пантеоне германцев через низшую мифологию и фольклор, став основоположником мифологической школы в фольклористике. В этом труде задачей его было вычленив элементы мифологии германских народов из немногочисленных источников и сравнить их с таковыми у их соседей: славян, кельтов и финно-угров, приводя помимо этого соответствия у народов всего мира.

Описывая образ карликов в мифологии германцев, Я. Гримм указывает, что они зачастую предстают угнетенной и притесняемой расой, которая вот-вот сдастся и оставит свои земли пришедшим захватчикам. В их образе, как он замечает, «прослеживается что-то скрытое и что-то языческое, что удерживает их от общения с христианами»⁵⁶⁵.

Только в четвертом издании «Немецкой мифологии» (1875–78), составленным Элардом Х. Мейером из многочисленных материалов, подготовленных Я. Гриммом, к этому пассажиру появляется следующее примечание: «карлики, отступающие перед присутствием человека, подобно турсам, йотунам и великанам, создают впечатление завоеванной расы. В Девоне и Корнуолле пикси считают древними обитателями⁵⁶⁶. В Германии они [такие персонажи низшей мифологии – *Д.Т.*] рождают ассоциации с венедами (а эльфы с кельтами?), в Скандинавии – с лопарями»⁵⁶⁷. Турсы, йотуны и великаны, наряду с карликами, показывают, что Я. Гримм также был знаком с идеями шведского историка Э.Г. Гейера, о котором речь пойдет далее.

Я. Гримм снова вернется к упоминанию этой теории в «Истории немецкого языка» (1848), где укажет, что подобная тенденция, представлять соседние неродственные и враждебные народы в качестве карликов или великанов, свойственна мифологии разных стран,

⁵⁶⁴ Manias C. P. 38.

⁵⁶⁵ Grimm J. Deutsche Mythologie. Göttingen, 1835. S. 239.

⁵⁶⁶ Я. Гримм, несомненно, почерпнул эти сведения у Р. Саути.

⁵⁶⁷ Grimm J. Deutsche Mythologie. В. III. Berlin, 1878. S. 131.

и, чаще всего, она возникает при столкновении разных культур, как, например, скотоводов и земледельцев⁵⁶⁸.

Примечательно, что уже в труде Я. Гримма прослеживается попытка увеличения радиуса действия теории П. Малле. Я. Гримм, взяв за основу идею П. Малле о саамах и скандинавах, увидел в ней универсальный конфликт между аборигенным народом и пришедшими завоевателями. Он попытался распространить его на все германские народы, сделав кельтов, которых он считал по веянию того времени, аборигенным народом Британии, эльфами в английской мифологии, а не уточненный им тип персонажей немецкой мифологии – венедами, славянами. Вероятно, именно у него Дж. Дасент заимствовал свою трактовку, так как Я. Гримм также обращает внимание на конфликт народов с двумя разными видами хозяйственной деятельности.

Одной из заслуг Дж.К. Причарда, как указывает А.А. Никишенков, был синтез всех имеющихся в его время научных знаний о первобытных и древних народах с выводами сравнительной филологии⁵⁶⁹. К третьему изданию рассмотренной нами ранее книги Дж. Причард изменил свою классификацию рас, сделав её более конкретной. Однако рамки той или иной расы (Дж. Причард теперь называл их «классами») все равно оставались достаточно расплывчатыми, так как он описывал первые два класса следующим образом: «нации, входящие в первый из них, по форме черепа и другим физическим характеристикам напоминают европейцев, однако этот класс также включает много азиатских наций и несколько африканских; во второй входят нации, напоминающие по строению и по форме головы калмыков, монголов и китайцев»⁵⁷⁰. Дж. Причард назвал их иранской и туранской⁵⁷¹ нацией, замечая, что этим он заменил кавказскую и монгольскую расы у И.Ф. Блюменбаха. Нужно отметить, что саамы как раз входили, по его мнению, в эту туранскую нацию, что демонстрирует нам первый прецедент их ассоциации с туранцами в британской историографии.

Информация Дж. Причарда о саамах и финнах, по сравнению с первым изданием, была значительно расширена. Теперь она составляла около пятидесяти печатных страниц. Свою информацию о саамах Дж. Причард черпал из труда шведского историка Эрика Густава Гейера, «Ранняя история Швеции» (1825 г., книга планировалась как вступительный том в многотомной

⁵⁶⁸ Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. В. II. S. 531.

⁵⁶⁹ Никишенков А.А. С. 62.

⁵⁷⁰ Prichard J. Researches into the physical history of mankind. Vol. I. L., 1851. P. 247.

⁵⁷¹ Томоко Масудзава указывает, что это термин был взят из персидского, где слово «Туран» обозначало название региона Туркестан. Masuzawa T. The Invention of World Religions: Or, How European Universalism Was Preserved in the Language of Pluralism. Chicago, 2005. P. 228.

истории Швеции от древности и до XIX в., но Э.Г. Гейер не успел завершить задуманное), который был в 1826 году переведен на немецкий.

Нужное нам место находится в разборе «Саги об Инглингах» Снорри Стурлусона, которую Э.Г. Гейер считает одним из самых важных источников по ранней истории Скандинавии, несмотря на то, что, как он указывает, некоторые сюжеты там зашифрованы в виде мифов. Э.Г. Гейер, рассматривая мифологическую систему скандинавов, замечает, что в ней присутствует некий «принцип зла»⁵⁷², связанный с севером. На севере располагается Нибльхейм, Хэль, там живёт великий змей Нидхёгг, а также карлики, тёмные альвы и инеистые великаны. Стена отделяет его от Асгарда, где живут боги.

Э.Г. Гейер в целом связывает такую концепцию мира с древней родиной германцев – Ираном, и противостоянием Иран-Туран, севером и югом, хорошим и плохим, в котором Туран, северная страна, представляется средоточием зла⁵⁷³. Нужно отметить, что Дж. Причард разделяет его идеи: он пишет, что прародиной индоевропейских народов был, без сомнений, Иран⁵⁷⁴. Теперь мы можем понять, каким образом появился сам термин «туранская» нация в сочинении Дж. Причарда.

Перенося эти воззрения в контекст Скандинавии, Э.Г. Гейер указывает, что боги (асы) в мифах находятся в вечном противостоянии с йотунами с севера. Примечательно, что йотуны у Э.Г. Гейера – это необязательно инеистые великаны. Под этим названием, он понимает в целом враждебных персонажей скандинавской мифологией, в том числе и карликов⁵⁷⁵. Он указывает, что у этого явления есть два толкования: мифологическое и историческое⁵⁷⁶. Мифологическое заключается в том, что йотуны означали персонифицированные силы природы. Историческое же, по мнению Э.Г. Гейера сводится к тому, что словом «йотун» древние скандинавы обозначали те народы, с которыми они сами находились в состоянии конфликта. Нужно также помнить, что идея о миграции древних германцев из Азии в северную Европу, доказанная в то время на основе данных языка, подтверждала идеи готицизма и ассоциацию германцев с асами. Э.Г. Гейер приводит в пример описание Адамом Бременским жителей севера Норвегии:

«Среди последних, говорят, до сих пор имеют такую силу колдовские чары и заклинания, что они утверждают, что якобы знают, что происходит с любым человеком в этом мире. Посредством громкого бормотания они вызывают на берег моря больших рыб, а также

⁵⁷² Geijer E.G. Geschichte von Schweden. Erster Theil. Sulzbach, 1826. S. 333.

⁵⁷³ Geijer E.G. S. 333-335.

⁵⁷⁴ Prichard J.C. Researches into the physical history of mankind. L., 1841. Vol. III. P. 7.

⁵⁷⁵ Geijer E.G. S. 339.

⁵⁷⁶ Эти толкования у Э.Г. Гейера отвечают, соответственно, за аллегорический и эвгемеристический подходы.

делают многое другое из того, что в книгах именуют злодеяниями. Использование колдовства облегчает им все. Слышал я, что в находящихся там труднодоступных горах водятся бородатые женщины, а также мужи-лесовики, которые лишь изредка позволяют себя увидеть. Они используют шкуры диких животных как одежду и говорят попеременно, то скрежеща зубами, то произнося что-то похожее на слова, так что соседние народы не могут их понять»⁵⁷⁷.

Нужно отметить, что сразу после этих слов Адам Бременский указывает, что в тех местах живут *скридефинги*, мы об этом уже упоминали. Однако Э.Г. Гейер по какой-то причине об этом не пишет, напротив, следующим же предложением он замечает, дословно: «Исландцы же называют этих людей горным народцем, йотунами, турсами, великанами, колдунами»⁵⁷⁸, ссылаясь на слова Тормода Торфеуса. Таким образом Э.Г. Гейер показал, что у этих полумифических людей есть конкретное наименование в скандинавских мифах. Чтобы доказать их реальность, он указывает, что в исторических сагах некоторые роды ведут происхождение от йотунов. Следующая задача, которую поставил перед собой Э.Г. Гейер – это найти конкретные исторические прототипы йотунов. Для этого он приводит два свидетельства того, что йотунами средневековые скандинавы называли саамов.

Первое доказательство Э.Г. Гейера – это наличие «в песне Тьодольва во славу Тора»⁵⁷⁹ многочисленных восхвалений Тора, таких как убийца «йотунов и колдунов», и того факта, что он сразил «короля пещерного народца и одолел вождей горного, а также финнов»⁵⁸⁰. Второе свидетельство Э.Г. Гейера – это именование йотуном отца уже упомянутой нами финки-волшебницы Снефрид, жены Харальда Прекрасноволого, финна Сваси. Рассказ о нём в саге озаглавлен «О йотуне Сваси», однако нигде больше это слово по отношению к нему не употребляется. Тем не менее, это позволило Э.Г. Гейеру привести «Сагу о Харальде Прекрасноволосом» в качестве доказательства того, что «Снорри Стурлусон использует понятия «финн» и «йотун» как взаимозаменяемые»⁵⁸¹.

Далее Э.Г. Гейер задается вопросом о том, кого средневековые авторы называли «финнами» и приходит к выводу, что и финнов, и саамов, так как оба этих народа принадлежат к единой семье⁵⁸².

Дж.Причард помещает рассуждения Э.Г. Гейера о том, что в скандинавских мифах под именем «йотуны» выступают финны и саамы, и вписывает это название в свою классификацию.

⁵⁷⁷ Из «Деяний архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского (пер. Рыбакова В.В.). С. 101-102.

⁵⁷⁸ Geijer E.G. S. 341.

⁵⁷⁹ Geijer E.G. S. 343.

⁵⁸⁰ Ibid.

⁵⁸¹ Geijer E.G. S. 343.

⁵⁸² Geijer E.G. S. 344-347.

Он указывает, что в северной части Европы находится обширный регион, который занимает пространство от стран по ту сторону Балтийского моря на западе и до Енисея на востоке, охватывая собой Уральские горы и бассейн реки Обь. Это регион заселен, по его мнению, аборигенными народами, принадлежащими к единой «семье наций», и о названии которой он пишет следующее:

«Я постараюсь избегать каких-либо неточностей, которые могут связаны с использованием двусмысленных терминов, и буду называть нации этой семьи в целом йотунами, чудью и ограми, не имея в виду какую-либо отдельную из них»⁵⁸³.

Выбор подобного названия он обосновывает тем, что у всех народов, входящих в эту группу есть свое наименование, но нет общего. Название «йотун» он обосновывает приведенными в тексте книге рассуждениями Э.Г. Гейера, замечая, что так называли аборигенное население скандинавы, чудью же, как замечает Дж. Причард, их называли славяне, обозначая так людей неславянской крови. Любопытно его замечание о термине «огры»:

«В северных районах Урала последнее наименование [чудь – *Д.Т.*] уступило место «уграм» или «ограм». Так называли те племена, чья необузданная жестокость и легендарная отвага даровали им место в народной мифологии»⁵⁸⁴. Не совсем понятно, чью именно народную мифологию имеет в виду Дж. Причард, так как само слово «огр» французского происхождения, и в народной демонологии славян, которые должны были их так назвать, такой класс персонажей отсутствует.

Народы этой «семьи наций» Дж. Причард делит на четыре группы. Первую составляют «йотуны» или финны и саамы, а также эсты или эстонцы. Во вторую входят «пермийские племена». К ним относятся жители района верхней Камы, пермяки, зыряне и вотяки. Третью группу Дж. Причард называет «булгарской». В неё он включает мордву, черемисов и чувашей. Четвертая группа – это «угорские расы, огры или угорские племена»⁵⁸⁵. Они включают в себя вогулов, остяков и мадяров или венгров. Заканчивает свой обзор Дж. Причард тем, что решает называть первую группу «йотунами» (а пространство, где они живут, соответственно, «Йотунхеймом»⁵⁸⁶), вторую и третью – «чудью», и четвертую – «ограми или угорскими племенами»⁵⁸⁷.

⁵⁸³ Prichard J.C. P. 267.

⁵⁸⁴ Prichard J.C. P. 273.

⁵⁸⁵ Prichard J.C. P. 277.

⁵⁸⁶ Prichard J.C. P. 278.

⁵⁸⁷ Ibid.

Очерк о саамах Дж. Причарда, как это ни парадоксально, напоминает труд И. Шеффера. Он точно так же цитирует как классических для данной темы авторов (Тацита, Иордана, Прокопия, Павла Диакона, Адама Бременского, Саксона Грамматика, Оттара, Я. Циглера, И. Магнуса, О. Магнуса, самого И. Шеффера), так и работы путешественников, преимущественно XVIII в. Особое внимание Дж. Причард уделяет религии и мифологии саамов, а также их внешнему облику, для чего он, помимо прочего, приводит отрывки из трудов К. Линнея и И.Ф. Блюменбаха. Об остальных темах он говорит очень кратко. Сам же Дж. Причард, после всех процитированных им сочинений, ограничивается очень лаконичной оценкой антропологического облика саамов: «Все приведенные выше свидетельства указывают на то, что у лопарей широколицая или пирамидальная форма черепа, которую я уже описал в первом томе как присущую всем туранским нациям, и мы можем говорить о том, что остальные физические характеристики лопарей совпадают с теми, что обычно сопутствуют подобной форме черепа, как в строении конечностей, так и в общем телосложении»⁵⁸⁸. Дж. Причард действительно посвящает место описанию пирамидальных черепов у туранцев, в том числе и у саамов⁵⁸⁹, однако для описания физического строения представителей туранской нации он выбирает калмыков и эскимосов, и мы не будем останавливаться на этом разборе⁵⁹⁰.

Примечательно, что на прошлое самой Британии Дж.К. Причард придерживался традиционного взгляда. Он указывал, что и кельты на своем пути в Британию должны были столкнуться с финнами и саамами, при условии, что позже их встретили германцы. Однако о том, населяли ли эти финно-угорские народы также и Британию, как страну в северной части Европы, Дж.К. Причард писал следующее: «Остается лишь догадываться, эти ли люди или другая, чуждая индоевропейской семье раса, были вытеснены из Галлии и Британии кельтами, либо же завоеваны и поглощены ими; и единственным источником, который мог бы пролить свет на этот вопрос, является сравнение лексики кельтских диалектов и финского и саамского языков»⁵⁹¹. Нужно отметить, что сам Дж.К. Причард эту идею не разделял. В примечании к этой главе он упоминает, что К.Г. фон Арндт высказывал идею, поддержанную некоторыми учеными, о том, что кельты отчасти имеют финское происхождение. Однако Дж.К. Причард замечает, что в грамматической структуре кельтских языков очень мало сходства с финно-угорскими, и, как он полагает, сопоставление лексики этих языков также, вероятнее всего, даст немного сходных слов. Таким образом, для Дж.К. Причарда именно кельты оставались первоначальным населением Британских островов.

⁵⁸⁸ *Prichard J.C.* P. 301.

⁵⁸⁹ *Prichard J.C.* *Researches into the physical history of mankind.* Vol. I. L., 1851. P. 305-308.

⁵⁹⁰ *Prichard J.C.* P. 263-268.

⁵⁹¹ *Prichard J.C.* *The Natural History of Man.* P. 51.

В целом, можно отметить следующий шаг для придания теории П. Малле универсального характера. Я. Grimm перенес её на германские народы, Дж. Причард же расширил само толкование терминов, дополнив его материалами Э.Г. Гейера. Теперь мифологические карлики вошли в группу «йотуны», которая отныне включала не только саамов и финнов, но и в целом, финно-угорские народы. Подобно Я. Гримму, который пытался найти названия классов мифологических персонажей, обозначающих другие аборигенные народы, Дж. Причард делает это в рамках финно-угорских народов, дополняя свои материалы данными из русских летописей, как в случае с чюдью. В случае с ограми, как нам представляется, Дж. Причард исходил исключительно из созвучия двух известных ему названий. При этом нужно отметить, что Дж. Причард в своих построениях отталкивается от идеи универсальности конфликта столкновения различных народов, и исходящем из него обозначении аборигенного народа как персонажей низшей мифологии.

С развитием сравнительно-исторического языкознания мы можем констатировать усиление интереса к неиндоевропейским народам Европы, в то числе и к саамам. В научной картине мира они перестают быть просто диковинным народом, а становятся аборигенным населением Европы. Теория о том, что саамы были прообразом мифологических карликов, начинает пользоваться определенной популярностью. Через труды скандинавистов эта идея попадает сначала в книги Я. Гримма, а затем и в работы основателя британской антропологии – Дж.К. Причарда, который положил её в основу собственной антропологической классификации различных народов. Он же впервые в британской традиции причислил саамов к туранской семье языков, возникшей в труде Э.Г. Гейера как противоположность иранской – индоевропейской.

Туранцы как представители аборигенного населения Британии в работах филологов и археологов первой половины XIX в.

Особое внимание именно туранской расе уделяет Фридрих Макс Мюллер, британский фольклорист немецкого происхождения, автор влиятельной в викторианскую эпоху теории о мифах как «болезни языка». В 1854 году он пишет масштабный очерк о туранских языках, оформленный как письмо барону Кристиану Бунсену, который в свое время представил Ф.М. Мюллера в британской академической среде⁵⁹². Очерк был, в первую очередь, направлен в поддержку идей барона, так как в том же году К. Бунсен выпустил свой двухтомник «Основные принципы философии всемирной истории по отношению к языку и религии»⁵⁹³. В нем К.

⁵⁹² Никитиенков А.А. С. 64.

⁵⁹³ Masuzawa T. P. 234.

Бунсен замечал, что многие языки мира не относятся к индоевропейской семье языков, и объединил большинство из них в группу, которой дал название «туранская» - она включала в себя не только азиатские языки, но и американские, малайские, полинезийские, и даже папуасские и австралийские. Он объединил эту группу с индоевропейской (иранской), под общим названием «яфетическая», которую он противопоставил хамитской и семитской. В целом эти три группы отображали у К. Бунсена три ступени развития человечества⁵⁹⁴.

Фридрих Макс Мюллер же делил всё человечество по языковому принципу на три группы: арийская (индоевропейские языки), семитская (языки кочевнических народов северной Африки; древнего Египта, Вавилона и Ассирии) и туранская. В позднейших работах Ф.М. Мюллер ставил особый акцент на том, что он использовал именно языковой принцип, а не расовый⁵⁹⁵. Формально, цель, которую ставил себе Ф.М. Мюллер в очерке о туранских языках – это доказать, что, несмотря на то, что большинство языков Индии относятся к арийской группе, те племена, что живут к югу от реки Кришна, говорят на диалектах, относящихся к туранской группе языков, которая заимствовала у своих арийских соседей как словарный запас, так и грамматику⁵⁹⁶. Для этого он рассматривает туранскую группу языков в целом.

Ф.М. Мюллер, являясь моногенистом, представляет себе картину расселения человечества следующим образом.

Первая миграция из прародины человечества была направлена на восток, в Азию, где общий язык достиг первой стадии своего развития, и китайский до сих пор представляет отражение ранней ступени человеческой речи. Следующую ступень Ф.М. Мюллер видит в распространении по миру туранских языков. В языке были сформированы корни числительных, местоимений и глаголов, а так как грамматика и синтаксис к тому моменту достигли определенной точки развития, у всех туранских народов закрепились единые грамматические и синтаксические формы. Всего было два направления миграции туранцев: северное и южное. Северная группа, таким образом, состоит из тунгусской, монгольской, татарской и финской ветвей, а южная из тайской, малайской, тамильской ветвей и ветви бхотия⁵⁹⁷.

Эти две группы, как указывает Ф.М. Мюллер, до раздробления не обладали какой-либо политической или социальной консолидацией. У них, вероятнее всего, не было ни законов, ни

⁵⁹⁴ *Stocking G.W.* P. 58.

⁵⁹⁵ *Müller F.M.* Three lectures on the science of language. P. 43.

⁵⁹⁶ *Müller F.M.* Letters to Chevalier Bunsen on the classification of the Turanian languages. P. 8.

⁵⁹⁷ Нужно отметить, что Ф.М. Мюллер свободно оперирует различными терминами, временами называя языки диалектами, а туранскую ветвь временами наполняет ветвями языков внутри неё.

фольклора, ни священных сказаний. Каждая из них унесла часть их общего языка – и отсюда их схожесть; но у них не было общей культуры и совместного наследия языка или мысли – и отсюда их различия.

Таким образом, Ф.М. Мюллер пытался обосновать целостное единство туранской группы языков, в которую он включил, по сути, всё то, что не попадало под категории арийских и семитских языков. Ф.М. Мюллер говорил, что особое свойство языков кочевнической культуры, то, что отличает их от земледельческой – это полное отсутствие коллективной памяти и вытеснение из языка древних, уже не использующихся форм вследствие постоянного передвижения с места на место: «Необходима традиция, чувство общности и литература, чтобы сохранять те формы в языке, которые больше уже не подвергаются анализу, и в которых ранние элементы уже не могут быть отделены от основы. Глагол у арийцев, к примеру, имеет много форм, для которых определяющее личное местоимение уже не столь отчетливо угадывается. Однако традиция, обычай и закон сохраняют понимание этих слов, и из-за этого мы не хотим с ними расставаться. Это несовместимо с постоянно изменяющейся жизнью кочевника и его языка. Он не будет хранить обесцененную монету или доверять туманной легенде: металл должен быть чистым, а легенда ясной; таким образом, монета может быть взвешена, а легенда, если не расшифрована, то хотя бы считаться общеизвестным фактом»⁵⁹⁸. Томоко Масудзава сочла эту черту языковой классификации Ф.М. Мюллера самым слабым местом – объяснение сведения в одну группу большого числа несхожих языков тем, что народы, говорящие на них не сохранили древних форм, которые позволили бы говорить об их родстве⁵⁹⁹.

Примечательно, что принцип миграций туранцев у Ф.М. Мюллера был диаметрально противоположен идее Я. Гримма об индоевропейцах. Он описывает это следующим образом:

«Если мы примем точку зрения о постепенном расселении ветвей туранской группы, мы должны будем предположить, что каждая последующая миграция, найдя ближайшие земли занятыми, шла дальше. Это кажется логичным; так как, если мы искривим исторический порядок, и будем рассматривать последние миграции как первые, мы также столкнемся с деградирующим движением в грамматических конструкциях четырех северных и южных диалектов»⁶⁰⁰.

Теория Ф.М. Мюллера строилась на идее, что показатель развития грамматики в языках туранской группы напрямую соотносится со временем её миграции: первые народы,

⁵⁹⁸ Müller F.M. P. 28.

⁵⁹⁹ Masuzawa T. P. 230-233.

⁶⁰⁰ Müller F.M. P. 222.

отправившиеся в путь, соответственно, обладали наиболее простыми грамматическими формами⁶⁰¹. Он отрицает применимость теории Я. Гримма к миграциям туранцев именно на основе высокого уровня развития грамматики финской группы. Ф.М. Мюллер полагает, что носители языков финской ветви в северной группе и тамильской, соответственно, в южной, мигрировали последними со своих мест. В противном случае, грамматика языков тунгусской ветви была бы наиболее развитой, а финской – самой примитивной⁶⁰².

Ссылаясь на авторитет венгерского профессора Самуэля Дьярмати, написавшего влиятельную работу о сравнительной характеристике финно-угорских языков, Ф.М. Мюллер констатирует, что финский, саамский, венгерский и эстонский – это родственные языки⁶⁰³, а затем, руководствуясь работами Р. Раска и Матиаса Александра Кастрена, объединяет ряд языков под наименованием «финская ветвь», в которую входил и саамский (Р. Раск в неё включает черемисский, мордовский, финский, саамский и эстонский, М.А. Кастрен дополняет эту группу ещё венгерским, вогульским, угро-остякским, пермийским, зырянским и вотякским)⁶⁰⁴.

О культуре финской группы Ф.М. Мюллер отзывается с большим уважением. Он пишет, что её представители, «ещё в ранний период достигли высокого уровня развития культуры, свидетельства которого мы находим во всем, вплоть до мудрой экономии их языков и немногих остатков их ранних институтов и литературы (...) в топях Финляндии их обитатели смогли донести до наших дней не только имена их древних героев, но и песни, прославляющие их деяния»⁶⁰⁵. Последний пассаж, вероятнее всего, относится к публикации в 1835 году выдающимся финским лингвистом Элиасом Лённротом карело-финского эпоса «Калевала».

Ф.М. Мюллер замечает, что другие ветви туранских языков могли существовать в Азии и Европе во времена, от которых до нас не дошло никаких свидетельств, предшествовавшие первому расселению арийцев и семитов. Далее он приводит пересказ интересующей нас теории, с которой он, вероятнее всего, был знаком по трудам Я. Гримма: «когда же пришли последние две расы, они обнаружили земли, заселенные варварами, представлявшимися им в виде великанов и злых духов, и говорили они на непонятных для пришельцев языках. Аборигены были уничтожены, и их языки замолкли навсегда. Так и были разорваны языковые цепи, соединявшие Азию и Европу с разрозненными диалектами Африки и Америки»⁶⁰⁶. Таким

⁶⁰¹ Müller F.M. P. 220-221.

⁶⁰² Müller F.M. P. 221-222.

⁶⁰³ Müller F.M. P. 10-15.

⁶⁰⁴ Müller F.M. P. 14-15.

⁶⁰⁵ Müller F.M. P. 221-222.

⁶⁰⁶ Müller F.M. P. 223-224.

образом, Ф.М. Мюллер не только ввел, вероятно, популярную в то время эвгемеристическую теорию в свою книгу, но и приспособил её к своим построениям. Та часть картины, которая по замыслу Ф.М. Мюллера, должна была завершить его концепцию, охватывающую языки все мира, была утеряна, поскольку сами носители языков были уничтожены арийцами и семитами, принимавшими их за демонов.

В своей работе Ф.М. Мюллер попытался вписать все языки мира в единую классификацию, сводящуюся всего к трем группам. Однако помимо этого, он обозначил некую эволюционную схему развития языков: от китайского языка к туранским, а от них к семитским и арийским, сплотив, таким образом, все языки мира в моногенистской концепции. Те туранцы, которые жили в Европе, в языковом плане являли собой раннюю стадию развития языка, стадию, предшествующую арийцам, и, следуя по логике расселения носителей языковых ветвей, также представляли собой древнейшее население Европы, которое, как полагал Ф.М. Мюллер, используя эвгемеристическую теорию, арийцы и семиты принимали за персонажей народной демонологии.

Картина мира Ф.М. Мюллера, несмотря на то, что предсказуемо подвергалась критике, поражает своей масштабностью. Туранцами у него стали все неиндоевропейские и не-семито-хамитские народы, стоявшие на низшей ступени развития по сравнению с позднее пришедшими завоевателями. Туранская группа, большая, аморфная масса, таким образом, включала в себя и аборигенное население Британии, что важно помнить для рассмотрения дальнейшего развития интересующей нас теории.

Нужно отметить, что подобные идеи подтверждались и течениями в археологии середины века. Важную роль в этом сыграл Андерс А. Ретциус – создатель, пожалуй, наиболее влиятельной теории в физической антропологии XIX века – черепного указателя (отношения наибольшей ширины черепа (поперечный диаметр) к его наибольшей длине (продольный диаметр), выраженное в процентах), разделившего всё человечество на долихоцефальные (узкоголовые) и брахицефальные (широкоголовые) расы. После того как Дж. Причард отправил ему на анализ ряд черепов, найденных в британских захоронениях, тот ответил послал в «Британскую ассоциацию содействия продвижения науки» краткий очерк, в котором утверждал, что аборигенным населением Великобритании, как и Европы в целом, были не долихоцефальные кельты, а брахицефальные «туранцы», раса, представителями которой в современной ему Европе являются баски и саамы⁶⁰⁷. Ядро аргументации А. Ретциуса строилось на анализе черепа из Феникс-парка (Дублин), который, по его мнению, доказывал, что туранцы

⁶⁰⁷ Retzius A. P. 116.

существовали достаточно длительное время в Великобритании и предшествовали кельтам. Дж. Стокинг указывает, что к 1849 году влияние А. Ретциуса в ученой среде Великобритании было необычайно велико⁶⁰⁸.

Эта идея была вскоре дополнена. В 1849 году фольклорист Уильям Дж. Томс, тот самый, что ввел в обиход слово «фольклор», перевел на английский язык знаковую работу датского археолога Йенса Я.А. Ворсо «Первобытные древности Дании» (1843). В ней Й. Я. Ворсо дополнял систему о трех веках Кристиана Ю. Томсена, утверждая, что бронзовый и железный век был привнесен в Данию более развитыми пришельцами, отличавшимися от аборигенного населения каменного века. При этом Й. Ворсо, пытаясь определить этническую принадлежность тех самых аборигенов Дании, замечает, что текстовые источники называют два варианта древнейшего населения Европы – *финов* (Й. Ворсо полагает, что это древнее имя лапландцев⁶⁰⁹) и кельтов. При этом он отмечает последний вариант, так как границы проживания кельтов, по мнению Й. Ворсо, были очень узки, и ещё в древние времена их считали весьма могущественным народом. Для понимания того, каков был образ жизни *финов*, он приводит известный отрывок из произведения Корнелия Тацита, делая вывод, что он полностью совпадает с культурой древнейшего населения Дании: те так же не знали железа и жили охотой и рыбалкой. Ещё одним доказательством того, что аборигены Дании были саамами, Й. Ворсо называет тот факт, что каменные орудия одного типа находят по всей Скандинавии, что означает, что на её территории проживала одна аборигенная раса, и это могут быть только *фины*, которые, как известно, жили в Скандинавии с древнейших времен⁶¹⁰. Далее он распространяет свои выводы уже на всю северную Европу, утверждая, что её всю заселяла раса кочевников, и лапландцы, или как они назывались ранее, *фины*, являются её оставшимися представителями. Он описывает её следующим образом: «у них не было поселений, ибо они бродили с места на место, и жили собирательством, рыболовством и охотой»⁶¹¹.

Бросается в глаза некая цикличность доказательства Й.Я.А. Ворсо, но к тому моменту остро ощущалась необходимость систематизации археологического материала и через неё – попытки прояснения раннего прошлого стран севера Европы, поэтому современники тепло её приняли. Помимо прочего, идеи Й.Я.А. Ворсо подводили теоретический базис под гипотезу А. Ретциуса.

⁶⁰⁸ Stocking G.W. P. 65.

⁶⁰⁹ Worsaae J.J.A. P. 127.

⁶¹⁰ Worsaae J.J.A. P. 128.

⁶¹¹ Worsaae J.J.A. P. 134.

Отдельное внимание нужно уделить сыгравшей большую роль в развитии эвгемеристической теории П. Малле работе шведского археолога и этнолога Свена Нильссона «Первобытные жители Скандинавии», изданной в Скандинавии в 1838-1843 гг. и переведенной на английский под руководством сэра Джона Лёббока в 1868 г. А. Грайдходж отмечает, что одним из нововведений, сделавших работу С. Нильссона столь популярной, было использование этнографического материала. Так, С. Нильссон сравнивал находки каменного и бронзового века в Скандинавии с артефактами современных ему африканских и австралийских культур⁶¹².

В своем труде С. Нильссон отталкивается от идеи о том, что каждая нация в определенный период своего развития находится на уровне т.н. каменного века. Пытаясь найти свидетельства об этом периоде у «индогерманской расы»⁶¹³, С. Нильссон, по его собственным словам, терпит неудачу, так как все сведения, которые ему удастся получить из письменных источников, повествуют лишь об использовании оружия из железа: «эпоха бронзы даже не упоминается, и каждый раз, когда речь идет о каменных стрелах, мы встречаем отсылки к самым древним сагам и к совершенно иной расе»⁶¹⁴. Рассматривая варианты, кем же были представители этой иной расы, С. Нильссон сопоставляет данные о каменных стрелах со сведениями Тацита о *феннах*, которые делали стрелы из кости, замечая, что «эти фенны были тем же народом, который позже на Севере называли финнами, то есть лапландцы»⁶¹⁵. Указывая, что народы, которым не известен металл, наряду с костяными орудиями используют и каменные, С. Нильссон констатирует, что саамы и являются той самой «иной расой», упомянутой в источниках. Здесь же он раскрывает, что под «иной расой» он также подразумевает мифологических карликов, так как С. Нильссон идентифицирует их с саамами. Приводя в пример «Сагу об Одде Стреле», которую мы уже упоминали в первой главе в связи с волшебными стрелами конунга финнов Гусира, С. Нильссон заостряет внимание на сюжете, связанном с дарением Одду трех каменных стрел Иольфом, человеком низкого роста, у которого Одд остановился в своих странствиях по Гунналанду⁶¹⁶. Одд скрывает свое настоящее имя, и, переночевав в хижине Иольфа, дарит тому в качестве благодарности нож. Иольф в ответ дарит Одду три каменных стрелы, а на вопрос последнего, на что они ему, внезапно обращается к Одду по имени и отвечает, что те пригодятся ему, когда не помогут волшебные стрелы Гусира. По ходу развития саги подтверждается правота Иольфа. Одд, выступая в поход против

⁶¹² Grydehøj A. P. 79.

⁶¹³ Nilsson S. P. 192. Позже С. Нильссон называет это расу готской, а также подчеркивает, что речь идет о непосредственных предках скандинавов.

⁶¹⁴ Ibid.

⁶¹⁵ Nilsson S. P. 196.

⁶¹⁶ «Страна гуннов», в контексте скандинавских саг располагалась где-то в Восточной Европе.

короля Бьялкаанда, в бою сталкивается с колдовством его жены, Гюды, которая, будучи невидимой, колдовством убивает его воинов. Стрелы Гусира Гюда отвела от себя, но каменные стрелы, подаренные Иольфом, принесли ей смерть⁶¹⁷.

На основе материала этой саги С. Нильссон делает следующие выводы. Прежде всего, о происхождении Иольфа: «разумеется, здесь даже намеком не упоминается, что этот низкорослый человек, Иольф, был карликом (то есть лапландцем); но многие сходные пассажи в других сагах, а также его манера поведения, его хитрость, способности к магии и предсказаниям позволяют заключить, что он принадлежал к расе карликов»⁶¹⁸. Примечательно что С. Нильссон совершенно свободно оперирует выражением «раса карликов» для обозначения саамов. Следующий вывод, который он делает из этой саги, это то, что каменные орудия, принадлежащие расе карликов, искусственных в искусстве магии, обладали волшебной силой, направленной против ведьм и колдовства в целом⁶¹⁹. Нужно отметить, что к этому умозаключению С. Нильссон приходит на материале только одной саги. Тем не менее, это не помешало ему расширить свои выводы за счет поверий разных народов о том, что подобные каменные стрелы помогают против молнии, при родах, а также против особой болезни у детей под названием «белый огонь». Он переходит к констатации, что среди ирландских крестьян бытует поверье о том, что такие каменные стрелы принадлежат эльфам. Далее С. Нильссон напоминает читателю, что в Эдах эльфы бывают двух видов: светлые и темные, и что последние соотносятся с карликами, иначе же – лапландцами⁶²⁰. Он соотносит «выстрелы эльфов» (Elf-shots)⁶²¹ ирландцев с «выстрелами лопарей» (Lap-shots) у шведов и указывает, что это ещё одно доказательство того, что эти каменные стрелы принадлежат расе карликов.

Далее С. Нильссон приводит доводы для доказательства тезиса о том, что та раса, наследниками которых являются саамы, во время каменного века была распространена по всей Скандинавии. Он перечисляет два фактора, служащих доказательством этому. Первый – это то, что брахицефальные черепа, которые по форме напоминают черепа саамов, находят в большом количестве по всему скандинавскому региону. Второе же доказательство основывается на том, что в шведском и датском языках существует целый пласт слов саамского происхождения, кроме того, многие скандинавские имена и названия также происходят из языка саамов.

С. Нильссон указывает, что саги помещают жилище карликов в горы, кроме того, в устной традиции эта идея сохраняется и до сих пор, причем легенды о карликах в горах

⁶¹⁷ Мы пересказываем сагу в том виде, в котором она изложена в книге С. Нильссона.

⁶¹⁸ Nilsson S. P. 197-198.

⁶¹⁹ Nilsson S. P. 199.

⁶²⁰ Nilsson S. P. 200.

⁶²¹ В кельтском фольклоре – беспричинная боль, якобы насылаемая невидимыми стрелами эльфов.

существуют даже в тех регионах, где нет гор как таковых, а есть только небольшие холмы. Всё это позволяет С. Нильссону сделать вывод, что в сагах исследователь может обнаружить «этнологические черты», которые никак не могли быть выдуманы. Он предполагает, что саамы в древности должны были проживать в районе тех мест, что в сагах указаны как жилища карликов.

С. Нильссон переводит этот конфликт между саамами и скандинавами в общую плоскость противоречий между аборигенным и пришлым народами, приводя в пример эскимосов и индейцев Америки, замечая, что за эскимосами, также как и за саамами, прочно закрепилась слава колдунов, и индейцы преследовали их ещё и из-за этого. С. Нильссон указывает, что в то время, когда общество ещё было бесписьменным, рассказы о первом столкновении с аборигенным населением передавались из поколения в поколение, и со временем они обросли разнообразными подробностями. Развивая эту мысль, С. Нильссон делит все скандинавские саги на два вида: светские и религиозные, замечая, что после прихода христианства последние не исчезли, а продолжили жить в народных обрядах и ритуалах. Однако просвещенные люди, по его словам, называли их суевериями. Суеверие же, как замечает С. Нильссон не возникает из ниоткуда, оно изначально было верой. Но когда религиозная система этой веры была уничтожена, она приняла нынешнюю форму. Как заключает С. Нильссон, суеверие – это отголосок прежней веры, «руины древнего храма, давно разрушенного»⁶²², ссылаясь, таким образом, на аргументацию Я. Грима.

В качестве метода, с помощью которого можно выявлять исторические сведения о восприятии саамов скандинавами в бесписьменный период, С. Нильссон называет «сравнительную этнологию». Он собирается искать эти сведения, взяв в качестве примера народы, пребывающие, по его мнению, на той ступени развития, что саамы и скандинавы во время их первого контакта, - то есть, уже упомянутых индейцев и эскимосов Америки.

С. Нильссон выделяет в своей главе специальный подраздел, в котором он собирает все те свидетельства, которые, на его взгляд, доказывают идентичность саамов и мифологических карликов. Прежде всего, он возражает против аллегорического толкования карликов, так как, по его мнению, таким образом можно признать выдуманным всё, что угодно. Он пишет, что главным поводом, из-за которого карликов считают выдуманным народом – это наличие в их образе волшебных черт и приписываемые им магические способности. С. Нильссон немедленно приводит в пример индейцев, которые считают эскимосов колдунами, и риторически вопрошает, неужели мы и их должны считать выдумкой? Более того, далее он приводит

⁶²² Nilsson S. P. 205.

воззрения самих эскимосов о европейцах: что те великаны, что у них есть крылья, что они могут убить взглядом и проглотить бобра в один присест. С. Нильссон находит схожие черты между описанием эскимосами европейцев и описанием двух *финнов*-колдунов в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (мы разбирали его в первой главе), указывая, что среди магических черт *финнов* также перечисляется способность убивать взглядом.

Следующее, на чем останавливается С. Нильссон – это материальная сторона существования карликов. Он пишет, что у карликов могли быть дети, приводя в качестве доказательства «Сагу об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков» и «Сагу о Торстейне сыне Викинга». Первую мы уже разбирали, а в последней говорилось о карлике Синдри, что жил в пещере на небольшом острове в провинции Бохуслен. Торстейн сделал подарки его детям, мальчику и девочке, чтобы расположить к себе их отца и добиться его помощи.

Приведенное выше наблюдение С. Нильссон дополняет замечанием, что все народы на ранних стадиях развития называли «людьми» только себя. Таким образом, по его мнению, встречающиеся в сагах йотуны и карлики всего лишь не относятся к тому народу, что сочинил саги. В качестве примера он приводит «Прядь о Торстейне Хуторском Силаче», где карлик жалуется главному герою, что его сына унес орел, посланный Одином. С. Нильссон делает из этого вывод, что карлик здесь показан как человек, не поклоняющийся Одину, а саамы, как он отмечает, никогда ему и не поклонялись.

Далее С. Нильссон пишет, что саамы обычно проживают в особом типе хижин, который называется *кота*⁶²³, и приводит в пример отрывок из «Саги о Тидреке Бернском», где говорилось о том, что карлик по имени Альфрик, известный вор и искусный кузнец, выковавший меч Нагельринг, жил в такой коте.

Следующий аргумент С. Нильссона базируется на быличке, рассказываемой в Скании о том, как однажды крестьянин, разыскивая своих лошадей, обнаружил карлика, работающего в лесу. Карлик, увидев крестьянина, бросил свои инструменты и пустился в бегство. Когда же крестьянин подошел поближе, он увидел топор, долото и другие вещи, однако не стал их брать, так как «карлик, перед тем, как убежать, превратил их в камень»⁶²⁴. Из этого С. Нильсон делает вывод, что быличка несет в себе исторические черты и описанные выше инструменты были каменными изначально. Он также подводит краткие итоги и перечисляет основные признаки карликов: они подобны людям во всем и имеют человеческие потребности; они робки; они

⁶²³ С. Нильссон использует норвежский термин «gammar».

⁶²⁴ Nilsson S. P. 213.

могут изменять собственный облик или любой другой объект, одним словом, как заключает С. Нильссон, они колдуны.

В качестве иллюстрации их магических способностей С. Нильссон приводит в пример «гоблинов» из датских легенд, которые невидимыми посещали свадьбы и поедали всё угощение для гостей. Затем он приводит в пример легенду из Скании, согласно которой, каждый раз, как звонил гонг к обеду в усадьбе Хекеберга, приходили невидимые «гоблины» и поедали всю снедь, так что семья, проживающая там, вскоре разорилась. С. Нильссон сравнивает эти рассказы с уже упомянутым нами эпизодом из «Саги о Хальвдане Черном», когда на праздник Йоль со столов в доме Хальвдана пропала еда, и хозяин начинает пытаться некоего *финна*, обвиняя его в случившемся. В итоге оказывается, что еду колдовством забрал некий могущественный человек, к которому вместе с сыном Хальвдана бежит этот *финн*. С. Нильссон указывает, что «без сомнений, это был вождь *финнов*»⁶²⁵.

Интересным замечанием, высказанным С. Нильссоном является отсутствие у мифологических карликов оленей. Однако он объясняет это несоответствие следующим образом: саамы также не всегда были оленеводами. Изначально, как указывают античные авторы, саамы были охотниками и рыбаками, и только «через несколько веков после начала христианской эры»⁶²⁶ у них появились одомашненные олени.

Помимо прочего С. Нильссон обращает внимание и на особенности скандинавских имен. Например, он указывает, что в сагах отца Кетиля Лосося звали Хальвтролль (Полутролль), а сам он был племянником вождя финнов. Кроме того, С. Нильссон обращает внимание на уже известный нам пример из «Саги об Инглингах» об отце жены-лапландки Харальда Харфагра Снефрид, которого звали Сваси, и который в тексте саги именуется *финном*, а в названии подраздела саги – йотуном.

В качестве заключения С. Нильссон методично перечисляет признаки, характеризующие, по его мнению, образ мифологических карликов у скандинавов. Карлики описаны как низкорослые и достаточно уродливые антропоморфные существа, бывают обоих полов, у них могут рождаться дети, ранее же они жили в горных пещерах. Карликам приписывается обладание несметными сокровищами, большей частью состоящими из серебра и золота. Карлики часто воруют у людей, но иногда просят что-то дать в займы (обычно посылая для этого своих детей) и обязательно через некоторое время возвращают одолженное, чаще

⁶²⁵ Nilsson S. P. 218.

⁶²⁶ Nilsson S. P. 219.

всего с какой-либо наградой. Карлики часто устраивают пиры, на которые приглашают только своих сородичей. Сами по себе карлики достаточно трусливы, боятся людей и дневного света.

С. Нильссон замечает, что в образе карликов прослеживается очень много исторических черт. Например, он пишет, что отношение к карликам менялось, начиная с древнейших саг. Если изначально оно характеризовалось ненавистью и стремлением убить их при первом появлении, то по прошествии некоторого времени они становятся всего лишь постепенно исчезающим народом, иногда опасным, иногда дружелюбным, всегда очень обособленным. С. Нильссон объясняет это через исторический процесс: изначально индогерманские, как они их называет, народы, вступают в открытый конфликт с саамами, захватывая их земли, однако затем, вытеснив их на окраины, они начинают достаточно мирное сосуществование с ними.

Для сравнения С. Нильссон далее перечисляет черты образа саамов. Он настойчиво подчеркивает, что речь идет не о его видении народа или реальном положении дел, а о том, какой образ сложился у непосредственных соседей саамов.

В первую очередь, саамы описываются достаточно уродливыми и низкорослыми. Считается, что они часто одеты в куртку из оленьей кожи, а на голове носят синюю или красную шапочку. С. Нильссон попутно замечает, что карлики в сагах одеваются так же. Саамы, пишет далее С. Нильссон, по крайней мере, в Норвегии, очень плохо говорят на языке этой страны. С. Нильссон указывает на сходство между тем, как норвежцы передразнивают саамов и тем, как датчанин передразнивал карлика в одной из легенд. Лапландцы считаются хитрецами и плутами. Лапландцы очень умелы, они даже могут изготавливать собственные ружья. Кроме того, они любят собирать блестящие металлы, больше всего – серебро. Чаще всего, они требуют, чтобы с ними расплачивались только серебром. Равно как и карлики, саамы пользуются славой колдунов. Отношение к лапландцам среди скандинавов характеризуется определенной отчужденностью. Шведы и норвежцы очень редко женятся на лапландках. Из этого следует последний признак – саамы женятся практически только между собой, и на свои пиры точно так же приглашают только саамов. Похожие признаки, как мы уже видели, С. Нильссон перечислял в образе мифологических карликов. Как можно заметить, С. Нильссон, специально находит те черты в образе карликов и саамов, которые могут быть соотнесены между собой.

Следующая задача, которую возлагает на себя С. Нильссон – это доказать, что великаны в скандинавской мифологии также имеют свои исторические прототипы. Он начинает с утверждения, что великанами называют других те народы, которые сами уступают им в росте и телосложении. С. Нильссон подкрепляет эту идею двумя примерами из мифологии

гренландских эскимосов. Первый пример – это легенда о двух женщинах-великанах у эскимосов Икрасаарсук (западная Гренландия), где, как пишет С. Нильссон, долгое время существовала колония норвежских поселенцев. Второй пример – это эскимосская сказка о великанах-англичанах, приплывших однажды к побережью Северной Америки. С. Нильссон делает вывод, что, так как в Европе никогда не существовало другого низкорослого народа, кроме саамов, соответственно истории о йотунах возникли в их среде. Продолжая эту мысль он пишет, что так как в Европе не существовало более высокого народа, чем готы, то это были истории именно о них. Ссылаясь на книгу шведского проповедника Ларса Леви Лестадиуса, С. Нильссон доказывает, что среди саамов до сих пор распространены легенды о великанах (отдельно С. Нильссон оговаривает, что великаны-людоеды – это всего лишь выдуманная черта, возникшая из-за страха «по-детски пугливого лапландца»)⁶²⁷. Обычно сюжет в таких легендах завязан на глупости великанов и хитрости саама, который легко обводит их вокруг пальца. В качестве дополнительного аргумента, С. Нильссон указывает, что некоторые норвежские конунги возводили свою родословную к йотунам⁶²⁸.

Если учесть, что далее С. Нильссон показывает универсальный характер подобных легенд, кажется весьма несущественной привязка к самому высокому и самому низкому народу Европы. К этому же классу легенд он относит и библейские предания о ханаанцах и анакимах, сравнивая то, как Иешуа изгнал их из Ханаана с тем, как Тор изгнал инеистых великанов. Более того, сюда же С. Нильссон относит и легенды о великанах-германцах, возникшие из-за слухов, распространяемых о них галлами в римской армии. Он указывает, что подобная черта свойственна народам всего мира: более высокие люди создают легенды о карликах, относясь к ним презрительно, и, с другой стороны, более низкорослые сочиняют легенды о великанах, считая их, в свою очередь, весьма недалекими. К списку народов, у которых встречаются мифы подобного рода, С. Нильссон относит филистимлян, которые были великанами для израильтян, а те для них – карликами; кимбрийцев, которые были великанами для греков, а те для них, соответственно, карликами; германцев и кельтов, которые были великанами для римлян, и те для них карликами; исландцев, норманнов, англичан и других, кто был великанами для гренландских и североамериканских эскимосов, а те для них – скрэлингами, или же карликами⁶²⁹.

Исходя из идеи о том, что многие черты персонажей низшей мифологии были заимствованы скандинавами у саамов, С. Нильссон наделил её практически универсальным

⁶²⁷ Nilsson S. P. 228.

⁶²⁸ Nilsson S. P. 239.

⁶²⁹ Nilsson S. P. 233.

характером и, одновременно сузил само толкование природы мифологических персонажей, отказывая им в других возможных источниках происхождения. Из-за этого стремления к универсальности объяснения, аргументация С. Нильссона представляется достаточно односторонней, однако такова была особенность эпохи: современники высоко оценили выводы С. Нильссона и часто ссылались на его аргументацию для доказательства своих идей.

Выводы

Попробуем подвести некоторые итоги. Как мы можем отметить, образ саамов в ранних расовых типологиях не отличался от того, что мы вывели в предыдущей главе, руководствуясь описаниями путешествий и прочими нарративными источниками. Такие черты их образа как малый рост, смуглая кожа, занятие оленеводством, шаманизм и проживание на крайнем севере Европы подчеркивали особое положение саамов и создавали трудности с отнесением их в ту или иную группу в классификациях рас. Ранние типологи выделяли для них отдельную группу, но И.Ф. Блюменбах и Дж. Причард к середине века окончательно оформили положение саамов, отнеся их к «монгольской» расе, что создало своего рода уникальный прецедент – представители «монгольской» расы в качестве населения региона Европы. Сравнительно-историческое языкознание, новый подход для познания истории бесписьменного периода, с течением времени начинает позиционировать саамов как древнейшее население Европы. Дж. Причард, используя идеи Э.Г. Гейера о причислении саамов к туранской расе, распространил концепцию об их аборигенности на все финно-угорские народы, Ф.М. Мюллер же на все неиндоевропейские и не-семито-хамитские народы. Саамы в его понимании становятся представителями древней расы, стоявшей на низкой ступени развития, в далекие времена заселившей практически весь мир, в том числе, и Британию. Эту идею конкретизируют данные археологии. В выкладках А. Ретциуса и Й.Я.А. Ворсо саамы становятся аборигенным населением самой Британии.

Тот же импульс мы можем проследить в британской скандинавистике и фольклористике. Практически до середины века эвгемеристический подход в скандинавистике не пользовался особой популярностью, британские ученые действовали по примеру своих скандинавских коллег, не жаловавших этот метод. Мифологические карлики, как компонент теории П. Малле, швейцарского профессора, также не вызывали интереса. Всю первую половину века британские скандинависты толковали с позиций эвгемеризма таких персонажей низшей мифологии Скандинавии как йотуны. Однако с течением времени эвгемеристическая трактовка этих двух классов персонажей сближается. Если У. Херберт понимал под йотунами народы, описываемые античными авторами, то уже в описании У.Э. Фрая они изображены саамами, а Б. Торп и Дж.

Дасент и вовсе сводят йотунов и карликов воедино как представителей низшей мифологии в целом, и при этом в их сочинениях феномен скандинавской мифологии перерастает свои рамки и приобретает универсальный характер. Речь уже не идет о мифологических карликах и саамах, а в целом о столкновении аборигенов и завоевателей с разными типами хозяйства, что дает стандартное объяснение для происхождения персонажей народной демонологии всего мира.

Фольклористы же пытались приспособить теорию П. Малле именно под британские реалии. Именно на материале друидов, интерес к которым в среде британским антиквариерам зародился ещё в XVI веке, прослеживается первое применение теории П. Малле, пусть даже без непосредственного упоминания его труда. В эвгемеристической теории о друидах последние заняли место саамов, а фэйри – карликов. Однако из-за некой абсурдности в развитии аргументации этой теории она была вскоре отброшена. В начале XIX века эвгемеристическая теория П. Малле вторично привлекла внимание британских фольклористов на волне интереса к скандинавской мифологии. Дж. Лейден пытался найти ей применение на материале Шотландии, упоминая о связи пиктов – древнейшего народа Британии, согласно сообщениям античных авторов, и пехтов (пехов, пиков) – персонажей шотландской низшей мифологии. Его идею продолжает Дж.Г. Далайл, который трактует несколько топонимов в западном Лотиане, применяя к ним исторический метод, и приходит к выводу, что речь может идти о битве пиктов и скоттов, если первые были обозначены под «пехами». Р. Саути расширяет эту трактовку, добавляя к шотландским пиктам английских пикси, не из-за сходства в общем образе, а исключительно из-за созвучия их с пиктами, задеиствуя, таким образом, в рамках эвгемеристической теории еще и английскую народную демонологию. Таким образом, идея Я. Гримма о кельтах и эльфах как подтверждении теории П. Малле на материале Британии с развитием метода сравнительно-исторического языкознания не прижилась (кельты перестали считаться аборигенами Британии), однако их место в теоретических построениях британских ученых середины века заняли пикты как прообраз пехов и пикси.

В целом, первая половина века, как мы видим, была ознаменована попытками ввести теорию П. Малле в британскую науку, наметить примерную область её применения. Именно этим, на наш взгляд, объясняется отсутствие обращения к материалам путешествий в Лапландию, описывающим быт саамов. Ученым, разделявшим концепцию П. Малле, нужно было изначально утвердить саму возможность применения этой теории в Британии, а затем уже подкреплять её фактическими данными. Последнее будет с успехом сделано во второй половине XIX века, в чем мы сможем убедиться в следующей главе.

Глава III. Дальнейшее развитие и закат эвгемеристической теории о саамах как персонажах низшей мифологии во второй половине XIX в

Во второй половине девятнадцатого века эвгемеристическая теория о саамах, а также связанная с ней идея о том, что саамы были аборигенами Британии, получила определенное распространение как в трудах викторианских ученых. Она переросла рамки скандинавистики, и, в конечном итоге, стала своего рода универсальным подходом, более применимым в антропологии. Таким образом, во второй половине XIX века мы видим параллельное развитие этой теории в трудах антропологов и фольклористов. Как мы сможем увидеть далее, фольклористы больше обращали внимание именно на её эвгемеристическую составляющую, в то время как антропологи отталкивались от идеи о древнейшем саамском населении Британских островов.

Теория о саамах как аборигенном населении Британии в трудах викторианских антропологов второй половине XIX в.

Начнем мы с трудов Р.Г. Лэтэма, выдающегося викторианского этнолога. Дж. Стокинг писал, что Р.Г. Лэтэм в пятидесятые-шестидесятые годы издал ряд публикаций, в которых он продолжал традиции причардовской этнологии, тем самым заняв место преемника Дж.К. Причарда на научном поприще⁶³⁰.

Обзор о саамах Р.Г. составляет очень кратко, в форме таблицы: «Лапландцы. Образ жизни: кочевнический. Религия: несовершенное православие у русских лапландцев; несовершенный протестантизм у шведских и норвежских лапландцев. Самоназвание: same, сабоме (Same, Sabome)»⁶³¹. Немного позже Р.Г. упоминает и о рассматриваемой нами эвгемеристической теории о саамах: «лопари, с другой стороны, вызывали страх как колдуны или как люди, сведущие в работе с металлами; и, в соответствии с мнением тех, кто изучал философию мифологий, они внесли много сверхъестественных элементов в образ карликов и гоблинов»⁶³². В более позднем произведении, «Этнология Европы» (1852), Р.Г. Лэтэм пишет, что разница во внешнем облике финнов и саамов значительна, сами саамы «темноволосы, темноглазы, смуглы, низкорослы и плохо сложены»⁶³³. Позже он указывает, что саамы занимаются оленеводством и рыбалкой⁶³⁴.

⁶³⁰ Stocking G.W. P. 53.

⁶³¹ Latham R.G. The Natural History of the Varieties of Man. L., 1850. P. 101.

⁶³² Latham R.G. P. 105.

⁶³³ Latham R.G. The Ethnology of Europe. L., 1852. P. 148.

⁶³⁴ Latham R.G. P. 166.

Разгадка того, почему у Р.Г. Лэтэма столь мало интереса вызывают как саамы в целом, так и эвгемеристическая теория о них, объясняется тем, что Р.Г. Лэтэм, продолжая идеи Дж.К. Причарда, полагает, что кельты были аборигенным населением Британии⁶³⁵, и в другом своем труде последовательно защищает эту точку зрения. Он упоминает теорию о том, что орудия каменного века, найденные в Британии, и черепа того же времени принадлежат народу, родственному саамам и финнам⁶³⁶, однако указывает, что до нас не дошло никаких свидетельств о его существовании ни в письменных источниках, ни в народной традиции, ни даже в языке. Р.Г. Лэтэм доказывает, что бытовавшее в его время убеждение, что черепа и орудия каменного века, которые якобы отличаются от последующих останков и орудий бронзового и железного, принадлежащих кельтам, не означают, что кельты пришли и уничтожили жившее до них на этой территории население. Р.Г. Лэтэм предполагает, что сами кельты, в силу прогресса в изготовлении подручных инструментов и расширения торговых связей, стали создавать более совершенные орудия, и, вследствие этого, лучше питаться и приобрели более крепкое физическое сложение, чем и объясняется различие в физическом строении найденных останков⁶³⁷. Таким образом, Р.Г. Лэтэм отбрасывает теорию о саамах Британии, связывая последних лишь с древним народом, который населял в древности Швецию и Норвегию⁶³⁸. Примечательно, что пиктов Р.Г. Лэтэм считал гэлами⁶³⁹.

Идея об эволюционном развитии кельтов Р.Г. Лэтэма представляется достаточно прогрессивной. Она предвосхитила дарвиновскую концепцию и выгодно отличалась от идей современников, так как шла вразрез со сложившейся традицией приписывать некоторым народам неспособность самостоятельно добиться успехов на цивилизационной арене. Взяв у Дж. Причарда сам термин «туранский», Р.Г. Лэтэм также заимствовал у него границы расселения народов, входящих в эту группу. При этом, однако, не считая их аборигенным населением Британии (и отдавая все лавры кельтам), Р.Г. Лэтэм не был заинтересован ни в парадоксах скандинавской мифологии, ни в эвгемеристической теории, с ней связанной.

Одним из первых, кто приспособил археологическую теорию о трех веках К.Ю. Томсена в переложении Й. А. Ворсо к британским реалиям, был шотландец Дэниел Уилсон⁶⁴⁰. В книге «Археология и доисторические анналы Шотландии» он применял её по отношению к ранней истории Шотландии, выделяя четыре периода, соответствующие четырем типам населения: первобытный или каменный (аборигенный неиндоевропейский народ); архаический или

⁶³⁵ *Latham R.G.* P. 199.

⁶³⁶ *Latham R.G.* *The Ethnology of the British Islands.* L., 1852. P. 59.

⁶³⁷ *Latham R.G.* P. 26-27.

⁶³⁸ *Latham R.G.* *The Ethnology of Europe.* P. 206-207.

⁶³⁹ *Latham R.G.* *The Ethnology of the British Islands.* P. 12.

⁶⁴⁰ *Stocking G.W.* P. 73.

бронзовый (кельты); тевтонский или железный (германцы); христианский (миграции различных народов на рубеже исторического времени)⁶⁴¹.

Несмотря на то, что концепция Й.А. Ворсо была взята Д. Уилсоном за образец, идея, которую Д. Уилсон стремился показать в своей книге, была диаметрально противоположной. К. Маниас пишет, что Д. Уилсон демонстрирует в своем труде, как этнологический и археологический материал может быть привлечен для доказательства представления, берущего начало ещё в трудах просветителей – о всеобщем прогрессе и развитии, даже в рамках одной нации⁶⁴². Основой воззрений Д. Уилсона было то, что шотландцы (как и англичане) произошли не от какого-то отдельного народа, поселившегося на их территории, а от смешения различных народов и, более того, различных рас. Все они вложили нечто в культуру Шотландии и в становление самих шотландцев как нации. Д. Уилсон выразил эту мысль следующим образом: «мы не можем почитать себя прямыми потомками неиндоевропейских аборигенов или первобытных кельтов, напротив, мы полагаем, что современные характерные особенности нашей нации являются продуктом смешения рас пиктов, скоттов, римлян, тунгров и других переселенцев-варваров, норвежцев, данов, англосаксов и норманнов»⁶⁴³.

В своих изысканиях Д. Уилсон опирался на уже известные нам труды Дж. Причарда и С. Нильссона, а также на очерк Джона Турнама, чей основной труд вышел позже и будет рассмотрен нами далее. Для выяснения того, кем были первые жители Шотландии, Д. Уилсон тщательно анализирует ряд древнейших черепов, найденных на её территории. В их классификации Д. Уилсон руководствуется описанием С. Нильссона черепов аборигенного населения Скандинавии: «короткая или брахицефальная форма черепа с выступающим теменным бугром и широким, плоским затылком»⁶⁴⁴ и утверждением Дж. Турмана, А. Ретциуса и снова С. Нильссона, что древние кельтские черепа представляют собой «переходный тип к настоящей долихоцефальной и брахицефальной формам»⁶⁴⁵. В конце концов, Д. Уилсон приходит к выводу, что докельтское население Шотландии существовало, и, более того, вероятнее всего, произошло от аборигенов Скандинавии⁶⁴⁶. Для доказательства их родства Д. Уилсон приводит теорию Дж. Причарда о «иноязычных» нациях.

Сам Дж. Причард полагал, что индоевропейские народы во время переселения в Европу обнаружили, что новые земли заняты другим населением. Он считал, что докельтское,

⁶⁴¹ *Wilson D.* The archaeology and prehistoric annals of Scotland. Edinburgh, 1851. P. v-vi.

⁶⁴² *Manias C.* P. 101.

⁶⁴³ *Wilson D.* P. 229.

⁶⁴⁴ *Wilson D.* P. 163; См. также P. 171.

⁶⁴⁵ *Wilson D.* P. 174.

⁶⁴⁶ *Wilson D.* P. 177.

иберийское население Испании и финно-угорское население северной Европы («йотуны») относятся к одной и той же группе «иноязычных»⁶⁴⁷ наций. Эти «иноязычные» нации некогда проживали на всем континенте⁶⁴⁸. Распространяя эту идею и на Шотландию, Д. Уилсон подчеркивает идентичность аборигенов Британии со скандинавскими, а также замечает, что в нынешнее время примером таких «иноязычных» рас служат финны, саамы и эскимосы⁶⁴⁹.

Д. Уилсон был достаточно высокого мнения об аборигенах Шотландии. Он считал, что они были в состоянии самостоятельно прийти к цивилизации и располагали достаточными способностями к прикладному и декоративному искусству, ничуть не уступая в этом современным народам⁶⁵⁰. По состоянию зубов на черепках Д. Уилсон делал вывод о диете аборигенов: он полагал, те были кочевниками или охотниками, так как зубы их сохранились отлично⁶⁵¹. Более того, он также делал вывод, что с ростом населения, из-за постепенного прогресса или же под влиянием других народов, аборигены Шотландии постепенно перешли к земледелию, использовали лемех, выращивали овес и перетирали зерна на простейшей ручной мельнице. Д. Уилсон предполагает, что твердая ячменная лепешка, которая до сих пор распространена среди шотландских крестьян, была одним из их первых вариантов выпечки, а поедание её совершенно не портило зубы⁶⁵².

Среди заслуг Д. Уилсона нужно перечислить то, что он впервые на основе схемы Й.А. Ворсо создал подобную же и для Британии, а также убедительно доказал на материале измерения черепов в древнейших захоронениях, что аборигенное население Британии было идентичным скандинавскому, то есть финно-угорским по своему происхождению. В дальнейшем на выводы Д. Уилсона будут неоднократно ссылаться другие исследователи.

Рассмотрим пример несколько иной позиции. Томас Хаксли был одним из первых антропологов, кто открыто поддержал идеи Чарльза Дарвина. Будучи последовательным дарвинистом, Томас Хаксли достаточно быстро занял прочные позиции в «Этнологическом обществе Лондона»⁶⁵³.

Рассмотрим теперь труд, написанный Т. Хаксли в соавторстве с Сэмюэлем Лэйнгом, ученым и членом парламента, сыном известного скандинависта. Он вышел в 1868 году и назывался «Доисторические находки в области Кейтнесс». Часть, написанная Т. Хаксли, являла

⁶⁴⁷ Дж. Причард использовал слово “Allophylia”, у которого нет синонима в русском языке. Оно переводится как «не принадлежащие к индоевропейской или семитской семье языков».

⁶⁴⁸ Prichard J.C. The Natural History of Man. P. 185-186.

⁶⁴⁹ Wilson D. P. 162.

⁶⁵⁰ Wilson D. P. 183.

⁶⁵¹ Wilson D. P. 187.

⁶⁵² Wilson D. P. 188.

⁶⁵³ Sera-Shriar E. P. 114.

собой подробное описание древнейших человеческих останков, найденных в шотландской области Кейтнесс. Часть же, написанная С. Лэйнгом, носила более теоретический характер и перемежалась ссылками на выводы Т. Хаксли, так что, вероятнее всего, мы не ошибемся, сказав, что Т. Хаксли, по крайней мере, разделял его идеи.

По словам С. Лэйнга, согласно последним достижениям науки, в Европе с начала каменного века существовало два различных «первобытных типа» народов. Более ранним из них, как он полагает, является долихоцефальный тип, южного происхождения, родственный современным берберам. В Европу он проник из Африки, в то время, когда эти два континента являли собой единое целое. Современные баски являются его европейскими потомками. Второй же тип, «первобытные брахицефалы», родственен «туранским расам севера и востока»⁶⁵⁴. К этому описанию С. Лэйнг прибавляет замечание, что нет ничего удивительного в том, что черепа этого первобытного типа напоминают современные черепа финнов и саамов, так как, по его мнению, этот тип зародился на севере, а именно в Арктике. Эти два типа в течение каменного века контактировали друг с другом и породили массу переходных типов. Затем в Европу пришли индоевропейцы, которых С. Лэйнг считает превосходящими эти два типа, и «частью уничтожили, частью ассимилировали, или были ассимилированы этими старыми расами, которым они передали свой собственный язык»⁶⁵⁵.

В Британии же, по мнению С. Лэйнга, ситуация в каменном веке была следующей. Несмотря на то, что характер археологических находок, а также остатки представителей фауны оттуда демонстрируют сходство с «кухонными кучами» Кьёккенмёддинг в Дании, общий тип первобытных обитателей Британии отличается от скандинавского, где они «определенно брахицефальны»⁶⁵⁶. Британию, как пишет С. Лэйнг, в самое раннее время населяли «камбоцефальные»⁶⁵⁷ люди, более близкие к негроидам или австралоидам, нежели к монголоидам или «арктическому типу».

Откуда же взялось подобное противопоставление? Как замечает сам С. Лэйнг, знаменитый французский антрополог Поль Брока убедительно показал, что баски, которые ранее считались представителями туранских, брахицефальных народов, на самом деле долихоцефальны⁶⁵⁸. Авторитет Поля Брока был очень высок в среде британских антропологов,

⁶⁵⁴ Laing S., Huxley T. Pre-historic Remains of Caithness. With Notes on the Human Remains. Edinburgh, 1866. P. 70.

⁶⁵⁵ Laing S., Huxley T. P. 71.

⁶⁵⁶ Laing S., Huxley T. P. 69.

⁶⁵⁷ Термин «камбоцефальные» черепа («в форме лодки») был впервые введен Д. Уилсоном, и означал он особый тип британский долихоцефальных черепов, суживающихся в районе лба и затылка. Dunn R. Archaeology and Ethnology: Remarks on Some of the Bearings of Archaeology upon Certain Ethnological Problems and Researches // Transactions of the Ethnological Society of London. 1867. Vol. 5. P. 312.

⁶⁵⁸ Laing S., Huxley T. P. 70.

поэтому его открытие, вероятно, и породило представление о двух разных типах первобытных обитателей Европы, так как баски, с одной стороны, и финно-угорские народы с другой, были, по сути, представителями двух неиндоевропейских семей языков в Европе. В дальнейшем, как мы увидим, эта идея послужила закату представлений о саамах как аборигенном населении Британии, так как иберы, потомками которых считали басков, упоминались как античными авторами в качестве вероятных прародителей одного из британских племен, так и в мифологической традиции Ирландии, что дало теории об иберах весомую поддержку в письменных источниках.

Похожей позиции придерживался небезызвестный сэр Джон Лёббок, одна из ключевых фигур в становлении эволюционистской парадигмы в британской антропологии. В своем труде, посвященном доисторическому периоду, сэр Джон Лёббок мало внимания уделяет попыткам определить, кем было население Британии каменного века по своему составу (бронзовый век, по его мнению, настал с приходом индоевропейцев⁶⁵⁹), однако он указывает, что в захоронениях, которые относятся к этому периоду, встречаются как долихоцефальные, так и брахицефальные черепа. Последние, по его словам, «на настоящий момент являют сходство с черепами лопарей»⁶⁶⁰. Дж. Лёббок из этого заключает, что в каменном веке Европу и Британию населяла «более чем одна раса людей»⁶⁶¹.

Как отмечает Дж. Стокинг, в пятидесятые годы многие ученые британцы, имеющие за плечами медицинское образование, начинают в своих изысканиях о физических различиях между человеческими расами следовать набирающей популярность в Европе концепции полицентризма, отходя от традиции, заложенной Дж. Причардом⁶⁶². В 1855-1856 гг. врачи Джозеф Барнард Дэвис и Джон Турнам выпускают знаковую для британской физической антропологии работу «*Crania Britannica*». Рассматриваемые нами главы в их общем труде принадлежат, как это следует из инициалов в конце каждой главы, перу Дж. Турнама.

Главу о древнейших жителях Британии Дж. Турнам начинает с обозначения достаточно старой для британской историографии проблемы заселения островов. Изначально он рассматривает вариант, согласно которому заселение происходило с северо-восточного побережья Галлии, а сами будущие жители Британии добрались до островов на кораклах – традиционном ирландском типе лодки в форме полусферы, сделанной из переплетенных прутьев и обтянутой снаружи кожей.

⁶⁵⁹ *Lubbock J. P. 57.*

⁶⁶⁰ *Lubbock J. P. 138.*

⁶⁶¹ *Lubbock J. P. 138.*

⁶⁶² *Stocking G.W. P. 65.*

Затем Дж. Турнам указывает, что существует ещё один подход в отношении понимания того, кем были древнейшие жители Британских островов. Он ссылается на труды Чарльза Лайела, который «собрал огромное количество примеров о невольных путешественниках в каноэ через Тихий и Южный океаны, дрейфовавших с приливными и постоянными течениями на сотни миль от своего родного берега безо всякой возможности вернуться обратно»⁶⁶³. Расширив, таким образом, сферу возможного заселения Британии, Дж. Турнам предполагает, что до северного и восточного побережья Британии могли доплыть путешественники с датских, «фризских»⁶⁶⁴ или скандинавских берегов. Таким образом Дж. Турнам подчеркивает, что население Британии не было гомогенным. Он ссылается на авторитет Корнелия Тацита, который описывал высоких и русоволосых обитателей Каледонии, смуглых и кудрявых силуров, а также указывал на общее сходство южных бриттов с их соседями в Галлии. Кроме того, Тацит полагал, что каледонцы или северные бритты имели германское происхождение, силуры – иберийское, а южные бритты, вероятно, – галльское. Эту идею о многообразии этнического состава населения Британии Дж. Турнам подтверждает современными ему сведениями Р. Лэтэма. Последний, однако, критиковал теорию о полностью германском или иберийском происхождении отдельных народов Британии.

Дж. Турнам, следуя за мыслью Р. Лэтэма, замечает, что даже если мы допустим полностью кельтское население Британии времен Цезаря и Диодора, это не исключает возможности, что кельты всё ещё могли быть пришлым населением, а до них на этих землях жил совершенно иной народ. Он исходит из «гипотезы, получившей в последнее время поддержку некоторых компетентных ученых»⁶⁶⁵, что в древности в Европе проживал многочисленный народ иберов, от юга Галлии и до северо-востока Италии, чей язык, эускера или баскский, разительно отличался как от индоевропейских, так и от семитских языков. Представителями этого народа в современности, как можно догадаться, Дж. Турнам считает басков. Аналогом баскского языка, как было доказано, продолжает Дж. Турнам, был признан саамский, финский и прочие языки «угорских племен севера Европы и туранских наций Памира»⁶⁶⁶. Он ссылается на труд С. Нильссона для доказательства того, что саамы и финны были коренными обитателями Скандинавии, и после вторжения готов были вытеснены на север. В качестве подтверждения этой идеи Дж. Турнам приводит рассмотренную нами выше концепцию Дж. Причарда о группе «иноязычных» наций, проживавшую ранее на территории всей Европы, остатками которой являются баски и угры.

⁶⁶³ Davis J.B., Thurnam J. Vol. I. P. 53.

⁶⁶⁴ Davis J.B., Thurnam J. P. 53. Современное побережье Германии (к западу от Дании) и Нидерландов.

⁶⁶⁵ Davis J.B., Thurnam J. P. 54.

⁶⁶⁶ Davis J.B., Thurnam J. P. 54.

Дж. Турнам констатирует тот факт, что скандинавские этнологи в большинстве своем полагают, будто докельтское население Британии было туранским по своему происхождению. Он приводит в пример мнение А. Ретциуса и Рудольфа Кейзера. Воззрения первого относительно данного предмета мы уже разбирали, а Р. Кейзер полагал, что туранское население предшествовало иранскому по всей Европе, иберы же были южными туранцами, а саамы – северными. Более того, он считал, что именно иберы были древнейшим населением Британии, народом, использовавшим орудия из камня, на смену которому пришли кельты с их способом выплавки и обработки бронзы.

Комментируя эти идеи, Дж. Турнам критикует мнение А. Ретциуса о том, что докельтское, туранское население Британии имело брахицефальный тип черепа, а кельтское, соответственно, долихоцефальный. Дж. Турнам пишет, что как показали их с Дж. Дэвисом измерения, все древние мужские черепа Британии являются большей частью брахицефальными, и пробует объяснить ошибку А. Ретциуса тем, что тот, вероятно, в большинстве своем анализировал женские черепа⁶⁶⁷.

Дж. Турнам также ссылается на исследование Д. Уилсона, подтвердившего это положение, однако указывают, что проанализировав те же черепа, что и Д. Уилсон, он не может согласиться с выводами последнего. Чтобы однозначно утверждать, что аборигенное население Британии было туранского происхождения, поясняет Дж. Турнам, нужно для начала точно определить форму черепа у древних кельтов⁶⁶⁸. Примечательно, что при этом Дж. Турнам не считает белгов и пиктов германцами. Ссылаясь на труды выдающегося шотландского историка У.Ф. Скина, он пишет, что пикты говорили на кельтском языке, и, в целом, придерживается позиции последнего о кельтском происхождении пиктов⁶⁶⁹.

Таким образом, Дж. Турнам считает, что точку зрения скандинавских этнологов достаточно проблематично доказать. Тем не менее, подчеркивая неоднородный этнический состав Британии в древнейшие времена, он полагает, что иберийский элемент мог существовать в нем как один из компонентов. Кельты могли вступать в смешанные браки с иберами при переходе через Пиренеи. Однако Дж. Турнам склоняется к другой версии происхождения иберийского компонента. Он развивает гипотезу, согласно которой иберы могли приплыть на юго-запад Британии вместе с финикийцами. Дж. Турнам указывает, что в Испании финикийцы селились среди иберов, и путешествовали в Британию ради металла, прежде всего, олова, торговля которым была одним из их приоритетных направлений. Дж. Турнам предполагает, что

⁶⁶⁷ *Davis J.B., Thurnam J. Vol. II. P. 52 (4).*

⁶⁶⁸ *Davis J.B., Thurnam J. Vol. I. P. 55-56.*

⁶⁶⁹ *Davis J.B., Thurnam J. P. 153-154.*

на юго-западе Британии (в Корнуолле и в западном Девоне) финикийцы могли организовать колонию рудокопов смешанно финикийско-иберийского состава, так как «финикийцы известны своей склонностью вступать в браки с представителями других рас»⁶⁷⁰. Нужно отметить, что идея о финикийцах, заселивших Британию, была отнюдь не нова. Она ведет свое начало ещё с трудов английских антикваров Дж. Твайна и А. Саммса, о которых мы упоминали в первой главе.

Что же касается Ирландии, то Дж. Турнам отмечает уже известную нам мифологическую традицию захватов Ирландии, несколько презрительно называя источники, повествующие о ней, «монашескими хрониками и бардскими стихами»⁶⁷¹. Однако Дж. Турнам полагает, что эта традиция содержит исторический элемент. Следуя за мыслью ирландского историка Чарльза О'Коннора, Дж. Турнам предполагает, что милезианцы могли быть по происхождению иберами, которые, спасаясь от преследования карфагенян и римлян, переселились в Ирландию. Однако, подчеркивая наличие иберийского компонента в древнем населении Ирландии, Дж. Турнам замечает, что идею Ч. О'Коннора достаточно сложно доказать.

Таким образом, Дж. Турнам отказывается от туранской гипотезы о саамах, противопоставляя им иберов. Следуя за идеями П. Брока, он критикует измерения Д. Уилсона, которые служили доказательством идеи о финно-угорском аборигенном населении Британии, и сам склоняется в пользу иберийской гипотезы, поднимая в качестве доказательства теорию эпохи Просвещения, базировавшуюся на сведениях античных авторов о финикийцах, путешествовавших к берегам Британии.

Верным последователем идей Дж.Б. Дейвиса и Дж. Турнама стал Джон Беддоу, один из самых выдающихся английских антропологов во время правления королевы Виктории. Дж. Беддоу разделял позиции полицентризма.

В зарисовке Дж. Беддоу Британия являла собой следующую картину. Восточная Англия и Шотландия были зоной расселения светлокожих народов, предположительно являющихся потомками германских и скандинавских племен. Смуглые же народы концентрировались на западе Ирландии, в Корнуолле и в Уэльсе, и являли собой, по его мнению, смесь кельтов и других племен, прежде всего, древних иберов.

Как и Дж.Б. Дэвис и Дж. Турнам, Дж. Беддоу развивает идею о некоем монголоидном элементе в составе населения Уэльса и запада Англии (западный Сомерсет и Корнуолл). Он кропотливо описывает физический тип его носителей, включая в него «раскосый или китайский

⁶⁷⁰ *Davis J.B., Thurnam J. P. 58.*

⁶⁷¹ *Ibid.*

глаз»⁶⁷² с ореховой или коричневой радужкой и прямые темно-коричневые, черные или рыжеватые волосами. Однако главным отличительным признаком этого «монголоидного типа» является долихоцефальная форма черепа (его индекс составляет 74,5), что определенным образом отличает представления Дж. Беддоу от предшественников. Более того, он полагает, что именно носители бронзовой культуры в Британии были брахицефалами⁶⁷³. Дж. Беддоу строит теории о происхождении этого долихоцефального монголоидного типа, полагая, что нынешний центр его распространения находится в Ирландии, кроме того, что он часто встречается в Испании и на Гебридских островах⁶⁷⁴. Дж. Беддоу полагает, что этот тип возник в Африке, поэтому дает ему название «африканоид»⁶⁷⁵, утверждая, что, несмотря на некоторые различия в строении черепа, иберо-берберский расовый тип может быть включен в него в качестве подразделения⁶⁷⁶. Также Дж. Беддоу полагает, что этот тип был родственен кроманьонцам.

Любопытно, что Дж. Беддоу отрицает какую-либо связь этого типа с финскими народами: «я не вижу никакого сходства с финнами Финляндии в вышеуказанном наборе физических черт»⁶⁷⁷. Более того, далее он высказывает некую насмешку над последователями разбираемой нами теории. Анализируя легенды о кораниаид, представленных как «раса волшебников» в Мабиногионе, он комментирует идею об их эвгемеристической идентификации с кориелтаувами⁶⁷⁸ (с которой он был коренным образом не согласен) следующим образом: «всё это звучит крайне таинственно; однако для тех, кто видит в йотунах скандинавской мифологии всего лишь первобытных финнов, это [сопоставление их с реальным народом – Д.Т.] не составит большого труда»⁶⁷⁹.

В целом, хотя Дж. Беддоу и замечает, что гипотеза о присутствии туранских или угорских народов в Британии остается недоказанной⁶⁸⁰, он явно не разделяет её положения. Дж. Беддоу упоминает, что определенный угорский элемент присутствовал в этногенезе жителей Шетландских островов, так как хотя они являются наиболее светлокожими среди народов Британии (так как те, по его мнению, происходят от норманнов), среди них встречаются и темноволосые и более смуглые представители. Как предполагает Дж. Беддоу, они могли быть потомками «угорских трэллов скандинавских завоевателей»⁶⁸¹. Другой случай – наличие

⁶⁷² *Beddoe J. P. 9.*

⁶⁷³ *Beddoe J. P. 15.*

⁶⁷⁴ *Beddoe J. P. 10.*

⁶⁷⁵ Любопытно, что похожие рассуждения присутствуют в трудах П. Брока. *Manias C. P. 160.*

⁶⁷⁶ *Beddoe J. P. 11.*

⁶⁷⁷ *Beddoe J. P. 10.*

⁶⁷⁸ Древнее племя Британии, в эпоху римского завоевания жившее на территории графств Линкольншир, Ноттингемшир, Лестершир, Дербишир, Нортхемптоншир и Ратленд.

⁶⁷⁹ *Beddoe J. P. 23.*

⁶⁸⁰ *Beddoe J. P. 270.*

⁶⁸¹ *Beddoe J. P. 239.*

низкорослого и смуглого населения в Йоркшире – Дж. Беддоу объясняет через смешанную миграцию с севера Франции «того типа с продолговатым лицом и квадратными бровями, который французские этнологи называют кимрским, и низкорослого, смуглого круглоголового типа, который П. Брока именуется кельтами или кельтолигурами»⁶⁸². Дж. Беддоу заключает, что с научной точки зрения его предположение совершенно равноценно идее о древней иммиграции в Йоркшир иберов или туранцев.

Дж. Беддоу выводит на новый уровень идею о происхождении смуглого долихоцефального компонента в многосоставном населении Британии. Полагая, что он принадлежит иберам, Дж. Беддоу прослеживал его истоки в Африке и проводил параллели между этим «африканоидным» типом и известными в его время ранними представителями современного человека в Европе. Примечательно, что хотя Дж. Беддоу и отмечает обоснованную аргументацию Уильяма Скина о том, что пикты были кельтским племенем⁶⁸³, он всё же склоняется к мнению профессора Джона Риса, который полагал, что пикты могли быть иберийского происхождения⁶⁸⁴.

Дважды упомянутый шотландский историк Уильям Форбс Скин действительно обладал безусловным авторитетом в отношении истории родной страны. Его труды по истории Шотландии до сих пор вызывают значительный интерес, так как У.Ф. Скин обладал великолепным знанием источников, и его анализ сочетает в себе строгую логическую конструкцию и предельную простоту подачи материала.

У.Ф. Скин поддерживал точку зрения, что «круитни» – название народа, жившего на территории Ирландии в период раннего средневековья – «было ирландским эквивалентом латинскому «Picti», и употреблялось для обозначения пиктов в Шотландии»⁶⁸⁵. Дабы подчеркнуть единство этих двух названий, он употребляет их в связке, как то «круитни, или пикты»⁶⁸⁶. По его мнению, именно круитни, наряду со скоттами, и сформировали население Ирландии и горных районов Шотландии. Круитни, как полагал У.Ф. Скин, являлись аборигенным народом Шотландского нагорья, а также графства Ольстер и северной части графства Ленстер в Ирландии. «Кельтскость» круитни У.Ф. Скин доказывал следующим образом: он обозначал как некий парадокс явление, когда гэльский язык оказывался совершенно чуждым для населения Шотландского нагорья, которое традиционно считалось его

⁶⁸² *Beddoe J. P.* 135.

⁶⁸³ *Beddoe J. P.* 26.

⁶⁸⁴ *Beddoe J. P.* 247-249; *Rhys J. P.* 270. Подробнее взгляды Дж. Риса мы рассмотрим несколько позже, так как ключевой для нашей работы его труд вышел только в 1901 году.

⁶⁸⁵ *Skene W.F. Celtic Scotland. Vol. I. Edinburgh, 1876. P. 226-227.*

⁶⁸⁶ См. напр., *Skene W.F. P.* 174.

носителем. Он указывал, что сам характер горных районов Шотландии, их закрытость и недоступность, не позволяют предположить, что язык его аборигенного населения мог исчезнуть абсолютно бесследно, так как не сохранилось ни следов раннего иноязычного субстрата в гэльском, ни одного топографического названия в этой горных района Шотландии, не-гэльского по своему происхождению. Более того, использование круитни «гэльского диалекта», по мнению У.Ф. Скина, объяснило бы столь легкую их ассимиляцию их культуры скоттами Дал Риада, которые, по данным источников, присоединили их королевство к своему в промежутке между серединой восьмого и девятого веков⁶⁸⁷.

Помимо прочего, в книге У.Ф. Скина «Кельтская Шотландия» приведен наиболее детальный анализ сведений об иберском населении части Британии в трудах античных авторов. Он ссылается на работу Томаса Хаксли и труд британского геолога Уильяма Бойда Доукинса (в процитированном отрывке из книги последнего есть ссылка и на выводы Дж. Турнама) в качестве подтверждения данными археологии идеи об иберийском происхождении докельтского населения Британии. У.Ф. Скин разбирает эволюцию образа британских иберов в восприятии античных авторов. Он указывает, что греческие авторы, писавшие о Британии, проводили в своих трудах идею о том, что те британцы, которые занимались добычей олова, отличались по своему облику от остальных. Изначально греческие авторы знали о добыче олова только на Касситеридских островах, а затем узнали и о некоем острове Иктис, который, по словам Диодора Сицилийского (V. 22. 1), «находится перед Британией»⁶⁸⁸. У.Ф. Скин замечает, что под Кассетеридскими островами, вероятнее всего, понимались острова Силли, лежащие к юго-западу от графства Корнуолл, а под островом Иктис – остров Сент Майклз Маунт (Гора Святого Михаила), также находящийся рядом с Корнуоллом. Страбон описывает обитателей Касситеридских островов следующим образом: они «носят черные плащи, ходят в хитонах длиной до пят, опоясывают груди, гуляют с палками подобно богиням мщения в трагедиях» (Ш. 5. 11)⁶⁸⁹. В цитате, приведенной У.Ф. Скином, также упоминались их козлиные бородки, отсутствующие в русском переводе. Столетьем позже, как пишет У.Ф. Скин, в сочинениях античных авторов Кассетеридские острова превращаются в Гесперидские, а их обитатели – в иберов. Дионисий Периегет писал, что «потомки славных иберов заселяют острова Геспериды — место добычи олова»⁶⁹⁰.

⁶⁸⁷ Skene W.F. P. xxii-xxviii.

⁶⁸⁸ Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека). М., 2000. С. 228.

⁶⁸⁹ Страбон. География в 17 книгах. М., 1964. С. 169.

⁶⁹⁰ Цит. по Илюшечкина Е.В. К вопросу об источниках периегезы Дионисия Александрийского: Посидоний Родосский // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 430-431.

Подытоживает свои выводы У.Ф. Скин следующим образом: «кельтской расе в Британии и Ирландии предшествовал люди иберийского типа, низкорослые, смуглые и с курчавыми волосами. У них были длинные черепа, и их представителями в Британии являются добытчики олова в Корнуолле и на островах Силли, которые вели торговлю с Испанией, племя силуров в южном Уэльсе и, в легендарной истории Ирландии, люди, которых называли Фир Болг»⁶⁹¹.

Нужно отметить, что все разобранные выше работы отличает перекрестная система ссылок. Авторы следили за публикацией книг и статей друг друга и ссылки на работы коллег присутствуют в каждом разобранным нами труде. Более того, система ссылок настолько постоянна, что временами достаточно сложно выявить непосредственное влияние ученых друг на друга, так как везде упоминается один и тот же коллектив авторов. Практически везде присутствуют ссылки на работы основоположника современной геологии Чарльза Лайела, археолога Джона Эванса и палеонтолога Джорджа Баска. Никто из них напрямую не касался нашей темы, материалы их исследований привлекались вышеуказанными авторами для обоснования своих выводов. Помимо британских ученых часто упоминаются уже известный нам П. Брока и немецкий биолог и антрополог Рудольф Вирхов.

К. Маниас развивает любопытную мысль, согласно которой с течением времени дикое, варварское кельтское население, якобы отстающее в своем развитии от англосаксов, в сознании ученых было трансформировано в иберийское⁶⁹². Мы можем дополнить его идею. В нашем представлении эта трансформация выглядит следующим образом: от кельтов к туранцам или финно-угорским племенам, а затем – к иберам. Тем не менее, мы не можем говорить о полном замещении одного другим, скорее о совместном сосуществовании и меняющейся научной моде. Любопытно, что её задавали зарубежные антропологи: в случае с саамами – швед А.А. Ретциус, а в случае с басками – француз П. Брока. Нужно также отметить, что в том или ином виде все три варианта продолжали существовать: в период популярности теории о саамах, Р.Г. Лэтэм придерживался идеи о кельтском аборигенном населении Британии, а Дж. Лёббок всё ещё писал о саамах в тот момент, когда иберы прочно завладели умами большинства антропологов.

Начиная с выделения туранской ветви, выводы о принадлежности аборигенного населения Британии к той или иной этнической группе основывались на измерении черепов, которые археологи находили в древних захоронениях. Полученные данные затем сличались с индексами черепов у кельтов и неиндоевропейских народов Европы. Черепа саамов считались брахицефальными, а черепа иберов – долихоцефальными, поэтому во второй половине века

⁶⁹¹ Skene W.F. P. 226.

⁶⁹² Manias C. P. 193.

приверженность того или иного автора к идее о саамском или иберском происхождении древнейшего населения Британии основывалась, прежде всего, на количестве доступных для измерения черепов, а также самом методе измерения. Не последнюю роль также играла позиция самого ученого. П. Брока, высказавший идею об иберийском аборигенном населении Британии, пользовался особым расположением у британских полицентристов, ибо был непризнанным лидером этого направления. Любопытно, что именно британские полицентристы снова обратились к практике использования сведений античных авторов. Этот парадокс можно объяснить словами Дж. Турмана, который полагал, что описания народов в трудах античных авторов очень важны для тех ученых, которые придерживаются позиции, что расы неизменны, а если изменения и происходят, то только в случае смешения их между собой.

Теория о саамах как эвгемеризированных персонажах низшей мифологии Британии в трудах фольклористов второй половины XIX века.

До сих пор мы разбирали интерпретацию и критику теории о саамах как аборигенах Британии в трудах викторианских антропологов второй половины XIX в., а сейчас мы перейдем к анализу её эвгемеристической составляющей в работах британских фольклористов того времени. Начнем мы наш обзор с Джона Фрэнсиса Кэмпбелла, который в своем введении к собранию шотландских легенд и сказок подарил эвгемеристической теории о низшей мифологии второе дыхание, приспособив её к реалиям второй половины XIX в. Он был одним из самых выдающихся шотландских фольклористов, и, по выражению Ричарда Дорсона, «был интеллектуалом, живущим среди умирающей культуры собственного народа»⁶⁹³.

Свои теоретические построения Джон Фрэнсис Кэмпбелл, совершенно не скрывая, основывает на введении в книге Дж.У. Дасента, которое мы уже разбирали в предыдущей главе. Любопытно, что, как следует из текста, Дж.Ф. Кэмпбелл был лично знаком с Дж.У. Дасентом, так как последний переслал ему собрание народных легенд Шотландии, изданное в 1847 году, где многие сюжеты напоминали скандинавские⁶⁹⁴. В представлении Дж.Ф. Кэмпбелла заселение Евразии происходило волнами, и каждая последующая волна миграций оттесняла к границам континента предыдущие. Поэтому, по его мнению, именно в тех странах, что находятся у моря, можно найти наиболее «чистые» формы фольклора и мифологии: «если человечество имеет общее происхождение, и зародилось оно на равнинах Азии, а народные предания действительно являются древними традициями, то сказки острова Цейлон должны быть схожи с теми, что рассказывают на Барре⁶⁹⁵, а легенды Японии должны быть подобны

⁶⁹³ Dorson R.M. P. 394.

⁶⁹⁴ Campbell J.F. Popular Tales of the West Highlands. Vol. I. Edinburgh, 1860. P. xlvi.

⁶⁹⁵ Крупный остров на юге архипелага Внешние Гебриды.

всем остальным, так как народы, на своем пути на восток достигшие Японии, не смогли бы так просто продвинуться далее»⁶⁹⁶. Его картина мира основана на той, что развивали в своих работах филологи в первой половине XIX века: баски и саамы, единственные народы, не относящиеся к индоевропейской семье языков («говорящие на языке, который нельзя подвести к общему неизвестному источнику, от которого происходит также и санскрит»⁶⁹⁷) оказываются вытесненными к краям континента.

Дж.Ф. Кэмпбелл помещает во введение письмо одного своего информанта, Джона Дьюара, «рабочего, нанятого герцогом Аргайлским»⁶⁹⁸, который изложил ему собственную теорию возникновения низшей мифологии. Джон Дьюар предполагал, что рассказы о фэйри были выдуманы друидами, дабы продавать амулеты, оберегающие от их чар. То же действовало и в отношении ведьм и их заклятий. В представлении Дж. Дьюара и тот, и другой класс мифологических персонажей являлся умозрительным конструктом, выдуманным друидами, которые навязывали простым людям обереги как для исцеления болезней, так и для отпугивания фэйри, привидений и ведьм. В начале же зимы люди разжигали костры, дабы отпугнуть нечистую силу и покупали у друидов священный огонь для них. Подытоживает свои рассуждения Дж. Дьюар следующим образом: «общеизвестно, что суеверия друидов передавались из поколения в поколение на протяжении многих лет, и до сих пор до конца не исчезли; и у нас есть все основания полагать, что некоторые из рассказов, которые были изобретены в те дни для того, чтобы напугать людей, помнят и повторяют почти без изменений до сих пор»⁶⁹⁹.

Изначально Дж.Ф. Кэмпбелл никак не комментирует приведенную теорию. Однако далее он высказывает некоторые предположения в её защиту. Он указывает, что волшебники, фигурирующие в шотландских сказках, могли быть воспоминаниями о друидах и их мистериях. Он приводит в пример легенду о Гругаше, аналоге брауни в поверьях острова Трода, который помогал по хозяйству и получал в благодарность молоко. Дж.Ф. Кэмпбелл предполагает, что это мог быть друид, «лишившийся былой власти, спасающийся от преследователей и действительно живущий на молоке, которое оставляли ему те, кого совсем недавно он наставлял»⁷⁰⁰, тем самым пересказывая аргумент П. Робертса, сторонника эвгемеристической теории о друидах.

⁶⁹⁶ *Campbell J.F.* P. xvii.

⁶⁹⁷ *Campbell J.F.* P. cxiii.

⁶⁹⁸ *Campbell J.F.* P. lvii.

⁶⁹⁹ *Campbell J.F.* P. lx.

⁷⁰⁰ *Campbell J.F.* P. xciii.

Дж.Ф. Кэмпбелл разделяет всю сферу фольклора на две части: сказки и предания, в которых он видит остатки древних представлений, и былички и легенды, которые отражают более современные народные воззрения. Он анализирует происхождение мотивов сначала первой группы, а затем и второй.

Анализируя собранные им сказки и предания, Дж.Ф. Кэмпбелл выделяет в них несколько универсальных мотивов. В первую очередь, он замечает, что металлу в народной традиции приписываются магические свойства, особенно эффективно он действует против нечистой силы. Рассуждая, кем могли быть те силы зла, что питали слабость перед орудиями из металла, Дж.Ф. Кэмпбелл выражает свое мнение в форме риторического вопроса: «Не является ли это всего лишь туманным воспоминанием о войне между народом, который уже обладал оружием из железа, и расой, у которой его не было? Расой, следы существования которой находят по всей Европе?»⁷⁰¹ В представлении Дж.Ф. Кэмпбелла эта раса скоро обретает определенный облик: «облаченные в шкуры воины, которые использовали стрелы из кремня, и которые в настоящее время стали боглами, фэйри и демонами»⁷⁰². Дьявол же, популярный персонаж народных сказок, по мнению Дж.Ф. Кэмпбелла, также «однажды был дикарем, одетым в шкуры, или же богом расы дикарей»⁷⁰³. Дж.Ф. Кэмпбелл подытоживает вышесказанное, замечая, что если его теория верна, то и другие волшебные вещи, которые в сказках принадлежат сверхъестественным созданиям, должны обладать определенной ценностью у дикарей⁷⁰⁴.

Среди подобного рода вещей он выделяет гребень. Дж.Ф. Кэмпбелл замечает, что само изготовление гребня подразумевает определенный уровень технического мастерства, так как «человек, у которого нет ничего, кроме ножа, едва ли способен сделать гребень; и дикарь с орудиями из кремня вынужден обходиться без него»⁷⁰⁵. В сказках гребню приписывались магические свойства, и частотным мотивом является вычесывание с помощью волшебного гребня драгоценных камней из волос. Дж.Ф. Кэмпбелл предполагает, что объяснение этого мотива может звучать следующим образом: в морозную ночь дикарь проводит по волосам гребнем, добытым им у более развитых народов, и из него начинают сыпаться искры, которые и напоминают своим блеском драгоценные камни. В качестве подтверждения идеи о ценности гребней для первобытного населения он приводит данные из книги Д. Уилсона, в которой тот упоминал многочисленные находки гребней в древнейших британских захоронениях.

⁷⁰¹ *Campbell J.F.* P. lxxvi.

⁷⁰² *Ibid.*

⁷⁰³ *Campbell J.F.* P. lxxvii.

⁷⁰⁴ *Ibid.*

⁷⁰⁵ *Campbell J.F.* P. lxxix.

Среди прочих магических элементов Дж.Ф. Кэмпбелл упоминает яблоки, комментируя, что «кельтские жрецы считали яблоки священными»⁷⁰⁶. В случае с лошадьми, Дж.Ф. Кэмпбелл отталкивается от идей братьев Гримм: он полагает, что современные поверья о келпи – водных лошадях, связаны с неким древним кельтским божеством в форме лошади, которое было трансформировано в персонажа низшей мифологии⁷⁰⁷. Кроме того, он полагает, что особая любовь кельтов к лошадям является доказательством «теории, что кельты пришли с востока и посуху; так как лошади должны цениться у расы кочевников»⁷⁰⁸. Точно так же и собаки, частые персонажи в сказках, должны были бы атрибутом расы охотников⁷⁰⁹. Свиньи и кабаны же, также важные персонажи сказок, «почитались с особой святостью у галлов, и питались желудями в священных дубовых рощах друидов, и до сих среди горцев бытует предубеждение против того, чтобы употреблять в пищу свинину»⁷¹⁰. Образ птиц, которые в сказках обладают пророческими способностями, Дж.Ф. Кэмпбелл объясняет проведением древними кельтами ауспиций, «и, как подтверждается историками, галлы действительно их проводили»⁷¹¹. Среди прочих магических элементов, Дж.Ф. Кэмпбелл выделяет змей – «символ зла и мудрости в кельтской народной мифологии»⁷¹², тростник, в котором обитали фэйри, и где, по одному из сюжетов, был подвешен котел фей⁷¹³, водного быка и водную птицу – двух мистических животных, свойственных именно кельтской мифологии.

К этому же списку Дж.Ф. Кэмпбелл причисляет и великанов, и на их примере любопытно рассмотреть, насколько разные теории Дж.Ф. Кэмпбелл использует для объяснения их существования в народных сказках. Для начала Дж.Ф. Кэмпбелл констатирует, что в сказках великаны предстают как «странные неуклюжие создания, для которых контакты с людьми всегда оканчиваются плохо»⁷¹⁴. Он пробует проанализировать звуки, которые издают великаны, как например «Фи-фо-фам» в корнуолльской сказке, и приходит к выводу, что они могут быть «искажением речи настоящих дикарей большого роста, ныне превратившихся в великанов»⁷¹⁵. Продолжая эту мысль, Дж.Ф. Кэмпбелл указывает, что у этих дикарей должно было быть удивительно тонкое обоняние, а также замечает, что они ели своих пленников, «что

⁷⁰⁶ *Campbell J.F.* P. lxxxiv.

⁷⁰⁷ *Campbell J.F.* P. lxxxvi-lxxxvii.

⁷⁰⁸ *Campbell J.F.* P. lxxxix.

⁷⁰⁹ *Ibid.*

⁷¹⁰ *Campbell J.F.* P. xcii.

⁷¹¹ *Campbell J.F.* P. xciv.

⁷¹² *Campbell J.F.* P. xcvi.

⁷¹³ Дж.Ф. Кэмпбелл различает эти два вида мифологических персонажей, считая фей принадлежностью немецкого фольклора.

⁷¹⁴ *Campbell J.F.* P. xcvi.

⁷¹⁵ *Campbell J.F.* P. xcvi.

неоднократно говорилось о древнейших жителях Шотландии, и что Геродот свое время писал о скифах, и что до сих пор практикуют жители островов Фиджи»⁷¹⁶.

Далее Дж.Ф. Кэмпбелл приходит к выводу, что великанов в сказках все же нельзя назвать дикарями: «хотя одни жили в пещерах, у других были дома и скот, а также груды сокровищ»⁷¹⁷. Кроме того, у них были рабы, и Дж.Ф. Кэмпбелл приводит в пример эпизод, который имел место в 1170 году, когда эрл Уолдев Данбарский передал в дар целое племя аббату Келсо, и большинство этих рабов составляли кельты. Дж.Ф. Кэмпбелл делает вывод, что кельты могли «рассматривать галлов как назойливых, диких, нецивилизованных великанов-рабовладельцев»⁷¹⁸. Таким образом, великаны становятся галлами.

Однако затем Дж.Ф. Кэмпбелл возвращается к точке зрения о том, что «великаны – это всего лишь соседняя раса дикарей, которая пребывает в состоянии войны с той расой, что сложила легенды»⁷¹⁹. Он замечает, что «гэльские великаны очень схожи с теми, что фигурируют в норвежских и немецких сказках, но они гораздо ближе к людям, нежели великаны Германии, Скандинавии, Греции и Рима, которые практически во всем подобны богам»⁷²⁰. В конце своего анализа, Дж.Ф. Кэмпбелл приходит к выводу, что «великаны, пожалуй, всё же могут быть пониженными в ранге богами»⁷²¹, возвращаясь, таким образом, к концепции братьев Гримм.

Тем не менее, на протяжении своих рассуждений Дж.Ф. Кэмпбелл явно благоволит к эвгемеристическому методу. Он отмечает, что «древние галлы носили шлемы, в которых они становились похожи на животных»⁷²². Он проводит параллель между этими сведениями и сюжетами из сказок, когда заколдованные принцы надевали на себя звериную кожу и превращались в животных. Возвращаясь же домой, они снимали её и вновь становились людьми. Дж.Ф. Кэмпбелл пишет, явно подчеркивая эвгемеристический характер своих рассуждений: «словом, зачарованные воины, как я убежден, были реальными людьми, а их обычаи – действительно когда-то существовавшими, и на них был брошен взгляд сквозь призму веков»⁷²³.

⁷¹⁶ *Campbell J.F.* P. xcix.

⁷¹⁷ *Ibid.*

⁷¹⁸ *Ibid.*

⁷¹⁹ *Ibid.*

⁷²⁰ *Campbell J.F.* P. c.

⁷²¹ *Ibid.*

⁷²² *Campbell J.F.* P. cxv.

⁷²³ *Campbell J.F.* P. cxvi.

Дж.Ф. Кэмпбелл, как мы уже указывали, отдельно выделяет легенды, которые «рассказываются не как выдумки, а как факты. Во всех случаях вера в эти события слишком свежа, чтобы говорить о ней несерьезно»⁷²⁴.

«Я убежден, что когда-то на этих островах [Британских – *Д.Т.*] проживала низкорослая раса людей, которые остались в народной памяти как фэйри»⁷²⁵, - пишет Дж.Ф. Кэмпбелл, тем самым начиная свой эвгемеристический анализ низшей мифологии. Он выделяет следующие особенности образа фэйри: они живут в холмах и могут высовываться оттуда, когда разговаривают с людьми; они крадут детей; они, в целом, мирно соседствуют с людьми, но когда те как-то их обижают, то наказывают обидчиков. Дж.Ф. Кэмпбелл указывает, что если образ великанов основывался на увеличении размера тела, то персонажи низшей мифологии, подобные фэйри, - «это люди, на которых посмотрели через перевернутый телескоп». Дж.Ф. Кэмпбелл тут же высказывает предположение, что «таким человеком мог быть лапландец (...) живущий внутри зеленого холма»⁷²⁶. Дж.Ф. Кэмпбелл был первым, кто соотнес холм – место обитания фэйри, и традиционное жилище саамов – коту, которая действительно напоминает небольшой холм, что отмечал ещё А. де К. Брук. Дж.Ф. Кэмпбелл мог в том убедиться воочию – он сам совершил поездку в Лапландию: «Я жил среди них, и я прекрасно знаю их жилища. Я знаю то из них, что отлично подошло бы под описание холма фэйри»⁷²⁷. Дж.Ф. Кэмпбелл указывает, что видел такое жилище к востоку от мыса Нордкап, стоящее в песчаной низине у источника рядом с морем: «Оно круглое – скажем, двенадцать футов в диаметре, – и на три фута утоплено в песок; крыша сделана из ветвей и покрыта сверху торфом. Вся конструкция с близкого расстояния выглядит как конусообразный зеленый холм примерно четырех футов вышиной»⁷²⁸. Дж.Ф. Кэмпбелл сравнивает эту коту с жилищем, найденным во время раскопок на острове Южный Уист⁷²⁹, которое располагалось так же «в песчаных холмах близ моря». Он описывает его следующим образом: «это была постройка из нескрепленных между собой камней, по форме она напоминала круг, имела углубления по бокам и крышу, а внутри неё было полно песка»⁷³⁰. Также Дж.Ф. Кэмпбелл обращает внимание на то, что в самом жилище были найдены каменные жернова и костяные гребни, и что слой у подножья жилища был сформирован из разбитых костей больших травоядных животных, перемешанных с пеплом, раковинами моллюсков и береговых улиток. Для Дж.Ф. Кэмпбелла это являлось ещё одним

⁷²⁴ *Campbell J.F. P. c.*

⁷²⁵ *Ibid.*

⁷²⁶ *Campbell J.F. P. ci.*

⁷²⁷ *Ibid.*

⁷²⁸ *Ibid.*

⁷²⁹ Остров в составе архипелага Внешние Гебриды.

⁷³⁰ *Ibid.*

аргументом к тому, что «это жилище практически такое же, как лапландская ката в Хопсейдет»⁷³¹.

Дж.Ф. Кэмпбелл затем приводит легенду с Гебридских островов о женщине, которая, решила вбить колышек на вершине небольшого холма, чтобы привязать там телят. Однако пока она это делала, холм раскрылся, и оттуда высунулась очень недовольная хозяйка, которая спросила, зачем та ломает её дом. Дж.Ф. Кэмпбелл замечает, что «с тем же успехом это могло быть описанием одного из моих лапландских друзей, и, возможно, также описанием жилища, которое я видел на Южном Уисте. Если эти люди спали так, как спят лапландцы, ногами к огню, то женщина снаружи вбивала колышек над одним из спящих, а хозяйка могла встать на скамейку и выглядывать из дымоходного отверстия»⁷³².

Закончив эту часть своих доказательств, Дж.Ф. Кэмпбелл переходит к ещё одной любопытной идее. Он констатирует идентичность фэйри и пиктов: «и фэйри, вероятно, были пиктами. Кто знает, кем были пикты на самом деле?»⁷³³. Он цитирует часть легенды из второго тома своего собрания, о ведьме из Кейтнесс, которая зачаровала оленей в лесу Реэй, так, что они убегали от охотников. Местный лорд был в ярости, так что его лесник решил проследить за ведьмой. «Ранним утром она доила оленей; они стояли у двери в её хижину, пока один из них не сжевал моток синей пряжи, висящий на веретене»⁷³⁴. Дж.Ф. Кэмпбелл делает вывод, что лесник следил за ведьмой в то время, «когда лапландцы были пиктами»⁷³⁵, имея в виду, что именно саамы были древнейшим народом Британии.

Для того, чтобы доказать, что эта часть легенды основана на достоверных событиях, Дж.Ф. Кэмпбелл далее приводит обширные выдержки из собственного журнала, который он вел во время путешествия по области Квикйокк в шведской Лапландии в августе 1850 года.

Прежде всего, следует отметить, что Дж.Ф. Кэмпбелл называет саамов «низкорослыми», подкрепляя это собственными наблюдениями. Встреченную же им саамскую девушку он описывает не без доли романтизма: «и вместе с тем, с черными волосами и темными карими глазами, в которых отражалось пламя очага, она выглядела по-восточному завораживающе»⁷³⁶.

Для описания их жилища в своем дневнике он пользуется саамским термином «кота» (cota), выгодно отличаясь в этом перед предшествующими авторами, которые пользовались

⁷³¹ Перешеек между землями коммун Лебесбю и Гамвик в Финнмарке.

⁷³² *Campbell J.F.* P. cii.

⁷³³ *Ibid.*

⁷³⁴ *Ibid.*; *Campbell J.F.* Popular Tales of the West Highlands. Vol. II. Edinburgh, 1860. P. 46.

⁷³⁵ *Campbell J.F.* Vol. I. P. cvii.

⁷³⁶ *Campbell J.F.* P. cvi.

исключительно норвежским названием «gammar». Жилище, увиденное им, имело следующий вид: «Кота предназначалась для постоянного проживания, видом своим напоминала сахарную голову, и сделана была с использованием стволов березы, продолговатых камней и торфа (...) в западной части находилась дверь, всего лишь узкий разрез, а в крыше – дыра для выхода дыма»⁷³⁷. Другое же он описывает так: «Кота представляла из себя пирамиду из торфа и березовых стволов, примерно семь футов высотой и двенадцать или четырнадцать в диаметре»⁷³⁸. Нужно отметить, что в книге Дж.Ф. Кэмпбелла нет описаний других типов жилища саамов, хотя он осведомлен о них, так как упоминает в начале своего дневника о саамском шалаше.

Дж.Ф. Кэмпбелл замечает, что после ужина дети хозяев-саамов занялись тем, что разбивали оставшиеся кости и высасывали оттуда костный мозг, и он предполагает, что «кости в хижине в Южном Уисте, судя по их внешнему виду, могли быть остатками подобного пиршества»⁷³⁹. В качестве одного из аргументов Дж.Ф. Кэмпбелл также указывает, что обычные собаки, как только чувствуют полудиких собак саамов, бросаются на них и лают на их хозяев, что похоже на поведение собак в легендах по отношению к фэйри и их псам⁷⁴⁰.

Ближе к концу своих рассуждений Дж.Ф. Кэмпбелл перечисляет все известные ему аргументы в пользу родства фэйри и саамов. Он указывает, что фэйри, как и саамы, доят оленей и живут под землей (здесь Дж.Ф. Кэмпбелл имеет в виду своеобразное устройство коты). Фэйри, по мнению Дж.Ф. Кэмпбелла, искусны во всех ремеслах, особенно же – в кузнечном деле и в ткачестве, однако для последнего им приходится красть шерсть и одалживать ткацкие станки. Саамы же, в свою очередь, также работают с металлом, изготавливая инструменты для собственных нужд; одежду же они традиционно делают из кожи, а летние костюмы покупают. Как объясняет Дж.Ф. Кэмпбелл, «раса кочевников не может быть ткачами в широких масштабах, однако они у них есть возможность ткать небольшие ленты на ручном ткацком стане, что они с успехом и делают»⁷⁴¹. Дж.Ф. Кэмпбелл любопытным образом применяет эволюционистскую концепцию для доказательства того, что именно древние саамы и были прообразом фэйри. Он указывает, что в южной Африке до сих пор живут дикари, которые отличаются удивительным талантом в кузнечном и горном деле. Более того, рассматривая поверье о том, что фэйри стреляют костяными стрелами, Дж.Ф. Кэмпбелл указывает, что

⁷³⁷ *Campbell J.F.* P. ciii.

⁷³⁸ *Campbell J.F.* P. cvi.

⁷³⁹ *Ibid.*

⁷⁴⁰ *Campbell J.F.* P. cvii.

⁷⁴¹ *Ibid.*

«калифорнийские индейцы до сих пор используют костяные стрелы, которые очень похожи на те, что находят в Шотландии, в Дании и, как я убежден, по всей Европе»⁷⁴².

Дж.Ф. Кэмпбелл также замечает, что фэйри, согласно легендам, обладают несметными сокровищами. Он пишет, что во время его поездки умер пожилой саам, и вся округа занималась розыском его богатств. Более того, за несколько лет до этого ювелирные магазины в Бергене и Трондхейме наводнила антикварная серебряная посуда и украшения саамов. Он объясняет это неким религиозным движением среди последних, из-за чего те выкапывали и продавали свои сокровища⁷⁴³. Дж.Ф. Кэмпбелл также не забывает упомянуть о том, что саамов считают «профессиональными волшебниками»⁷⁴⁴, и эта черта роднит их с фэйри, которым приписывают разного рода магические способности.

Подводит свои вывод Дж.Ф. Кэмпбелл следующим образом: «Я склонен верить в прошлое существование фэйри в этом смысле [как настоящих людей – *Д.Т.*], хотя бы по той причине, что все нации Европы разделяют верования о них, и они не могли все придумать одно и то же»⁷⁴⁵. Однако чуть позже он подчеркивает, что «они также могли быть пониженными в ранге божествами»⁷⁴⁶.

Помимо прочего, Дж.Ф. Кэмпбелл дает обозначение разбираемой нами теории. В качестве защиты от критики своих оппонентов он указывает, что ни один из его информантов не был знаком с «так называемой «теорией о финнах»⁷⁴⁷, поэтому не мог специально исказить собственную информацию.

Как мы уже отмечали, Джон Ф. Кэмпбелл использует самые разные теории для рационалистического обоснования приведенных им рассказов. Дж. Кэмпбеллу было важно показать, что те истории, что рассказывали ему шотландские крестьяне, стоят того, чтобы их сохранять, и не нужно расценивать их как некую бессмыслицу. Последнее слово он так часто повторяет во введении к своему сборнику, что становится ясно, насколько его удручала такая оценка, высказанная большинством его современников. Чтобы поднять их ценность в глазах рационального викторианского научного сообщества, Дж. Кэмпбелл старательно ищет в этих

⁷⁴² *Campbell J.F.* P. cix.

⁷⁴³ *Campbell J.F.* P. cviii.

⁷⁴⁴ *Campbell J.F.* P. cix.

⁷⁴⁵ *Ibid.*

⁷⁴⁶ *Campbell J.F.* P. cx.

⁷⁴⁷ *Campbell J.F.* P. cvii.

рассказах отголоски событий, действительно происходивших в глубокой древности, применяя все имевшиеся в ходу идеи⁷⁴⁸.

Что же касается эвгемеристической теории о саамах, то Дж.Ф. Кэмпбелл существенно расширил её доказательную базу, не в последнюю очередь благодаря своему путешествию в Лапландию, что дало ему возможность работать не только с данными фольклора, но и с результатами собственных наблюдений. Он соотнес саамскую коту с холмом фэйри, развив, таким образом, идею А. де К. Брука о схожести коты с холмом.

Дж.Ф. Кэмпбелл также был первым, кто приравнял пиктов – население, предшествовавшее кельтам Дал Риады на территории Шотландии, к саамам. Ричард Дорсон пишет, что сведения, собранные Дж.Ф. Кэмпбеллом являлись бесценным источником не только для фольклористов, но и для антропологов: например, небезызвестный антрополог Э.Б. Тайлор для своих построениях широко использовал тексты Дж.Ф. Кэмпбелла⁷⁴⁹.

Мы можем проиллюстрировать это на следующем примере. Э.Б. Тайлор посвятил небольшое место в своей книге рассказу об анализируемой нами теории. Он замечает, что «после доказательств, представленных Гриммом, Нильсоном и Ганушем, нельзя больше сомневаться в том, что некоторые мифы о великанах и карликах связаны с преданиями о действительно существовавших туземных враждебных племенах»⁷⁵⁰. Э.Б. Тайлор пересказывает материал из книги сэра Дж.У. Дасента, не упоминая, правда, нигде его имени, равно как и имен других авторов этого направления. Он указывает, что «знаменателен тот факт, что племена великанов носят исторические имена гуннов или чуди, и славяне, вероятно, ещё не забыли, что карлики, о которых упоминается в их легендах, считались потомками туземцев, которых древние пруссы застали в их стране»⁷⁵¹. И германцы, заставшие неиндоевропейское население до славян, и само упоминание чуди заставляют вспомнить идеи Дж.К. Причарда, с которыми, несомненно, Э.Б. Тайлор был знаком.

Далее Э.Б. Тайлор пишет следующее: «нет сомнения, что древние скандинавы описывают лапландское население, некогда так широко распространенное в Северной Европе, когда в своих сагах рассказывают о невзрачных, безобразных, хитрых и коварных карликах, которые ходили в цветных шапках и юбках из оленьей шкуры, чуждались всех людей, даже дружественных норманнов, жили в пещерах или похожих на валы лапландских «гаммах», не имели другого оружия, кроме стрел с наконечниками из камня или кости, и тем не менее

⁷⁴⁸ *Campbell J.F.* P. ix-cxxxv.

⁷⁴⁹ *Dorson R.M.* P. 401.

⁷⁵⁰ *Тайлор Э.Б.* С. 187.

⁷⁵¹ *Тайлор Э.Б.* С. 188.

вселяли в своих победителей страх и ненависть из-за предполагаемой в них способности к колдовству»⁷⁵². Идея о форме коты, напоминающей вал или холм, могла быть почерпнута Э.Б. Тайлором либо у Дж.Ф. Кэмпбелла, либо у А. де К. Брука, однако из-за чрезвычайной популярности книги первого следует отдать предпочтение именно ему.

Завершает свой обзор этой теории Э.Б. Тайлор замечанием, что «группа мифов о карликах и великанах может предостеречь нас от слишком широкого распространения какого-либо частного объяснения, как бы оно ни было здраво в известных пределах», указывая, что «рассказы о великанах и карликах порождались многими разнородными фактами, и в основании одной и той же легенды лежит, быть может, иногда несколько мифических элементов, что в значительной степени затрудняет толкование мифов»⁷⁵³.

Валлийский фольклорист Уирт Сайкс в своем сборнике выделяет два подхода к анализу происхождения народной демонологии: поэтико-религиозный, ведущий начало от народного восприятия персонажей низшей мифологии как душ людей, чаще всего язычников, которые не могут попасть ни в ад, ни в рай; и реалистический, научный, которому У. Сайкс, при всей нейтральности своей авторской позиции, отдает предпочтение. Он пишет, что эта реалистическая теория «должна быть упомянута со всем почтением, ибо среди её сторонников достаточно образованных и здравомыслящих людей»⁷⁵⁴.

Сам У. Сайкс приводит две валлийские легенды «в квази-поддержку этой теории». Первая повествует о неких красных фэйри, которые в XVI веке населяли местность с названием «Великий темный лес» (Coed y Dugod Mawr) и терроризировали местное население, крадя у них по ночам скот. У этих фэйри были «огненно-рыжие волосы и большие сильные руки»⁷⁵⁵. Легенда гласит, что в канун Рождества по лесу ехал барон Оуэн со своей свитой и обнаружил тех самых красных фэйри во плоти. Многих из них он повесил, однако пощадил женщин и детей. Одна из неутешных матерей прокляла барона, пообещав ему, что её сыновья умоются в его крови, что и произошло спустя некоторое время. У. Сайкс заключает, что «существа, о которых идет речь, были шайкой разбойников, в интересах которых вполне естественно было поддерживать веру в свои сверхъестественных силы»⁷⁵⁶.

Вторая легенда, которую приводит У. Сайкс, является вариацией на тему брауни, помогающего по хозяйству. Мы можем вспомнить, что подобная легенда уже приводилась в

⁷⁵² Там же.

⁷⁵³ Тайлор Э.Б. С. 189.

⁷⁵⁴ Sikes W. P. 127.

⁷⁵⁵ Ibid.

⁷⁵⁶ Sikes W. P. 128.

пример П. Робертсом, также в качестве иллюстрации эвгемеристической теории, однако о друидах. У. Сайкс помещает любопытное дополнение, также народного происхождения (как он пишет, легенда в таком виде была рассказана ему одним из местных жителей). В варианте У. Сайкса у брауни (здесь фигурирует традиционный для валлийской низшей мифологии персонаж пука) есть имя, и на английский язык оно переводится как «лорд Хауэлл». Этот лорд находился в противостоянии с английским королем, был разбит им наголову и бежал. Однако верные слуги помогли ему спрятаться и распространили слухи о его сверхъестественной природе.

Любопытно, что далее У. Сайкс приводит в пример рассуждения сторонников эвгемеристической теории о друидах начала XIX века, подтверждая их идеи сведениями о цвете одежды у валлийских фэйри. Тем не менее, напрямую У. Сайкс эту концепцию не поддерживает, равно как и приведенные им далее романтические воззрения на природу фэйри. Он придерживается максимально нейтральной авторской позиции.

Как указывает К. Сильвер, ко времени написания Фредериком Холлом «Происхождения дьявола» (1883) идея о том, что карлики, тролли и фэйри были порождены народной памятью о доисторических расах низкорослых людей, казалась сама собой разумеющейся⁷⁵⁷. Сочинение Ф. Холла любопытно и тем, что в нем автор вернулся к идеям Ф.М. Мюллера о туранской расе, когда-то распространенной по всей ойкумене, и попытался в её рамках совместить противоборствующие теории о финно-угорских народах и иберах как аборигенах Британии. Ф. Холл пишет, что «в Европе лопари, финны, эстонцы, этруски, баски, иберы и остальные родственные им расы однажды населяли весь континент и Британские острова: кельты, галлы, скандинавы и другие арийские расы, нахлынувшие в несколько волн, до некоторой степени поглотили их, однако оставили после себя несколько изолированных групп древних народов, достаточно отличных от других, чтобы опознать их сейчас, среди которых до сих пор в определенной мере существуют традиции низкорослых лукавых народов доисторических времен, а также физические и социальные черты, которые характеризовали их»⁷⁵⁸. По мнению Ф. Холла выглядели эти народы следующим образом: «они все были низкорослыми, полными и смуглыми; с темными кудрявыми волосами, туго закрученными, небольшими бородками, высокими скулами и косо посаженными темными глазами; эти физические характеристики хорошо заметны в портретах древних этрусков и латинских записях о них; а также в описаниях скифов – странствующего народа Севера»⁷⁵⁹.

⁷⁵⁷ *Silver C.G.* P. 47.

⁷⁵⁸ *Hall F.* P. 78-79.

⁷⁵⁹ *Hall F.* P. 80-81.

В своем разделе о «карликах или троллях» Ф. Холл цитирует работы П. Малле и Т. Кейтли. Он перечисляет традиционные для образа мифологических карликов черты, однако даже не делает попытку привести доказательства в пользу их схожести с неиндоевропейскими народами Европы. Он с полной уверенностью заключает, что «после полного анализа традиций и памятников старины, невозможно не прийти к выводу, что карлики и тролли должны быть соотнесены с доисторическими расами людей низкого роста, которые населяли значительную часть ойкумены и были вытеснены в горы, болота, тундру или бескрайние степи с приходом более высокой, сильной или лучше вооруженной расы»⁷⁶⁰.

По мнению Ф. Холла подобный конфликт характерен для всего мира, однако иногда народ завоевателей оказывается более низкого роста. Полагая, что представление о персонажах низшей мифологии происходит от завоеваний одного народа другим, Ф. Холл выводит следующую теорию, повторяя, по сути, выводы С. Нильссона: когда завоеватели имеют меньший рост, чем завоеванные, то возникают легенды о великанах, если же ситуация противоположна – то о карликах. Ф. Холл указывает, что страх перед чуждым аборигенным населением сохранился и после исчезновения оно: представления о духах мертвых, населявших бывшие места обитания этого народа и нынешние места его погребения, был очень силен⁷⁶¹. Таким образом, вероятно, Ф. Холл пытается решить дилемму касательно современных ему рассказов о персонажах низшей мифологии и встречах с ними.

Определенную поддержку «теории о финнах» высказал преподобный Сабин Баринг-Гоулд, пастор из Девоншира, популярный писатель и собиратель песенного фольклора. Как пишет Р.М. Дорсон «говорят, что в каталоге Британского музея его перу принадлежит больше работ, чем кому бы то ни было из ныне здравствующих»⁷⁶². С. Баринг-Гоулд не входил в «Фольклорное общество», однако современные ему фольклористы ссылались на его труды, так как они являлись во многом уникальными собраниями как современных поверий, так и легенд Средневековья.

Сабин Баринг-Гоулд в статье «Пикси и брауни», написанной в восьмидесятых годах XIX века и переизданной в виде одной из глав в его сборнике «Книга фольклора» (1913)⁷⁶³, объясняет современные встречи с мифологическими персонажами достаточно прозаично, считая их галлюцинациями, вызванными длительным пребыванием на солнце. Тем не менее, он полагает, что образы таких персонажей неслучайны. С. Баринг-Гоулд высказывает

⁷⁶⁰ Hall F. P. 76.

⁷⁶¹ Hall F. P. 77.

⁷⁶² Dorson R.M. P. 295.

⁷⁶³ Baring-Gould S. A Book of Folk-Lore. L., 1913.

предположение, что они обусловлены традицией: рассказы о «демонах» (кобольдах, гномах, карликах, пикси, брауни) передавались из поколения в поколение в Скандинавии, Германии и Великобритании. Что же было рациональным зерном в подобных рассказах? Он считает, что в вышеперечисленных странах наряду с основным населением долгое время существовал относительно низкорослый неиндоевропейский народ, который послужил источником легенд о невысоких демонах.

С. Баринг-Гоулд приводит слова Б. Торпа, который считал, что именно миграция восточных лапландцев послужила причиной появления образа карликов в скандинавском фольклоре. Однако С. Баринг-Гоулд указывает на слабость этой теории: карликам в сагах и фольклоре приписывается владение кузнечным ремеслом, в то время как среди современных саамов оно не распространено. Тем не менее, он заключает, что оно могло и исчезнуть со временем, подобно гончарному делу и обработке олова у цыган. К тому же, добавляет С. Баринг-Гоулд нам ничего неизвестно о том, чтобы скандинавы сами добывали руду, но существует значительный пласт фольклора о том, что этим занимаются карлики. То же говорится о немецких кобольдах.

Прослеживая историю кузнечного дела, С. Баринг-Гоулд заключает, что оно не могло зародиться в северной и восточной Европе. С оговоркой, что утверждать точно невозможно, он предполагает, что саамы могли позаимствовать мастерство обработки металла у фракийцев и иллирийцев, которые принесли его с Кавказа. Подводя итоги, С. Баринг-Гоулд пишет, что на Британских островах, в Скандинавии и Германии некогда существовал народ, в совершенстве знающий кузнечное ремесло, неиндоевропейского и неиберийского происхождения, рассеянный по всей территории этих стран, подобно современным цыганам. Именно они стали причиной появления в фольклоре историй о пикси, кобольдах, брауни и карликах. Живя столь отличной от основного населения жизнью, они должны были возбуждать любопытство и порождать различные фантастические истории. С. Баринг-Гоулд считает, что у них не было конфликтов с другими народами, напротив, к ним относились с уважением, и смешанные браки также были возможны.

Как мы можем отметить, к последней декаде XIX в. эвгемеристическая теория о саамах пользовалась определенным авторитетом в среде фольклористов. Её доказательная база в то время была настолько известна, что приводить её ради доказательства теории не представлялось необходимым. Большую роль в её развитии сыграл Дж.Ф. Кэмпбелл, который, стремясь придать вес собранному им материалу, расширил теорию П. Малле и через ассоциацию саамов с пиктами привязал её к британским историческим реалиям, а также

подкрепил дополнительными аргументами, сопоставив шотландские легенды и материальную культуру саамов.

Финны как персонажи низшей мифологии Британии.

Перед тем, как перейти к завершающей стадии нашей работы, нужно остановиться на любопытном феномене в фольклоре Британии, а именно *финнах* как мифологических персонажах в фольклоре народов Оркнейских и Шетландских островов, скандинавов по происхождению. В народной демонологии оркнейцев и шетландцев *финны* представлялись низкорослыми и смуглыми людьми, родиной которых являлась либо Норвегия, либо некий волшебный остров. Их отличала высокая скорость передвижения как по суше, так и по воде, кроме того, они были искусными рыболовами. *Финны* умели превращаться в животных, чаще всего – в тюленей, и понимать их язык. Помимо этого они обладали разного рода магическими способностями, важнейшими из которых было вызывать бури и находить утерянные вещи.

Впервые *финны* в устной традиции оркнейцев упомянуты в сборниках Джеймса Уоллеса (у. 1688)⁷⁶⁴ и Джона Бранда (ок. 1668 – 1738)⁷⁶⁵. Они сообщают о неких людях на каяках, которые были замечены в конце XVII – нач. XVIII вв. у берегов Оркнейских островов. Местные жители называли их *финнами*, и пытались преследовать, но безрезультатно: те с легкостью уходили в море на своих кожаных лодках. Предположительно, в то время из-за резкого похолодания климата вследствие наступившего минимума Маундера и самой холодной фазы малого ледникового периода эскимосы могли мигрировать на восток и достичь Оркнейских островов⁷⁶⁶, чем и объясняется их встреча с оркнейцами. Примечательно, что сам Дж. Уоллес определил этих *финнов* как людей, живущих в районе пролива Дейвиса. Дж. Бранд, в свою очередь, предположил, что они приплыли из Финляндии, но ни тот, ни другой не считали *финнов* сверхъестественными существами (хотя в их книгах уделялось место и им), и единственное описанное свойство *финнов*, которое с большой долей допущения можно определить как магическое – это способность уводить рыбу от берега⁷⁶⁷.

⁷⁶⁴ Wallace J. A Description of the Isles of Orkney. Edinburgh, 1693.

⁷⁶⁵ Brand J. A New Description of Orkney, Zetland, Pightland-Firth, and Caithness. Edinburgh, 1703.

⁷⁶⁶ См., напр.: Fossett R.E. In Order to Live Untroubled: Inuit of the Central Arctic, 1550 to 1940. Winnipeg, 2001. P. 67-82; Heath J.D. The Phantom Kayakers, a Scottish Mystery // Sea Kayaker. 1987. Vol. 4. № 1. P. 15-8; Heath J.D. Kayaks of Greenland // Eastern Arctic Kayaks: History, Design, Technique. Fairbanks, 2004. P. 5-44; Idiens D. Eskimos in Scotland: c. 1682-1924 // Indians and Europe: An Interdisciplinary Collection of Essays. Lincoln, 1999. P.161-174; Mikkelsen E. Kajakmanden fra Aberdeen // Grønland. 1954. № 2. P. 53-8; Souter W.C. The Story of Our Kayak and Some Others (Presidential Address to the Aberdeen Medico-Chirurgical Society, 1933). Aberdeen, 1934; Whitaker I. The Scottish Kayaks and the "Finn-men" // Antiquity. June 1954. Vol. 28. № 110. P. 99-104. P. 99-104; Ibid. The Scottish Kayaks Reconsidered // Antiquity. March 1977. Vol. 51. № 201. P. 41-5.

⁷⁶⁷ Wallace J. P. 28; Brand J. P. 76-7.

Впервые как фольклорные персонажи *финны* появляются в сочинениях Карла Блинда – немецкого писателя, революционера, последователя пангерманизма. Его перу принадлежат две объемные статьи, посвященные шетландскому фольклору. Материалы для них он черпал из переписки с Дж. Синклером-мл., переехавшим с Шетландских островов в Новую Зеландию. Возможно, именно данные этого информанта заставили его прийти к выводу, что *финны* и селки (к которым он также причислял и русалок) – это суть одно и то же, или же К. Блинд счел слово «селки» всего лишь шотландским обозначением тюленя. В силу смешения селки и *финнов* ему даже пришлось выделить отдельную группу *финок*, единственной функцией которых было из-за пропажи шкуры выходить замуж за смертных⁷⁶⁸ – ключевой сюжет для легенд о селки. Помимо сообщений Синклера-мл., К. Блинд пользовался сведениями Джорджа Стюарта, на работу которого он ссылается во второй своей статье⁷⁶⁹.

Дж. Стюарт являет собой интересный феномен, и на характеристике его труда есть смысл остановиться подробнее. Изданная им в 1877 году книга «Шетландские рассказы у камелька» представляет собой художественное произведение с включенными в него фольклорными рассказами, приведенными на шетландском диалекте. Он не называет *финнов* по имени, однако в примечаниях упоминает о неких колдунах и ведьмах, что являлись с побережья Норвегии в образе тюленей, и замечает при этом, что вера в них сохранялась в среде шетландского крестьянства вплоть до начала XIX века. Дж. Стюарт ещё до К. Блинда высказал идею, что этими волшебниками-тюленями были викинги, память о набегах которых сохранилась в народном сознании, а со временем устная традиция превратила их в сверхъестественных персонажей. В качестве одного из факторов, трансформировавших воспоминания о норманнских грабежах, он называет веру в русалок, которая прослеживается ещё от древних арабов и греков⁷⁷⁰. Тем не менее, его книга не получила значительной популярности за пределами Шетландских островов, и эта теория о *финнах* стала известна благодаря трудам К. Блинда.

Парадоксально, но то, что К. Блинд впервые назвал *финнов* по имени, создало ему дополнительные трудности в дальнейшем. В своей статье он посвятил изрядное место доказательству того, что «Финн» – это просто древнее германское имя, а так как настоящие финны славились своим колдовством, возможно, могла возникнуть некая путаница, к тому же некоторые из настоящих финнов, как он писал, могли последовать за норманнами на Шетландские острова. К. Блинд использует самые неожиданные сведения для доказательства

⁷⁶⁸ *Blind K.* Scottish, Shetlandic, and Germanic Water-Tales. P. 399, 405.

⁷⁶⁹ *Blind K.* New Finds in Shetlandic and Welsh Folk-lore. P. 369.

⁷⁷⁰ *Stewart G.* P. 230.

своих идей: *финны* танцуют каждую девятую ночь на суше, сбросив свои тюленьи одежды – это отсылка к древнему числу дней в германской неделе, *финны* живут на шхерах – только brave викинги могли устроить там убежища, чтобы совершать набеги на Шотландию и Ирландию. Более того, в его интерпретации *финки*, которые становились женами местных жителей – это норманнские Брунгильды, у которых отняли их кольчуги.

Любопытно, что в фольклоре остальной части Британии зафиксировано всего два случая упоминания персонажей с именем *финны*. В попытках найти сведения о *финнах* в Англии Адам Грайдеходж⁷⁷¹ ссылается на трактат 1662 года, повествующий о некоем Джоне Личе, который, будучи в состоянии алкогольного опьянения, высказал вслух пожелание, чтобы первого, кто выйдет из таверны побрал дьявол, и, в результате, сам покинул таверну раньше всех. По ходу развития истории Джон Лич сбивается с дороги, начинает плутать, и глубокой ночью ему являются «двое мрачных созданий, подобных грифонам»⁷⁷², затем он слышит ужасающий голос, напоминающий о его деянии, и далее обнаруживает, что его схватили двое *финнов* (the two Finnes), подняли в воздух на двенадцать миль вверх и обрушили с этой высоты во двор некоего джентльмена города Даннингтон, где его нашли голого и без сознания. Он приходит в себя ненадолго, но затем его одолевает безумие, он чуть не убивает приведенного к нему священника и наутро умирает. Джениффер Вествуд и Жаклин Симпсон указывают, что подобная роль – поднять человека в воздух и перенести его на далекое расстояние в английском фольклоре чаще всего приписывается фэйри или бродячим огонькам⁷⁷³. В легенде напрямую не говорится, что описанные грифоноподобные существа были *финнами*, однако этот вывод можно легко сделать, не только соотнеся их количество, но и обратив внимание на определенный артикль перед «двумя *финнами*» - «те двое *финнов*» (the two Finnes).

Сам А. Грайдеходж полагает, что ассоциация саамов и магии в Англии раннего нового времени была столь сильна, слово «*финн*» обозначало «ведьму, демона или Дьявола». Это вполне допустимо. Однако в указателе английских легенд Дж. Вествуд и Дж. Симпсон, на которое ссылается А. Грайдеходж, кроме вышеуказанной истории никаких других примеров с использованием слова «*финн*» нет. В классическом труде о британской низшей мифологии - «Энциклопедии фэйри» Катарин Бриггс - под именем «Финн» упоминается лишь герой

⁷⁷¹ Grydehøj A. Historiography of Picts, Vikings, Scots, and Fairies and Its Influence on Shetland's Twenty-First Century Economic Development. P. 130.

⁷⁷² Saunders W.H.B. Legends and traditions of Huntingdonshire. L., Peterborough, 1888. P. 6. В этом сборнике фольклора графства Хантингдоншир интересующий нас трактат был приведен полностью, в орфографии XVII века.

⁷⁷³ Westwood J., Simpson J. The Lore of the Land. L., 2006. P. 367.

шотландских легенд, Финн Маккул⁷⁷⁴. Если бы словом «финн» действительно обозначали бы подобных персонажей, наверняка пример его употребления не ограничивался бы лишь одним случаем, которое действительно может быть объяснено простой ассоциацией злокозненных созданий с лапландскими колдунами, как мы видели в случае У. Шекспира.

Второй пример употребления слова «финн» в качестве имени мифологического персонажа относится к шотландской балладе Харпкин (Harpkin), изначально приведенной в собрании «Народные рифмы Шотландии» (1826)⁷⁷⁵ Роберта Чемберса, автора, чье сочинение «Следы естественной истории Творения», обосновывавшее идеи биологического эволюционизма, в первой половине XIX века вызвало поток яростной критики. В сборнике Р. Чемберса, тем не менее, не давалось никаких комментариев по поводу происхождения и значения вышеуказанной баллады, так что Фрэнсис Джеймс Чайлд, поместивший её в свое знаменитое собрание баллад, взял на себя труд отнести её к типу «The Fause Knight Upon the Road», в которой мальчик пытается заговорить незнакомца (на самом деле – дьявола), на каждое его высказывание давая остроумный ответ. Суть баллады «Харпкин» состоит в том же, однако, как замечает Ф.Дж. Чайлд, дьявол там выступает под именем «Фин». Любопытно, что согласно комментарию Ф.Дж. Чайлда, похожая баллада была записана Оскаром Ранкеном в Швеции, в местечке Лаппфьорд, однако речь там шла не о дьяволе, а о старой ведьме⁷⁷⁶. Это, вероятно, и объясняет природу именованного антагониста «финном» - вероятнее всего, причина заключается в распространении в Шотландии скандинавского сюжета.

Таким образом, объяснение двух зафиксированных случаев названия неких персонажей низшей мифологии *финнами* вне Оркнейских и Шетландских островов может быть сведено к распространению славы о магических способностях скандинавских финнов, которая, как мы помним, была весьма велика в Британии.

Кульминационная точка развития эвгемеристической теории о саамах в трудах Д. МакРитчи.

Перед тем, как приступить к рассмотрению труда, ставшего кульминационной точкой развития эвгемеристической теории о саамах, нужно остановиться на интересном моменте, который освещает в своей книге К. Сильвер. В семидесятых годах девятнадцатого века европейцы столкнулись с феноменом, в некоторой степени перевернувшим их традиционные представления о народах мира. Прибалтийский немец, ботаник и путешественник Георг

⁷⁷⁴ Briggs K.M. An Encyclopedia of Fairies: Hobgoblins, Brownies, Bogies, and Other Supernatural Creatures. N.Y., 1976. P. 176.

⁷⁷⁵ Chambers R. P. 66.

⁷⁷⁶ Child F.J. The English and Scottish popular ballads. Part I. Boston, 1882. P. 20.

Швайнфурт, обнаружил в центральной Африке племя Акка, тем самым доказав саму возможность существования пигмеев. Они описывались в трудах Гомера, Геродота и Аристотеля, но, как отмечает К. Сильвер, к XVII веку европейцы, в большинстве своем, уже не верили в их существование⁷⁷⁷. Открытие Г. Швайнфурта было подтверждено позже итальянским путешественником Джованни Миани, однако вся слава по описанию и изучению пигмеев выпала на долю Генри Мортон Стенли, посвятившего им значительное место в своей книге «В джунглях Африки» (1890). Любопытным образом восприняли открытие пигмеев антропологи. Последователи полицентристской школы считали их ещё одним доказательством множественного антропогенеза человечества, самым диким из живущих на Земле народов, сохранивший свой облик с глубокой древности. Социал-дарвинисты же полагали, что пигмеи являются народом, находящимся на самой ранней стадии развития. Ниже них были только бушмены, но многие ученые считали, что их стадии развития идентичны. Более того, многие полагали, что пигмеи – это то самое «недостающее звено», переходная ступень между обезьяной и человеком. Всё это создало благоприятную атмосферу для расцвета теорий о низкорослом аборигенном населении всего мира.

Любопытным подтверждением этой теории в дальнейшем выступило обнаружение в 1893 году немецким анатомом и антропологом Юлиусом Колльманном захоронения в Швейцарии (г. Шаффхаузен), в котором находились останки «палеолитического, неолитического и железного века»⁷⁷⁸. Останки, находящиеся в этом захоронении Ю. Колльманн разделил на два типа: «(1) Скелетные останки людей нормального роста обычного европейского типа, который представлен фактическим населением вплоть до настоящего времени, (2) Части скелетов низкорослых людей, которые, учитывая все те данные, которыми мы располагаем относительно пигмеев на других континентах, могут быть расценены как принадлежащие пигмеям неолитического периода в Европе»⁷⁷⁹. Ю. Колльманн указывает, что останки людей обычного роста и пигмеев были перемешаны, из чего он заключает, что «эти люди жили вместе в мире и гармонии, несмотря на огромное расовое различие»⁷⁸⁰. Ю. Колльманн сравнивает этих пигмеев с жителями Андаманских островов и ссылается на экспертизу останков, проведенную немецким антропологом Р. Вирховым, чтобы доказать, что найденные им пигмеи действительно являются собой отдельную расу, а не настоящих карликов или инвалидов⁷⁸¹. Сейчас находка Ю. Колльманна расценивается как аномалия роста у

⁷⁷⁷ Silver C. P. 129.

⁷⁷⁸ Kollmann J. Pygmies in Europe // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1896. Vol. 25. P. 117.

⁷⁷⁹ Kollmann J. P. 118.

⁷⁸⁰ Ibid.

⁷⁸¹ Kollmann J. P. 121.

некоторых взрослых индивидов, останки которых были обнаружены в Шаффхаузене⁷⁸². В конце XIX века находка Ю. Колльманна произвела эффект разорвавшейся бомбы и положила начало поискам подобных же доказательств проживания в древности низкорослого аборигенного населения по всей Европе.

Следствием распространения подобных идей стали изыскания Дэвида МакРитчи (1851-1925), шотландского фольклориста, которому выпало на долю сыграть заключительный аккорд в развитии эвгемеристической теории о саамах. Он дал ей название, и в его интерпретации это уже не «теория о финнах», как у Дж.Ф. Кэмпбелла, а «фэйри-эвгемеризм» (*fairy euhemerism*) – по его словам, совершенно новое направление в анализе народной демонологии, более того, Д. МакРитчи даже называет его отдельной школой. Нужно отметить, что идеи эвгемеризма были всегда близки Д. МакРитчи: в двадцатитрехлетнем возрасте он выпустил книгу с названием «Древние и современные бритты»⁷⁸³, где отстаивал идею о том, что элемент монголоидности в составе населения Британии объясняется тем, что аборигенами Британских островов был некий смуглый народ, прямыми потомками которого являются современные цыгане. Однако большого распространения эта книга не получила.

Работ, прославивших имя Д. МакРитчи, всего две – это «Свидетельство традиции» (1890) и «Фианы, фэйри и пикты» (1893)⁷⁸⁴. Первая представляет собой целостную двухсотстраничную монографию, и начнем мы наш разбор именно с неё. Мы перечислим лишь основные аргументы Д. МакРитчи, так как его труд наполнен отсылками к самым разнообразным трудам и мифологическим персонажам.

Начинает свою книгу Д. МакРитчи с констатации того, что она появилась из ряда статей, изданных им в «Археологическом обозрении» за вторую половину 1889 и начало 1890 гг. После этого Д. МакРитчи переходит к цитированию отрывков из статей К. Блинда⁷⁸⁵, которые крайне важны для него в качестве обоснования тезиса, что под рассказами о фольклорных персонажах могут скрываться обычные люди. Далее же он использует материалы К. Блинда только в тех случаях, когда они подтверждают его теорию, которая решительным образом разнится с пангерманизмом К. Блинда: если последнему было крайне важно показать *финнов* норманнами и приписать им максимальное количество положительных качеств, то Д. МакРитчи полностью лишен подобных устремлений.

⁷⁸² Gruber P., Böni T., Rühli F.J. History of Paleopathology in Switzerland // The Global History of Paleopathology: Pioneers and Prospects. Ed. Buikstra J., Roberts C. Oxford, 2012. P. 559.

⁷⁸³ MacRitchie D. Ancient and Modern Britons, a Retrospect. Vol. I-II. L., 1884.

⁷⁸⁴ Кроме того, Д. МакРитчи написал множество статей, в которых он отстаивал идеи, изложенные им в этих двух книгах, однако специально на их анализе мы останавливаться не будем, так как они повторяют аргументацию его монографий.

⁷⁸⁵ MacRitchie D. The Testimony of Tradition. P. 1-5.

Д. МакРитчи был первым, кто всерьез затронул вопрос о происхождении каякеров, о которых писали Дж. Уоллес и Дж. Бранд. Он проанализировал возможные варианты происхождения этих каякеров, и сделал вывод, что они были эскимосами. Соотнеся сведения Дж. Уоллеса и Дж. Бранда с этнографическими данными о плаваниях эскимосов Х. Ринка, Д. МакРитчи заключил, что самостоятельно они не могли бы доплыть с побережья Гренландии, а также, что их путешествия должны были быть частыми и добровольными. Можно отметить, что в подобных рассуждениях Д. МакРитчи мог руководствоваться идеями Дж. Турнама, который, ссылаясь на труды Ч. Лайела, рассуждал о возможности заселения Британии с берегов Скандинавии, приводя в пример многочисленные невольных путешественников в каноэ через Тихий океан, дрейфовавших с течениями.

Д. МакРитчи сопоставил данные о каяках с приведенными в статье К. Блинда легендами о *финках*, которые после утраты своих тюленьих шкур не могли вернуться в море⁷⁸⁶, и сделал вывод, что под тюленьими шкурами в народной традиции сохранились воспоминания о каяках. Д. МакРитчи подкрепил этот тезис замечанием, что *финнам* в Оркнейской и Шетландской традициях приписывали высокую скорость передвижения, а эскимосы на каяках плавают удивительно быстро. Д. МакРитчи соотносит с каякерами не только *финнов*, но и селки, о которых он также осведомлен, и русалок, замечая, что верхнюю «человеческую» часть и каякера, и русалки видно из воды наполовину. О гребнях у русалок Д. МакРитчи пишет, что логично предположить, что ими пользовались только что приплывшие на каяках дамы, чтобы привести себя в порядок. Более того, далее он утверждает, что у каяков были разные интерпретации в народной традиции, и полагает, что истории о ведьмах в решете также относятся к воспоминаниям об этих людях⁷⁸⁷.

Указывая, что *финны* ассоциировались с колдовством, Д. МакРитчи приходит к мысли, что те считались в целом сверхъестественными созданиями, и поэтому сведения Дж. Бранда о том, что «на островах [Оркнейских – Д.Т.] часто видят, как злые духи, носящие имя фэйри, веселятся и танцуют, и иногда их видят в броне»⁷⁸⁸, также относятся к *финнам*. Он использует данные Дж. Синклэра, информанта К. Блинда о некой даме с Шетландских островов, по имени Андерина Сатерленд, которая утверждала, что происходит в пятом поколении от *финнов*⁷⁸⁹. С помощью несложного расчета, Д. МакРитчи заключает, что прародитель этого рода *финнов*, должен был жить в середине XVIII столетия. Более того, он пишет, что помимо шетландцев,

⁷⁸⁶ Сюжет, как мы указывали выше, на Оркнейских и Шетландских островах приписываемый селки, однако К. Блинд по какой-то причине упустил это из виду, а Д. МакРитчи использовал его сведения, так как, по его мнению, и *финны*, и селки являли собой единое целое.

⁷⁸⁷ MacRitchie D. P. 18.

⁷⁸⁸ Brand J. A New Description of Orkney, Zetland, Pightland-Firth, and Caithness. P. 63.

⁷⁸⁹ Blind K. Scottish, Shetlandic, and Germanic Water-Tales. P. 406.

которые возводили свое происхождение к финнам, многие валлийские и ирландские роды считают себя потомками русалок, что, по мнению Д. МакРитчи, явления одного порядка. Трактую данные о том, что шетландцы бросали серебряные монетки в море, чтобы задобрить *финнов*, а оркнейцы преследовали встречных ими каякеров, Д. МакРитчи приходит к выводу, что это все это указывает на некий враждебный народ, существовавший рядом с основным населением⁷⁹⁰. Сюда же он относит данные о ведьмах с острова Мэн, которые продавали ветра морякам и вязали узлы точно так же, как это делают саамы, и заключает, что среди современных британцев прослеживается определенный «угорский» элемент. Он указывает, что обычные шетландцы не могли понять ни слова из разговора селки, и это означает, что речь идет не только о диалектных различиях, а о разных языках.

По его мнению, носители культуры, включающей в себя использование каяков (к ним Д. МакРитчи также приравнивает куррахи и кораклы – типы традиционных кельтских лодок), прибыли в Британию на заре нашей эры⁷⁹¹. Д. МакРитчи также ссылается на не совсем верный английский перевод «Круга Земного» Сэмуэля Лэйнга, чтобы обосновать тезис о том, что у финнов были кожаные лодки⁷⁹². Позже он указывает на собственную ошибку в примечаниях, однако утверждает, что в Норвегии всё же пользовались кожаными лодками, не уточняя при этом источник сведений.

Д. МакРитчи делает вывод, что в древности в Британии проживала чуждая индоевропейскому населению раса, потомками которой нынче являются саамы, финны, самоеды и эскимосы. Он, подобно британским полицентристам, пытался найти в источниках недавнего прошлого сведения о существовании этой расы. Он приводит в пример рассказы шотландского ученого М. Мартина (1703) о жителях острова Джура⁷⁹³, которые, как заключает Д. МакРитчи, «жили в покрытых торфом вигвамах, похожих на жилища лапландцев»⁷⁹⁴. Помимо прочего, М. Мартин описывал население о. Джура как чрезвычайно смуглое. К этому же классу сведений Д. МакРитчи относит данные о существовании в XVII веке на «северных Гебридских островах» некой группы людей, которые рвали сети и портили рыбацкое снаряжение местным жителям, полагая, что эти люди являлись теми самими *финнами*,

⁷⁹⁰ MacRitchie D. P. 26.

⁷⁹¹ MacRitchie D. P. 18.

⁷⁹² Уже известный нам Сэмуэль Лэйнг перевел известную вису из «Круга Земного»: «Всех обойдет / Ладыя халейгов, / Бежит под ветром, / Жилами шита» (*Стурлусон С. Круг земной*. М., 1980. С. 519) как «Our skin-sewed Fin-boats lightly swim, / Over the sea like wind they skim. / Our ships are built without a nail; / Few ships like ours can row or sail» (*Sturluson S. The Heimskringla* (trans. by S. Laing). Vol. IV. L., 1889. P. 226), что должно переводиться следующим образом: «Наши шитые из кожи лодки по морю скользят, / Лодки финнов словно ветер быстро над водой летят, / Судна выстроены наши без единого гвоздя, / И во всем подлунном мире нет быстрее корабля». Как можно отметить, складывается впечатление, что лодки финнов были сделаны полностью из кожи.

⁷⁹³ Остров в составе архипелага Внутренние Гебриды.

⁷⁹⁴ MacRitchie D. P. 23.

поскольку Дж. Уоллес и Дж. Бранд писал, что *финны* отгоняют рыбу от берега. Далее Д. МакРитчи приводит данные шотландского историка Джорджа Бьюкенена, о книге которого мы уже писали в первой главе, о некой группе разбойников на Внутренних Гебридских островах, которых сам Дж. Бьюкенен называет «дикарями». Д. МакРитчи указывает, что подобное название должно было относиться к народу, стоящему на более ранней стадии развития. Он приводит сведения Уильяма Андерсона, современного ему историка, который повествуя о клане Маклаудов с острова Льюис⁷⁹⁵, пишет, что в 1599 году близ города Сторноуэй, после того как местные жители под предводительством незаконнорожденных дядей молодого предводителя клана, попытались изгнать Маклаудов из их земель, «снедаемый мстью, Мёрдок вышел в море вместе с флотом из небольших суденышек, свойственных тем островам, под названием бирлинн⁷⁹⁶, и преуспел в преследовании Лирмонта из Балкоми, который возвращался из Льюиса в Файф⁷⁹⁷ на своем собственном корабле»⁷⁹⁸.

Д. МакРитчи в данном отрывке интересуется лишь фразой «с флотом из небольших суденышек, свойственных тем островам», он даже пропускает их название, данное автором. Он предполагает, что об этих островитянах говорил король Яков VI, когда называл население северной части Британских островов «дикарями»⁷⁹⁹. Игнорируя указание на четкий тип лодки, Д. МакРитчи пишет: «вполне допустимо, что эти «небольшие суденышки» были (...) каяками эскимосов и *финнов*»⁸⁰⁰.

Путем подобного же свободного оперирования фактами, Д. МакРитчи выводит удивительную картину обитания этого, угорского, «монголоидного» населения на Гебридских островах и в Норвегии (так как родиной *финнов* в шетландских верованиях является Норвегия), замечая, что «кажется вполне очевидным, что до недавнего времени окрестности Бергена были оплотом этого монголоидного народа»⁸⁰¹. Именно отсюда они совершали свои нападения на каяках и терроризировали местное население, откупающееся от них данью, которая зафиксирована в народной традиции в качестве бросания шетландскими рыбаками в море серебряных денег для *финнов*.

⁷⁹⁵ Льюис — северная часть острова Льюис-энд-Гаррис («Льюис и Гаррис») в архипелаге Внешние Гебридские острова.

⁷⁹⁶ У. Андерсон использует термин “berling”, который наряду с “birlinn”, “berlin”, “birling” образует возможные варианты названия этого типа судна, распространенного на Гебридских островах и в горной части Шотландии. Оно представляет собой лодку типа «клинкер» (обшитую внакрой), которая может передвигаться как под парусом, так и с помощью весел, имеет одну мачту и квадратный парус. Малые суда бирлинн имели двенадцать весел, большие — до сорока.

⁷⁹⁷ Файф — область и полуостров в восточной Шотландии.

⁷⁹⁸ Anderson W. The Scottish nation; or, the surnames, families, literature, honours, and biographical history of the people of Scotland. Vol. III. Edinburgh, 1877. P. 49.

⁷⁹⁹ Macritchie D. P. 30.

⁸⁰⁰ Macritchie D. P. 32.

⁸⁰¹ Macritchie D. P. 35.

Следующий шаг Д. МакРитчи состоял в том, что он в очередной раз расширил свою источниковую базу, приравняв оркнейских и шетландских *финнов* к фианам – последователям Финна МакКула из цикла кельтских мифов, получившим особое распространение в связи с «Поэмами Оссиана» Дж. Макферсона. На территории Ирландии, Шотландии, Гебридских островов и острова Мэн встречаются эпонимы, связанные с Финном МакКулом и его фианами, что дало Д. МакРитчи ещё одно подтверждение его теории. Д. МакРитчи остроумно выводит само название «фианы» из «финны», сопоставляя гласные при произношении в гэльском и английском, используя то множественное, то единственное число и различные варианты написания этих двух слов, выстраивая своеобразную лестницу от одного термина к другому, иначе говоря, создавая то, что С.Я. Лурье, комментируя подобный любительский метод, однажды назвал «вакханалией сравнительного языкознания»⁸⁰².

Д. МакРитчи не единожды ссылается на труд У.Ф. Скина, чтобы доказать, что прообразом фианов было аборигенное население Британии. У.Ф. Скин действительно занимался исследованием исторического существования фианов. Он впервые, в пику ирландским историкам, высказал предположение, что фианы могли быть не военным формированием ирландских королей, а отдельным народом, сведения о котором сохранились в устной традиции, претерпев определенные изменения (здесь аргументация У.Ф. Скина становится идентична эвгемеристическому подходу), приведшие к описанию их как героических воинов. Более того, подобно деятелям эпохи Просвещения, У.Ф. Скин обвиняет самих ирландских монахов в своего рода искажении фактов. Он замечает, что письменность в Ирландии возникла лишь с приходом христианства, а всё, что вошло в их летописную историю до этого, является попыткой средневековых монахов сформировать, подобно античным авторам, древнюю историю государства из мифов и легенд. В подобной летописной традиции «различные этнические элементы, входящие в население страны, были сокрыты под искусственной и символической генеалогией»⁸⁰³.

Кем же были фианы? У.Ф. Скин анализируя поэму о битве при Габре (приведенную в «Первом томе трудов Оссианского общества»), замечает, что речь в ней идет о четырех типах фианов: фианы Эрин (Ирландии), фианы Альбы (Шотландии), фианы Британ (южная область Шотландии) и фианы Лохлан, под которой он понимает область «севера Германии, простирающаяся от Рейна до Эльбы»⁸⁰⁴. Сравнивая эти сведения с данными ирландской

⁸⁰² Лурье С.Я. Ньютон — историк древности // Исаак Ньютон 1643/1727. Сборник статей к трехсотлетию со дня рождения. под. ред. академика С. И. Вавилова. М.-Л., 1943. С. 302.

⁸⁰³ Skene W.F. The Dean of Lismore's book: a selection of ancient Gaelic poetry from a manuscript collection made by Sir James M'Gregor, Dean of Lismore, in the beginning of the sixteenth century. Edinburgh, 1862. P. lxxi.

⁸⁰⁴ Skene W.F. P. lxxv.

летописной традиции, У.Ф. Скин находит всего два народа, которые по легендам также были связаны со всеми этими местами: это уже известные нам племена богини Дану и круитни. Первые имели четыре города в Лохлан, откуда они прибыли в Альбу, а затем в Эрин. Круитни же мигрировали из Лохлан в Эрин, и оттуда уже – в Альбу. Оба народа затем были подчинены милезианцами. У.Ф. Скин отсюда делает вывод, что круитни были первым кельтским населением Альбы (Шотландии), а племена Дану – первым кельтским населением Эрин (Ирландии). В мифологическом цикле фианы имеют тесные связи и с теми, и с другими (часть фианов по происхождению своему были круитни), из чего У.Ф. Скин заключает, что «они являлись частью народа, предшествующего германцам в Лохлан и скоттам в Эрин и Альбе»⁸⁰⁵. Время же, когда жили фианы, У.Ф. Скин описывает как тот период, когда королевство Дал Риادا ещё включало в себя и Ирландию, и Шотландию. У.Ф. Скин здесь не прописывает этого напрямую, однако мы знаем, что, по его мнению, круитни говорили на диалекте гэльского языка. Племена же богини Дану У.Ф. Скин соотносил с каледонцами⁸⁰⁶, последних же считал одним из племен пиктов⁸⁰⁷. Логично было бы заключить, что и фианы были кельтами по происхождению.

Упирая на авторитет У.Ф. Скина, Д. МакРитчи помещает куски его произведения в свой текст, перемежая их собственными выводами и дополнениями, которые коренным образом изменяют тот смысл, который закладывал в них сам автор. К примеру, по отношению к фианам он часто цитирует вырванную из контекста фразу У.Ф. Скина: «население, наделенное чертами другой расы»⁸⁰⁸. Д. МакРитчи пересказывает выводы последнего об идентичности фианов и круитни, а также круитни и пиктов. Последних же Д. МакРитчи ассоциирует с уже известным нам угорским населением, замечая, что «невозможно читать справки доктора Скина о языческой религии круитни и не видеть, как сильно она напоминает верования лапландцев и финнов»⁸⁰⁹. Д. МакРитчи называет возможность повелевать бурей и управлять ветрами «мистериями пиктских жрецов», силы, которые также приписывают финнами, саамам и эскимосам⁸¹⁰. Более того, он ассоциирует копья фианов с гарпунами при ловле рыбы или охоте на морского зверя у северных народов.

В качестве финального аргумента для подтверждения своей теории, Д. МакРитчи пересказывает легенду о путешествии Финна МакКула в страну великанов. Он путешествовал на коракле с парусами, однако сам Д. МакРитчи считает, что это преувеличение: паруса «не

⁸⁰⁵ Skene W.F. P. lxxvii.

⁸⁰⁶ Skene W.F. Celtic Scotland. P. 179.

⁸⁰⁷ Skene W.F. P. 99.

⁸⁰⁸ MacRitchie D. P. 47.

⁸⁰⁹ MacRitchie D. P. 53.

⁸¹⁰ MacRitchie D. P. 53.

могли быть слишком большими, и их не могло быть слишком много», так как коракл, в котором он путешествовал, был небольшим (тем не менее, он вмещал нескольких человек). Он приплывает в страну великанов, и его называют там все карликом (*troich*) и ведут во дворец, где он получает должность королевского карлика. Сам Д. МакРитчи, завершая пересказ легенды, считает, что «это самая поразительная характеристика каякеров-финнов шетландской традиции»⁸¹¹.

Использование гэльского термина «*troich*» (карлик) дало возможность Д. МакРитчи привлечь ещё один пласт шетландской низшей мифологии, а именно основных её персонажей, которые носят имя троу или дроу. Ссылаясь на слова К. Блинда, Д. МакРитчи указывает, что *финны* «причисляются к троу»⁸¹². Д. МакРитчи пишет, что на севере Шотландии существует традиция называть брохи⁸¹³ «жилищами пиктов». Многие из руин этих сооружений также связывались с троу в народной традиции Оркнейских и Шетландских островах, а в Шотландии – с фэйри, мифологическими персонажами, которых Д. МакРитчи также относит к воспоминаниям об описываемой им расе. Он указывает, что пиктов представляли достаточно низкорослыми, и, по его мнению, брохи которые сами по себе очень низкие, являются археологическим свидетельством обитания в Британии той самой описываемой им расы. Более того, Д. МакРитчи замечает, что «сходство между этим видом жилища, или же, скорее, его современным представителем – хижинкой-«ульем» Гебридских островов и западной Ирландии, с жилищем эскимосов давно является общепризнанным»⁸¹⁴. Помимо прочего, он указывает, что каменные лампы, найденные при раскопках брохов, схожи по форме с теми, что используют современные эскимосы⁸¹⁵.

Брохи, как материальное подтверждение его теории, особенно интересовали Д. МакРитчи. Он посещал их раскопки, чтобы самостоятельно удостовериться в их размерах, а также привел в своей книге точные измерения некоторых из них и их зарисовки. Он заключает, что подобные брохи и являли собой т.н. «холмы фэйри», которые он, в свою очередь, ссылаясь на книгу А. де К. Брука, приравнивает к саамским котам⁸¹⁶. А. Грайдеходж указывает, что во времена Д. МакРитчи уровень знаний об доисторических руинах Британии был все ещё весьма

⁸¹¹ *MacRitchie D. P.* 56.

⁸¹² *Ibid.* Именем «троу» на Шетландских островах, как и в случае с «фэйри», зачастую называли всех персонажей низшей мифологии.

⁸¹³ Брох (древненорв. «крепость») – круглые в плане каменные постройки железного века, характерные только для Шотландии,

⁸¹⁴ *MacRitchie D. P.* 62.

⁸¹⁵ *MacRitchie D. P.* 63-64.

⁸¹⁶ *MacRitchie D. P.* 122. Любопытно, что здесь Д. МакРитчи ссылается именно на труд А. де К. Брука, а не на книгу Дж.Ф. Кэмпбелла.

низок, что позволило последнему приравнять те сооружения железного века, которые в современной науке считаются кладовыми и курганами, к жилым домам⁸¹⁷.

Д. МакРитчи много усилий прикладывает для доказательства своего тезиса о том, что пикты были искусными строителями, дабы связать с ними народный образ дьявола-строителя, который, по его мнению, также отражает традиционные воспоминания о контактах с аборигенами. Помимо прочего, он ссылается на легенду о том, что именно пехты (следуя за Дж. Лейденом, он приравнивает фольклорных персонажей пехов или пехтов к пиктам) построили кафедральный собор Глазго. Это позволило ему подтвердить свой тезис о том, что аборигенная раса пигмеев существовала вплоть до сравнительно недавнего времени. В конечном итоге, оказывается, что пикты или пехты для Д. МакРитчи – это не название народа, а термин, обозначающий низкорослого человека. Он же является синонимом слов троу и карлик (dwarf) – все это означает «одних и тех же людей – горных жителей или «подземные»⁸¹⁸ расы прошлого»⁸¹⁹. На Шетландских островах их помнят как *финнов*, в гэльском фольклоре они сохранились как *фианы*. Кроме того, пишет МакРитчи, их же называли «фэйри». К ним же он относит основных персонажей низшей мифологии в разных графствах Англии, в том числе и пикси, известных по книге А.Э. Брэй⁸²⁰.

Любопытным образом аргументация Д. МакРитчи пересекается с таковой у сторонников эвгемеристической теории о друидах начала века. К примеру, он указывает, что любимым цветом пиктов был зеленый, из-за чего их называли «зелеными людьми», чуть раньше указывая, что «общеизвестно, что зеленый – это цвет, характерный для фэйри»⁸²¹. Позже он помещает выдержку из судебного процесса над неким крестьянином, которого обвиняли в ведовстве. Он утверждал, что побывал однажды в холме фэйри, и там царили вечные сумерки. По мнению Д. МакРитчи, это легко объяснить, если учесть, что в брохе световое окно находится только сверху⁸²².

Подводя итоги, Д. МакРитчи останавливается на констатации нескольких противоречий в созданной им концепции. Согласно одним источникам, эта аборигенная низкорослая раса (если принять во внимание описания персонажей низшей мифологии) владеет более высоким уровнем культуры, нежели покорившие её индоевропейцы, так как её представители куют мечи и доспехи, которым приписываются волшебные свойства, шьют серебряные уздечки, шелковые

⁸¹⁷ Grydehøj A. P. 86.

⁸¹⁸ То есть, жившие в брохах и других вариантах мегалитических построек, которые Д. МакРитчи ассоциирует с холмами фэйри, обитавших под землей.

⁸¹⁹ MacRitchie D. P. 100.

⁸²⁰ MacRitchie D. P. 162.

⁸²¹ MacRitchie D. P. 97.

⁸²² MacRitchie D. P. 111.

одежды, делают невероятной красоты кубки и украшения из драгоценных металлов и камней. Кроме того, они хорошо разбираются в магии, так как, согласно сагам, учат индоевропейцев колдовству. Уступают же они своим завоевателям только в росте и физической силе. Однако другие источники рисуют их с обратной стороны: аборигенное население является рабами и слугами индоевропейцев, и оно сильно отличается от них в интеллекте. С ним ассоциируются примитивные наконечники стрел из кремня, а также считается, что они ходят без одежды (здесь Д. МакРитчи вспоминает легенду о брауни, который покидает дом, когда ему предлагают одежду). Помимо прочего, Д. МакРитчи обращает внимание на то, что эти люди в разных источниках описаны по-разному, временами они светлокожие и русые, иногда смуглые и с темными волосами. Часто всего, однако, им приписывают рыжие или каштановые волосы. Для снятия этих противоречий Д. МакРитчи предлагает три решения. Возможно, в источниках описываются люди из разных социальных классов или же просто из разных эпох, однако он сам склоняется к мнению, что «низкорослые расы прошлого, как и сейчас, были разных типов. Несмотря на то, что южноафриканские бушмены, пигмеи Конго, айны Японии относятся к низкорослым расам, они отличаются друг от друга во многих аспектах, так и пигмеи прошлого принадлежали не к одной расе, а ко многим»⁸²³. Рассуждая о том, как выглядели представители «расы, в Британии известной под названием «пикты»»⁸²⁴, он указывает, что отличительная черта таких фольклорных персонажей как брауни и уриски – это повышенный третичный покров. Он цитирует труд Дж.Ф. Кэмпбелла, который сравнивал крайне лохматого саама в одежде из оленьей шкуры с брауни, и приводит множество примеров того, как персонажи британской народной демонологии ходят без одежды, и при этом некоторые из них обладают повышенным третичным волосным покровом. В числе прочих Д. МакРитчи ссылается на труд У. Сайкса и его толкование «красных фэйри» как банды разбойников, а также на сборники скандинавского и немецкого фольклора.

Д. МакРитчи указывает, что современные ему саамы, хотя и являются потомками той низкорослой аборигенной расы, не идентичны ей во всем, особенно во внешнем облике. Повышенный третичный покров, свойственный, как он полагает, пиктам, вообще не свойственен монголоидам. Он отрицает возможное объяснение, что надетые мехом наружу шубы могли послужить тому причиной, и указывает на народ, который, по его мнению, является прямым потомком той низкорослой аборигенной расы. Д. МакРитчи считает, что это айны. Он приводит айнскую легенду о том, что ранее они были могущественной народом, но Ёсицунэ, их бог, запретил тем воевать. Д. МакРитчи пишет, что «это можно объяснить

⁸²³ *MacRitchie D. P. 157.*

⁸²⁴ *MacRitchie D. P. 157.*

следующим образом: точно установлено, что Ёсицунэ был братом японского военачальника XII столетия, который прославился победами над «варварами»⁸²⁵, и делает вывод, что именно тогда айны и были побеждены японцами. Он ссылается на книгу Нильса Адольфа Эрика Норденшёльда, исследователя Арктики, где была дана гравюра с изображением айна, едущего на лыжах вслед за запряженным оленем. Д. МакРитчи полагает, что на этой гравюре присутствуют черты, роднящие саамов, самоедов и айнов. Более того, использование лыжей позволило Д. МакРитчи отнести сюда же и скрэлингов⁸²⁶, обнаруженных скандинавами на Ньюфаундленде. Помимо прочего, дополнительным аргументом для Д. МакРитчи стало то, что на карте Олауса Магнуса скрэлинг изображен как карлик.

Рассматривая возможные пути распространения этой расы, Д. МакРитчи полагает, что они проходили, скорее, в западном направлении от Курильских островов, нежели в восточном, от Северной Америки, так как наиболее «чистые» потомки этой расы сохранились в современных айнах. По его мнению, среди некоторых европейцев до сих пор можно обнаружить черты, свойственные этой расе, и для подтверждения этого тезиса, Д. МакРитчи приводит в пример русских крестьян.

Ближе к концу книги аргументы Д. МакРитчи становятся всё более абсурдными. Например, он указывает, что традиционная фигура Санта Клауса, доброго волшебника, приезжающего на санях, запряженных оленями – это изменившееся со временем, но все ещё узнаваемое воспоминание об аборигенном низкорослом населении с повышенным третичным покровом. «Народная память хранит удивительную верность тому, что на самом деле является правдой»⁸²⁷, - восклицает Д. МакРитчи.

В настоящее время концепция Д. МакРитчи подвергается резкой критике со стороны научного сообщества. Как можно заметить, в труде Д. МакРитчи отсутствует критика источников, сами факты подобраны по принципу соответствия теории и порой совершенно вырваны из контекста. Более того, временами Д. МакРитчи просто замалчивает те данные источников, которые в его концепцию не вписываются, и доказывает собственные построения разрозненными цитатами трудов тех ученых, которые его идей не придерживаются.

При всем этом нужно принять во внимание то, что сейчас научно доказано, что идеи Д. МакРитчи не имеют под собой основания, поэтому критиковать его достаточно легко. Ситуация же в последнюю декаду XIX века была диаметрально противоположной. Идея универсализма,

⁸²⁵ *MacRitchie D. P.* 166.

⁸²⁶ Скрэлингами скандинавы называли местное население Северной Америки (Сага об Эйрике Рыжем, Сага о гренландцах и др.).

⁸²⁷ *MacRitchie D. P.* 173.

столь любимая викторианцами, нашла свое полное воплощение в труде Д. МакРитчи. Поражала воображение сама возможность объяснения множества иррациональных фактов такой простой вещью как то, что персонажи низшей мифологии действительно существовали в качестве некой иной расы, скрытно проживавшей длительное время вместе с основным населением. Она проникла в труды писателей, как например, Джона Бакена (1875-1940), который в свой цикл произведений о Шотландии поместил рассказ «Ничья земля» (написан в 1890-х годах⁸²⁸). Его главный герой, мистер Грейвс, интересуется загадками пиктов и едет в Галлоуэй⁸²⁹, дабы исследовать их холмы. После дня блужданий по холмам, он вдруг видит расплывчатый силуэт, выступающий из тумана: «Оно было низким, приземистым и смуглым; обнаженным, вероятно, но так густо заросшим волосами, что производило впечатление покрытого мехом. Оно появилось в поле моего зрения, не останавливаясь ни на секунду, и в его лице и глазах, казалось, скрывался древний мир мистерий и варварства, та жизнь, подобно троллям настолько ужасная, что её нельзя было выразить словами»⁸³⁰. Так Дж. Бакен описывает современного пикта. Мы можем заметить, что повышенный третичный покров, низкорослость, смуглость и само сравнение с троллями, вероятно, были почерпнуты им из труда Д. МакРитчи.

Идея о том, что остатки доиндоевропейского населения могут существовать в Британии и в современности, использовал для своих рассказов Артур Мейчен (1863-1947). В «Красной руке» (1895) он представляет историю охотника за сокровищами, который, расшифровав послание на древней каменной плитке, входит в один из холмов фэйри и обнаруживает, что сокровище всё ещё охраняют обитатели холма, пользующиеся орудиями из кремния. Главный герой рассказа рассуждает следующим образом: «Разве можно точно определить, как долго способен существовать тот или иной вид? Троглодиты, озерные люди или представители еще более древних рас, могут ходить среди нас, современных, одетых с иголки людей, а в сердцах их будет гореть и клочкотать волчья алчба, нечистые страсти болот и мрачных пещер. Иногда, прогуливаясь по Холборн или Флит-стрит, я вижу физиономии, вызывающие во мне откровенное отвращение, однако не сумею назвать вам причину такой яростной неприязни»⁸³¹. Подобные идеи заставляют вспомнить концепцию полицентристов, которая неявно присутствует в труде Д. МакРитчи в том её ракурсе как неизменность внешнего облика того или иного народа. Сам Д. МакРитчи разыскивал сведения о невысоких смуглых людях в исторических документах, относящихся к самым разным периодам.

⁸²⁸ *Ritchie A. P. 24.*

⁸²⁹ Область на юго-западе Шотландии.

⁸³⁰ *Buchan O. P. 38.*

⁸³¹ *Мейчен А. С. 254.*

В рассказе А. Мейчена «Сияющая пирамида» (1895) главный герой расследует два странных происшествия: исчезновение молодой девушки, которую последний раз видели у холмов фэйри, и выложенные из кремниевых орудий различные фигуры в саду его знакомого. Вскоре к фигурам прибавляет нарисованный на высоте в три с половиной фута миндалевидный глаз, «почти как у китайца». Разгадка оказывается единой: герои видят ночью, прятаясь, в холмах страшное действо, в котором участвуют «мириады творений, подобных людям, но малорослых, как дети и безобразно искаженных; их лица с миндалевидными глазами горели дьявольским, невыразимым пороком, а нагие тела были отвратительно желтыми»⁸³². Главный герой объясняет следующим образом произошедшее: «и вдруг меня осенило: разгадка была связана с древним названием фей – «маленькие люди», «коротышки»⁸³³. Я подумал, а что если эти «коротышки» не выдумка, а вполне реальные потомки доисторической туранской расы, обитающие здесь в пещерах»⁸³⁴. Как мы видим, эвгемеристическое толкование здесь является основой сюжета рассказа. Миндалевидный же глаз, «почти как у китайца», на который обращается столь пристальное внимание, наводит мысли на произведение Дж. Беддоу: он несколько раз останавливался на констатации наличия «раскосого или китайского глаза» у неиндоевропейского населения Британии.

Примечательно, что и у А. Бакена, и у А. Мейчена аборигенное население приобретает звериные черты, чего не было у Д. МакРитчи. Объяснение подобного феномена может заключаться в следующем. К. Сильвер отмечает, что «викторианцы всё больше начинали бояться тех групп, которые они считали эволюционным провалом или регрессом. Этнические карлики, как, например, пигмеи, представлялись им ошибками природы, напоминанием о том, что и она может допустить промах. Более того, если люди по сути своей были обезьянами более высокого уровня развития, существовала возможность, что из-за некоего происшествия группа или раса могла получить неполный человеческий статус. Вера в то, что расовый атавизм и вырождение были жизненными реалиями, что дикари могут стать ещё более дикими, вызывала немалую тревогу»⁸³⁵. В конечном счете, теория Д. МакРитчи приблизила этих пигмеев как в пространственном, так и во временном плане: утверждая, что они существовали на Британских островах вплоть до середины XVIII в., он дал ход идеям о том, что остатки этих пигмеев могут существовать и в настоящее время среди британцев. Возможность столкнуться в повседневной жизни с настоящим дикарем, отнюдь не таким благородным, как в описании Шарля де Монтескьё, внушала викторианцам настоящий ужас.

⁸³² Мейчен А. С. 307.

⁸³³ В оригинале «the little people».

⁸³⁴ Мейчен А. С. 313.

⁸³⁵ Silver C. P. 143.

Одним из косвенных влияний труда Д. МакРитчи стало распространения теории о низкорослом аборигенном населении на весь мир, включая Африку. Пигмеи признавались настоящими, дожившими до современности представителями раннего палеолитического населения, более схожего с приматами, чем с людьми. Капитан-комендант свободного государства Конго, Гай Барроуз, писал о пигмеях следующее: «Пережитки и истории об этих человечках можно найти во всех странах: вспомните карликов в горах Германии, скандинавских троллей и ирландских лепреконов. Нужно признать, что этот малый народец считается сейчас выдуманным и якобы принадлежит к волшебному царству фей; но я не сомневаюсь, что когда-то они существовали на земле во плоти, а затем были уничтожены в процессе естественного отбора; следовательно, представляется весьма любопытным обнаружить некоторых из них в их исконном первобытном состоянии»⁸³⁶.

Самым преданным сторонником идей Д. МакРитчи стал полковник Роберт Грант Халибёртон, кабинетный ученый, который, ведя оживленную переписку в людьми в разных концах земного шара, «обнаружил» сведения о неких пигмеях в Марокко и соотнес их с племенем Акка в Центральной Африке, ранее открытом Г.А. Швейнфуртом. Р.Г. Халибёртон поместил своих якобы существующих пигмеев в непосредственной близости от Испании, обозначив путь их переселения из Африки в Европу. «Существовавших в древности карликов в Европе и Британии запомнили как кузнецов, ремесленников и магов, но никто в те времена не задумывался, откуда они могли происходить. Если Дра был, как верят некоторые, огромной доисторической мастерской, своеобразным Бирмингемом бронзового века, проблема может быть решена. Низкие и высокие харатин⁸³⁷ до сих пор мастерски обрабатывают металл, считаются магами и искусными докторами, чьи лекарства, если не лечат, то хотя бы не наносят вреда. Они делают небольшие книжки, которые носят с собой как амулеты или кладут их в воду, которая в таком случае обретает свойство исцеления всех болезней. Куда бы харатин не шли, они, должно быть, непременно «изумляли местных жителей», так как заматывались в покрывало, примерно ярд в длину, на котором был нарисован глаз. Возможно, что древнейшие традиции Греции, описывающие странствующих каменщиков и кузнецов как «людей с глазом», со временем могли принять форму «людей с одним глазом» – циклопов (...) В северной части Марокко существует поверье о том, что под землей живет раса маленьких человечков, которых можно услышать, когда они работают. Есть данные, что два столетия назад подобное поверье существовало и в Уэльсе»⁸³⁸, – отмечает Р.Г. Халибёртон, цитируя для доказательства

⁸³⁶ *Burrows G.* The Land of the Pigmies. L., 1898. 173-174.

⁸³⁷ Харатин – этническая группа, обитающая в оазисах пустыни Сахара на территории Мавритании, Марокко и Алжира. Языки харатин – арабский и берберский.

⁸³⁸ *Haliburton R.G.* The Dwarfs of Mount Atlas. P. 38-39.

последнего постулата известный труд пресвитерианского священника Роберт Кёрка «Тайное содружество эльфов, фавнов и фэйри» (1691). Ссылаясь на выводы Д. МакРитчи, Р.Г. Халибёртон пишет, что «примерно век или два прошло с тех пор, как в Британии прекратила свое существование раса карликов, которую представляли как «малый народец», обитающий в холмах фэйри в Уэльсе и Ирландии»⁸³⁹. Любопытно, что Р.Г. Халибёртон был лично знаком с Д. МакРитчи. В процессе своих поисков современных пигмеев в Европе, Р.Г. Халибёртон обнаружил в журнале «Космос» заметку 1887 года об открытии Мигелем Морейта пигмеев в Валь-де-Рибас (Испания). Редактор «Космоса» к тому времени умер, а поиски испанского автора ни к чему не привели. Р.Г. Халибёртон самостоятельно списался с некой женщиной из Испании, которая назвала себя потомком неких нано⁸⁴⁰, и хотя сама она была нормального роста, «её дочь и её внуки были карликами». В следующем же абзаце Р.Г. Халибёртон указывает, что «в начале мая 1894 года мистер МакРитчи посетил Валь-де-Рибас»⁸⁴¹ с целью поисков этих карликов или дальнейших материалов о них. Поражает энтузиазм этого шотландского фольклориста, все ещё принадлежащего к викторианской традиции «кабинетных ученых», который, ради доказательства своей теории был готов отправиться в другую страну и искать там неких неизвестных ранее людей, официальная информация о которых существовала только в одной статье.

Сам Р.Г. Халибёртон не сомневался в их существовании, свободно оперируя сведениями, которыми его снабдила та дама, и данными из вышеуказанной статьи. Например, он пишет, что «берберы часто говорили мне, что фэйри – это название карликов-рудокопов, которые мыли золотой и серебряный песок. Я не заметил суеверного страха у берберов перед использованием этого слова, но у испанских полукровок-нано оно вызывает такой же страх, как и у ирландских, валлийских и шотландских крестьян (...) название «карлик» (dwarf) тоже берберского происхождения»⁸⁴². Легко заметить, насколько схожи по своей структуре аргументы Р.Г. Халибёртона и Д. МакРитчи.

А. Грайдходж указывает на любопытную разницу в построениях Р.Г. Халибёртона и Д. МакРитчи. В то время как Д. МакРитчи исходил из образа персонажей низшей мифологии и пытался найти им современные ему прототипы среди народов, Р.Г. Халибёртон пытался встроить уже якобы существующие народы в картину мира через ассоциацию черт, присущих

⁸³⁹ Haliburton R.G. P. 41.

⁸⁴⁰ Nanos – от enano (мн. ч. enanos) – исп. «карлик». Однако Р.Г. Халибёртон специально отмечал, что эти люди не называют себя enanos.

⁸⁴¹ Haliburton R.G. Dwarf Survivals, and Traditions as to Pygmy Races. P. 2.

⁸⁴² Haliburton R.G. P. 8.

им, с персонажами народной демонологии более «развитых» стран⁸⁴³. Более того, А. Грайдходж указывает, что Д. МакРитчи никогда не разделял позиции «расистского эволюционизма», среди сторонников которого он называет Р.Г. Халибёртона. Д. МакРитчи полагал, что современные саамы являются таковыми не из-за особенностей из физиологии, а из-за того, что их предки после завоевания индоевропейцев были вынуждены существовать в тяжелых климатических условиях⁸⁴⁴.

Вернемся к разбору книг Д. МакРитчи. Вторая его монография, посвященная разбираемой нами теме, «Фианы, фэйри и пикты», является своеобразным обзором трудов, которыми пользовался Д. МакРитчи для написания «Свидетельства традиции», и, кроме того, дает в целом представление о том, какие произведения Д. МакРитчи включал в историографию метода, которому он дал название «фэйри-эвгемеризм».

Начинает свой обзор Д. МакРитчи с цитирования разобранных нами отрывков из введения к книге Дж.Ф. Кэмпбелла, указывая, что именно после прочтения его книги он решил исследовать этот предмет: «тогда это всё было для меня в новинку. И если я и задумывался о так называемых «сверхъестественных» созданиях в народной традиции, то только чтобы, как обычно, развенчать их как плод воображения. Однако идеи мистера Кэмпбелла определенно представляли интерес и заслуживали внимания»⁸⁴⁵.

Следующим Д. МакРитчи упоминает С. Нилльсона в связи с его удивительно подробно проработанной идеей о саамах как прообразе мифологических карликов. Д. МакРитчи называет автором этой идеи сэра Вальтера Скотта (не Дж. Лейдена), который и обосновал её через сведения исландского священника Эйнара Гудмунда. Последнего же Д. МакРитчи называет «древнейшим «Эвгемером» северных земель»⁸⁴⁶, полагая, что «народ карликов», о котором он писал, являлся вполне реальным, и Эйнар Гудмунд мог его наблюдать воочию.

Д. МакРитчи с искренней обидой, однако весьма сдержанно пишет, что данная работа была написана для «Фольклорного общества» и прочитана перед его участниками в феврале 1892 года, «однако Совет этого Общества безоговорочно решил, что работа не подходит для публикации в журнале, посвященном изучению фольклора, и поэтому она увидела свет в отдельном варианте»⁸⁴⁷.

⁸⁴³ *Grydehøj A.* P. 99.

⁸⁴⁴ *Grydehøj A.* P. 96.

⁸⁴⁵ *MacRitchie D.* *Fians, Fairies and Picts.* P. vii-viii.

⁸⁴⁶ *MacRitchie D.* P. x.

⁸⁴⁷ *MacRitchie D.* P. xvii.

Далее Д. МакРитчи составляет список литературы «для тех, кто заинтересован в «реалистической» интерпретации подобных традиций», начинается он с двух произведений: «Анатомии пигмея» Э. Тайсона (1699) и главы «О пигмеях» в книге «Ошибки и заблуждения» Т. Брауна. Ни в той, ни в другой книге эвгемеристический метод не применялся, однако сами сведения о пигмеях показались Д. МакРитчи достаточными, чтобы поместить их в этот список. Далее идут уже знакомый нам очерк Дж. Лейдена в книге сэра Вальтера Скотта и рассказ Э. Гудмунда из предисловия к «Саге о Хрольве Жердинке» Т. Торфеуса.

Продолжая свой список, Д. МакРитчи приводит цитату из «Первобытной культуры» Э.Б. Тайлора. Замечая, что Э.Б. Тайлор во многом расходится с ним в толковании тех или иных явлений, Д. МакРитчи тем не менее указывает, что сведения из его книги послужат подспорьем для любого эвгемериста. Д. МакРитчи, помимо прочего, могло задеть замечание Э.Б. Тайлора о том, что «описания каких-либо странных племен, составленные с полным убеждением в истинности, попадая в руки людей, незнакомых с первоначальными фактами, могут быть истолкованы совершенно нелепым образом»⁸⁴⁸, так как оно представляло собой своеобразную критику подхода самого Д. МакРитчи.

После труда Э.Б. Тайлора Д. МакРитчи упоминает известную нам книгу «Происхождение дьявола» Ф. Холла, а затем подробно останавливается на труде Р.Г. Халибёртона «Карлики Атласских гор». Завершает свой обзор Д. МакРитчи перечнем книг на французском и немецком, чьи авторы разделяли позиции Р.Г. Халибёртона. Любопытно, что в самом конце он упоминает книгу Дж. Крайри, одного из сторонников эвгемеристической теории о друидах, однако лишь в связи с критикой Эндрю Лэнга работы самого Д. МакРитчи. Он указывает, что, так как некоторые положения Дж. Крайри показались Э. Лэнгу приемлемыми, он надеется, что и его нынешний труд будет воспринят с большим одобрением. Любопытно, что сам Д. МакРитчи нигде не комментирует эвгемеристическую теорию о друидах, и это единственное место в его монографиях, где он как-то о ней упоминает.

Реакция на концепцию «фэйри-эвгемеризма» Д. МакРитчи

С критики Э. Лэнга мы и начнем анализ реакции на произведения Д. МакРитчи. Талантливый фольклорист, составитель классических сборников баллад и сказок со всего мира, в 1870 годы он заинтересовался антропологией и примкнул к сторонникам социал-дарвинизма. Э. Лэнг использовал метод пережитков Э.Б. Тайлора для изучения фольклора. Метод Э. Лэнга, получивший наиболее полное применение в книге «Обычай и миф» (1884), строился на возможности сравнения пережитков в фольклоре европейских народов с данными об обычаях

⁸⁴⁸ Тайлор Э.Б. С. 189.

современных дикарей, что могло помочь выявить ранние стадии развития европейского общества.

В предисловии к переизданию «Тайного содружество эльфов, фавнов и фэйри» Р. Кёрка, наиболее крупного источника сведений о шотландской низшей мифологии XVII в., Э. Лэнг обращается к критике положений Д. МакРитчи. Он кратко перечисляет его выводы: «что однажды на этих островах обитала раса подземных жителей; что их искусственно созданные пещеры до сих пор существуют; что эти люди в народной памяти сохранились как «легендарные фианы» и как пехты из народных легенд, в которых они также выступают как карлики»⁸⁴⁹. В этом, указывает Э. Лэнг, по мнению Д. МакРитчи, и заключается источник происхождения фэйри.

Э. Лэнг относится к построениям Д. МакРитчи достаточно скептически. Он критикует те из него доводов, которые кажутся ему наиболее слабыми. Рассуждая о легенде о пехтах, построивших кафедральный собор Глазго, Э. Лэнг указывает, что она похожа на греческий миф о том, что Микены построили циклопы, и ему представляется крайне сомнительным тот факт, что для постройки кафедрального собора были наняты дикари, облаченные в шкуры. По мнению Э. Лэнга, происхождение подобной легенды может объясняться следующим образом: «правда в том, что современные скотты полностью забыли эпоху средневекового искусства. Привыкшие к ветхим постройкам разграбленной и скупой пресвитерианской Церкви, они полагали, что кафедральный собор не мог быть творением рук человеческих»⁸⁵⁰.

Э. Лэнг указывает, что сюжеты, привязанные у Д. МакРитчи к шотландской местности, таковыми не являются: он находит параллели между ними и мифами древней Греции и Скандинавии. Он вспоминает У.Ф. Скина и пишет, что его точка зрения о том, что пикты являются предками шотландских горцев, импонирует ему куда больше, чем воззрения Д. МакРитчи. «Что же касается ирландских фианов», - пишет Э. Лэнг, - «то этот вопрос могут обсуждать только кельтологи»⁸⁵¹, и указывает далее, что единственная легенда о плавании Финна Маккула в страну великанов служит доказательством малого роста фианов не больше, чем «Путешествие Гулливера» Дж. Свифта.

Э. Лэнг критикует и выбор источников Д. МакРитчи. Например, тот факт, что последний привлекает скандинавские легенды о том, как герои вторгались в курганы и ради сокровищ бились с мертвецами, похороненными там. Э. Лэнг указывает, что в каждой из таких легенд

⁸⁴⁹ *Kirk R.* The Secret Commonwealth of Elves, Fauns & Fairies. A Study in Folk-Lore & Psychical Research. The Text by Robert Kirk, M.A., Minister of Aberfoyle, A.D. 1691. The Comment by Andrew Lang, M.A. L., 1893. P. xviii.

⁸⁵⁰ *Kirk R.* P. xix.

⁸⁵¹ *Kirk R.* P. xx.

речь идет о могиле некого прославленного воина, и у того обязательно есть норманнское имя, не пиктское и не финское. В другом месте Д. МакРитчи, рассматривая образ фей из сказок, которые являются к крещению младенца и пророчат его судьбу, сопоставляет их с преданиями о норманнских ведуньях-пророчицах, как, например, в «Саге об Эрике Рыжем», полагая, что речь идет, и в том, и в ином случае, о неких мудрых финках. Э. Лэнг тогда вопрошает, каким же образом речь может идти о финках в египетских легендах, где роль пророчицы судьбы младенцу исполняет Хатхор, или же в греческих, в которых ту же роль играют мойры⁸⁵².

Э. Лэнг полагает, что «несмотря на то, что память о некой древней расе могла проникнуть в многосоставные верования о фэйри, это всего лишь один элемент из множества, и роль, которую играют духи предков, в народных представлениях живущие под землей, представляется более важной»⁸⁵³. Э. Лэнг рассматривает рассказы о людях, попавших в страну фэйри и встретивших там своих близких, которые предупреждали их ничего не есть в этом царстве, дабы не остаться здесь навечно. Он сопоставляет их с греческой легендой об Аиде и Персефоне и полагает, что «царство фэйри – это воспоминания о дохристианском Аиде»⁸⁵⁴, а сами фэйри – это духи мертвых. Э. Лэнг указывает, что Дж. Чосер называл Прозерпину «королевой фэйри», и предполагает, что, в конечном итоге, образ Персефоны мог трансформироваться в образ королевы фэйри, как, например, в шотландской балладе «Тэм Лин»⁸⁵⁵.

Кельтолог Альфред Натт, один из участников выделенной Р. Дорсоном викторианской «Великой команды фольклористов», придерживался того же подхода, что и Э. Лэнг, подразумевавшего возможность сравнения современных народных верований британцев с обычаями и ритуалами дикарей. Сам А. Натт считал, что викторианские ученые обладали счастливой возможностью применять этот метод, так как под властью Великобритании в то время находилось множество колоний, что позволяло ученым без труда получать материал как у соотечественников на родине, так и у тех из них, кто жил за пределами Британских островов.

А. Натт преимущественно занимался фольклором Ирландии и Шотландии, и всю свою научную карьеру он защищал идею о применении метода пережитков по отношению к кельтскому материалу. Он полагал, что современные верования гэльских крестьян являются отголосками древних ирландских мифов и легенд. В подтверждение этой идеи он приводил представление о том, что, в отличие от Англии, где римское завоевание положило конец

⁸⁵² *Kirk R. P.* xxi.

⁸⁵³ *Ibid.*

⁸⁵⁴ *Kirk R. P.* xxii.

⁸⁵⁵ *Ibid.*

распространению местных поверий в чистом виде, в Ирландии и Шотландии они сформировали непрерывную многовековую традицию.

Комментируя сборник ирландских легенд с юга-запада Манстера, собранных Джеремией Кёртином, А. Натт пишет следующее: «является неоспоримым фактом то, что вот уже тысячу лет вера в фэйри питает и насыщает гэльский героический роман, также не вызывает сомнения, что и дохристианские короли хронистов-эвгемеристов, и волшебники-победители в пересказах бардов, и падшие ангелы у христианских моралистов, все они суть есть «добрый народец» у современных крестьян»⁸⁵⁶. А. Натт здесь обращается к рассмотренному нами материалу о мифической истории Ирландии, основным источником которого является «Книга захватов Ирландии».

Любопытно, что деля всю ирландскую низшую мифологию на две большие группы «фэйри» и «призраки», А. Натт считает последнюю настолько редкой и чуждой в ирландской среде, что в качестве одного из возможных вариантов объяснения её происхождения он указывает пласт верований «более древней, примитивной расы, нежели арии-кельты»⁸⁵⁷. Однако он не дает этой теории дальнейшего распространения.

Рассматривая одну из легенд в сборнике Дж. Кёртина о фэйри, живущих в кромлехе, А. Натт замечает, что она, на первый взгляд, является подтверждением концепции Д. МакРитчи о том, что «фэйри были реально существовавшей расой низкорослых подземных жителей»⁸⁵⁸. Однако, развивая эту мысль, А. Натт пишет следующее: «но что не вызывает сомнений, так это то, что так далеко вглубь веков, как мы можем проследить развитие гэльской цивилизации в Ирландии – скажем, 2000 лет – эти холмы «фэйри» являются захоронениями, а их благоговение перед ними в некотором смысле происходит от их функции. Не проистекает ли вся вера в фэйри из культа предков, а после того, как она приняла совершенную романтическую форму в умах поэтов, вера снова возвращается к своему первоначальному облику в сознании крестьянина?»⁸⁵⁹. Таким образом, А. Натт поддерживает точку зрения Э. Лэнга. Он даже находит ей подтверждение в легенде об Элизабет Шей, которая была украдена фэйри, однако дух её преследовал и наказывал её родственников «с завидным упорством привидения»⁸⁶⁰.

Достаточно своеобразно отреагировал на построения Д. МакРитчи сэр Джордж Лоуренс Гомм, один из основателей «Фольклорного общества», и его президент с 1890 по 1894 гг. Его

⁸⁵⁶ *Curtin J.* Tales of the fairies and of the ghost world, collected from the oral tradition in South-west Munster (edit. by A. Nutt) Boston, 1895. P. vii.

⁸⁵⁷ *Curtin J.* P. viii.

⁸⁵⁸ *Ibid.*

⁸⁵⁹ *Ibid.*

⁸⁶⁰ *Ibid.*

труд вышел вскоре после «Свидетельства традиции». Как отмечает Ричард Дорсон, Дж.Л. Гомм занимался своеобразной заменой полевой работы: он отыскивал старые публикации фольклорных материалов и устанавливал, где они были собраны и к какой сюжетной области могли относиться⁸⁶¹.

Метод Дж.Л. Гомма строился на представлении о том, что область фольклора достаточно узка – «пережитки архаических верований, обычаев и традиций современности»⁸⁶² – как это сформулировал в критической статье его коллега Альфред Натт. В основе концепции Дж.Л. Гомма стояло распространенное представление о многоступенчатом заселении Британии: сначала «до-арии», затем арии в следующем порядке: кельты, римляне и саксы, где каждый народ повлиял на последующий. Анализируя пережитки и используя сравнительный метод, фольклорист мог восстановить этот исторический процесс.

Дж. Л. Гомм широко использовал противопоставление дикости и цивилизации в своем методе. Он рассматривал присутствие определенных элементов в британском фольклоре, которые несли в себе след неких варварских обычаев, не как свидетельство того, что этих обычаев когда-то придерживались индоевропейцы, а, напротив, как остаток доиндоевропейских верований аборигенного населения Британии. Здесь в концепции Дж.Л. Гомма мы можем увидеть влияние школы полицентристов, выраженное в идее о том, что доиндоевропейское население до сих пор существовало в некоторых областях Британии, и его потомки были достаточно различимы и характеризовались разного рода чертами, роднящими их с дикарями первобытных обществ.

Дж.Л. Гомм полагал, что столкновение двух разных народов является источником происхождения суеверий⁸⁶³. Материал для подтверждения этого тезиса он черпал из трудов о папуасах, айнах, малайцах, бирманцах, сиамцах, а также жителях южной Индии. Он приходит к выводу, что демонизм дикарей (под которым Дж.Л. Гомм подразумевает различные магические практики и обряды) сродни ведьмовству в цивилизованных обществах⁸⁶⁴. В качестве общих точек соприкосновения Дж.Л. Гомм выделяет продажу ветров (однако он нигде не упоминает о том, что эта традиция приписывалась саамам и финнам) и способность оборачиваться животными. Дж.Л. Гомм сравнивает материал из британских источников со сведениями о культах неиндоевропейских (он называет их «не-арийскими») аборигенов Индии, доказывая тем самым, что «если демонизм в Индии был не-арийским по своему происхождению и

⁸⁶¹ *Dorson R.M.* P. 222.

⁸⁶² *Dorson R.M.* P. 225.

⁸⁶³ *Gomme G.L.* *Ethnology in Folklore.* P. 43.

⁸⁶⁴ *Gomme G.L.* P. 48.

появился из-за контакта между ариями и аборигенами, то ведьмовство в Европе должно быть точно так же не-арийским по своему происхождению и возникнуть через столкновение ариев и аборигенов»⁸⁶⁵. В качестве последнего аргумента, который, по мнению Дж.Л. Гомма, должен окончательно подтвердить правоту его теории, он приводит использование шотландскими ведьмами в магических обрядах кремниевых наконечников для стрел, которые считаются принадлежностью фэйри или эльфов. Ссылаясь на выводы С. Нильссона, Дж.Л. Гомм пишет, что под фэйри «понимались не кельты, а люди, считавшие себя искусными в колдовстве, которые создали и использовали эти каменные стрелы»⁸⁶⁶. Дж.Л. Гомм заключает, что «эти люди, кем бы они не оказались, были достаточно могущественны, чтобы внедрить мистические идеи касательно их самих в умы завоевателей»⁸⁶⁷, и далее цитирует отрывок из рассмотренной нами книги Дж.Ф. Кэмпбелла о том, что те силы зла, которые используют каменное оружие, являются воспоминаниями о некоей первобытной расе, когда-то жившей на территории всей Европы. Помимо них Дж.Л. Гомм ссылается на труды Р.Г. Лэтэма, Дж. Далайла, Т. Кейтли, У.Ф. Скина и Дж. Риса, идеи которого мы рассмотрим ниже.

Затем Дж.Л. Гомм обозначает два метода для анализа происхождения персонажей народной демонологии. Первый – это известный нам эвгемеристический подход, согласно которому персонажи низшей мифологии отражают некогда существовавший народ, а второй – это тот самый подход Якова Гримма, который полагал, что рассказы о встречах с нечистой силой являются остатками верований о языческих богах. Сам Дж.Л. Гомм ставит перед собой задачу объединить два этих подхода в рамках своей концепции.

Его концепция в основе своей имеет тот же набор идей, что и эвгемеристическая теория о друидах, однако Дж.Л. Гомм не упоминает о ней напрямую. Он указывает, что в древности существовала некая замкнутая каста людей, которая претендовала на обладание магическими силами. Изначально она пополняла свой состав естественным образом, однако с истощением генофонда начала принимать в свой состав новых членов, проводя обряд инициации, характерный для ведьм, в качестве «узаконенной фикции усыновления»⁸⁶⁸. Дж.Л. Гомм замечает, что «единственными людьми, занимающими земли современной европейской цивилизации, которые не преуспели в наделении своих потоков характерными чертами собственной расы, являются не-арии»⁸⁶⁹, полагая, что предшественники индоевропейских народов были поглощены своими завоевателями. Любопытно однако, что Дж.Л. Гомм

⁸⁶⁵ *Gomme G.L. P. 53.*

⁸⁶⁶ *Gomme G.L. P. 55.*

⁸⁶⁷ *Ibid.*

⁸⁶⁸ *Gomme G.L. P. 57.*

⁸⁶⁹ *Gomme G.L. P. 57-58.*

специально оговаривает, что баски являются исключением из этого правила, а финнов и саамов не упоминает в их числе и вовсе. Таким образом, Дж.Л. Гомм считает, что заниматься ведьмовством и пополнять свои ряды не через кровные узы могли именно неиндоевропейцы.

В представлении Дж.Л. Гомма ведьмовство как феномен зародилось не так давно. Его прародителем в случае Британии Дж.Л. Гомм считал друидизм, так как «некоторые из практик, приписываемых ведьмам, были точными копиями практик, которые более ранние авторы относили к друидам»⁸⁷⁰. Он указывает, что обе перечисленные характеристики – продажа ветров и способность превращаться в животное – относятся как к ведьмам, так и к друидам. Ссылаясь на труды У.Ф. Скина, Дж.Л. Гомм отмечает, что друидизм как явление не прекратил свое существование с установлением христианства, он существовал ещё на протяжении нескольких веков, и сложно провести четкую грань между исчезновением друидизма и появлением ведьмовства, так как одно постепенно переросло в другое. Конечным аргументом Дж.Л. Гомма становится ссылка на выводы валлийского профессора Дж. Риса, который полагал, что друидизм имеет неиндоевропейское происхождение⁸⁷¹.

Закончив с разбором природы ведьмовства, Дж.Л. Гомм переходит к анализу происхождения верований о персонажах низшей мифологии. Он указывает, что «теория о том, что фэйри являются общепринятыми представителями древней расы пигмеев, получила значительную поддержку фольклористов»⁸⁷², и даже отказывается перечислять все традиционные аргументы в её пользу, «так как они приведены в известных и общедоступных работах»⁸⁷³. Любопытно, что Дж.Л. Гомм отдельно отмечает, что за последние 20 лет для этой теории был разработан значительный теоретический базис. Важным моментом для Дж.Л. Гомма является констатация факта, что идеи о волшебной природе аборигенного населения зародились в умах индоевропейских завоевателей, а не самих аборигенов, как это было в случае с ведьмами. По мнению Дж.Л. Гомма, ведьмовство как феномен появилось из-за того, что аборигены «не только верили в собственные демонические силы, но и пользовались любой возможностью, дабы распространить эту веру среди своих завоевателей»⁸⁷⁴. Подытоживая всё вышесказанное, Дж.Л. Гомм пишет: «Ведьмовство объясняется как пережиток⁸⁷⁵ аборигенных

⁸⁷⁰ *Gomme G.L.* P. 58.

⁸⁷¹ *Gomme G.L.* P. 62. *Rhys J.* *Celtic Britain.* L., 1884 (2nd edition). P. 67-75.

⁸⁷² *Gomme G.L.* P. 63.

⁸⁷³ *Gomme G.L.* P. 63.

⁸⁷⁴ *Gomme G.L.* P. 64.

⁸⁷⁵ Разделяя идею Эдварда Бёрнетта Тайлора о пережитках, Дж.Л. Гомм полагает, что в фольклоре содержатся «пережитки обычаев, верований и ритуалов». *Gomme G.L.* *Folklore as an Historical Science.* P. 340.

верований из аборигенных источников. Феномен фэйри же объясняется как пережиток верований об аборигенах из арийских источников»⁸⁷⁶.

Дж.Л. Гомм, несмотря на то, что пишет непосредственно об эвгемеристической теории применительно к низшей мифологии, не только ни разу не упоминает имени Д. МакРитчи, что можно было бы объяснить небольшим промежутком между выходом их книг, но, он более того, ни разу не упоминает ни финнов, ни саамов, несмотря на то, что напрямую цитирует отрывок из произведения Дж.Ф. Кэмпбелла, который о них писал, и, в целом, упоминает о развитии анализируемой нами теории, которая началась, как мы помним, с пересказа Дж. Лейденом идей Поля Малле о саамах. Можно осмелиться предположить, что таким образом Дж.Л. Гомм хотел оградить себя от сомнительной славы Д. МакРитчи, пытался показать, что у него нет ничего общего с его идеями. В конце разобранный нами главы Дж.Л. Гомм замечает: «но если мы попытаемся создать четкую систематизацию, мы должны делать это крайне осторожно, и ни в коем случае нельзя позволять ей становиться средством, с помощью которого дозволительно будет вырывать некоторые элементы фольклора из их надлежащего места среди остальных»⁸⁷⁷, вероятно, таким образом выражая неодобрение произвольному методу Д. МакРитчи, который с легкостью использовал любые сведения из самых разных источников, подходящие под его теорию, временами не обращая внимания на контекст, в котором они находятся.

Эдвин Сидни Хартланд – один из основателей «Фольклорного общества» и выдающийся фольклорист своего времени, посвятил целых три страницы критике теории Д. МакРитчи в своем самом известном труде «Наука волшебных сказок». Э.С. Хартланд, как и Э. Лэнг, и А. Натт, придерживался метода пережитков для анализа фольклора, который применялся путем сопоставления народных верований европейских крестьян и религиозных обычаев аборигенных народов британских колоний. Основной целью исследований Э.С. Хартланда было доказательство того, что в основе всех фольклорных произведений, начиная от мифов и легенд и заканчивая быличками и сказками, лежат одни и те же универсальные сюжеты. Э.С. Хартланд полагал, что мышление у людей построено по единым законам, и поэтому духовная культура всех народов строится вокруг подобных мотивов и сюжетов. Э.С. Хартланд считал, что задачей фольклориста было выявить эти законы мышления и на основе них составить представление об устройстве человеческого сознания.

Обращаясь к книге Д. МакРитчи, Э.С. Хартланд вкратце пересказывает его теорию следующим образом: персонажи низшей мифологии у «кельтской и тевтонской рас» являются

⁸⁷⁶ *Gomme G.L. Ethnology in Folklore. P. 63.*

⁸⁷⁷ *Gomme G.L. P. 65.*

завоеванными этими народами «доисторическими племенами». Д. МакРитчи далее, по словам Э.С. Хартланда, идентифицирует их с пиктами Шотландии, фианами Шотландского нагорья и Ирландии, финнами и саамами Скандинавии, эскимосами, айнами, и «я не знаю какими ещё низкорослыми расами». Э.С. Хартланд также заостряет внимание на толковании Д. МакРитчи Санта-Клауса как «доброго и щедрого персонажа, придуманного благодаря этому народу, с которым столь несправедливо обошлись»⁸⁷⁸. Э.С. Хартланд отдельно выделяет аргументацию Д. МакРитчи о холмах фэйри, где и обитали те самые пигмеи-aborигены, а также его отсылки к трудам К. Блинда.

Э.С. Хартланд сужает свою критику следующим образом: «я оставлю кельтологам удовольствие иметь дело с замечательной этимологией мистера МакРитчи, а также с его историческими аргументами», указывая, что он ограничится комментированием лишь того, что входит в его компетенцию. Он заявляет, что готов согласиться с идеей о том, что некоторые черты мифологических персонажей у кельтов были действительно заимствованы ими у других народов. Дикари и варвары, пишет далее Э.С. Хартланд, действительно отличаются привычкой приписывать чужестранцам и врагам гораздо большие колдовские способности, нежели те, что, по их мнению, есть в распоряжении у них самих. И чем больше разница между ними и чужеземцами, тем более загадочными и могущественными последние им кажутся. Однако на этом, как указывает Э.С. Хартланд, его согласие с концепцией Д. МакРитчи заканчивается. Он обвиняет того в излишней узости мышления: «эта книга будет написана напрасно, если мне не удастся в ней достаточно ясно показать, что мифы народов всего мира следуют единому универсальному закону и демонстрируют схожие черты, так как, по-видимому, для Д. МакРитчи гораздо более важные труды доктора Тайлора и мистера Эндрю Лэнга уже были написаны напрасно»⁸⁷⁹. Он разъясняет свою теорию, указывая, что шетландские сказки о женитьбе на селки имеют аналоги среди народов, населяющих африканский Золотой Берег, а также среди даяков Борнео. Едва ли, иронично замечает Э.С. Хартланд, сможет Д. МакРитчи доказать, что исторические финны были известны в тех далеких местах. Он указывает, что в Аннаме и в Аравии о мифологических персонажах говорят, что они проживают в холмах и скалах, более того, и в этих странах, и на Дальнем Востоке считается, что они увлекают туда несчастных смертных, где те томятся на протяжении нескольких столетий. Калифорнийские шошоны боятся подменышей от нинумбеев, местного аналога мифологических карликов, а аборигены Новой Зеландии считают, что в царстве мертвых нельзя ничего есть, иначе невозможно будет вернуться к живым. Всё это имеет аналогии в фольклоре британских

⁸⁷⁸ Hartland E.S. P. 349.

⁸⁷⁹ Hartland E.S. P. 350.

народов, и Э.С. Хартланд указывает, что перед Д. МакРитчи стоит задача попытаться доказать, что все эти народы были знакомы с пиктами и финнами, и в их традициях отражены именно они.

Заключает свой обзор книги Д. МакРитчи Э.С. Хартланд следующим абзацем: «Правда, с которой не считается мистер МакРитчи, заключается в том, что ни одна теория не может объяснить природу и происхождение поверий о фэйри, если она также не объясняет природу и происхождение любого другого сверхъестественного существа, которому поклоняются или которого боятся нецивилизованные народы в любой стране мира. И пока он не поставит перед собой эту задачу, как бы гениальны ни были его догадки, как бы увлекательна ни была его филология, как бы восхитительно неистовы ни были его словесные и исторические аргументы, он не преуспееет в убеждении ни одного серьезного ученого»⁸⁸⁰.

Любопытно, что, по сути, и Э. Лэнг, и А. Натт, и Э.С. Хартланд критиковали Д. МакРитчи за то, что он объяснял универсальные фольклорные сюжеты привязкой к некому народу, под которым он понимал пиктов или финно-угров. Стоит отметить, что сам Д. МакРитчи несколько раз подчеркивал, что и пикты, и финно-угры являются лишь потомками этого аборигенного низкорослого населения, а оно само может варьироваться по внешнему облику (однако оно всегда низкорослое), в зависимости от того, где это население проживало. Пиктов и финно-угров Д. МакРитчи приводил в пример как его представителей в северной части Европы.

Подобная резкая критика труда Д. МакРитчи породила ответную реакцию. Одним из наиболее влиятельных защитников теории Д. МакРитчи стал известный фольклорист Джозеф Джакобс, придерживающийся позиций диффузионизма, один из издателей журнала «Фольклор» - главного печатного органа Фольклорного общества. Дж. Джакобс полагал, что нет смысла искать пережитки первобытного прошлого в легендах и сказках, которые могли никогда не циркулировать среди народов, находящихся на ранних стадиях развития. Он считал, что каждая сказка, определенный набор сюжетных действий, возникла лишь в одном месте и оттуда распространилась по всему миру. Дж. Джакобс составлял подробные карты бытования различных вариантов сказок. По его мнению, существовало три критерия, важных для определения происхождения сказки: страна, в которой сказка существует в наиболее законченном виде; страна с существующим или существовавшим обычаем, важным для сказки; страна, где известна самая ранняя её форма.

⁸⁸⁰ Hartland E.S. P. 351.

В своей рецензии на разобранную нами книгу Э.С. Хартланда Дж. Джакобс критикует его подход к возможности возникновения идентичных сказочных сюжетов в разных уголках мира, утверждая, что некоторые сюжеты могут быть схожими, но определенная последовательность действий в сказке или легенде продиктована именно возникновением её в едином центре и дальнейшим распространением из него. Дж. Джакобс комментирует критику Э.С. Хартланда следующим образом: «мистер Хартланд отрицает «реалистическую» теорию мистера МакРитчи очень высокомерно, я думаю, даже слишком», и сводит критику Э.С. Хартланда к следующему постулату: «его главный аргумент заключается в следующем: где вы найдете истории о фэйри, вы должны также найти следы финнов»⁸⁸¹. Дж. Джакобс поясняет, что, во-первых, истории о фэйри могли быть привнесены из тех мест, где жили финны. И, во-вторых, пишет Дж. Джакобс, «практически везде, где рассказывают подобные легенды, нынешнему населению предшествовала низкорослая раса, которая была истреблена. Традиция об этом автохтонном населении и могла бы, если встать на позиции мистера Хартланда, стать причиной возникновения преданий о фэйри»⁸⁸². Не совсем понятен последний аргумент Дж. Джакобса. Д. МакРитчи пытался на основе фольклорных данных и раскопок подтвердить идею о том, что аборигенным населением Британии действительно были совершенно чуждые индоевропейцам низкорослые люди, а Дж. Джакобс вывернул эту идею наизнанку, доказывая с помощью второго первое, и при этом не ссылаясь ни на каких авторитетов в этой области.

Практическое применение теории Д. МакРитчи Дж. Джакобс продемонстрировал в статье, посвященной традиционной английской легенде о Чайльд Роланде, где речь идет о трех братьях и их сестре, похищенной королем страны эльфов, когда та обходила церковь противосолонь. Два старших брата терпят неудачу, пытаясь спасти сестру, однако младший, Чайльд Роланд (Childe Rowland), преуспевает в этом начинании, следуя советам колдуна Мерлина (Warluck Merlin). Он побеждает короля страны эльфов (King of Elfland), и возвращает к жизни своих братьев, намазав им губы, ноздри, уши, веки и кончики пальцев волшебной мазью, полученной у сдавшегося короля.

Дж. Джакобс перечисляет возможные методы анализа этой баллады. Он пробует метод пережитков, используемый социал-дарвинистами, однако относится к его результатам достаточно скептически. Дж. Джакобс указывает, что помазание является одним из самых древних ритуалов, равно как и хождение противосолонь. Именно младший сын называется «childe», что в понимании Дж. Джакобса является синонимом слова «heir», «наследник». Дж.

⁸⁸¹ *Jacobs J.* Review: The Science of Fairy Tales: An Inquiry into Fairy Mythology by E. Sidney Hartland // *Folklore*. Mar., 1891. Vol. 2. No. 1. P. 126.

⁸⁸² *Ibid.*

Джакобс риторически вопрошает, не является ли этот элемент легенды воспоминанием о древних временах, когда именно младший сын считался наследником? Запрет на употребление пищи в мире мертвых, по мнению Дж. Джакобса, представляет собой одно из старейших табу. Дж. Джакобс заключает, что, таким образом, страна эльфов может быть приравнена к Аиду, её король – к Плутону, а сами эльфы – к духам мертвых. Таким образом, подводит итог Дж. Джакобс, легенда о Чайльд Роланде может рассматриваться как «идеализированный рассказ о браке похищением»⁸⁸³. В его рассуждениях можно увидеть вариант объяснения происхождения персонажей низшей мифологии, который мы ранее наблюдали у Э. Лэнга, А. Натта и Э.С. Хартланда.

Однако Дж. Джакобсу больше импонирует метод Д. МакРитчи. Любопытно, что он был знаком с ним лично, далее в тексте он упоминает переписку, а затем и встречу с ним. Дж. Джакобс полагает, что в качестве доказательства правоты Д. МакРитчи выступает тот факт, что общение с фэйри, похищение ими детей, а также их возможность скрыться в холме, в сказках и легендах не несет в себе изначального признака невозможности, как, например, в случае с говорящими животными и полетами⁸⁸⁴. Дж. Джакобс пишет: «археологи говорят нам, что в северной части Европы однажды проживала раса людей, низкорослых и отличающихся повышенным третичным покровом, которые обитали в подземных жилищах, замаскированных под зеленые холмы»⁸⁸⁵, и это доказательство напоминает вывернутый наизнанку оборот из первой разобранный нами статьи. Вероятно, Дж. Джакобс, будучи фольклористом, полагал, что не один Д. МакРитчи придерживается подобных воззрений, в то время как эти идеи, особенно, что касается повышенного третичного покрова, принадлежали только этому фольклористу. Д. МакРитчи в своих произведениях пытался создать видимость целой плеяды людей, разделяющих эту концепцию, однако на деле именно такой набор признаков, характеризующих аборигенное население, встречается только в его произведениях.

Дж. Джакобс, применяя метод Д. МакРитчи для анализа легенды о Чайльд Роланде, приходит к выводу, что дворец короля страны эльфов в легенде обладает удивительным сходством с описанными Д. МакРитчи жилищами аборигенов. И в том, и в другом случае речь идет сначала о длинном туннеле, а затем о большом помещении, где царят вечные сумерки (Д. МакРитчи объяснял это особенностями конструкции подземных жилищ, где свет проникает только через световое окно сверху). Более того, как указывает Дж. Джакобс, в личной беседе Д. МакРитчи предположил, что описанные в легенде интерьерные украшения из драгоценных

⁸⁸³ *Jacobs J. Childe Rowland // Folklore. Vol. 2. No. 2 (Jun., 1891). P. 195.*

⁸⁸⁴ *Jacobs J. P. 193.*

⁸⁸⁵ *Ibid.*

камней на самом деле могут быть ярко разукрашенными эскимосскими циновками, которые вешают на стены. Однако Дж. Джакобс выражает некий скепсис по поводу этой теории: «возможно, мы уже слишком вдаемся в детали»⁸⁸⁶.

Перенимая саму манеру Д. МакРитчи изыскания аргументов в пользу собственной теории, Дж. Джакобс указывает, что Дж.Л. Гомм отмечал, что террасное земледелие на холмах является практикой исключительно неиндоевропейских народов, и даже, вероятно, аборигенного населения Британских островов. В легенде о Чайльд Роланде дворец короля страны эльфов скрывается в «круглом зеленом холме, окруженном кольцами (террасами – как заключает Дж. Джакобс) сверху донизу»⁸⁸⁷, что позволяет Дж. Джакобсу найти ещё одно подтверждение применяемого им метода. В итоге, Дж. Джакобс отдает предпочтение именно теории Д. МакРитчи, отвергая метод пережитков на основании того, что он дает слишком общие и практически ничего не объясняющие результаты.

Вторым влиятельным сторонником идей Д. МакРитчи был валлийский фольклорист, вице-президент «Фольклорного общества», сэр Джон Рис. В своем президентском обращении к антропологической секции Британской научной ассоциации, он, ссылаясь на выводы Д. МакРитчи, строит свою концепцию заселения Британии. По его мнению, до кельтов Британию населяли два народа, которые в дальнейшем стали прообразом персонажей низшей мифологии, однако двух разных его типов: низкорослых гоблинов и брауни и прекрасных фэйри и эльфов.

Первый из этих народов был, по словам Дж. Риса, «низкорослой, коренастой и смуглой расой, которая строила свои жилища под землей или скрывала их иными способами»⁸⁸⁸. Анализируя образ фэйри в легендах и быличках как отражающий черты реального народа, - «я попытаюсь исследовать его, пройдя тернистым путем фольклора и филологии, ибо я не знаю никакого другого»⁸⁸⁹ - Дж. Рис пишет, что аборигены Британии были охотниками, рыболовами и скотоводами, не знали земледелия и жили за счет молочных продуктов и пойманной добычи. Металл был им неизвестен, но они умели прясть, любили музыку и танцы и отличались отменным слухом. Дж. Рис также указывает, что у этих людей был свой собственный, непонятный более поздним пришельцам язык, они считали только до пяти, и «их семейные отношения были низшего порядка: они не только не знали собственных отцов, но, вполне возможно, подобно некоторым австралийским аборигенам, недавно описанным Спенсером и

⁸⁸⁶ *Jacobs J.* P. 194.

⁸⁸⁷ *Jacobs J.* P. 185.

⁸⁸⁸ *Rhys J.* Address of the President of the Anthropological Section of the British Association // *Science. New Series.* Oct. 5, 1900. Vol. 12. No. 301. P. 504.

⁸⁸⁹ *Rhys J.* P. 502.

Гилленом, в целом не имели понятия «отцовство»⁸⁹⁰. Последний пассаж Дж. Рис доказывает, отмечая тот факт, что во многих валлийских и ирландских легендах все фэйри женского пола. Что же касается подземных жилищ, то здесь Дж. Рис полностью полагается на авторитет Д. МакРитчи, полагая, вероятно, как и Дж. Джакобс, что тот является вполне авторитетным археологом.

Любопытно, однако, что Дж. Рис, в отличие от Д. МакРитчи, не считал пиктов идентичными этому первому народу. Он соглашался с ним, что они идентичны племенам богини Дану из ирландских легенд, однако доказывал, что пикты составляли совершенно отдельную «расу, состоящую из высоких светловолосых людей с голубыми глазами, которые яростно сражались в битвах и наносили татуировки на собственное тело»⁸⁹¹. Дж. Рис ассоциирует их с берберами, которые, подобно пиктам, имели систему наследования, основанную на авункулате: после смерти короля-отца власть переходила не к его сыну, а к сыну его сестры. На основе же распространенного толкования названия «пикты» как отражающего склонность этого народа к татуированию собственного тела, Дж. Рис сопоставляет их с древними ливийцами и современными ему туарегами и кабулами. Он указывает, что пикты завоевали и подчинили себе тот первый низкорослый народ, а их происхождение, вероятно, является ливийским или же иберийским⁸⁹².

Что же касается первого народа, то приведем здесь заключение Дж. Риса полностью: «первая раса, которая заняли Британские острова, являла собой низкорослое, смуглое население, состоящее из миролюбивых горцев, уделяющих много внимания магии и колдовству, и, возможно, лапландского происхождения; черты, присущие им, были преувеличены или иным образом искажены в процессе эволюции образа малого народа в наших сказках и легендах»⁸⁹³. Однако год спустя, в своем грандиозном труде «Кельтский фольклор», Дж. Рис, пересказывая все основные положения своей теории, останавливается на саамском происхождении этого народа. Он указывает, что его президентское обращение нашло отклик, «но я был предупрежден экспертами⁸⁹⁴, что существуют серьезные краниологические расхождения в сопоставлении [этого народа – Д.Т.] с лапландцами, и что скорее нужно искать низкорослое население, однажды распространенное по всему нашему полушарию, и которое до сих пор можно найти в Европе, как, например, в Сицилии. Что касается пространства, более близкого к Британским островам, то присутствие подобных карликов было установлено в

⁸⁹⁰ *Rhŷs J. P.* 504.

⁸⁹¹ *Rhŷs J. P.* 516.

⁸⁹² *Ibid.*

⁸⁹³ *Rhŷs J. P.* 516.

⁸⁹⁴ Дж. Рис конкретно ссылается на информацию, предоставленную ему антропологом Альфредом Хэддоном, его близким другом.

Швейцарии в неолитический период»⁸⁹⁵. Ссылка на Сицилию выявляет знакомство Дж. Риса с работами полковника Р.Г. Халибёртона, а упоминание Швейцарии – с открытием Ю. Колльманна.

Однако наибольшее развитие идеи Д. МакРитчи получили на периферии. Элизабет Эндрюс, собирательница фольклора, взяла на вооружение его теорию и данные Ю. Колльманна, и попыталась применить их по отношению к материалу из Ольстера. Она соединила ирландских грогачей с английскими и шотландскими брауни, а низкорослых данов, к которым она также приписала племена богини Дану, – с пехтами, пиктами и финнами. Э. Эндрюс полагала, что «все они, включая фэйри, представляют собой примитивные расы человечества, и что в историях о женщинах, детях и мужчинах, похищенных фэйри, мы располагаем свидетельствами о войне, когда совершались тайные набеги и пленников уводили в темные подземелья»⁸⁹⁶. В целом, идеи Э. Эндрюс не выходят за рамки концепции Д. МакРитчи, она лишь снабдила их подтверждением на материале Ирландии.

Настоящее развитие теории Д. МакРитчи получила на Оркнейских и Шетландских островах, где она на многие десятилетия стала лидирующим подходом к анализу фольклорного материала. Более того, *финны* как мифологические персонажи привлекли внимание местных исследователей именно после трудов К. Блинда и Д. МакРитчи.

Оркнейский писатель Уолтер Т. Деннисон к моменту выпуска статей об оркнейском фольклоре в 1891-1894 гг. уже был знаком с теорией Д. МакРитчи. Комментируя рассказы о морских троу, У. Деннисон замечает, что они могли быть смутным воспоминанием о расе людей более низкого уровня, подобным саамам или эскимосам, вытесненных в доисторические времена кельтами-завоевателями⁸⁹⁷. В следующий раз он замечает, что во многих историях о *финнах*, которые всегда описываются как очень смуглые люди, вероятно, речь идет о пиктах, завоеванных норманнами⁸⁹⁸.

У. Деннисон был знаком и с концепцией К. Блинда. Он критикует его рассказы о русалках, говоря, что для фольклора Оркнейских островов идея русалки, которая надевает шкуру тюленя – это нонсенс⁸⁹⁹. Парадоксально, но для рационалистического объяснения приведенных им историй У. Деннисон использует то теорию Д. МакРитчи, то теорию К. Блинда. Так, раздел о *финнах* он заключает замечанием о том, что в мифах о *финнах*, возможно,

⁸⁹⁵ Rhys J. Celtic folklore, Welsh and Manx. Vol. I-II. Oxford, 1901. P. 683-684.

⁸⁹⁶ Andrews E. Ulster folklore. P. vi.

⁸⁹⁷ Dennison W.T. Vol. V. P. 168.

⁸⁹⁸ Dennison W.T. Vol. VII. P. 120.

⁸⁹⁹ Dennison W.T. Vol. VI. P. 115-6; 118.

отразились смутные воспоминания о расе или группе людей, которая с установлением христианства на Севере продолжала стойко держаться за языческую веру, была предана анафеме церковью и подвергалась остракизму со стороны общества. У. Деннисон замечает, что это могли быть норманны⁹⁰⁰.

Разгадка этого противоречия может заключаться в том, что и К. Блинд, и Д. МакРитчи первыми среди ученых, работающих непосредственно в научных центрах, а не на периферии, занялись анализом фольклорного материала Оркнейских и Шетландских островов. Обращение к местной тематике, идентификация *финнов* как персонажей низшей мифологии с аборигенным населением, сделало реалии местного фольклора известными многим британцам, что, разумеется, породило интерес к обеим концепциям у оркнейцев и шетландцев.

Спустя восемь лет после выхода работ У. Деннисона *финны* появляются и в труде о шетландском фольклоре. Его автором был Джон Спенс (1839-1918). Задаваясь вопросом о первых поселенцах на Шетландских островах, он замечал, что принято считать, что ими были пикты, которые пришли из Шотландии. Полагая, что самые ранние миграции человеческой расы происходили с востока на запад, Дж. Спенс делает вывод, что пиктами были финские путешественники со скандинавского полуострова, которые мигрировали отсюда в начале нашей эры. И так как Шетландские острова ближе к Норвегии, вероятно, их колонизировали первыми, а затем через Оркнейские острова финны заселили и Шотландию. В качестве доказательства он приводит некоторые топографические названия с корнем «финн», в т.ч. те, что обозначали пиктские постройки: холмы (курганы) «Финнистер» в округе Делтинг и Нестинг, название двух маленьких пригорков – «Финнистер Хаддс» (Finnister Hadds) также в о. Делтинг. На последнем термине он останавливается подробнее, замечая, что слово «хадд» (hadd) обозначает нору, вырытую неким животным, однако так же может называться земляное жилище. Из этого он делает вывод, что такое название обозначает землянку финнов или же их укрытие. Дж. Спенс замечает, что в народном сознании эти места ассоциировались с троллями или, по крайней мере, с чем-то нечистым⁹⁰¹.

А. Грайдеходж в этой книге Дж. Спенса склонен видеть первое влияние «макритчеизма»⁹⁰², доказывая это тем, что Дж. Спенс состоял в переписке с Робертом Джеймисоном, шотландским журналистом и преподавателем, который якобы также переписывался с Д. МакРитчи после прочтения его «Свидетельство традиции». А. Грайдеходж

⁹⁰⁰ *Dennison W.T.* Vol. V. P. 169.

⁹⁰¹ *Spence J.* P. 17-20.

⁹⁰² Под ним он понимает дальнейшее осмысление теории Д. МакРитчи, которая позже стала парадигмой для фольклористов Оркнейских и Шетландских островов.

предполагает, что Р. Джеймисон мог рассказать о его концепции Дж. Спенсу⁹⁰³. Любопытно, однако, что и ассоциация пиктских жилищ с саамскими, и сама мысль о том, что пикты могли быть саамами, принадлежит не Д. МакРитчи, а Дж.Ф. Кэмпбеллу. Единственным аспектом, из-за которого книга Дж. Спенса может быть приравнена к построениям Д. МакРитчи – это идея о том, что Шетландские острова были колонизированы переселенцами из Норвегии, однако подобные идеи заложены в самом шетландском фольклоре о *финнах*, где Норвегия считается родиной этих мифологических персонажей.

Кульминационной точкой развития шетландской фольклористики стала книга Джесси Саксби (1842–1940) «Шетландские обычаи и предания», которая также располагала отсылками к теории Д. МакРитчи. До неё Дж. Саксби написала статью «Фольклор с острова Анст» (1880), которая позже вошла в их общую с братом описательную работу о Шетландских островах⁹⁰⁴. Именно ей в свое время пользовался Д. МакРитчи для описания некоторых шетландских реалий, однако материала о *финнах* в этой работе нет.

В «Шетландских обычаях и преданиях» Дж. Саксби, опираясь на идеи Д. МакРитчи, вырабатывает свою собственную теорию о происхождении шетландцев, для чего она использует все известные ей концепции. Первыми на Шетландских островах, по мнению Дж. Саксби, появился «горный народец» (*peerie Hill-men*), который был родственен саамам и эскимосам. Дж. Саксби считала, что именно его представители – источник всех рассказов о троу. Она предполагала, что они прибыли из Норвегии или Дании, случайно, в поисках рыболовных угодий, или же целенаправленно, спасаясь от преследований врагов. Нетрудно уловить в этих норвежских эскимосах отсылки к концепции Д. МакРитчи. Второй волной поселенцев на Шетландские острова были «большие господа» (*mukle Maisters*) – финны и пикты. Дж. Саксби ссылается на К. Блинда в его выводе о том, что «Финн» - это древнегерманское слово, и дополняет это тем, что сама слышала, как «большими господами» называли датчан. Затем, однако, она сообщает, что скандинавы называли «финнами» ирландцев, и подводит итоги следующим образом: и финны, и пикты, с ее точки зрения, были просто разными кельтскими племенами⁹⁰⁵. Тем не менее, далее она соглашается с предположением, что пикты могли быть одним из норманнских племен⁹⁰⁶. Последние две волны поселенцев в её представлении – это норманны и шотландцы, первых из которых Дж. Саксби расценивает как предков современных шетландцев, а последних называет «ордой шотландских воров». Дж. Саксби подчеркивает, что она не является ученым, а просто желает

⁹⁰³ *Grydehøj A.* P. 106-107.

⁹⁰⁴ *Edmondston B., Saxby J.M.E.* The Home of a Naturalist. London, 1888.

⁹⁰⁵ *Saxby J.M.E.* P. 91.

⁹⁰⁶ *Saxby J.M.E.* P. 93.

сохранить для потомков шетландский фольклор⁹⁰⁷, что, вероятно, объясняет подобное смешение теорий. Любопытно, что на теоретические воззрения Дж. Саксби, несомненно, оказал влияние не только Д. МакРитчи, а ещё и Дж. Рис, так как «горный народец» в качестве аборигенного населения и сменившие его пикты, несомненно, почерпнуты из его трудов.

Любопытно, что концепция Д. МакРитчи, потеряв авторитет в научной среде метрополиса, на Оркнейских и Шетландских островах, находящихся на периферии, вплоть до наших дней являлась практически единственным методом анализа быличек и меморатов. Классическая монография Э. Марвика «Фольклор Оркнейских и Шетландских островов»⁹⁰⁸, равно как и позднейший сборник шетландского фольклориста Дж. Николсона⁹⁰⁹, демонстрируют отголоски теории Д. МакРитчи. И только в сравнительно недавних исследованиях в области фольклора северных островов Шотландии, в частности, Алана Бруфорда⁹¹⁰ и Эндрю Дженнинга⁹¹¹ (оба не являются уроженцами изучаемого региона) появляются более современные методы анализа фольклорного материала.

Выводы

Подведем итоги этой главы. Эвгемеристическая теория о саамах получила различное развитие в антропологии и в фольклористике, прежде всего, из-за разных методов, использующихся в этих науках. Антропологи, как мы видели, базировали свои выводы, в первую очередь, на измерении черепов, найденных в древних захоронениях Британии, привлекая, таким образом, данные археологии. В связи с достаточно медленным развитием теоретической базы британской археологии ученые заимствовали опыт своих зарубежных коллег, изначально скандинавских, провозглашавших идеи о финно-угорском аборигенном населении Британии, а затем и влиятельного французского антрополога Поля Брока, благодаря авторитету которого многие британские ученые стали считать древнее автохтонное население островов иберами. Меняющаяся научная мода тем не менее не обусловила полной смены парадигмы: даже в конце XIX века ещё находились ученые, придерживающиеся финно-угорской гипотезы.

Несколько иную картину можно наблюдать в фольклористике. Викторианские фольклористы продолжали работать, в первую очередь, именно с материалом устной традиции,

⁹⁰⁷ *Saxby J.M.E.* P. 8-9.

⁹⁰⁸ *Marwick E.W.* The Folklore of Orkney and Shetland. Totowa, 1975. Edinburgh, 2011.

⁹⁰⁹ *Nicolson J.R.* Shetland Folklore L., 1981.

⁹¹⁰ *Bruford A.* Trolls, Hillfolk, Finns, and Picts: The Identity of the Good Neighbors in Orkney and Shetland // The Good People: New Fairylore Essays. N.Y., 1991. Lexington, 1997. P. 116-141.

⁹¹¹ *Jennings A.* The Finnfolk. Text of a public talk Dr Andrew Jennings gave at the Shetland Museum 25th of March 2010. <http://www.uhi.ac.uk/en/research-enterprise/cultural/centre-for-nordic-studies/conferences-seminars/the-finnfolk>

лишь по мере необходимости, а зачастую и весьма поверхностно, привлекая данные антропологии и археологии. Дж.Ф. Кэмпбелл благодаря своей поездке в Лапландию снабдил теорию необходимой теоретической базой, соотнеся распространенные во всей Британии «холмы фэйри» с таким специфическим типом саамского жилища как кота. В восьмидесятые годы XIX века эвгемеристическая теория о саамах уже не вызывала вопросов в научной среде, даже не было нужды её доказывать. Любопытно, что наряду с ней сохранилась и эвгемеристическая теория о друидах – не в своем первоначальном виде, однако в качестве доказательной базы для теории о саамах. Можно предположить, что с постепенным утверждением концепции эволюционизма в фольклористике, как это произошло в случае с «Фольклорным обществом» Лондона, многие из участников которого, выдающиеся фольклористы своего времени, разделяли идеи Э.Б. Тайлора, эвгемеристическая теория постепенно теряла бы глобальный масштаб, превращаясь лишь в один из компонентов объяснения происхождения персонажей низшей мифологии. Вероятнее всего, таким образом она бы и закончила свое существование, органично заняв свое теперешнее место, если бы не труд Д. МакРитчи, из-за которого она получила определенного рода дурную славу.

В построениях Д. МакРитчи финны, саамы и эскимосы выступали в качестве потомков некой древней низкорослой расы с повышенным третичным волосатым покровом, представителями которой в настоящее время являются айны. По мнению Д. МакРитчи именно эта раса является прообразом персонажей низшей мифологии, а в древности её представители были аборигенным населением практически всего земного шара. В случае Британии Д. МакРитчи полагал, что древнейшим населением островов являются пикты, чье «угорское происхождение» и родство с вышеперечисленными народами он доказывал через апелляцию к характерным персонажам низшей мифологии жителей Оркнейских и Шетландских островов – *финнам*. Для доказательства своих построений, Д. МакРитчи привлекает самый разный материал: сборники фольклора, исторические документы и даже собственные наблюдения, прежде всего о таких специфических для Шотландии сооружениях железного века как брохи. Критика источников в его произведении отсутствовала, более того, факты подбирались исключительно в соответствии с теорией, причем временами ненужные моменты из источников могли умалчиваться.

Теория Д. МакРитчи получила значительное распространение в широких кругах благодаря своему универсальному объяснению феномена низшей мифологии, которое викторианская публика весьма тепло приняла. Тем не менее, ученые, критиковавшие концепцию Д. МакРитчи, также обращали внимание именно на эту черту. Возможно, если бы Д. МакРитчи не распространил свою теорию на весь мир, а ограничился лишь Британскими

островами, это породило бы более благоприятную реакцию в научной среде, так как многие фольклористы были готовы закрыть глаза на недостатки его метода из-за удивительно ясного и простого объяснения феномена.

Однако главной причиной провала идей Д. МакРитчи и его последователей было отсутствие останков пигмеев в Европе. Ю. Колльманн полагал, что он был первым, кто обнаружил захоронения низкорослой расы, и во всей Европе присутствовало ожидание подобного рода открытий. После него действительно было зафиксировано несколько случаев обнаружения якобы останков европейских пигмеев, однако все они были опровергнуты. А. Грайдходж также обращает внимание на то, что опыт второй мировой войны с использованием нацистами расовых классификаций, основанных в том числе и на данных филологии, привел к тому, что теория Д. МакРитчи стала своего рода научным табу⁹¹².

Наибольшую роль теория Д. МакРитчи сыграла в фольклористике Оркнейских и Шетландских островов, оставаясь до недавнего времени главным методом анализа местного мифологического материала. И даже до сих пор выходят работы, поднимающие идеи Д. МакРитчи, как например, сравнительно недавняя книга Джона М. Маколея «Тюлений народ и гребцы в океане»⁹¹³, однако большой научной ценности они, к сожалению, не представляют. В целом, мы можем констатировать дискредитацию эвгемеристической теории о саамах в научной среде. А. Грайдходж указывает, что непосредственное использование идей Д. МакРитчи прослеживаются в трудах ещё одной печально известной британской фольклористки – Маргарет Мюррей⁹¹⁴. Её основная идея заключалась в том, что ведьмы и колдуньи во все времена образовывали своего рода тайное сообщество, поддерживающее на протяжении столетий древний культ плодородия. Рационализация самого феномена ведьмовства, в конечном итоге, привела к тому, что труды М. Мюррей легли в основу самой распространенной современной неоязыческой религиозной системы под названием «викка». Как отмечает Ж. Симпсон, «не один британский фольклорист не вспоминает Маргарет Мюррей без смущения и чувства противоречия. Она была одной из немногих фольклористов, чье имя было известно широкой публике, но среди ученых её репутация была заслуженно низкой»⁹¹⁵. Таким образом, трактовка Д. МакРитчи эвгемеристической теории привела к её маргинализации.

⁹¹² *Grydehøj A.* P. 100.

⁹¹³ *Macaulay J.M.* Seal-Folk and Ocean Paddlers: Sliochd nan Ròn. Cambridge, 1998.

⁹¹⁴ *Grydehøj A.* P. 100. К примеру, она приравнивала ведьм к фэйри, а последних считала докельтским населением Британии, живших в домах, подобных холмам и эскимосским иглу, не знавших земледелия и занимавшихся скотоводством, сравнивая их с «дикими племенами Индии» и «народами азиатских степей». *Murray M.A.* The Witch-Cult in Western Europe: A Study in Anthropology. Oxford, 1921. P. 14; *Murray M.A.* The God of the Witches. Oxford, 1970 (1st edition 1931). P. 50-51.

⁹¹⁵ *Simpson J.* Margaret Murray: Who Believed Her, and Why? // *Folklore.* 1994. Vol. 105. P. 89.

Тем не менее, любопытно другое. В вопросе о праиндоевропейском населении до сих пор существуют гипотезы, ведущие свое начало с XIX века. Так называемая «васконская гипотеза», предложенная немецким лингвистом Тео Феннеманном (р. 1937), в конечном итоге представляла басков как единственных прямых наследников праиндоевропейского населения. Калеви Вик (р. 1932), профессор филологии из Финляндии, полагал, что и баски, и финно-угорское население были вытеснены на европейскую периферию прямыми потомками охотников последнего Ледникового периода (23 тыс. – 8 тыс. лет до н.э.)⁹¹⁶. Более того, как и сто лет назад, пикты рассматриваются либо как кельтское племя, либо как представители одной из первых групп праиндоевропейского населения, близкого древним иберам. Можно отметить, что многие идеи в науке, какими бы дискуссионными они ни были, имеют длительную историю, со временем меняя или обогащая собственную доказательную базу. Клод Леви-Стросс писал, что «истинно научный анализ должен соответствовать фактам, отвечать критерию простоты и иметь объясняющую силу»⁹¹⁷, и к некоторым концепциям, прежде всего соответствующим критерию простоты, ученые обращаются в совершенно разное время, вне зависимости от уровня научных знаний или методологии исследования.

⁹¹⁶ Wiik K. *Euoppalaisten Juuret*. Athens, Juvaskylä, 2002.

⁹¹⁷ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 37.

Заключение

В начале работы мы поставили перед собой три задачи: выделить предпосылки, обусловившие интерес к теории П. Малле в британской научной среде в начале XIX века; проследить развитие этой теории в этнологии, антропологии, фольклористике и сопряженной с ней скандинавистике; указать причины дискредитации этой теории в конце XIX века и её последствия. Подведем выводы нашего исследования.

В 1755 году на волне увлечения скандинавской мифологией швейцарский профессор Поль Анри Малле переводит на французский язык «Младшую Эдду» Снорри Стурлусона. В примечаниях к основному тексту он высказывает идею о том, что саамы могли быть прообразом карликов из скандинавской мифологии. П. Малле провел эту аналогию на основе следующих черт, которые, по его мнению, роднили мифологических карликов и саамов: низкий рост, приписываемое владение магией и выдающиеся способности к разного рода ремеслам. П. Малле полагал, что непосредственные предки германцев, кельтов и скандинавов, столкнувшись со столь непохожим на них народом, проживавшим рядом с ними, сконструировали на основе своих впечатлений целый пласт верований о низкорослых сверхъестественных существах.

В основе этой теории лежала средневековая традиция эвгемеризации мифологических карликов путем ассоциации их с неким народом, отличным от людей – главных героев саг. Однако ассоциация его с саамами возникла лишь в середине XVIII века в рамках научной традиции эпохи Просвещения и накопления данных о саамах. К тому времени в среде европейских ученых сложился определенный образ саамов. Он включал в себя, в первую очередь, низкорослость и смуглость. Помимо этого, в него входили оленеводство, охота и рыбалка в качестве основных занятий саамов, что коренным образом отличало их от других европейцев, в большинстве своем занимавшихся земледелием. Считалось также, что саамы жили в неких конусообразных постройках из бревен, покрытых сверху корой и дерном.

Чрезвычайно широка была слава саамов как выдающихся колдунов, отсылки к которой встречаются даже в произведениях британских поэтов и драматургов вплоть до XVIII века. Колдовские умения саамов якобы состояли из следующих компонентов: продажа ветров морякам путем завязывания трех узлов на веревке; управление погодой; «метание» колдовских дротиков, с помощью которых жертве наносились внутренние увечья; предсказание будущего; создание иллюзий и магических предметов; оборотничество; а также шаманские камлания и действия связанные с ними, как например, возвращение души умершего во время шаманского транса и лечение болезней. Объяснение подобного рода явлений может заключаться в том, что саамы долгое время придерживались языческих воззрений (включая культ священных камней-

сейдов), а также имели институт шаманов-нойдов. Таким образом, саамы как якобы низкорослый народ, отличавшийся от индоевропейцев и в типе хозяйства, и в духовной культуре, был соотнесен с мифологическими карликами на основе приписываемых им сверхъестественных черт. Нужно отметить, что хотя П. Малле и принадлежит авторство данной теории, подобные же мысли встречаются и в работах других авторов эпохи Просвещения, которые также в поисках рационального объяснения происхождения персонажей народной демонологии соотнесли образ мифологических карликов и саамов.

В работе П. Малле предки современных индоевропейских народов северной части Европы представлены в виде единого этноса, а сама «Младшая Эдда», по словам автора, относилась к наследию друидов. Подобного рода воззрения вписываются в рамки концепции готицизма, в которой вплоть до семидесятых годов XVIII века не делалось различий между германцами и кельтами. Концепция готицизма, зародившаяся в Скандинавии в XV веке, столетием позже проникла в Англию, где пришла на смену подвергшейся критике легенде о Бруте, согласно которой аборигенным населением Британии были великаны. Изначально концепция готицизма в Англии подчеркивала родственность англичан германцам, в силу чего они получили название «саксы», а в качестве некоего первопредка всех германцев сторонники этой идеи указывали эвгемеризированного бога Туиско, упомянутого в труде «О происхождении германцев и местоположении Германии» Корнелия Тацита. В трудах готицистов Туиско являлся сыном Аскеназа, внуком Гомера, правнуком Иафета.

Однако в связи с публикацией на латыни в XVI-XVII вв. источников по скандинавской мифологии, в том числе описывающих легендарную историю заселения севера Европы, слава Туиско померкла, и на смену ему пришла к традиция, уходящая корнями ещё в средневековье – о происхождении английского народа от эвгемеризированного бога Одина: ранние английские хронисты и историки часто называли Одина одним из предков англо-саксонских королей.

В прологе к «Младшей Эдде» Снорри Стурлусон поместил эвгемеристическое объяснение природы языческих богов через миграцию троянцев или асов, которых возглавлял Один, потомок царя Трои. Им с женой Фригг было явлено пророчество, что слава их в северной части света будет столь велика, что их имена будут чтить превыше имен всех остальных конунгов. На своем пути в Скандинавию асы захватывают Страну Саксов, где Один оставил править своих сыновей. Дойдя же до Скандинавии, они последовательно подчиняют себе её области, где Один снова сажает править своих потомков.

На основе этой эвгемеристической истории о миграции асов исландский историк Тормод Торфеус (1636-1719) вместе с другими скандинавскими учеными выработал теорию, согласно

которой Один признавался реально существовавшим историческим персонажем, который привел переселенцев из Азии в Скандинавию. Со временем же образ Одина трансформировался в народной традиции, обретя сверхъестественные черты, а сам Один стал божеством.

В английской готицистической традиции сами англичане стали считаться саксами, потомками готов, переселившихся из Азии в северную часть Европы. К середине XVIII века готицизм становится общепринятым подходом к анализу происхождения собственного народа среди английской образованной публики. Помимо прочего, эта концепция сближала прошлое Англии и стран Северной Европы, даруя им общих предков – эвгемеризированных богов из скандинавского пантеона. Англичане, чей цикл мифов о языческих богах практически не сохранился, охотно разделили отцов основателей своего народа со скандинавами, так как в условиях господства готицистической парадигмы все индоевропейские народы северной части Европы представлялись единым этносом, лишь сравнительно недавно разделившимся на отдельные группы.

В Шотландии концепция готицизма прошла несколько иной путь. Она появляется в трудах шотландских ученых лишь в XVIII веке, когда после Акта об Унии шотландцы переняли её у англичан. Изначально концепция готицизма применялась в качестве заимствования скоттами на раннем этапе готских институтов и законов, так как установления шотландского феодализма были, по мнению шотландских ученых, по своей сути идентичны общегерманским. Однако достаточно скоро концепция готицизма приняла традиционную форму, в случае Шотландии выражавшуюся в идее, что шотландцы также имели готское происхождение. Важную роль в этой концепции играли пикты, которые, пожалуй, являлись единственным компонентом в ранней шотландской истории, с которым шотландцы могли себя идентифицировать, дабы отличаться от ирландцев. Пикты позволили ряду шотландских ученых, тяготеющих к интеллектуальным кругам Англии, попытаться уйти от неизбежной ассоциации населения Шотландии (по крайней мере, равнинной его части) с образом дикарей-кельтов, чрезвычайно распространенным в среде их английских коллег. Пикты в их построениях считались носителями того самого готского начала, выступая в роли предков современных лоулендеров, в то время как горцы-гэлы продолжали рассматриваться как кельты, а значит, носители разного рода черт, присущих нецивилизованным народам. Подобная дихотомия лоулендеры/горцы прослеживается с XIV в., когда произошло отчетливое разделение Шотландии на южную равнинную часть, тяготеющую к английским соседям, и северную горную, чье самосознание оставалось крайне кельтским.

Тем не менее, в отличие от Англии, концепция готицизма не получила явного преимущества в толковании национальной истории. В качестве политического мифа в Шотландии продолжала существовать кельтская по своей сути легенда о королях Дал Риады – о сыне Эрка мак Эхдаха, правителя Дал Риады (раннесредневекового гэльского королевства на севере Ирландии), Фергусе, который с двумя своими братьями, Лоарном и Энгусом, завоевали земли в Великобритании, и основали в 500 г. шотландский королевский дом Дал Риада. В XVIII веке, в связи с чрезвычайной популярностью произведений Дж.Ф. Макферсона, идея о кельтской родословной шотландцев получает свое воплощение в концепции кельтицизма – идеи, приписывающей гэльское происхождение даже германцам. Таким образом, в Шотландии концепция готицизма соперничала с доктриной кельтицизма.

Идея изначального сведения под эгидой готицизма кельтов, германцев и скандинавов в рамках их происхождения от готов давало этим народам общее прошлое в качестве сосуществования в виде единого этноса. Это означало, что, ко времени перевода П. Малле «Младшей Эдды» он, относя её к наследию друидов, представлял столкновение с саамами и сам процесс наделения их сверхъестественными чертами также общим для вышеперечисленных народов. Именно эта идея, действующая в рамках концепции готицизма, как нам представляется, позволила перенести идеи П. Малле на британскую почву, приспособив их к местным реалиям низшей мифологии.

Нужно отметить, что необходимым фактором для утверждения и дальнейшего развития теории П. Малле в Британии был особый интерес к прошлому в середине XVIII столетия, который нашел выражение в собирании и публикации рассказов о низшей мифологии, отношение к которым в эпоху романтизма изменилось: из выражения бессмысленных суеверий они стали рассматриваться как часть национальной культуры и отражение истории народа.

В Ирландии концепция готицизма не прижилась в силу изначального преобладания кельтского элемента в самосознании ирландцев. Тем не менее, именно на ирландском материале прослеживается достаточно ранний прецедент эвгемеризации персонажей народной демонологии, произошедший в рамках мифологической истории ирландского народа. Наиболее полным её описанием располагает «Книге захватов Ирландии» (ок. 1050), где излагалась эвгемеристическая история волн ранних миграций в Ирландию (племя Партолона, народ Немеда, народ Фир Болг, племена богини Дану, милезианцы). Все вышеперечисленные народы в ирландской традиции связывались с некими реальными людьми, однако племена богини Дану и фоморы в дальнейшем, под влиянием христианства превратились в персонажей низшей

мифологии. Будучи изначально включенными как реальные люди в заселение Ирландии, они могли дать необходимую базу для ассоциации волшебных существ с аборигенным населением.

Говоря об эвгемеризированных персонажах низшей мифологии, не стоит также забывать о том, что средневековый английский миф, легенда о Бруте, в качестве этапа, предшествующего заселению Британских островов троянцами под предводительством Брута, указывал стадию, когда там жили великаны. Вера в существование великанов не закончилась с развенчанием этого мифа. После критики Полидором Вергилием в 1534 году легенды о Бруте разгорелась острая дискуссия между сторонниками и противниками традиционной истории Англии. Английские авторы, стоявшие на позициях традиционализма, попытались реанимировать её, объединив со сведениями доминиканского монаха Анния из Витербо, который якобы обнаружил древние записи Бероса, вавилонского историка и жреца III в. до н.э., писавшего, что великан Самогес, сын Иафета, внук Ноя, впервые после Потопа основал царство Кельтика между Пиренеями и Рейном. Антикварию распространили царство Самогеса также и на Британские острова, снова сделав великанов их древнейшим населением. Эта теория была вскоре раскритикована, однако сама возможность существования великанов опиралась на авторитет Священного Писания (Книга Бытия 6:1-4: «в то время были на земле исполины»). Вплоть до XVIII века великаны продолжали существовать в трудах английских и шотландских антикваров в качестве строителей Стоунхенджа и прочих мегалитических сооружений Британских островов – идеи, ведущей свое начало с труда Гальфрида Монмутского. Таким образом, вера в существование великанов, то есть персонажей низшей мифологии, в качестве древнейшего населения Британских островов, несмотря на критику оппонентов, в том или ином виде существовала в трудах британских антиквариев вплоть до конца XVIII века.

Мегалитические сооружения связывают великанов с персонажами, в отношении которых в британской историографии была впервые применена концепция П. Малле. Прямых указаний на идеи П. Малле в рамках этого подхода не прослеживается, однако сама аргументация, а также оформление идеи как и в труде П. Малле в виде примечания к основному тексту, позволяют заключить, что использовалась именно его концепция. Речь в данном случае идет о подходе к толкованию происхождения низшей мифологии Британских островов, которому мы дали название «эвгемеристическая теория о друидах». Друиды к началу XIX в. стали своеобразным олицетворением предков британцев, так как интерес ученых фокусировался не столько на древних обитателях Британии в целом, сколько именно на друидах как самых загадочных их представителях. Мифические скандинавские карлики были уподоблены фэйри, основному типу персонажей низшей мифологии Британских островов, ещё в переводе на английский язык Т. Перси «Северных древностей» П. Малле, что определенным образом

приспосабливало теорию П. Малле к британским реалиям. Таким образом, друиды заняли место саамов, а фэйри – карликов. В рамках этой теории, фэйри сначала становятся угнетенным аборигенным народом (к которому причисляются и друиды), бежавшим от своих врагов в некие подземные «жилища пиктов». Таким образом, уже в эвгемеристической теории о друидах важную роль играют руины железного века в Британии, которые народная традиция называла «жилищами пиктов». Аргументация дальнейшего обоснования идеи о том, что прообразом фэйри был аборигенный народ Британии, строится вокруг попытки привязать черты персонажей низшей мифологии к настоящему народу, жившему скрытно: свои подземные жилища эти люди покидали только ночью, дабы их никто не видел, одежду они носили зеленого цвета, чтобы сливаться с местностью и т.д.

Постепенно аборигенное население Британии в построениях сторонников эвгемеристической теории о друидах перерастало в некий Друидический орден – особую конспиративную группу друидов, которые были вынуждены скрываться после прихода христианства. Тем не менее, эвгемеристической теории о друидах была уготована недолгая судьба. Вероятно, теория о сложном закрытом сообществе конспираторов, похищавших детей, даже на более благосклонный взгляд ученых начала XIX в. казалась слишком абсурдной идеей. Однако сама теория П. Малле продолжила существовать в британской историографии, но уже в своем первоначальном виде.

Она появляется в собрании шотландских баллад сэра Вальтера Скотта «Песни приграничного края», где был размещен очерк шотландского востоковеда Джона Лейдена «Поверья о фэйри», который служил предисловием к балладе «Тэм Лин». В нем Дж. Лейден пересказывая аргументацию П. Малле, дополнял её замечанием, что процесс, похожий на превращение саамов в мифологический карликов, мог произойти в Шотландии, однако в последнем случае там могли быть задействованы персонажи с названием «пехи» из народных верований и пикты – древнейший народ, населявший северную часть Британии, согласно сообщениям античных авторов.

После подобного введения теории П. Малле в британскую научную среду её развитие происходило в двух важных направлениях: в этнологии и фольклористике, причем последняя также тесно переплеталась с изучением скандинавских мифов, научной традиции, откуда она и была заимствована.

В викторианской сканинавистике эвгемеристическое объяснение природы персонажей низшей мифологии бытовало на одном уровне с аллегорическим и чаще всего применялось не к карликам, а к йотунам – инеистым великанам. Так, У. Херберт применяет его к йотунам и ещё

одному классу персонажей скандинавской мифологии – альвам, объясняя происхождение и тех, и других через ассоциацию с народами, упомянутыми у античных авторов. Эвгемеристическое объяснение получило поддержку лишь в начале сороковых годов XIX века, так как вплоть до этого времени определенной популярностью у британских скандинавистов пользовалась теория влиятельного исландского мифолога Финна Магнуссона, исповедовавшего аллегорический подход к толкованию мифов, в рамках которого он считал действующих лиц скандинавской мифологии персонификациями сил природы и человеческих чувств. Эвгемеристическая трактовка, более того, привязка к саамам, появляется в работах У.Э. Фрая, снова ассоциировавшего с ними йотунов. В конце же пятидесятых годов выходят два сочинения крупных скандинавистов того времени, Б. Торпа и Дж. Дасента, в которых саамы рассматриваются не только как прообраз только йотунов, но и персонажей низшей мифологии Скандинавии в целом, включая и карликов. В работах Б. Торпа и Дж. Дасента можно увидеть пример перенесения эвгемеристического толкования происхождения персонажей скандинавской мифологии на абстрактный феномен конфликта аборигенной и пришлой рас. Идея П. Малле в такой трактовке выходит за рамки скандинавских реалий, так как подобный конфликт народов с разными типами хозяйственной деятельности и его последствия в виде создания персонажей народной демонологии, по мнению Б. Торпа и Дж. Дасента, являются универсальными для всего мира. Таким образом, теория П. Малле переросла рамки скандинавистики, и, в конечном итоге, стала своего рода глобальным подходом, более применимым в антропологии.

В британской фольклористике первой половины XIX века теория П. Малле также изначально рассматривалась только в отношении скандинавского материала. В своих энциклопедических изданиях о низшей мифологии её последовательно отвергают такие значительные фольклористы как Т.К. Крокер и Т. Кейтли. Однако в тридцатых годах XIX в. теория снова появляется уже в работе самого сэра Вальтера Скотта «Письма о демонологии и колдовстве», который расширил её толкование до финнов, саамов и латышей, добавив также замечание о способностях саамов предсказывать погоду, из-за чего те могли быть в мифах превращены в карликов-колдунов. Примечательно, что В. Скотт расширяет трактовку П. Малле, относя её также и к немецким кобольдам, от которых, по его словам, пошли английские гоблины и шотландские боглы.

Напрямую и теория П. Малле, и его имя впервые упоминаются в британской историографии в очерке английского поэта Ли Ханта, который, однако, относил толкование П. Малле лишь к скандинавской мифологии. Дальнейшее развитие идей П. Малле по отношению к британским реалиям произошло в статье Роберта Саути, который, ссылаясь на доказательство

Дж. Далайла идентичности пехов и пиктов на материале устной традиции шотландской области Западный Лотиан, а также используя фольклор Девоншира и Корнуолла, собранный А.Э. Брэй, констатировал, что за народными верованиями жителей двух последних графств о пикси также может стоять некий эвгемеризированный народ. Однако напрямую с пиктами Р. Саути их не связывал, так как считал, что прообразом пикси являются друиды. Это заключение он выводил из того факта, что на территории Девоншира и Корнуолла находится больше всего мегалитических сооружений, якобы связанных с друидами. Эвгемеристическая теория о друидах, поднятая Р. Саути, к тому моменту уже была анахронизмом, однако возможность ассоциации пикси с пиктами, хоть и не высказанная автором напрямую, ещё больше привязала теорию П. Малле к британским реалиям.

К середине девятнадцатого века был накоплен определенный материал в сравнительно-историческом языкознании – новом способе познания бесписьменного периода истории индоевропейских народов. Было доказано родство германских, кельтских и славянских языков, а также их общее происхождение. Так как существовал пласт слов, общий для всех языков, соответственно, считалось, что он должен был описывать именно те условия, в которых жили древние индоевропейцы. Сторонники сравнительно-исторического языкознания считали, что прародина всех индоевропейцев находится в Азии, и полагали, что первыми в Европе поселились кельты, затем германцы, а потом славяне. Всё это требовало также рационального осмысления присутствия в Европе неиндоевропейских народов. Был сделан вывод, что носители неиндоевропейских языков должны были появиться в Европе ещё до прихода туда индоевропейцев. Таким образом, финны, саамы и баски, о миграции которых не было информации в письменных источниках, становятся аборигенным населением Европы.

Подобные идеи объясняли внезапный интерес среди скандинавистов к теории П. Малле и придание ей универсального характера. Однако они также непосредственно затронули и сферу фольклористики.

На основе выводов сравнительно-исторического языкознания были выстроены умозаключения Дж.Ф. Кэмпбелла – выдающегося шотландского фольклориста XIX в. Он придерживался постулатов как эвгемеристической теории о друидах, так и концепции П. Малле. В труде Дж.Ф. Кэмпбелла можно увидеть большое количество различных теорий для объяснения происхождения феномена низшей мифологии, так как его целью было доказать современникам, что подобные рассказы ценны и нуждаются в сохранении как важная часть народной культуры.

Что же касается эвгемеристической теории о саамах, то Дж.Ф. Кэмпбелл существенно расширил её доказательную базу, не в последнюю очередь благодаря своему путешествию в Лапландию, что дало ему возможность работать не только с данными фольклора, но и с результатами собственных наблюдений. Он впервые соотнес саамскую коту с холмом фэйри, развив, таким образом, идею английского путешественника А. де К. Брука о схожести жилища саамов с холмом. Дж.Ф. Кэмпбелл также был первым, кто приравнял пиктов к саамам. Таким образом, он свел воедино теорию П. Малле о саамах и наработки британских фольклористов первой половины века, развивавших теорию, что прообразом персонажей низшей мифологии Британии были пикты.

К последней декаде XIX в. эвгемеристическая теория о персонажах низшей мифологии пользовалась определенным авторитетом в среде фольклористов. Её доказательная база в то время была настолько известна, что такие фольклористы второй половины XIX века как Ф. Холл, С. Баринг-Гоулд, У. Сайкс и Дж.Л. Гомм даже не находят нужным приводить аргументы в пользу этой теории. Тем не менее, её золотой век в фольклористике заканчивался. Э. Тайлор упоминал эту теорию как один из возможных компонентов объяснения происхождения персонажей низшей мифологии, однако подчеркивал, что само объяснение может быть только многосоставным. Его же позицию разделяли и другие фольклористы, стоявшие на позициях социал-дарвинизма.

В британской антропологии эта теория имела несколько иной вид. Она основывалась на расовых классификациях эпохи Просвещения, где общий антропологический облик саамов сводился к следующему: это малый рост, коренастость, смуглая кожа, темные глаза и черные волосы. Саамы в целом занимали обособленное место среди народов Европы, чем затрудняли их возможное отнесение к той или иной группе народов. В ранних классификациях Ф. Бренье и Ж.-Л. де Бюффона, саамам была отведена отдельная раса, К. Линней же относил их к подгруппе «*Homo monstrosus*». После измерений черепов и полной деконструкции своих ранних теоретических построений, И.Ф. Блюменбах начинает относить саамов к монгольской расе, и эта идея вошла в труды английского этнолога Дж.К. Причарда, одного из авторитетнейших ученых в британской этнологии первой половине XIX века.

Сам Дж.К. Причард, опираясь на выводы шведского историка Э.Г. Гейера, указывает, что в скандинавских мифах под именем «йотуны» выступают финны и саамы, и вписывает эту идею в свою классификацию народов. Используя достижения сравнительно-исторического языкознания, Дж.К. Причард приходит к выводу, что обширный регион в северной части Европы был заселен аборигенными народами, принадлежащими к единой «семье наций»,

которой он дает общее название «йотуны», включая туда ещё такие названия как «чудь» и «огры» (по аналогии со словом «угры»). В целом, после описания Дж.К. Причарда становится понятно, что под этими названиями он объединяет финно-угорские и балтские народы. На прошлое самой Великобритании Дж.К. Причард придерживался традиционного взгляда, полагая, что аборигенным населением Британских островов были кельты. Его позицию разделял его преемник в науке Р.Г. Лэтэм, упоминавший эвгемеристическую теорию о саамах, но не разделявший её воззрения.

Тем не менее, именно Дж.К. Причард впервые в британской традиции причислил саамов к туранской семье языков, появившейся в труде шведского историка Э.Г. Гейера как противоположность индоевропейской (иранской). Особое внимание именно туранской расе уделял Ф.М. Мюллер, британский фольклорист немецкого происхождения. Ф.М. Мюллер делил всё человечество по языковому принципу на три группы: арийская (индоевропейские языки), семитская (языки кочевнических народов северной Африки, древнего Египта, Вавилона и Ассирии) и туранская (все остальные языки). Помимо этого, он обозначил некую эволюционную схему развития языков: от китайского языка к туранским, а от них к семитским и арийским, сплотив, таким образом, все языки мира в единой моногенистической концепции. Те туранцы, которые жили в Европе, в языковом плане являли собой раннюю стадию развития языка, и, следуя логике расселения носителей языковых ветвей, представляли собой древнейшее население Европы, которое, как полагал Ф.М. Мюллер, используя эвгемеристическую теорию, арийцы и семиты приняли за персонажей народной демонологии.

В середине девятнадцатого века идея о саамах как британском аборигенном населении была также подтверждена скандинавскими учеными на основе анализа древних останков и археологического материала Британии. А. Ретциус, создатель черепного указателя, проанализировав ряд черепов, найденных в британских захоронениях, пришел к выводу, что аборигенным населением Великобритании, как и Европы в целом, были брахицефальные туранцы, представителями которых в современной ему Европе он считал басков и саамов. Той же позиции придерживался Й. Я. Ворсо, который полагал, что всю северную часть Европы в каменном веке заселяла раса кочевников, и саамы являются её современными представителями. Чрезвычайным авторитетом в Британии также пользовались доказательства С. Нильссона теории П. Малле на основе анализа средневековых саг, современных ему народных верований и этнологических данных о жизни эскимосов и индейцев. Нужно также отметить, что во второй половине XIX века выводы о принадлежности аборигенного населения Британии к той или иной этнической группе основывались на измерении черепов из древних захоронений, что позволило антропологам отказаться от выводов сравнительно-исторического языкознания. Они

обрели собственную источниковую базу в виде измерения обнаруженных в раскопках черепов и сличения их показателей с черепными индексами у кельтов и неиндоевропейских народов Европы.

Идея о саамах как аборигенах Британии была поддержана Д. Уилсоном, приспособившим теорию Й.Я. Ворсо к шотландским реалиям. Д. Уилсон на основе собственных измерений древних британских черепов пришел к тем же выводам, что и А. Ретциус. Отчасти идею о саамском аборигенном населении Британии поддерживал и Дж. Лёббок, одна из ключевых фигур в становлении эволюционистской парадигмы в британской антропологии, полагавший, что достаточно большое количество черепов, найденных в древнейших захоронениях Британии, являет сходство с современными черепами саамов.

Однако после того как французский антрополог Поль Брока доказал, что баски, которые ранее считались представителями туранских, брахицефальных народов, на самом деле долихоцефальны, идея о саамском или туранском аборигенном населении Британских островов начала клониться к закату. Иберы, потомками которых считали басков, упоминались как античными авторами в качестве вероятных прародителей одного из британских племен, так и в мифологической традиции Ирландии, что давало возможность сторонникам теории об иберах опираться на письменные источники.

Таким образом, трансформация представлений об аборигенном населении Британии выглядит следующим образом: от кельтов к туранцам или финно-угорским племенам, а затем – к иберам. Тем не менее, мы не можем говорить о полном замещении одного другим, скорее о совместном сосуществовании и меняющейся научной моде в антропологии. Помимо прочего, нужно отметить, что в связи с достаточно медленным развитием теоретической базы британской археологии, антропологи заимствовали опыт своих зарубежных коллег, поэтому научную моду задавали зарубежные антропологи: в случае с саамами – швед А.А. Ретциус, а в случае с басками – француз П. Брока.

Не последнюю роль также играла позиция самого ученого. П. Брока, высказавший идею об иберийском аборигенном населении Британии, пользовался особым расположением у британских полицентристов, ибо был непризнанным лидером этого направления. Нужно отметить, что в трудах британских полицентристов Дж.Б. Дэвиса и Дж. Турнама, а затем и Дж. Беддоу все ещё упоминается теория о саамах. Тем не менее, Дж. Турнам критикует выводы Дж. Уилсона, замечая, что его измерения дали совершенно иные результаты, и в целом считая, что теорию о саамах достаточно сложно доказать. Дж. Беддоу же в своем труде и вовсе достаточно презрительно отзывается о сторонниках «теории о финнах». И Дж. Турнам, и Дж. Беддоу были

выдающимися учеными своего времени и пользовались значительным авторитетом у своих коллег, поэтому на их примере можно показать общее угасание влияния теории о саамах как аборигенах Британских островов.

Однако в 1893 году швейцарский профессор Ю. Колльманн находит близ города Шаффхаузен некое захоронение, содержащее, как он полагал, останки европейских пигмеев. Обнаружение в семидесятых годах XIX века путешественником Г. Швайнфуртом в центральной Африке настоящих пигмеев (племя Акка) стало своего рода потрясением для европейцев, так как, хотя пигмеи и описывались в трудах античных авторов, их существование уже в XVII веке ставилось под вопрос. Таким образом, находка Ю. Колльманна стала сенсацией и положила начало поискам подобных же доказательств существования низкорослого аборигенного населения по всей Европе.

Следствием распространения подобных идей стали изыскания шотландского фольклориста Дэвида МакРитчи, послужившие, в конечном итоге, закату эвгемеристической теории о саамах. В своих построениях Д. МакРитчи опирался на данные фольклора жителей Оркнейских и Шетландских островов, скандинавов по своему происхождению. Именно последний фактор обусловил наличие в их низшей мифологии таких персонажей как *финны* – низкорослые и смуглые люди, родиной которых считалась либо Норвегия, либо некий волшебный остров. Их отличала высокая скорость передвижения как по суше, так и по воде, кроме того, они были искусными рыбаками. *Финны* умели превращаться в животных, чаще всего – в тюленей, и понимать их язык. Помимо этого они обладали разного рода магическими способностями, важнейшими из которых было вызывать бури и находить утерянные вещи.

Связав эти данные со сведениями конца XVII – нач. XVIII вв. о появлении неких людей на каяках близ Оркнейских островов, которых местные жители также называли *финнами*, Д. МакРитчи пришел к выводу, что вплоть до XVIII века на Британских островах проживала некая аборигенная низкорослая раса, использовавшая каяки в качестве средства передвижения. Д. МакРитчи, активно используя эвгемеристический метод, находит в фольклоре различных народов Британских островов якобы упоминания о неких низкорослых людях, тип хозяйства которых разительно отличался от основного населения. Большей частью, однако, он интерпретировал данные так, чтобы они подтверждали его теорию. К примеру, поверья о ведьмах, путешествующих в решетках, он также относил к данным о каяках и их гребцах. Более того, Д. МакРитчи временами замалчивает части источников, дабы они лучше вписывались в его концепцию, или цитирует авторитетных ученых, компилируя части их рассуждений таким образом, чтобы те якобы подтверждали его идеи.

Важным материальным фактором в доказательстве эвгемеристической теории для Д. МакРитчи становятся брохи - круглые в плане каменные постройки железного века, характерные только для Шотландии. Он посещал их раскопки, чтобы самостоятельно удостовериться в их размерах, а также привел в своей книге точные измерения некоторых из них и их зарисовки. Их малый размер Д. МакРитчи объяснял именно низкорослостью их строителей, не принимая при этом во внимание, что многие из построек, которые он описывал, не являлись жилыми домами как таковыми, а были лишь кладовыми и амбарами. То, что в народной традиции подобные руины называются «жилищами пиктов», позволило Д. МакРитчи включить название «пикты» как обозначение представителей описанной им низкорослой аборигенной расы. Он соотносит эти «жилища пиктов» и т.н. «холмы фэйри», которые он, в свою очередь, ссылаясь на книгу А. де К. Брука, приравнивает к саамским котам. В конечном итоге, Д. МакРитчи приходит к выводу, что пикты, саамы, финны и эскимосы являются потомками некой древней низкорослой расы с повышенным третичным волосным покровом, чьи черты в большей степени в настоящее время сохранили айны. Эта низкорослая раса когда-то являлась аборигенным населением всего мира, и именно из-за нее и ведет свое начало сам феномен низшей мифологии, так как персонажи, которые существуют в духовной культуре практически любого народа – это воспоминания о тех самых пигмеях-аборигенах. Идея универсализма, столь любимая викторианцами, нашла свое полное воплощение в труде Д. МакРитчи. Сама возможность объяснить множество иррациональных фактов такой простой вещью как действительное существование персонажей низшей мифологии в виде некой иной расы, скрытно существовавшей длительное время вместе с основным населением, поражала воображение. Идеи Д. МакРитчи были подхвачены широкой публикой, появляясь как в художественной литературе, так и в претендующих на научность исследованиях того времени.

Однако в формирующейся в то время научной среде его идеи вызывали большей частью скептицизм. Ведущие фольклористы того времени, сторонники социал-дарвинизма, подобно Э.Б. Тайлору полагали, что эвгемеристическое толкование может быть только одним из компонентов объяснения происхождения феномена низшей мифологии. По их мнению, образ персонажей народной демонологии формировался из представлений о духах предков. В свою очередь, Дж.Л. Гомм, также влиятельный фольклорист, считал, что образ персонажей низшей мифологии формируется из-за универсального конфликта между народами с разными видами культуры и хозяйства, в случае Европы – индоевропейского и неиндоевропейского аборигенного населения. Однако Дж.Л. Гомм вырезал из своей работы все упоминания о саамах и финнах, вероятно, не желая, чтобы его идеи ассоциировались с построениями Д. МакРитчи.

Идеи Д. МакРитчи нашли умеренную поддержку у диффузиониста Дж. Джакобса, так как тот использовал его концепцию в качестве альтернативы социал-дарвинизму, а также у валлийского профессора Дж. Риса, который, в более позднем своем произведении однако замечал, что после консультации со специалистами он был вынужден опровергнуть часть своих построений, касающихся ассоциации с саамами. Самую заметную роль теория Д. МакРитчи сыграла в фольклористике Оркнейских и Шетландских островов, оставаясь до сравнительно недавнего времени главным методом анализа местного мифологического материала.

В целом, в научной среде концепция о финно-угорском аборигенном населении Британии потерпела поражение. Благодаря дурной славе, которую ей обеспечили построения Д. МакРитчи, эвгемеристическое толкование происхождения персонажей низшей мифологии стало на долгие годы определенным табу в британской фольклористике, так как попытки обнаружить за демонологическими персонажами определенный народ неминуемо вели к ассоциации их с идеями Д. МакРитчи, которые стал своего рода персоной нон грата в науке. Он выставил эвгемеристическую теорию как единственное объяснение, доведя до абсурда привязкой к некой аборигенной карликовой расе всего мира, и тем самым маргинализировал её, положив начало целому псевдонаучному направлению, в той или иной мере использующего его идеи.

С другой стороны, не следует забывать о том, что теория о саамах как аборигенном населении Британских островов было детищем своего времени. С развитием науки и накоплением знаний её эвгемеристическая часть постепенно становилась одним из компонентов трактовки происхождения персонажей низшей мифологии в целом, а та же, что говорила о финно-угорском происхождении этих персонажей, осталась лишь в скандинавской традиции, где подобный феномен действительно имел место.

Серьезную роль в закате интереса к эвгемеристической теории также сыграл тот факт, что с течением времени непосредственная вера в традиционных персонажей низшей мифологии уходит в прошлое. Индустриализация привела к тому, что население из сельской местности перемещается в город, и сельские демоны вне рамок своего локуса постепенно прекращают существование, уступая дорогу персонажам городских легенд.

Если ранее построения Д. МакРитчи вызывали неподдельный интерес, то с закатом представлений о традиционных персонажах народной демонологии подобного рода теории также канули в прошлое. В настоящее время вера в фэйри и гоблинов едва ли воспринимается всерьез. Персонажи низшей мифологии продолжают свое существование и по сей день, однако, скорее, как художественные образы. Интерес к ним в этом плане остается достаточно высоким,

однако они расцениваются уже, скорее, как этническо-декоративный элемент национального наследия, подобно знаменам и тартану.

Тем не менее, нельзя говорить о том, что народная демонология канула в Лету. Она продолжает оставаться частью современной культуры, не народно-религиозной, мировоззренческой, а культуры литературной, символической, метафорической. Персонажи низшей мифологии играют большую роль в изобразительном искусстве, в литературе, в музыке и в кинематографе. В современной художественной литературе персонажи низшей мифологии Британии – эльфы, гоблины, банши – продолжают существовать в переработанном, но все ещё узнаваемом виде в творчестве целого ряда выдающихся англоязычных писателей: Урсулы ле Гуин⁹¹⁸, Клиффорда Саймака⁹¹⁹ и, особенно, в произведениях Дж.Р.Р. Толкиена⁹²⁰. В частности, в образе его хоббитов – низкорослых персонажей с повышенным третичным волосным покровом, живущих в подземных жилищах – нельзя не заметить черты с эвгемеризированными викторианцами персонажами низшей мифологии.

Сэр Терри Пратчетт в книге «Маленький свободный народ» (*The Wee Free Men*⁹²¹) описывает главных героев своего повествования, тот самый вольный народец, совершенно явно являющийся аллюзией к фэйри, следующим образом: «В ней [корзине – *Д.Т.*] стоял маленький человечек, всего шести дюймов ростом. На голове у него была копна грязных огненно-рыжих волос, в которые были вплетены перья, бусины и лоскутки. У него была морковного цвета борода, которая пребывала в том же плачевном состоянии, что и шевелюра. Все те части его, что не были прикрыты крошечным килтом, были щедро украшены синей татуировкой»⁹²². Можно отметить, что в романе Т. Пратчетта образ фэйри сливается с образом пиктов, якобы татуировавших собственные тела, что является прямой отсылкой к идеям британских фольклористов XIX века, доказывавших, что фэйри и есть трансформированные в народной памяти представления о пиктах.

⁹¹⁸ *Ле Гуин У.* Роканнон. М., 2010 (1 изд. 1966).

⁹¹⁹ *Саймак К.* Заповедник гоблинов. СПб., 2000 (1 изд. 1968).

⁹²⁰ *Толкиен Дж.Р.Р.* Хоббит, или Туда и обратно. М., 2000 (1 изд. 1937); *Ibid.* Властелин Колец. М., 2001 (1 изд. 1954).

⁹²¹ Изначально книга Т. Пратчетта называлась «*For Fear of Little Men*», что является прямой цитатой из первой части чрезвычайно популярного в викторианскую эпоху стихотворения «Фэйри» Вильяма Аллинггама:

Up the airy mountain,
Down the rushy glen,
We daren't go a-hunting
For fear of little men;
Wee folk, good folk,
Trooping all together;
Green jacket, red cap,
And white owl's feather!

⁹²² *Pratchett T.* P. 4.

Можно заключить, что в становлении образа персонажей народной демонологии в современной культуре Великобритании викторианская эвгемеристическая теория и переосмысление этих персонажей в её рамках сыграли весьма значительную роль.

Список источников

- Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов. СПб., 2001.
- Битва при Маг Туиред // Похищение быка из Куальнге и предания об ирландских героях. М., 1985. С. 351-380.
- Блейк У.* Иерусалим. Эманация Гиганта Альбиона — К Евреям. Лист 27. Пер. Д. Смирнов-Садовский. [http://wikilivres.ru/Иерусалим_Эманация_Гиганта_Альбиона_\(Блейк\)/27](http://wikilivres.ru/Иерусалим_Эманация_Гиганта_Альбиона_(Блейк)/27) (19.05.2015)
- Гальфрид Монмутский*. История бриттов // *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 5-138.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
- Геродот*. История. Ленинград, 1972.
- Диодор Сицилийский*. Греческая мифология (Историческая библиотека). М., 2000.
- Из «Деяний архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского (пер. Рыбакова В.В.) // Из ранней истории шведского государства: первые описания и законы (отв. ред. Сванидзе А.А.). М., 1999. С. 57-111.
- Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб, 2001.
- Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. Т. I. Ленинград, 1969. С. 353-373.
- Ламартиньер П.М. де*. Путешествие в северные страны. М., 1912.
- Ле Гуин У.* Роканнон. М., 2010 (1 изд. 1966).
- Макферсон Дж.* Рассуждение о древности и других особенностях поэм Оссиана, сына Фингала // Поэмы Оссиана. Ленинград, 1983. С. 6-16.
- Мейчен А.* Сад Аваллона. М., 2006.
- Ненний*. История бриттов // *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 171-194.
- Орозий короля Альфреда (конец IX в.) // Матузова В.И. Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 13–35.
- Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М., 1950.
- Саймак К.* Заповедник гоблинов. СПб., 2000 (1 изд. 1968).
- Старшая Эдда. М., Ленинград, 1963.
- Страбон*. География в 17 книгах. М., 1964.
- Стурлусон С.* Круг Земной. М., 1980.
- Стурлусон С.* Младшая Эдда. СПб., 2006.
- Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989.

- Толкиен Дж.Р.Р.* Хоббит, или Туда и обратно. М., 2000 (1 изд. 1937).
- Толкиен Дж.Р.Р.* Властелин Колец. М., 2001 (1 изд. 1954).
- Шекспир В.* Комедия ошибок (пер. А. Некора) // *Шекспир В.* Полное собрание сочинений. Т. IV. М., 1993. С. 5-135.
- Шеффер И.* Лапландия. М., 2008.
- A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Óláfr (trans. by Kunin D, edit. by Phelpstead C.). L., 2001. P. 6-7.
- Æthelwerd.* Ethelwerd's chronicle // Old English chronicles: including Ethelwerd's chronicle, Asser's Life of Alfred, Geoffrey of Monmouth's British history, Gildas, Nennius, together with the spurious Chronicle of Richard of Cirencester. P. 1-40.
- Anderson W.* The Scottish nation; or, the surnames, families, literature, honours, and biographical history of the people of Scotland. Vol. I-VI. Edinburgh, 1877.
- Andrews E.* Ulster folklore. L., 1913.
- Asser.* Asser's Life of Alfred // Old English chronicles: including Ethelwerd's chronicle, Asser's Life of Alfred, Geoffrey of Monmouth's British history, Gildas, Nennius, together with the spurious Chronicle of Richard of Cirencester. L., 1906. P. 41-86.
- Bale J.* The actes of Englysh Votaryes. Antwerp, 1546.
- Baring-Gould S.* A Book of Folk-Lore. L., 1913.
- Baring-Gould S.* The Book of Were-Wolves. L., 1865. P. 29.
- Bartholin Th.* Antiquitatum danicarum de causis contemptæ a Danis adhuc gentilibus mortis. Hafniæ, 1689. P. 570.
- Beddoe J.* The Races of Britain: a Contribution to the Anthropology of Western Europe. Bristol, London, 1885.
- Bernard J.F., Picart B.* Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde. Tome I-IX. Amsterdam, 1723-1743.
- Bernier F.* A new division of Earth by the different species or races which inhabit it // Memoirs Read Before the Anthropological Society of London. Vol. I. 1863-64. P. 360-364.
- Blind K.* New Finds in Shetlandic and Welsh Folk-lore // The Gentleman's Magazine. 1882, January/June. Vol. CCLII. Part I. P. 186-208; Part II. P. 399-423; Part III. P. 534-63.
- Blind K.* Scottish, Shetlandic, and Germanic Water-Tales // The Contemporary Review. 1881, July/December. Vol. XL. Part I. P. 353-71; Part II. P. 469-86.
- Blumenbach J.F.* The anthropological treatises of Johann Friedrich Blumenbach. L., 1865.
- Boece H.* The history and chronicles of Scotland. Edinburgh, 1821 (1st edition 1527).
- Brand J.* A New Description of Orkney, Zetland, Pightland-Firth, and Caithness. Edinburgh, 1703.
- Brand J.* Observations on Popular Antiquities. Enlarged by Sir H. Ellis. Vol. I-III. L., 1841-1842.

- Brand J.* Observations on Popular Antiquities. Newcastle upon Tyne, 1777.
- Bray A.E.* Traditions, legends, superstitions, and sketches of Devonshire on the borders of the Tamar and the Tavy. Vol. I-III. L., 1838.
- Brooke A. de C.* A Winter in Lapland and Sweden. L., 1827.
- Buchan O.* The Watcher by the threshold and Other Tales. Edinburgh, 1902.
- Buchanan G.* The history of Scotland. Vol I-IV. Glasgow, 1827 (1st edition 1582).
- Buffon G.-L.L.C. de.* Buffon's Natural history, containing a theory of the earth, a general history of man, of the brute creation, and of vegetables, minerals, &c. &c. Vol. I-X. P. L., 1797-1807 (1st edition 1749–1788).
- Burnett J.* Antient Metaphysics. Vol. I-VI. L., 1779–1799.
- Burnett J.* Of the Origin and Progress of Language. Vol. I-VI. L., 1773–1792.
- Burrows G.* The Land of the Pigmies. L., 1898.
- Burton R.* The Anatomy of Melancholy. L., 1857 (1st edition 1621).
- Busk M.M.* Scandinavian Mythology and the Nature of its Allegory // Blackwood's Edinburgh Magazine. 1835. № 38. P. 25-36.
- Camden W.* Britannia: Or a Chorographical Description of Great Britain and Ireland. L., 1722 (1st edition 1586).
- Campbell J.F.* Popular Tales of the West Highlands. Vol. I-IV. Edinburgh, 1860-1862.
- Chambers R.* Popular rhymes of Scotland. Edinburgh, London, 1870 (1st edition 1826).
- Child F.J.* The English and Scottish popular ballads. Part I-V. Boston, 1882-1898.
- Congreve W.* Love for Love. A Comedy. L., 1704.
- Craig T.* Jus feudale. Tom. I-II. Edinburgh, 1934 (1st edition - 1603).
- Cririe J.* Scottish Scenery. L., 1803.
- Croker T.C.* Fairy legends and traditions of the South of Ireland. Part I-III. L., 1828.
- Croker T.C.* Irische Elfenmärchen. Üebersetzt von den Brüdern Grimm. Leipzig, 1826.
- Curtin J.* Tales of the fairies and of the ghost world, collected from the oral tradition in South-west Munster (edit. by A. Nutt) Boston, 1895.
- Dalrymple J.* An Essay towards a General History of Feudal Property in Great Britain. L., 1758.
- Dalyell J.G.* The Darker Superstitions of Scotland, illustrated from History and Practice. Edinburgh, 1834.
- Dasent G.W.* Popular tales from the Norse. N.Y., 1859.
- Davis J.B., Thurnam J.* Crania Britannica: Delineations and Descriptions of the Skulls of the Aboriginal and Early Inhabitants of the British Islands: with Notices of Their Other Remains. Vol. I-II. L., 1865.

- Dennison W.T.* Orkney Folk-Lore. Sea Myths // *Scottish Antiquary*. 1891. Vol. V. P. 68-71; 130-3; 167-71; 1892. Vol. VI. P. 115-21; 1893. Vol. VII. P. 18-24; 81-2; 112-20; 171-77; 1894. Vol. VIII. P. 26.
- Drayton M.* Poly-Olbion // *The Works of the British Poets*. Vol. III. L., 1795. P. 239-540.
- Dryden J.* An Evening's Love, or The Mock Astrologer // *The Works of John Dryden*. Vol. X. Berkeley, L.A., 1970. P. 195-314.
- Dunn R.* Archaeology and Ethnology: Remarks on Some of the Bearings of Archaeology upon Certain Ethnological Problems and Researches // *Transactions of the Ethnological Society of London*. 1867. Vol. 5. P. 305-317.
- Edda Saemundar hinns fróða. Edda rhythmica seu antiquior, vulgo Edda Saemundina dicta. Pars I-III. Copenhagen, 1787-1828.
- Edmondston B., Saxby J.M.E.* The Home of a Naturalist. London, 1888.
- Frye W.E.* The gods of the North, an epic poem by Adam Oehlenschläger. L., Paris, 1845.
- Geijer E.G.* Geschichte von Schweden. Erster Theil. Sulzbach, 1826.
- Gomme G.L.* Ethnology in Folklore. L., 1892.
- Gomme G.L.* Folklore as an Historical Science. L., 1908.
- Göransson J.* De Yfverborna Atlingars eller Sviogötars ok Nordmänners Edda, Uppsala, 1746.
- Graham P.* Sketches descriptive of picturesque scenery, on the southern confines of Perthshire. Edinburgh, 1806.
- Grimm J.* Deutsche Grammatik. Göttingen, 1819.
- Grimm J.* Deutsche Mythologie. B. I-III. Berlin, 1875-1878.
- Grimm J.* Deutsche Mythologie. Göttingen, 1835.
- Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. B. I-II. Leipzig, 1880.
- Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. B. I-XXXIII. Leipzig, 1854-1960.
- Haliburton R.G.* Dwarf Survivals, and Traditions as to Pygmy Races. L., 1895.
- Haliburton R.G.* The Dwarfs of Mount Atlas. L., 1891.
- Hall F.* The Pedigree of the Devil. L., 1883.
- Hare J.* St. Edward's Ghost, or, Anti-Normanism (1647) // *The Harleian Miscellany*. Vol. VIII. L., 1811. P. 94-107.
- Hartland E.S.* The Science of Fairy Tales: An Inquiry into Fairy Mythology. L., 1891.
- Herbert W.* Helga: A Poem in Seven Cantos. L., 1815.
- Herbert W.* Select Icelandic Poetry: Translated from the Originals; with Notes. Part I-II. L., 1804.
- Herbert W.* Select Icelandic Poetry: Translated from the Originals; with Notes // *Herbert W. Works of the hon. and very rev. William Herbert*. Vol. I. L., 1842. P. 163-311.
- Holinshed R.* Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. I-VI. L., 1807-1808 (1st edition 1577).

Home H. Essay Upon Several Subjects Concerning British Antiquities. Edinburgh, 1763 (1st edition - 1746).

Hunt L. Fairies // Leigh Hunt's London Journal. 1 October 1834. P. 209-211; 15 October 1834. P. 231-232.

Innes T. A Critical Essay on the Ancient Inhabitants of the Northern Parts of Britain. Edinburgh, 1879 (1st edition 1729).

Isidore of Seville. History of the Kings of Goths // Conquerors and Chroniclers of Early Medieval Spain (edit. and trans. by Wolf K.B.). Liverpool, 1999. P. 79-111.

Jackson J. Chronological Antiquities. Vol. I-III. L., 1752.

Jacobs J. Childe Rowland // Folklore. Jun., 1891. Vol. 2. No. 2. P. 182-197.

Jacobs J. Review: The Science of Fairy Tales: An Inquiry into Fairy Mythology by E. Sidney Hartland // Folklore. Mar., 1891. Vol. 2. No. 1. P. 123-127.

Jamieson J. An etymological dictionary of the Scottish language; to which is prefixed, a dissertation on the origin of the Scottish language. Vol. I-IV. Paisley, 1879.

Johannes Magnus. Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus. Roma, 1554.

John of Fordun's Chronicle of the Scottish Nation. Ed. by William F. Skene. Edinburgh, 1872.

Jones I., Charleton W., Webb J. The most notable antiquity of Great Britain, vulgarly called Stone-Heng, on Salisbury Plain, restored, by Inigo Jones ... To which are added, the Chorea gigantum, or Stone-Heng restored to the Danes, by Doctor Charleton; and Mr. Webb's Vindication of Stone-Heng restored, in answer to Dr. Charleton's reflections; with observations upon the orders and rules of architecture in use among the ancient Romans. L., 1725.

Jones W. Discourses delivered before the Asiatic society. Vol. I-II. L., 1824.

Keightley T. Scandinavian Mythology // Foreign Quarterly Review. 1829. Vol. IV. P. 102-139.

Keightley T. The Edda-Doctrine and its Origin, &c. By Finn Magnusen // Foreign Quarterly Review. Vol. II. P. 210-243.

Keightley T. The Fairy Mythology. L., 1850.

Keightley T. The Fairy Mythology. Vol. I-II. L., 1828.

Keightley T. The Northern Runes [Review of Etmüller L. Vaulu-Spa. Das älteste Denkmal germanisch-nordischer Sprache. Leipzig, 1830] // The Foreign Quarterly Review. 1832. Vol. IX. P. 438-446.

Kirk R. The Secret Commonwealth of Elves, Fauns & Fairies. A Study in Folk-Lore & Psychical Research. The Text by Robert Kirk, M.A., Minister of Aberfoyle, A.D. 1691. The Comment by Andrew Lang, M.A. L., 1893.

Kollmann J. Pygmies in Europe // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1896. Vol. 25. P. 117-122.

La Mottraye A. de. A. de La Mottraye's Travels through Europe, Asia, and into parts of Africa. Vol. I-III. L., 1732.

Laing S., Huxley T. Pre-historic Remains of Caithness. With Notes on the Human Remains. Edinburgh, 1866. P. 70.

Latham R.G. The Ethnology of Europe. L., 1852.

Latham R.G. The Ethnology of the British Islands. L., 1852.

Latham R.G. The Natural History of the Varieties of Man. L., 1850.

Lebor gabála Érenn: The book of the taking of Ireland. Part I-V. (trans. by Macalister R.A.S). Dublin, 1938-1956.

Life of Saint Columba, founder of Hy. Written by Adamnan (edit. by Reeves W.). Edinburgh, 1874.

Linnæus C. Fauna Svecica. Lugduni Batavorum, 1746.

Linnæus C. Systema naturæ per regna tria naturæ, secundum classes, ordines, genera, species, cum characteribus, differentiis, synonymis, locis. Tom. I-II. Editio decima, reformata. Holmiæ, 1758-1759.

Lubbock J. Pre-historic times, as illustrated by ancient remains, and the manners and customs of modern savages. N.Y., 1872 (1st edition 1865).

Macaulay J.M. Seal-Folk and Ocean Paddlers: Sliochd nan Ròn. Cambridge, 1998.

Mackenzie G. The Lives and Characters of the Most Eminent Writers of the Scots Nation. Vol I-III. Edinburgh, 1708.

Macpherson J. An Introduction to the History of Great Britain and Ireland. L., 1773. (3rd edition).

MacRitchie D. Ancient and Modern Britons, a Retrospect. Vol. I-II. L., 1884.

MacRitchie D. Fians, Fairies and Picts. L., 1893.

MacRitchie D. The Testimony of Tradition. L., 1890.

Major J. A History of Greater Britain. Edinburgh, 1892 (1st edition 1521).

Mallet P. Monuments de la mythologie et de la poesie des Celtes, et particulierelement des anciens Scandinaves. Copenhagen, 1756.

Mallet P. Northern antiquities: or, A description of the manners, customs, religion and laws of the ancient Danes, and other northern nations; including those of our own Saxon ancestors. With a translation of the Edda, or system of runic mythology, and other pieces, from the ancient Islandic tongue. Vol. I-II. L., 1770.

Mallet P. Northern antiquities: or, A description of the manners, customs, religion and laws of the ancient Danes, and other northern nations; including those of our own Saxon ancestors. With a translation of the Edda, or system of runic mythology, and other pieces, from the ancient Islandic tongue. Vol. I-II. Edinburgh, 1809.

Mallet P. Northern antiquities; or, An historical account of the manners, customs, religion and laws, maritime expeditions and discoveries, language and literature of the ancient Scandinavians (Danes, Swedes, Norwegians and Icelanders,) with incidental notices respecting our Saxon ancestors. L., 1847.

Marwick E.W. The Folklore of Orkney and Shetland. Totowa, 1975. Edinburgh, 2011.

Müller F.M. Letters to Chevalier Bunsen on the classification of the Turanian languages. L., 1854.

Müller F.M. Three lectures on the science of language. Chicago, 1895;

Murray M.A. The God of the Witches. Oxford, 1970 (1st edition 1931).

Murray M.A. The Witch-Cult in Western Europe: A Study in Anthropology. Oxford, 1921.

Nicolson J.R. Shetland Folklore L., 1981.

Nilsson S. The Primitive Inhabitants of Scandinavia, During the Stone Age. L., 1868.

Nordenskiöld H. Facsimilieatlas to the early History of Cartography. Stockholm, 1889.

Olaus Magnus. Carta Marina. University of Jyväskylä. <http://urn.fi/URN:NBN:fi:jyu-201009172629>

Olaus Magnus. Historia de Gentibus Septentrionalibus. Roma, 1555.

Olaus Magnus. Historia De Gentibus Septentrionalibus. Romae, 1555.

Paulus Diakonus. Geschichte der Langobarden. Hamburg, 1838.

Percy T. Five Pieces of Runic Poetry. L., 1763.

Peringskiöld J. Heims Kringla, eller Snorre Sturlusons Nordländske konunga sagor. Stockholmiae, 1697.

Pezron P.-Y. The antiquities of nations; more particularly of the Celtæ or Gauls, taken to be originally the same people as our ancient Britains (trans. by Jones D.). L., 1706.

Pictet A. De l'affinité des langues celtiques avec le sanscrit. P., 1837.

Pinkerton J. An Enquiry Into the History of Scotland: Preceding the Reign of Malcolm III, Or the Year 1056. Vol. I-II. L., 1814.

Pitt M. The English Atlas. Vol. I-IV. Oxford & Amsterdam, 1680-1683.

Pott A.F. Etymologische Forschungen auf dem Gebeite der indogermanischen Sprachen. Lemgo, 1833.

Pratchett T. The Wee Free Men. L., 2008.

Prichard J. Researches into the physical history of mankind. Vol. I-V. L., 1851-1860.

Prichard J.C. Researches into the physical history of man. L., 1813.

Prichard J.C. Researches into the physical history of mankind. Vol. I-IV. L., 1841-1847.

Prichard J.C. The eastern origin of the Celtic nations proved by a comparison of their dialects with the Sanskrit, Greek, Latin, and Teutonic languages. L., 1831.

Prichard J.C. The Natural History of Man. L., 1845 (2nd edition).

Raleigh W. The history of the world. Vol. I. L., 1614.

Ranulf Higden. Polychronicon Ranulphi Higden Monachi Cestrensis: together with the English translations of John Trevisa and of an unknown writer of the fifteenth century Vol. I-IX. L., 1865-1886.

Rask R.C. Vejledning til det Islandske eller gamle Nordiske Sprog. København, 1818.

Report of the Committee of the Highland Society of Scotland, appointed to inquire into the nature and authenticity of the poems of Ossian (drawn up by Mackenzie H.). Edinburgh, 1805.

Resen P.H. Edda Islandorum, ann. Chr. 1215 islandice conscripta. Hafniae, 1665.

Resen P.H. Ethica Odini pars Eddae Saemundi vocata Haavamaal. Hafniae, 1665.

Resen P.H. Philosophiæ antiquissima Norvego-Danica dicta Voluspa. Hafniae, 1673.

Retzius A. On the Ethnographic Distribution of Round and Elongated Crania // Report of the British Association for the Advancement of Science. 1846. № 16. P. 116.

Rhÿs J. Address of the President of the Anthropological Section of the British Association // Science. New Series. Oct. 5, 1900. Vol. 12. No. 301. P. 502-516.

Rhÿs J. Celtic Britain. L., 1884 (2nd edition).

Roberts P. The Cambrian popular antiquities, or An account of some traditions, customs, and superstitions of Wales. L., 1815.

Ross A. Mystagogus Poeticus, or The Muses Interpreter. L., 1648.

Sammes A. Britannia Antiqua Illustrata, or the Antiquities of Ancient Britain, Derived from the Phoenicians. L., 1676.

Saunders W.H.B. Legends and traditions of Huntingdonshire. L., Peterborough, 1888.

Saxby J.M.E. Shetland Traditional Lore. Edinburgh, 1932.

Saxo Grammaticus. The first nine books of the Danish history of Saxo Grammaticus. L., 1894.

Scél Tuáin meic Chairill // The Celtic heroic age: literary sources for ancient Celtic Europe & early Ireland & Wales (edit. by Koch J.T., Carey J.). Celtic Studies Publications, 2000. P. 223-225.

Schlegel F. The aesthetic and miscellaneous works of Frederick von Schlegel. L., 1860 (1st edition 1808).

Schütte G. Ptolemy's maps of northern Europe: a reconstruction of the prototypes. Kjøbenhavn, 1917.

Scott W. Letters on Demonology and Witchcraft. L., 1830.

Scott W. Memoir of the Author // Poems and Ballads by Dr. John Leyden. Kelso, 1819. P. 1-73.

Scott W. Minstrelsy of the Scottish border: consisting of historical and romantic ballads, collected in the southern counties of Scotland; with a few of modern date, founded upon local tradition. Vol. I-II. Edinburgh, 1802-1803.

Senchus fer n-Alban // Early sources of Scottish history, A.D. 500 to 1286 (trans. by Anderson A.O.). Vol. I. Edinburgh, 1922. P. cl-cliii.

Sheringham R. De Anglorum gentis origine disceptatio. Cambridge, 1670.

Sibbald R. A History Ancient and Modern of the Sheriffdoms of Fife and Kinross. L., 1803 (1st edition 1710).

Sikes W. British goblins: Welsh folk-lore, fairy mythology, legends and traditions. L., 1880.

Skene W.F. Celtic Scotland. Vol. I-V. Edinburgh, 1876–1880.

Skene W.F. The Dean of Lismore's book: a selection of ancient Gaelic poetry from a manuscript collection made by Sir James M'Gregor, Dean of Lismore, in the beginning of the sixteenth century. Edinburgh, 1862.

Smith J. Galic antiquities: consisting of a history of the Druids, particularly of those of Caledonia; a dissertation on the authenticity of the poems of Ossian; and a collection of ancient poems, translated from the Galic of Ullin, Ossian, Orran, &c. Edinburgh, 1780.

Southey R. 'Home Tours'—Mrs. Bray's 'Letters on Devonshire' // The Quarterly Review. July & October, 1837. Vol. LIX. P. 275-327.

Spence J. Shetland Folk-Lore. Lerwick, 1899.

Stewart G. Shetland fireside tales. Edinburgh, 1877.

Stillingfleet E. Origines sacrae or, a rational account of the grounds of natural and reveal'd religion. Cambridge, 1702 (7th edition).

Stow J. The Annals of England. L., 1603.

Sturluson S. The Heimskringla (trans. by S. Laing). Vol. I-IV. L., 1889.

Temple W. Introduction to the History of England // The Works of Sir William Temple. Vol. II. L., 1731. P. 525-585.

Temple W. Of Heroic Virtue // The Works of Sir William Temple. Vol. III. L., 1770. P. 313-405; The Annals of Tigernach (edit. by Stokes W.). P., 1895.

The Celtic heroic age: literary sources for ancient Celtic Europe & early Ireland & Wales (edit. by Koch J.T., Carey J.). Celtic Studies Publications, 2000.

The Duan Albanach // Chronicles of the Picts, chronicles of the Scots (edit. by Skene W.F.) Edinburgh, 1867. P. 57-65.

The Giants of the Island of Albion // Myths and Legends of the British Isles (edit. by Barber R.). Martlesham, 1999. P. 3-8.

Thorkelin G.J. Eyrbyggja-saga sive Eyranorum historia qvam mandante et impensas faciente perill. Copenhagen, 1878.

Thorpe B. Northern mythology, comprising the principal popular traditions and superstitions of Scandinavia, North Germany, and The Netherlands. Vol. I-III. L., 1851.

Torfæus T. Historia Hrolfi Krakii. Havnia, 1715.

Torfæus T. Historia Rerum Norvegarum. Copenhagen, 1711. Tom. I-IV. P. 307-315.

- Twyne J.* Bolingdunesis, Angli, de rebus Albionicis, Britannicis, atque Anglicis commentariorum. L., 1590.
- Tyrrell J.* The General History of England. Vol. I-V. L., 1697-1704.
- Verelius O.* Hervarar Saga På Gammal Götska Med Olai Vereli Vttolkning Och Notis. Uppsala, 1672.
- Verstegan R.* A Restitution of Decayed Intelligence. L., 1634 (1st edition – 1605).
- Wallace J.* A Description of the Isles of Orkney. Edinburgh, 1693.
- Weber H., Jamieson R., Scott W.* Illustrations of northern antiquities, from the earlier Teutonic and Scandinavian romances. Edinburgh, 1814.
- Wilson D.* The archaeology and prehistoric annals of Scotland. Edinburgh, 1851.
- Wise F.* Some enquiries concerning the first inhabitants, language, religion, learning and letters of Europe. Oxford, 1758.
- Worsaae J.J.A.* The Primeval Antiquities of Denmark. L., 1849.
- Ziegler J.* Schondia. Quae intus continentur Syria, ad Ptolomaici operis rationem (...). Map no. 8. Strasbourg, 1532.

Список литературы

- Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времени до середины XIX в. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956.
- Илюшечкина Е.В. К вопросу об источниках переизгезы Дионисия Александрийского: Посидоний Родосский // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 429-435.
- Инстад Х. По следам Лейва Счастливого. Л., 1969.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.
- Линней К. Философия ботаники. М., 1989.
- Лукьянченко Т.В. Этногенез саамов // Этногенез народов Севера (отв. ред. Гурвич И.С.). М., 1980. С. 28–40.
- Лурье С.Я. Ньютон — историк древности // Исаак Ньютон 1643/1727. Сборник статей к трехсотлетию со дня рождения. под. ред. академика С. И. Вавилова. М.-Л., 1943. С. 271-311.
- Мелетинский Е.М. Эдда и ранние формы эпоса. М., 1968.
- Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб., 2008.
- Пиготт С. Друзиды. Поэты, ученые, прорицатели. М., 2005.
- Подосинов А.В. Северо-Восточная Европа в “Космографии” Равеннского Анонима // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М. Языки русской культуры. 1999. С. 227-237.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978.
- Свердлов М.Б. Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX-XI вв. // История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., 1973. С. 39–58.
- Толстиков А.В. «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV – XVII вв. // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности (ред. Тоштендаль-Салычева Т.А.). М., 2008. С. 59– 76.
- Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиеми, 1998.
- Asher R.E. National myths in Renaissance France: Francus, Samoths and the Druids. Edinburgh, 1993.
- Batho E.C. Sir Walter Scott and the Sagas: Some Notes // The Modern Language Review. Oct., 1929. Vol. 24. № 4. P.409-415.
- Battles P. Dwarfs in Germanic Literature: Deutsche Mythologie or Grimm’s Myths? // The Shadow-Walkers: Jacob Grimm's Mythology of the Monstrous (edit. by Shippey T.). Brepols, 2005. P. 29-83.
- Beasley E. The Victorian Reinvention of Race: New Racisms and the Problem of Grouping in the Human Sciences. N.Y., L., 2012.

- Beyer A.* Deutsche Einflüsse auf die englische Sprach-Wissenschaft im 19. Jahrhundert. Göppingen, 1981.
- Binns A.L.* *Ohtheriana VI: Ohthere's Northern Voyage.* Cambridge, 1967.
- Briggs K.M.* *An Encyclopedia of Fairies: Hobgoblins, Brownies, Bogies, and Other Supernatural Creatures.* N.Y., 1976.
- Brink S.* People and land in Early Scandinavia // *Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe.* Brepols, 2008. P. 87-113.
- Bruford A.* Trolls, Hillfolk, Finns, and Picts: The Identity of the Good Neighbors in Orkney and Shetland // *The Good People: New Fairylore Essays.* N.Y., 1991. Lexington, 1997. P. 116-141.
- Burrow J.W.* *Evolution and the Society: A Study in Victorian Social theory.* Cambridge, 1966.
- Campbell L.* On the linguistic prehistory of Finno-Ugric // *Language History and Linguistic Modelling.* P. 829-863. Berlin, 1997.
- Carey J.* *The Irish National Origin-Legend: Synthetic Pseudohistory.* Cambridge, 1994.
- Carley J., Crick J.* *Constructing Albion's past: an annotated edition of De origine gigantum // Arthurian Literature XIII.* Cambridge, 1995. P. 41-115
- Celtic culture: a historical encyclopedia* (edit. by Koch J.T.). Vol. I-V. Santa Barbara, Denver, Oxford, 2005.
- Christensen A.S.* *Cassiodorus Jordanes and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth.* Copenhagen, 2002.
- Cowan E.J.* Myth and Identity in Early Medieval Scotland // *The Scottish Historical Review.* Oct., 1984. Vol. 63. No. 176. Part 2. P. 111-135.
- Dorson R.M.* *British Folklorists: A History.* L., 1968.
- Farber P.L.* *Finding Order in Nature: The Naturalist Tradition from Linnaeus to E. O. Wilson.* Baltimore, 2000.
- Farley F.E.* *Scandinavian Influences in the English Romantic Movement.* Boston, 1903.
- Feldman B., Richardson R.D.* *The Rise of Modern Mythology, 1680-1860.* Bloomington, Indianapolis, 2000 (2nd edition).
- Ferguson A.B.* *Utter Antiquity: Perceptions of Prehistory in Renaissance England.* Durham and London, 1993.
- Ferguson W.* George Buchanan and the Picts // *Scottish Tradition.* 1990/91. Vol. XVI. P. 18–32.
- Fossett R.E.* *In Order to Live Untroubled: Inuit of the Central Arctic, 1550 to 1940.* Winnipeg, 2001.
- Gibson M.* *Imagining the Pagan Past.* N.Y., 2013.
- Gjessing G.* Maritime Adaptations in Northern Norway's prehistory // *Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone.* Aldine, Chicago, 1975. P. 87-101.
- Gransden A.* *Historical Writing in England c. 550 to c. 1307.* L., 1974.

- Gruber P., Böni T., Rühli F.J.* History of Paleopathology in Switzerland // *The Global History of Paleopathology: Pioneers and Prospects*. Ed. Buikstra J., Roberts C. Oxford, 2012. P. 559-568.
- Grydehøj A.* Ethnicity and the origins of local identity in Shetland, UK—Part I: Picts, Vikings, Fairies, Finns, and Aryans // *Journal of Marine and Island Cultures*. June 2013. Volume 2. Issue 1. P. 39–48.
- Grydehøj A.* Ethnicity and the origins of local identity in Shetland, UK – Part II: Picts, Vikings, Fairies, Finns, and Aryans // *Journal of Marine and Island Cultures*. December 2013. Volume 2. Issue 2. P. 107–114.
- Grydehøj A.* Historiography of Picts, Vikings, Scots, and Fairies and Its Influence on Shetland’s Twenty-First Century Economic Development. A thesis presented for the degree of PhD in Ethnology and Folklore at the University of Aberdeen, 2009.
- Gwara S.* Heroic Identity in the World of Beowulf. Leiden, 2008.
- Hamel van A.G.* On Lebor Gabála // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 1914/15. No. 10. P. 97-197
- Hassler S., Kvermo S., Kozlov A.* Sami // *Health Transitions in Arctic Populations* (edit. by Kue Young T., Bjerregaard P.). Toronto, 2008.
- Heath J.D.* Kayaks of Greenland // *Eastern Arctic Kayaks: History, Design, Technique*. Fairbanks, 2004. P. 5–44.
- Heath J.D.* The Phantom Kayakers, a Scottish Mystery // *Sea Kayaker*. 1987. Vol. 4. № 1. P. 15–8.
- Henderson L., Cowan E.J.* Scottish Fairy Belief: A History. Edinburgh, 2001.
- Idiens D.* Eskimos in Scotland: c. 1682-1924 // *Indians and Europe: An Interdisciplinary Collection of Essays*. Lincoln, 1999. P.161–174.
- Jackson J.P., Weidman N.M.* Race, Racism, and Science: Social Impact and Interaction. Santa Barbara, Denver, Oxford, 2004.
- Jennings A.* The Finnfolk. Text of a public talk Dr Andrew Jennings gave at the Shetland Museum 25th of March 2010. <http://www.uhi.ac.uk/en/research-enterprise/cultural/centre-for-nordic-studies/conferences-seminars/the-finnfolk> (19.05.2015)
- Kendrick T.D.* A History of the Vikings. N.Y., 1930.
- Kidd C.* British Identities before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600-1800. Cambridge, 2006.
- Kidd C.* North Britishness and the nature of eighteenth-century British patriotisms // *The Historical Journal*. June 1996. Vol. 39. Issue 2. P. 361-382.
- Kuklick H.* Introduction // *A New History of Anthropology*. Edit. H. Kuklick. Oxford, 2008. P. 1-17.
- Lindow J.* Norse Mythology: A Guide to Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs. Oxford, 2002.
- Lockhart J.G.* Memoirs of the Life of Sir Walter Scott. Vol. I-VII. Paris, 1837-1838.
- Lundgreen-Nielsen F.* Grundtvig’s Norse Mythological Imagery // *Northern Antiquity* (ed. by A. Wawn). Enfield Lock, 1994. P. 41-67.

- Macculloch C. J. A.* Were Fairies an Earlier Race of Men? // *Folklore*. Dec. 31, 1932. Vol. 43. № 4. P. 362-375.
- Manias C.* "Our Iberian Forefathers": The Deep Past and Racial Stratification of British Civilization // *The Journal of British Studies*. October 2012. Vol. 5. Issue 04. P. 910-935.
- Manias C.* *Race, Science, and the Nation: Reconstructing the Ancient Past in Britain, France and Germany*. N.Y., 2013.
- Marshall-Cornwall J.* An Early Scandinavian Traveller // *The Geographical Journal*. July, 1978. Vol. 144. № 2. P. 250-253.
- Mason R.A.* *Scotching the Brut: Politics, History and National Myth in Sixteenth-Century Britain // Scotland and England, 1286-1815* (edit. by R. Mason). Edinburgh, 1987. P.60-84.
- Masuzawa T.* *The Invention of World Religions: Or, How European Universalism Was Preserved in the Language of Pluralism*. Chicago, 2005.
- McNeil K.* *Scotland, Britain, Empire: Writing the Highlands, 1760-1860*. Ohio, 2007.
- Meriot C.* The Saami Peoples from the Time of the Voyage of Ottar to Tomas von Westen // *Arctic*. December 1984. Vol. 37. No. 4. P. 373-384.
- Mikkelsen E.* Kajakmanden fra Aberdeen // *Grønland*. 1954. № 2. P. 53–8.
- Nansen F.* In *Northern Mists*. Vol. I-II. N.Y., 1911.
- Naum M., Nordin J.M.* Introduction: Situating Scandinavian Colonialism // *Scandinavian Colonialism and the Rise of Modernity*. N.Y., 2013. P. 3-17.
- Nilsson Dahlström Å.* Negotiating wilderness in a cultural landscape: predators and Saami reindeer herding in the Laponian World Heritage area. *Acta Universitatis Upsaliensis*, 2003.
- Page R.I.* "Lapland Sorcerers" // *Saga Book of the Viking Society*. 1963-1964. No. 16. P. 215-232.
- Pålsson H.* The Sami People in Old Norse Literature // *Nordlit: Arbeidstidsskrift i litteratur*. 1999. № 5. P. 29–53.
- Parry G.* *The Trophies of Time: English Antiquarians of the Seventeenth Century*. Oxford, 2007.
- Piggott S.* *Ancient Britons and the Antiquarian Imagination: Ideas from the Renaissance to the Regency*. GDR, 1989.
- Pohlsander H.A.* *National Monuments and Nationalism in 19th Century Germany*. Bern, 2008.
- Quinn J., Clunies Ross M.* The image of Norse poetry and myth in seventeenth-century England // *Northern Antiquity* (ed. by A. Wawn). Enfield Lock, 1994. P. 189-210.
- Ritchie A.* *Perceptions of the Picts: from Euhemienius to John Buchan*. Inverness, 1994.
- Salvesen H.* Sami Aednan: From States - One Nation? Nordic Minority Policy and the History of the Sami // *Ethnicity and nation building in the Nordic world*. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1995. P. 106-145.
- Sera-Shriar E.* *The Making of British Anthropology*. L., 2013.

- Silver C.* "East of the Sun and West of the Moon": Victorians and Fairy Brides // *Tulsa Studies in Women's Literature. Woman and Nation.* Autumn, 1987. Vol. 6. No. 2. P. 283-298.
- Silver C.* On the Origin of Fairies: Victorians, Romantics, and Folk Belief // *Browning Institute Studies. The Victorian Threshold.* 1986. Vol. 14. P. 141-156.
- Silver C.* *Strange and Secret Peoples: Fairies and Victorian Consciousness.* Oxford, 1999.
- Simonsen P.* Relations between the Lapps and the Scandinavians in early times – an archaeological survey // *Lapps and Norsemen in Olden Times.* Oslo, 1967. P. 65-77.
- Simpson J.* Margaret Murray: Who Believed Her, and Why? // *Folklore.* 1994. Vol. 105. P. 89-96.
- Simpson J., Roud S.* *A Dictionary of English Folklore.* Oxford, N.Y., 2003.
- Smith R.J.* *The Gothic Bequest: Medieval Institutions in British Thought, 1688-1863.* Cambridge, 2002.
- Souter W.C.* *The Story of Our Kayak and Some Others (Presidential Address to the Aberdeen Medico-Chirurgical Society, 1933).* Aberdeen, 1934.
- Steinbach S.L.* *Understanding the Victorians. Politics, Culture and Society in Nineteenth-Century Britain.* L., N.Y., 2012.
- Stocking G.W.* *Race, Culture and Evolution: Essays in the History of Anthropology.* N.Y., 1968.
- Stocking G.W.* *Victorian Anthropology.* N.Y., L., 1987.
- The Oxford Companion to Scottish History* (edit. by Lynch M.). Oxford. 2007.
- Urry J.* *Before Social Anthropology: Essays on the History of British Anthropology.* Chur, 1993.
- Vigfússon G., Powell, F.* *Origines islandicae.* Vol. I-II. Oxford, 1905.
- Wawn A.* *The Vikings and the Victorians: Inventing the Old North in Nineteenth-Century Britain.* Cambridge, 2002.
- Westwood J., Simpson J.* *The Lore of the Land.* L., 2006.
- Whitaker I.* Late classical and early medieval accounts of the Lapps (Sami) // *Classica et Mediaevalia.* 1983. Vol. 34. P. 283-303.
- Whitaker I.* Tacitus' "Fenni" and Ptolemy's "Phinnoi" // *The Classical Journal.* Feb. - Mar., 1980. Vol. 75, No. 3. P. 215-224.
- Whitaker I.* The Scottish Kayaks and the "Finn-men" // *Antiquity.* June 1954. Vol. 28. № 110. P. 99–104.
- Whitaker I.* The Scottish Kayaks Reconsidered // *Antiquity.* March 1977. Vol. 51. № 201. P. 41–5.
- Wiik K.* *Europapalaisten Juuret.* Athens, Juvaskylä, 2002.